

БИБЛИОТЕКА
«ВОПРОСОВ ИСТОРИИ КАМЧАТКИ»

**«...ОСОБЕННОЕ
О КАМЧАТКЕ ВОЗЫМЕТЬ
РАССУЖДЕНИЕ...»**

Издательство «Новая книга»
Петропавловск-Камчатский
2022

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)
О72

О72 «...Особенное о Камчатке возыметь рассуждение...» / Библиотека «Вопросов истории Камчатки». — Петропавловск-Камчатский: «Новая книга», 2022. — 608 с., ил.

ISBN 978–5–907448–02–5

Седьмая книга серии «Библиотека “Вопросов истории Камчатки”» представляет собой сборник материалов и документов, охватывающих более чем два века истории полуострова — с начала XVIII столетия до конца 1920-х гг. В него включены переиздание известной работы «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» (1935 г.), сведения о событиях на Тихом океане в середине XIX в., касающиеся Петропавловской обороны августа 1854 г., материалы по истории одного из самых отдалённых российских владений — Командорских островов — с 1880-х гг. по 1927 г.

Книга составлена из материалов, хранящихся в библиотеке Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, Камчатском краевом объединённом музее и Государственном архиве Камчатского края (г. Петропавловск-Камчатский).

Издание предназначено для всех интересующихся историей Северо-Востока России и Камчатки, в первую очередь — молодёжи.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

На обложке: картина В. И. Шиляева «Фрегат “Аврора” и транспорт “Двина” в Петропавловском порте», 2013 г.

ISBN 978–5–907448–02–5

© Гаврилов С. В., составление, 2022
© ИП «Кожан С. П.», 2022
© Министерство культуры Камчатского края, 2022

Содержание

От редактора	4
--------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.

<i>С. Б. Окунь</i> . Вступительная статья	5
Колониальная политика России на Камчатке в XVIII в.	34
Русские на Камчатке в конце XVII и начале XVIII в.	34
Восстание камчадалов в 1731—1732 гг.	69
Восстание камчадалов в 1741 г.	117
Восстание коряков в 1745—1749 гг. и участие в нём камчадалов	125
Восстание коряков в 1751—1754 гг.	163
Миссионерство и активная русификация края	189
Ясачное население Камчатки во второй половине XVIII в.	216
Колониальная политика России на Чукотке в XVIII в.	218
Военные действия и политика царизма по отношению к чукчам в первые десятилетия XVIII в.	218
Активизация наступательной политики царизма против чукчей (40-е и 50-е гг. XVIII в.)	229
Сведения о чукчах и жителях островов Берингова пролива, собранные в 50-х и 60-х гг. XVIII в.	254
Частичное покорение чукчей	266
Словарь малоупотребительных слов, встречающихся в тексте	272

ИЗВЕСТИЯ ИЗ ВОСТОЧНОГО, ИЛИ ТИХОГО ОКЕАНА

(1852—1855 гг.)

Всеподданнейший отчёт генерал-адъютанта графа Путятина	274
<i>В. А. Карстенсен</i> . Мои французские товарищи	326
<i>Г. Н. Токарев</i> . Описание плавания фрегата «Аврора» в 1853— 1857 гг.	358
Военные известия (1854—1855 гг.)	378

ИЗ ИСТОРИИ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

Официальные документы по управлению островами	418
<i>Н. А. Гребницкий</i> . Записка о Командорских островах	436
<i>Н. А. Гребницкий</i> . Командорские острова	472
<i>П. М. Колтановский</i> . Годовой отчёт по Командорским остро- вам за 1922 г.	503
<i>Б. А. Редько</i> . Алеуты Командорских островов	553

От редактора

Эта книга серии «Библиотека “Вопросов истории Камчатки”», седьмая по счёту, в отличие от предшественниц не имеет единого автора. Она является сборником материалов и документов. Этим мы решили продолжить традицию былых ежегодников «Вопросы истории Камчатки», в своё время включавших рубрики «Камчатская историческая библиотека» и «Автопортрет времени», специально предназначенных для обнародования редких, малодоступных изданий и вновь выявленных архивных манускриптов.

Включённое в сборник относится к разным временам и сторонам истории полуострова и его окрестностей. Так, ниже представлены сведения, охватывающие первую половину XVIII в., относящиеся к первоосвоению Камчатки и Чукотки, касающиеся драматических взаимоотношений не знавших никакой государственности аборигенов и алчных пришельцев-колонизаторов. Здесь воспроизведена впервые опубликованная в 1935 г. работа «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.»

Затем рассмотрены события середины XIX в., времени военных действий между русскими силами и флотами Англии и Франции. Они показаны с разных сторон: с нашей (кратко в отчёте о ходе японской миссии вице-адмирала Е. В. Путятина и как донесения и частные письма о пребывании союзной эскадры в порту Аян) и противной (воспоминания датского офицера на французской службе В. А. Карстенсена и статьи из иностранных — английских и американских изданий, в разное время опубликованные в журнале «Морской сборник»). Достаточно подробно охарактеризованы разные стороны жизни в конце XIX и первой четверти XX в. одной из самых отдалённых российских окраин — Командорских островов. Для этого использованы сведения, ещё в 1884 г. напечатанные в Иркутске как «Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью», том III и труды местных администраторов — сначала управляющего островами (Н. А. Гребницкого), затем начальника Командорских пушных промыслов (начкомандора) и его помощника (П. М. Колтановского и Б. А. Редько).

В качестве иллюстраций использованы редкие фотографии 1920-х гг. из собрания Камчатского краевого объединённого музея, касающиеся истории Командорских островов, жизни их обитателей и состояния местных пушных промыслов.

Выражаем искреннюю признательность писателю и краеведу Павлу Львовичу Калмыкову за предоставленные малоизвестные материалы и сделанный перевод.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА КАМЧАТКЕ И ЧУКОТКЕ в XVIII в.

Этот сборник архивных материалов представляет собой второй том «Трудов по истории», совместно подготовленный научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера ЦИК СССР и Ленинградским отделением Центрального исторического архива СССР. Он выпущен в Ленинграде в 1935 г. под редакцией Я. П. Алькора и А. К. Дрезена, открывается вступительной статьёй С. Б. Окуня. Оригинальная книга, использованная при изложении нижеизложенного текста, почерпнутая в уникальном собрании библиотеки Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения РАН, имеет объём 212 страниц, некогда она стоила 8 руб. 70 коп.

При подготовке текста использованные составителями комментарии и отдельные примечания включены нами (в круглых скобках) в основной текст.

Семён Бенцианович Окунь (1908—1972) в 1931 г. окончил историческое отделение факультета языка и материальной культуры Ленинградского государственного университета (ЛГУ), опубликовал ряд статей по истории российского революционного движения, затем увлёкся историей России XVIII—XIX вв., в том числе ходом освоения Тихоокеанского региона, трудился в Ленинградском отделении Центрального исторического архива. Здесь занимался систематизацией архивных фондов, показывавших ход освоения Камчатки и Чукотки, историю Российско-Американской компании. С 1933 г. — аспирант Института народов Севера Центрального Исполнительного Комитета СССР, с 1936 г. — кандидат исторических наук. С 1937 г. — преподаватель исторического факультета ЛГУ. В 1940 г. защитил докторскую диссертацию «Российско-Американская компания», стал профессором. В годы Великой Отечественной войны служил лектором политотдела штаба морской обороны Ленинграда, в 1942—1944 гг. — профессор Военно-политической академии имени В. И. Ленина. По окончании войны снова преподавал на историческом факультете, где проработал до конца жизни. Читал общий курс истории СССР (конца XVIII — первой половины XIX вв.). Автор многих трудов, в том числе двухтомника «Очерки истории СССР».

I

Дата появления русских на Камчатке одновременно является и датой введения государственной монополии на соболиную торговлю.

В начале 1697 г. шестьдесят служилых и «промышленных» людей во главе с пятидесятником Владимиром Атласовым отправились из Анадырска, а в июле месяце того же года они громили первые камчадалские «юрты» в низовьях реки Камчатки.

В том же 1697 г. и до того всячески стесняемая торговля соболями (уже в начале XVII в. в некоторых местах служилым и торговым людям воспрещалось покупать «лутчие и средние соболи») была окончательно монополизирована правительством.

Это были два следствия одной и той же причины.

Страна была охвачена кризисом, и правительство делало судорожные усилия для его ликвидации. Проводившийся вследствие этого усиленный выпуск серебряной монеты, помимо увеличения налогов внутри страны, заставлял в первую очередь максимально использовать все экспортные возможности и в особенности торговлю пушниной.

Сибирские меха были своеобразной золотой валютой. Они широко вывозились как на европейские, так и азиатские рынки, и первое место среди них занимали сибирские соболя, которые, как отмечает одна из торговых книг XVII в., «по всем землям в цене».

В «Известиях о торгах сибирских» особенно подчёркивается колоссальное значение для соболиной торговли с одной стороны китайских и турецких рынков, а с другой широкие возможности, которые имелись и на рынке внутреннем.

«Все соболи разделяются в сибирском торгу на две части. Одна отвозится в Россию, а именно самые хорошие паренные соболи (то есть подобранные по паре. — *С. О.*), или и непаренные высокой цены (то есть такие, которые благодаря высоким качествам оказались без пары. — *С. О.*). Другая часть есть для Китая, и содержит плохих соболей... В России знатные особы издавна к хорошим соболям привыкли. Они знают им цену и не жалеют за добрый товар платить большие деньги. Сверх того добрыми соболями отправляется прибыльный торг из России в турецкую землю, которой по большей части производится греками... недособоли отпускаются как в Китай, так и в Россию, турки и греки их весьма любят, также и соболей пупки в обе стороны охотно покупаются, а на хвосты больше поход есть в России».

Но соболиной казне принадлежало видное место не только в экономической жизни страны. Даже при беглом просмотре распределения государственного прихода и расхода первых лет XVIII в. можно видеть, что соболя одинаково хорошо служили как задачам колоссального обогащения, так и целям подкупа.

«В Польшу литовским войскам против шведа 155 980 рублей, им же соболей на 6 867», «Польскому королю соболей и камок 13 526», «Радзивиллу за его службу соболями 554», «Мазепе и старшинам за военный поход соболей 3 000» и т. д. и т. п.

Но уже с XVI в. количество добываемых мехов благодаря хищническому уничтожению зверя начинает падать, а цены на мировом рынке одновременно с этим резко возрастают.

«Прежде, — пишет епископ Паоло Джовио (Павел Иовий Новомосковский), — продавали их (русские меха. — С. О.) гораздо дешевле, ибо жители отдалённого севера, незнакомые ещё тогда с нашею утончённою образованностью и безмерною роскошью, по простоте своей нередко меняли их на самые и дешёвые, и маловажные вещи».

Но те блаженные места, где, по свидетельству того же Джовио, ещё совсем недавно платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав вместе, могли продеть в отверстие топора, куда влагается топорнице, или, как сообщает Миллер, где медный или железный котёл продавали лишь с условием доверху наполнить его соболями, оказались опустошёнными.

«Меха до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоит не менее тысячи золотых монет», и в ряде наказов, в частности в наказе Петра от 1 сентября 1697 г. ближайшему боярину Черкасскому, направляемому в Тобольск, предписывается всячески форсировать открытие «новых земель» и категорически воспрещается взамен «мяхкой рухляди» взимать ясак деньгами.

Так, кризис и то обстоятельство, что соболиная ясачная казна «учала перед прошлыми годами гораздо малиться... а в то же время у торговых людей в покупке и в отвозе в русские города явились многие соболи», заставили «первого купца в своем государстве» окончательно монополизировать всю соболиную торговлю, и эта же причина заставила «провесть» тот край, где «соболей невероятное множество» и где коренное население «при покорении своём за ясак соболиный не только не спорили, но напротив того весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на восемь, а топор на 18 соболей».

Именно под этим углом зрения Атласов в поданной им «скаске» и освещает свой камчатский поход. Пришли к Пенжинской губе, столкнулись с «пешими коряками», и первым делом Атласов отмечает: «а соболей де у них в устье реки Пенжины нет». Пришли к «люторским острогам» — и опять в первую очередь о соболях: «соболи де от них по горам недалече белые, а соболей де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают».

Наконец пришли на Камчатку реку, и здесь уже с удовлетворением может Атласов отметить, что «соболёи де и лисицы у них в земле есть много».

Описывая завоевание Камчатки, как дворянские, так и буржуазные историки в первую очередь резко противопоставляют частную колонизацию государственной. Выяснение того, кто из них и по каким причинам отдаёт предпочтение тому или иному виду колонизации, является задачей дальнейшего изложения, здесь же следует лишь отметить, что все они сходятся на том, что частная инициатива, безусловно, предшествует государственной, и что камчатский поход Атласова есть результат его личной предприимчивости. «Мысль о камчатском походе принадлежала именно Атласову, — пишет Оглоблин. — Материальная сторона задуманной Атласовым экспедиции главною своею тяжестью и риском легла также на его личную ответственность».

И всё это, конечно, но мнению Оглоблина, делалось исключительно для государственного блага, без всякой личной корысти, с именем государевым на устах для того, чтобы под царскую высокодержавную руку привести инородцев в ясачный платёж.

Однако наряду с этим уже и сам Оглоблин должен признать, что у участников похода «оружие... было государево», что именно правительство «дало Атласову служилых людей».

Где же кончается частная инициатива, или, как её называют буржуазные историки, «народная колонизация», и где начинается колонизация государственная?

Одно без другого в данном случае было немислимо, и в захвате Камчатки одинаково были заинтересованы как великорусский феодал, так и великорусский купец. Без служилых людей, без пицалей, без свинца, без пороха, то есть без помощи государства, торговым людям справиться даже с камчадалами, конечно, было не под силу.

Здесь частная инициатива шла рука об руку с государственной, и за это кесарю воздавалось кесарево, а что свыше того, являлось «предпринимательской прибылью». Как пишет Словцов, «толпы мужественных, хотя и необразованных соотчичей, случайно побеждаемых, но в душе непобедимых», всегда шли вперёд «с неизменным безотчётным словом “ясак царю”. О, это слово, жестокое в ушах иноплеменников, есть всемогущее слово духа сильного, обрекшегося на служение отечеству и престолу».

Да, ясак действительно шёл царю, зато «сверхъясаком» («чащинами», «беляком» и прочим) пользовались приказчики, торговые люди, пищики и другие.

Отдалённость Камчатки и труднопроходимость дорог не давали возможности правительству сразу же сконцентрировать её эксплуатацию полностью в своих руках. Это видно хотя бы из того, что в то время как соболей в ясачную казну в 1713 г. было собрано 60 сороков и 14 соболей, в 1714 г. — 67 сороков и 22 соболя, в 1715 г. — 67 сороков и 19 соболей, у одного только приказчика Петриловского было собственных соболей «сороков с 20 и более», а у Ивана Козыревского — 30 сороков и 20 соболей (следует иметь в виду, что ясак в этот период на Камчатке взимался преимущественно лишь с камчадалов).

Остановимся вкратце на путях сообщения с Камчаткой, и тогда станет вполне очевидным, что проблема окончательной её колонизации упиралась в нахождение новых путей сообщения и, в частности, в вопрос замены длительного и трудного сухопутного пути путём водным.

В. Атласов, отправившийся в 1697 г. из Анадырска в глубь Камчатки, перевалил хребет и, идя по западному берегу полуострова, дошёл до реки Озерной. Затем, вернувшись назад до реки Ичи, перевалил вновь хребет и спустился на реку Камчатку. Эта дорога по западному берегу полуострова была единственным путём, соединявшим отдалённую Камчатку со всей страной. Кроме того, следует иметь в виду, что центром как административным, так и хозяйственным был не Анадырск, откуда шёл Атласов, а Якутск, и, таким образом, дорога во много раз была ещё труднее и продолжительнее.

От Якутска шли к северу по реке Яне приблизительно до нынешнего Верхоянска, затем по реке Индигирке на Колыму к Средне-Колымскому зимовью. Отсюда на Нижне-Колымск, затем по рекам Анюю, Анадырю до Анадырского острога, а затем по западному берегу Камчатского полуострова. Таким образом, на проезд от Якутска до Анадырска требовалось около полугода, да столько же требовалось для проезда на Камчатку. Весь путь совершался в течение года, причём в большинстве случаев дорога шла по местности, населённой непокорёнными народами.

Всё это ставит особенно остро вопрос о нахождении морского пути на Камчатку. Первые подобные попытки были сделаны уже в 1712 г.

В 1714 г. последовал специальный указ Петра об отыскании морского пути. Датой же его открытия следует считать 1714—1716 гг., когда команда казаков переплыла Охотское море и прибыла к западному берегу Камчатки, к устью реки Тигиля. Затем вдоль берега она дошла до реки Крутогоровой и вошла в устье реки Колпаковой.

С этого же времени осваивается путь от Якутска до Охотска по течениям рек Лены, Алдана и Юдомы. В 1717 г. одна из партий обогнула полуостров, и таким образом Нижнекамчатск был связан более коротким и безопасным путём с Якутском.

Однако, несмотря на значительные доходы, выколачиваемые с Камчатки, она всё же в общей цепи «расширения вширь» российского торгового капитала на Дальнем Востоке была лишь небольшим полустанком.

Помыслы русской феодальной империи далеко опережали её реальные захваты. С одной стороны «возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический строй, ибо вместо развития производительных сил» источником доходов является нередко полуфеодалная «эксплуатация инородцев», с другой же стороны эта политика военно-феодалного грабежа колоний расширяла для торгового капитала размеры территории, находящейся в его монопольном обладании, и тем самым увеличивала его прибыль.

И на Камчатке дороги разветвлялись.

С одной стороны цепочка Курильских островов вела к Японии, с другой цепочка Алеутских — к Америке.

На эти два пункта и были устремлены в этот период все помыслы и действия Российской Империи на Востоке.

Уже в 1713 г., через каких-либо пятнадцать лет после появления русских на Камчатке, якутский воевода поручил Козыревскому проведать о Камчатском носе, о находящихся близ Камчатки островах и о Японии: «какими путями в сию землю проезд, какое там в употреблении оружие; могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что им годно из Сибири».

Две задачи, стоявшие перед российским торговым капиталом — проникновение в Японию и Америку, чётко сформулированы и в предложениях капитана Беринга, датированных апрелем 1730 г. «Не без пользы было б, — пишет Беринг, — чтобы охотской или камчатской водяные проходы до устья реки Амур и далее до Японских островов выведать: понеже надежду имеем, что тамо нарочитые места можно находить. И с теми некоторые торги установить, также ежели возможность допустит и с японцами торг завести, чтоб не к малой прибыли Российской Империи впредь могло оказаться». И дальше: «признаваю, что Америка или иные между оной лежащие земли не очень далеко от Камчатки... и буде подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской Империи».

Как же, однако, русские использовали завоевание Камчатки?

Во введении «К критике политической экономии» Маркс подчёркивает, что «при всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-завоеватель навязывает побеждённым собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии), или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне), или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)».

Русские на Камчатке, во всяком случае, в первый период своего пребывания там, не нарушая резко старого способа производства, ограничивались лишь сбором ясака, ибо и способ грабежа — как указывает Маркс — опять-таки определялся способом производства. Например, «нация с развитой биржевой спекуляцией не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ».

Камчатка в этом отношении отличается от ряда колоний России, так как для большинства русских колоний характерен первый исход — насильственное навязывание колонизаторами своего способа производства.

Однако когда мы говорим об исходе завоевания, то, естественно, что решающим моментом для его определения служит не только наличие взимания ясака. С ясаком до определённого момента мы сталкиваемся в восточных колониях России почти повсеместно. При анализе же следует исходить из «ведущего» способа эксплуатации. Что касается Камчатки, то этот способ эксплуатации остаётся неизменным почти до середины XVIII в.

Торговых взаимоотношений на первом этапе колонизации между русскими пришельцами и коренным населением мы почти не наблюдаем, так как не было необходимости давать что-либо взамен того, что может быть получено посредством применения «непосредственной силы», в чём, по Марксу, и заключается «существенный момент» так называемого «первоначального накопления».

«А ежели и впредь будут такие поборы изличиша, — говорил в своей «скаске» один из камчадалских тойонов Начика, — то нам притти будет в всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболи нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеется, то всё берут, вместо чащин».

На Камчатке, как и во всей Сибири, сразу же после прихода русских насаждается домашнее рабство. Откуда брались рабы? «730 году, — читаем мы в показаниях Фёдора Харчина, одного из руководителей восстания камчадалов, — комиссар Иван Новгородов посылал ко

мне на Еловку за сбором ясашным брата своего Матвея, и брал он с меня за сродников моих двойной ясак да сверх одного ясаку себе брал по три голов с человека за чащину соболями или лисицами, а у кого взять нечего и лопотью, мужеским и женским полом».

Взятые в рабство «ясашные люди» и захваченные пленники не только обращались в холопство здесь же на месте, но вывозились и продавались далеко за пределами Камчатки, в частности в Якутске, этом центре российской работорговли. «И у многих побрали жён и детей, — читаем мы в сенатском указе, — и так уже набрали много, что в Якуцку мало таких казаков есть, у кого б ясашных людей в холопах не было, и к тому же многое число продают разного чина людем, которые развозят по иным городам».

По переписи 1724 г. «за выключением действительно служащих разных чинов людей в подушном окладе» в Верхнекамчатском остроге числилось «разночинцев» 27, а у них «холопов» 101, в Большерецком — «разночинцев» 34 и у них «холопов» 108 и в Анадырском — «разночинцев» 6 и «холопов» у них 17 [Канцелярия Синода, 1730 г., д. 188/504, л. 17—18].

При изучении корней и размеров рабства в Сибири и на Камчатке мы сразу же сталкиваемся с необходимостью изучения вопроса о распространении христианства и политики самодержавия по отношению к крещению туземцев.

Это обстоятельство определяется существовавшим вначале «вне закона», а затем и узаконенным положением, по которому всякий крещёный туземец, будь он пленным, захваченным в бою или «добровольно воспылавшим» любовью к христианству, попадал в кабалу или к своему крестному отцу, если был окрещён лицом, никакого отношения к духовному званию не имевшим, или к миссии, если был окрещён представителем церкви. Именно крещение в этих отдалённых районах и являлось наилучшим видом «крепости», дававшим колонизатору не только фактические, но и юридические права над личностью туземца. Истинная подоплёка ревностного отношения казаков и промышленников к крещению туземцев являлась столь очевидной, что её даже не скрывали такие исследователи, которые по роду своей деятельности предпочитают о таких вещах особенно не распространяться.

В. Дегтярев, студент Петербургской духовной академии, в своей диссертации, написанной в 1904 г., открыто заявляет, что «заняться обращением инородцев казаки и промышленники могли бы только в том случае, если бы были в этом заинтересованы материально. И мы видим, что в Сибири, — продолжает он, — и потом

на островах Великого океана они действительно не редко крестили их по соображениям экономическим “в неволю”» (цитирую по рукописи, хранящейся в антирелигиозном отделе Государственной публичной библиотеки).

Историков, занимавшихся изучением рабства в Сибири, обычно ставила в тупик неустойчивая, на первый взгляд, позиция, занимаемая в этом вопросе правительством. В цитированном выше наказе Петра от 1 сентября 1697 г. ближнему боярину Черкасскому предписывается: «а к себе им ближним боярину и воеводам и дьякам никаких ясачных людей иноземцев не имати и ни у кого не покупати и служилым и всяким людям крестить не велети». В высочайшем указе Анны Иоанновны от 31 мая 1733 г. после сообщения о том, что «в отдалённых наших владениях в Якутском ведомстве и на Камчатке, как от воевод, так и от ясачных сборщиков чиниться ясачным подданным нашим от взяток многое раззорение, наипаче же приметками своими жён и детей отнимают и, развозя, продают», — предлагается: «которые из этих ясачных невольно побраны и распроданы, из тех, кои не приняли веры христианской и не крещены, отпускать на прежние места».

Эти два указа, отделённые друг от друга тридцатью шестью годами, по существу вытекают один из другого. В первом запрещается насильственное крещение и торговля туземцами, во втором предписывается всех находящихся в рабстве и до сего времени некрещённых туземцев отпустить на свободу.

Но уже через четыре года та же Анна разрешает калмыков и других туземцев «покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег, одною запискою в губернских и воеводских канцеляриях» (указ от 16 ноября 1737 г.).

В 1757 г. мы имеем ещё один указ, также резко противоположный двум приведённым выше. «Привозимых киргизами разных наций, — гласит указ от 9 января 1757 г., — всякого звания людям по недостатку в Сибири таких людей, которым по указам крепостных людей иметь велено, покупать и на товары выменивать, а потом и крестить не только воспрещать не подлежит, но ещё приохочивать к тому надобно, для того, дабы лучше старание было из магометан и идолопоклонников приводить в православный христианский закон». В 1764 г. татар и «других из азиатского народа», на которых имеются «для владения выписи», предлагается «оставить во владении за их владельцами по-прежнему».

Что же это, резкий и решительный поворот правительственной политики в данном вопросе, поворот, впрочем, имевший свои

прецеденты и раньше? (Ещё уложение Алексея Михайловича в отмену указа 1624 г. разрешало «татар и татарченков в Астрахани и Сибири покупати всяким людям по-прежнему», — см. улож. XX, §117).

С. Шашкова, одного из наиболее серьёзных исследователей рабства в Сибири, такое «непостоянство» правительства по существу завело в тупик. За исходный момент при анализе законодательства по вопросам рабства в Сибири Шашков берёт следующее умозаключение: «Если законодательная власть не имеет сил преодолеть враждебных элементов общественной жизни, то последние рано или поздно возьмут перевес над законодательством и заставят его плясать под свою дудку».

Первым шагом к законодательной санкции существовавшего рабства Шашков считает цитированный выше параграф уложения Алексея Михайловича. Далее наступает период борьбы правительства с введением рабства. Однако, хотя Пётр и Анна и вооружались в XVIII в. против рабства, всё же они не смогли противостоять давлению с мест, и та же Анна, которая издала указ 1733 г., в 1737 г. издаёт другой, резко противоположный предыдущему. А далее побеждённое «враждебными элементами» правительство в середине XVIII в. полностью санкционировало рабство в Сибири.

Таков, в общих чертах, вывод, который напрашивается при изучении работы Шашкова «Рабство в Сибири». И хотя наряду с этим Шашков подчёркивает, что рабство «вполне гармонировало с экономическими условиями и событиями тогдашней Сибири», эта мысль остаётся у него не развёрнутой.

Однако дело здесь, конечно, не в борьбе Петра и Анны с рабством. И если мы будем при изучении этого вопроса исходить из цитированного выше Марксова положения о трёх возможных исходах всякого завоевания, то вся «зигзагообразность» царского законодательства в вопросах рабства и крещения туземцев приобретёт необычайную чёткость и прямолинейность. Для большинства российских колоний характерен, как мы уже отмечали, первый исход — насильственное навязывание колонизаторами своего способа производства.

Что требовалось для феодально-крепостнической эксплуатации колоний? С одной стороны — наличие земельных фондов, с другой — наличие находящихся под внеэкономическим принуждением рабочих рук. И в процессе подготовки необходимых предпосылок для феодально-крепостной эксплуатации церкви принадлежит почётное место.

В районах с кочевым населением насильственная христианизация помогала необходимому для феодальной эксплуатации оседа-

нию населения. Процесс оседания, в свою очередь, расширял возможности для земельной экспроприации. В районах с развитой туземной верхушкой христианизация давала возможность «освободить» её от закабалённых туземцев, ибо по закону «иноверец» не мог держать в зависимости своих крещёных сородичей. Наконец, крещение, как уже отмечалось выше, давало своеобразную гарантию того, что туземец останется юридически закреплённым за своим хозяином, которому до сего времени принадлежали права фактические, но не юридические.

Совсем по-иному обстояло дело в тех колониях, где самодержавие интересовало не аграрное завоевание, не вовлечение в сферу феодальной эксплуатации большего числа туземцев, а где оно в первую очередь интересовалось пушным богатством края и прямым ограблением населения.

В этом случае крещение и связанный с этим выход туземцев из ясачного положения по существу били по карману казны. Несмотря на то, что по выходе крещёного из ясачного «сословия» полагающийся с него ясак должны были вносить «родовичи», при существовавших размерах ясака на практике это приводило лишь к всё возрастающим недоимкам.

Крещение вело к тому, что ясачная казна «малилась», и естественно, что правительство, когда речь шла о подобных колониях, должно было выступать против усиленной христианизации, что по отношению к Камчатке видно хотя бы из указа 1733 г. Анны Иоанновны.

Для иллюстрации того положения, что политикой Петра руководило не желание бороться с рабством и насильственным крещением, как это думает Шашков, и что указ 1697 г. имел в виду те колонии, где основой эксплуатации являлся ясак, а не аграрная экспроприация, можно привести и другие законодательные распоряжения Петра.

В 1714 г. этот принципиальный «противник насильственного крещения» в указе сибирскому митрополиту Фёдору предписывает уничтожить кумиры и кумирницы у вогуличей, остяков и татар, «а их вогуличев, и остяков и татар и всех иноземцев божию помощью и своими трудами приводить в христианскую веру». А в 1720 г. этот принципиальный «противник рабства» в инструкции астраханскому губернатору пишет: «А кто из тех народов (речь идёт о калмыках и татарах. — С. О.) похочет продавать людей добровольно и у тех покупать с запискою, позволять, а без записок отнюдь того не чинить».

Указ 1733 г. Анны Иоанновны касается исключительно Камчатки, то есть такого района, где важнейшей задачей самодержавия было выкачивание ясака.

Некрещёных предписывалось «отпустить в прежние места», а крещёным давалось «свободное житьё в городах и уездах между христианами собою и у кого хотят». Кроме того, указ этот являлся вынужденным ответом правительства на восстание камчадалов 1731 г., охватившее всю центральную часть полуострова, а затем перебросившееся и к корякам.

Таким образом, мы видим, что все «отступления», которые наблюдаются в правительственной политике по вопросам рабства и насильственного крещения, касаются исключительно колоний, где характерен второй «исход» завоевания, то есть тех колоний, где и рабство, и насильственное крещение были менее всего применимы, ибо грабить выгоднее некрещёных, а крещёных выгоднее эксплуатировать.

Но уже во второй половине 40-х гг. XVIII в. миссия Иосафа Хотунцевского в основном окрестила почти всех камчадалов. Это обстоятельство было обусловлено с одной стороны тем положением, что к этим годам камчатский ясак не имел уже большого значения, так как число ясачных уже было невелико, с другой же стороны крещение камчадалов совпадает с проектом того же Хотунцевского, предлагавшего построить при Нижнекамчатском остроге монастырь, перевести туда находившихся в Охотске тридцать семейств «пашенных мужиков», приписать два острожка камчадалов, находившихся вблизи предполагаемого монастыря, и помимо этого приписать к монастырю всех камчадалов, переведённых в подушной оклад, то есть окрещённых.

Именно поголовное насильственное крещение камчадалов, шедшее вразрез с указом 1733 г., имело своей основой стремление обеспечить рабочими руками предполагаемое к заведению монастырское хозяйство. Но проект этот проведён в жизнь не был.

Раб не имел производственного применения и употреблялся преимущественно для целей личного обслуживания, и это вполне естественно, ибо, как говорит Маркс, для применения рабского труда «должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства».

Результаты российской колонизации сказались весьма скоро. По подсчётам, приведённым в сказке Атласова, в конце XVII в. «камчадалских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах,

живёт людей человек по 200 и по 150». На основе этих данных Л. С. Берг приходит к выводу, что камчадалов в низовьях Камчатки жило в это время около 25 000. С. Патканов на основе данных Крашенинникова для 1741 г. считает число камчадалов равным 12–13 тысячам душ. А в 1897 г. по официальным данным камчадалов насчитывалось лишь около 4 000 душ. Эти данные, безусловно, не вполне безукоризненны, но всё же они показывают темп вымирания камчадалов, которым первым из народов Камчатки пришлось во всей широте познакомиться с благами «культуры».

Достовернее можно проследить этот «темп» на более коротком промежутке времени, отделяющем четвёртую ревизию от третьей. В течение двадцати лет, отделяющих одну ревизию от другой (третья — 1761—1767 гг., четвёртая — 1781—1787 гг.), число ясачных камчадалов в Нижнекамчатском округе уменьшилось от занесённой русскими эпидемии оспы больше чем в два раза. По третьей переписи числилось ясачных 2 219, а по четвёртой — всего лишь 981.

Европейская «культура» предстала перед камчадалами во всём её блеске ещё в период походов Атласова, а лазоревый бисер и сифилис были первыми её благами.

Отправляясь во второй поход на Камчатку, Атласов взял с собою «на подарки камчатским инородцам пуд бисеру лазоревого». А вместе с бисером прибыли и «французская» болезнь, называемая на Камчатке «русской», о которой «сказывают камчадалы, что она появилась у них по прибытии русских людей» (Крашенинников).

В XIX в. правительство неоднократно поднимало вопрос о необходимости приобщить камчадалов к сонму «культурных народов» и приучить их, взамен истреблённых пушного и рыбного промыслов, к земледелию. Камчатский губернатор Завойко устраивал опытные поля и временами открывал хлебные магазины. Но количество населения беспрерывно уменьшалось.

«Казённые хлебные магазины, — писал исследователь Сибири Н. М. Ядринцев, — создали наживу для вахтёров, обогащавшихся продажей хлеба инородцам по произвольной цене; та же торговля в руках торговцев приносила не меньшие злоупотребления. В том и другом случае результаты явились плачевные».

Это обстоятельство подтверждает и другой исследователь быта инородцев Сибири — С. С. Пашков. «Резче всего бросается в глаза тот факт, — пишет он, — что снабжение хлебом и казённым порохом инородцев не только не подняло их быта, но, создав новые привычки, в конце сделало их положение безысходным».

II

Колонизация Камчатки русскими — это столетие ожесточённой борьбы с коренным населением, это победа феодальной империи над первобытно-коммунистическими отношениями, это победа европейского ружья над первобытным луком.

«Опустошение и обезлюдение следовало за ними (колонизаторами. — С. О.) везде, куда только ни ступала их нога» (Маркс). Что мы знаем о многочисленном прежде племени анаулов, встреченном у Анадыря Дежневым? От него не осталось никаких следов. За «непокорность» анаулы были истреблены вовсе. И такое истребление «немирных» народов — не единичный случай, это была система «утренней зари капиталистической эры производства».

«1742 года февраля 3 дня в заседании правительствующего сената докладывано... во искоренении ж оных немирных чюкч поступать по мнению объявленному в... доношении статского советника Ланга, а именно на оных немирных чюкч военной оружейно-го рукою наступить, искоренить вовсе».

Это о чукчах. А несколько позже то же самое и о коряках: «и посланным в Охоцкую канцелярию указом велено для представленных от той Охоцкой канцелярии резонов, призвав всемогущего бога на помощь, всех изменников коряк военной оружейною рукою побить и вовсе без всякого милосердия искоренить».

И факт за фактом пред нами развёртывается столь гениально запечатлённая Марксом в главе о первоначальном накоплении система «предательств, подкупов, убийств и подлостей».

«А всех поголовно мужеска и женска полу, малых и больших... побито ста с два человек и больше и при том взято в плен малых мужеска полу пять, больших жёнок семь, итого двенадцать». Это из доношения начальника экспедиции 1751 г. против коряк капитана Шатилова в Иркутскую канцелярию. Перечислив как свои заслуги, так и заслуги своих подчинённых, Шатилов в заключение пишет: «И того ради... покорнейше прошу и представляю, ежели за благо изволит принять за предъявленную и весьма радетельною мою в показанном походе службу представить в правительствующий сенат, чтоб меня наградить рангом».

И так из года в год, и в предыдущем походе так же, как и в последующем: «15-го числа взял коряк три семьи да одну семью вызвал на выласку, итого четыре семьи, из которой де мужеской пол всех прикололи, токмо де из них одного человека удержали ради языку, при том де взято ими в плен из женска полу четыре

бабы, да малолетних мужеска полу одиннадцать, итого пятнадцать человек».

Это уже о походе капитанармуса Байбородина в 1753 г. против тех же коряк. Не менее красочный факт из того же похода. Группа коряк, спасаясь бегством от русских, пристала на байдаре к одному утёсу и, поднявшись на приготовленных заранее ремнях в имеющуюся в том утёсе щель, убрала за собою ремни. Место для отсидки было весьма удобным, так как щель в утёсе была на расстоянии десяти сажений от земли и сорока сажений от его вершины. Кроме того, вход был заложен приготовленным лесом.

Тогда Байбородин распорядился «утвердить сверху утёса ремни, и по тем де ремням от земли поднят был один казак и два человека из портовщиков коряк и подаваемы были им травяные снопы, обливая нерпичьим жиром, чтоб крепко от того жиру горели, и зажгли у той щели вход... и убили де из тех изменников в той щели одного человека, а остальных всех сожгли, которых де воров трупы ради опознания вытаскивали».

Эти факты, рисующие методы российской колонизации, одновременно говорят и о том решительном сопротивлении, которое встретили русские на Камчатке. Документальный материал развёртывает бесконечную цепь крупных и мелких восстаний среди камчадалов и коряков, ряд продолжительных и кратких походов против чукчей.

Камчадалские восстания 1707 и 1731 гг., корякские 1745—1749, 1751—1754 гг., походы 1744—1747 гг. против чукчей — всё это превращало Камчатку в действующий вулкан, на котором русские долгое время не чувствовали себя спокойно.

Методами же физического уничтожения восстававших русские пытались удержать в подчинении остальных. В этом коренится весь смысл русской карательной политики, ибо «от такого военного страху и другие ясашные и неясашные народы от бунту и измены иметь будут воздержание и от время до время верноподданными быть».

Иначе как войною, длившейся почти столетие, не может быть названа и та борьба с русскими, происходившая на Камчатке, которую после каждого восстания надо было завоёвывать почти заново.

Сопротивление туземцев становилось упорнее, и ружьё — преимущество русских — порою пасовало перед количественным превосходством и прекрасным знанием местности — преимуществами коренного населения. Туземцы быстро научались не только прекрасно владеть огнестрельным оружием, но и неплохо от него обороняться.

Это положение особенно рельефно можно проследить на чукчах, которые оказали русским наиболее сильное сопротивление.

В одном из первых открытых столкновений русских с чукчами, во время похода сотника Нижегородова в «чукотскую землю», в 1731 г., из семисот человек чукчей убито было около четырёхсот пятидесяти, в плен взято сто пятьдесят и лишь стам удалось спастись. Русских же в этом столкновении было убито лишь двое и легко ранено семьдесят человек.

А уже в 1747 г. у устья реки Орловой чукчи нанесли отряду майора Павлуцкого такое поражение, что из Сибирского приказа было велено произвести точное расследование произошедшего и все материалы приказано было отправить в Москву, так как местные власти подозревались в сокрытии истинных размеров поражения и обвинялись в том, что «о побитии означенными немирными чукчами с реченным маэром Павлуцким может писано отсюда якобы необстоятельно, об уроне в людех с репортом партии сотника Ивана Отласова не сходственно».

Узнав на собственном кровавом опыте свойство кремнёвого ружья, чукчи в этой битве, после первого залпа русских, не дав им перезарядить «ружья, бросились на них в рукопашную, обратили их в бегство и нанесли тяжёлый урон. Тогда же был убит и начальник партии майор Павлуцкий.

Захватывая огнестрельное оружие, туземцы быстро научались им владеть. В восстании 1731 г. засевшие в Нижнекамчатском остроге камчадалы, завидев приближающихся русских, «стали по ним из острогу палить из пушек (?) и из мелкого оружия».

Среди отнятых у коряков предметов, вроде лисиц красных и сиводушных, уже фигурирует ещё совсем недавно столь страшное для них «огненное» оружие.

Видоизменяется и техника обороны — с приходом русских увеличивается число укреплённых острожков.

В промемориях Я. Генса в ясачную избу сообщается, что «изменник» Вахлыч «построил острог стамовой и землю в полдерева осыпан, а обретается де в том остроге изменников сот с пять бобровских и курильских, а оружия у них имеется пять пищалей, и что де на оных изменников в малолюдстве итти не подлежит».

Кроме того, применялись технически очень простые, прекрасно защищавшие укрепления из саней. «Поделаны у них неприятелей сильные крепости. Первое изнаставлены вожовые санки в три яруса на маданами в коих наложено каменя, так что ружья не пробирали».

Путь к таким «крепостям» обычно преграждался ловко замаскированными капканами, ловушками и прочим.

Результатом российской колонизации явились также неоформившиеся попытки объединения для совместной борьбы с русскими, которую можно проследить на Камчатке. Не только камчадалы, но и издавна враждовавшие между собою коряки и чукчи, из которых первые нередко добровольно шли к русским для помощи в их борьбе с чукчами, угонявшими коряцкие стада, пытаются наладить какую-то связь для полнейшей ликвидации российского владычества.

Имеется очень любопытное показание «ясадного иноземца» Петра Орликова, который в 1740 г. был отправлен для тайного выведывания местонахождения посланных для сбора ясака служилых, долго не возвращавшихся обратно.

Будучи на Озерной реке у камчадалов, Орликов узнал, что к ним «чукчи де, коряки и юкагири на погромление здешнего Нижнего Камчатского острога... в споможения притти хотят». Кроме того, что «коряки ж де с чукчами замирение возымели, объявляя: доколе де нам между собою иметь брань и от русских терпеть, мы де их, чтоб они на нашей земле не были, всех до единого искореним».

План действий, по словам Орликова, намечался следующий: для помощи камчадалам при взятии Нижнекамчатского острога приходят чукчи, коряки и юкагиры. Часть из них будет ожидать очередного прихода русских судов из Охотска. Суда намечалось захватить обманным путём и во что бы то ни стало не дать уйти им обратно. Сюда же приходят и «две байдары олжоторов с жёнами и детьми». «А другие де пойдут, совокупясь с тигильскими на погром в Большерецкий и Верхний остроги». В осуществление этого плана, по словам Орликова, юкагиры и чукчи уже заперли колымскую дорогу.

И хотя такого объединения этих народов по существу не было, всё же лето 1746 г. и весь 1747 г. ознаменовываются одновременными большими восстаниями и чукчей и коряков, причём корякам даже удалось уничтожить вовсе Акланский острог.

Но ни овладение захваченным в незначительном количестве огнестрельным оружием, ни постройка укреплённых острожков, так же как и попытки объединения, не могли, конечно, представить значительного препятствия для дальнейшего продвижения русских. К 40-м гг. XVIII в. с камчадалами, а к 60-м гг. с коряками борьба в основном была закончена. И если чукчи фактически остались до конца «недопокоренными», то здесь дело не в том, что

их покорение было не под силу русским, а в том, что борьба с ними велась недостаточно последовательно, с большими промежутками, что в свою очередь, как справедливо указывал В. Иохельсон, объяснялось тем, что у чукчей, по существу, не было предметов, годных для ясака.

В 1740 г. Сенат постановил прекратить походы против чукчей. Однако борьба с чукчами вскоре вновь возобновилась, достигнув наибольшего подъёма в конце 40-х и начале 50-х гг. В данном случае на борьбу с чукчами толкали, во-первых, опасения объединения коряков с чукчами, а во-вторых, недостаток оленей. В своём рапорте Павлуцкий прямо говорит, что с уходом из Анадырского острога ясачных коряков с оленями в крепости начался голод и пришлось пойти в поход на чукчей.

При изучении колонизации Камчатки, как и вообще всей российской колонизации, необходимо всегда иметь в виду два момента, имевших колоссальное значение в деле обеспечения её победы. Это — использование в своих интересах начинающейся социальной дифференциации среди угнетённых народов и опора на религию, как на средство, обеспечивающее окончательное порабощение покорённых туземцев.

Положение М. Н. Покровского о том, что «на востоке царизм был настолько материально сильнее покоряемых, что ему не приходилось искать здесь политической опоры на местах», так как «голового насилия было достаточно», справедливое для периода первых военных столкновений русских с националами, не может быть, однако, распространяемо на период «мирного освоения» Камчатки, период, ознаменовавшийся многочисленными восстаниями.

Опорой российского самодержавия среди восставших племён являлись усиленно насаждаемые русскими тойоны, «лучшие иноземцы», награждаемые впоследствии за верность «престолу» кортиками и красными кафтанами.

С одной стороны, русские всячески стараются использовать родовых старейшин и ту власть и авторитет, которыми они обладают; с другой же стороны, русские искусственно насаждают новых тойонов, присваивая им всю полноту власти над своими родовичами.

Эту политику искусственного создания туземной верхушки и политику форсирования намечающейся социальной дифференциации можно проследить и на материалах Камчатки.

Степан Харчин, активный участник и руководитель восстания камчадалов 1731 г., проходившего под руководством его брата тойона Фёдора Харчина, бежит от восставших и перёдается на сторону

русских, за что впоследствии вместо брата назначается тойоном в Камчатском острожке между озером Кайначем и Еловкою.

В одной из инструкций этого периода предписывается выяснить, «кто у тех народов князей и лутчих людей», переписать их и «иметь к ним ласку и привет и бережение, чтоб они великому государю служили верно и радетельно и улусных своих людей ото всякой шатости унимали, а иных немирных иноземцев под его, великого государя, высокодержавную руку призывали, и за такие их службы великого государя милостию обнадёживать, и кто из них такую службу покажет, о том писать в Якуцк, и тем людям за такие службы прислано будет великого государя милость, подарочное жалованье, смотря по их службе».

«Вся ясашные народы безгласны сами по себе, их старшины разных наименований составляли аристократию, выгодную для завоевателей», — читаем мы в записке о Сибири генерал-майора Мусина-Пушкина. И недаром в ряде мест старшины и их семейства освобождались от ясака, который оплачивался вместо них остальным населением. И только во второй четверти XIX в., когда народы Камчатки и Сибири были окончательно и бесповоротно покорены и туземная верхушка могла лишь отнимать часть доходов у российского помещика, начинал дебатироваться вопрос о борьбе с тойонами и о замене наследственных тойонов тойонами выборными.

Ориентировка на туземную верхушку сочеталась с испытанным способом натравливания одной народности на другую. Коряки натравливались на чукчей, тунгусы на коряков и т. д. С тунгусов (ламутов), бывших вместе с русскими в походе против коряков в 1748 г., «на тот 748 год, до получения из Сената указа, велено [ясаку] не изыскивать и взятых в плен коряк от них не отбирать».

Вторым могущественным орудием, облегчившим закрепление победы русских, была церковь.

О значении церкви в деле насаждения рабства мы говорили выше, здесь же следует остановиться лишь на её роли в деле закрепления русского владычества на Камчатке.

Миссионер обычно шёл совместно со служилым и честно получал свою долю в общем грабеже населения.

Сразу же по привозе Атласовым первых сведений о Камчатке, туда направляется архимандрит Мартиниан. Мартиниан, как и последующие камчатские миссионеры, представляет собою любопытный материал для характеристики тех «просветителей», которые общали туземцев к христианству.

Прибыв в 1705 г. на Камчатку, Мартиниан в 1711 г. принимает участие в бунте казаков, стремившихся присвоить ясак, и в убийстве трёх камчатских приказчиков. При дележе имущества убитых Мартиниан получает: «шубу соболью лапчатую, да Петра Чирикова грабленных дворовых людей камчадальской породы некрещёных робят, иноземским названием Щочко да Чистяк, да Володимера Отласова дворовую ж девку крещёную Настасью».

Колоритной фигурой среди камчатских миссионеров является Игнатий Козыревский, также участник казачьего восстания 1711 г.

Первую половину своей деятельности Козыревский действовал на Камчатке, «попрося у бога милости оружейным боем», а вслед за этим, постригшись в монахи из-за опасения наказания за ряд совершённых преступлений, «озабочивался», дабы «камчадальская земля с тамошними народы, не знающими истинного бога, просияла б святым крещением».

Укреплённые остроги — Большерецкий, Нижнекамчатский с одной стороны и Успенская пустыня и Покровский монастырь с другой — вот две стороны деятельности Козыревского.

Ничем не отличался от предшествующих миссионеров и глава миссии — «камчатский архимандрит» Хотунцевский, прибывший на полуостров в 1745 г.

В «Историческом очерке главнейших событий на Камчатке» А. Сгибнев, работавший во второй половине XIX в. над иркутскими архивами, пишет, что «в делах Иркутского архива можно найти много фактов о бесчеловечных поступках Хотунцевского, который, впрочем, и сам не стеснялся доносить о своём усердии к распространению и упрочению в Камчатке веры христовой».

Далее Сгибнев рассказывает о том, как Хотунцевский наказывал туземцев плетью.

По отъезде из Камчатки Хотунцевским была вывезена значительная партия мехов, что вызвало даже недовольство Синода.

Но результаты деятельности отдельных миссионеров до приезда миссии Хотунцевского, в общем, были незначительны.

По словам Крашенинникова, до вступления на престол Анны Иоанновны в средней и нижней части Камчатского полуострова крещёных туземцев было не более ста.

С 1732 по 1741 г., по синодским сведениям, камчадалов обоего пола уже было окрещено 878 душ.

Массовое крещение, притом преимущественно камчадалов, имеет место лишь тогда, когда сопротивление русским делается совершенно невозможным.

Борьба с крещением в движении туземцев занимает выдающееся место. Алексей Лазуков, один из руководителей корякского восстания 1745—1746 гг., при допросе показал, что восставшие имели намерение убить архимандрита Хотунцевского «и христианскую веру истребить».

Это восстание, одно из наиболее сильных среди коряков, происходило в период активного крещения камчадалов, и в числе вызвавших его причин была попытка миссии распространить крещение и на коряков.

Отдельные камчадалские роды пытались принять участие в этом восстании, но в целом после поражения восстания 1731 г. сопротивляемость камчадалов была сломлена.

Таким образом, христианизация на Камчатке не предшествует, не подготавливает почву для русских завоеваний, а закрепляет уже достигнутые оружием результаты. Лишь во второй половине 40-х гг. XVIII в. камчатский архимандрит заявляет, что ему среди камчадалов делать нечего, так как все они уже окрещены. И дата этого заявления сразу следует за прекращением восстаний среди камчадалов, после чего и началось массовое крещение.

Иначе дело обстоит с «недопокорёнными» чукчами. Лишь через сто лет, в 40-х гг. XIX в., в донесениях из камчатской епархии попадают ликующие сообщения о принятии христианства одним или несколькими чукчами.

III

Методы камчатской, как и вообще российской колонизации в целом, не принадлежали к числу «популярных» тем отечественной историографии. Однако если присмотреться к тому незначительному материалу, который по данному вопросу всё же имеется, то сразу бросится в глаза любопытная эволюция в его трактовке российскими историками.

Если Крашенинников, автор «Описания земли Камчатки», изданного в середине XVIII в., в период, когда «нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала» (Маркс), ещё мог подробно рассказывать о том, как совсем недавно русские расправлялись с камчадалами, считая это совершенно естественными фактами, то уже Словцов в начале XIX в., а тем более современные нам буржуазные историки, вроде Фирсова и других, если и вынуждены приводить подобные факты, то оставить их без соответствующего «оправдания» не могут.

Для Крашенинникова «просвещённый век» начинается с Елизаветы, в царствование которой протекала его деятельность, всё же то, что происходило несколько раньше, хотя бы при той же Анне, ни в какой идеализации не нуждалось. Только ныне, пишет он, «мир, покой и тишина в Камчатке, да и впредь опасаться нечего, ибо по высокоматерному всемилостивейшия государыни нашей императрицы Елизаветы Петровны о подданных своих попечению сделаны такие учреждения, что тамошным жителям лучшего удовольствия желать невозможно. Сии же между славными и великими делами всепресветлейшия самодержицы нашей почитать должно, что зверский оной народ, из которого до времен счастливого владения её ни ста человек крещёных не было, в краткое время познав истинну, оставил своё заблуждение так, что каждой ныне с сожалением и со смехом воспоминает прежнее житьё своё».

Таким образом, в противовес детальному изложению событий недавнего прошлого, мы имеем у Крашенинникова полное замалчивание текущего момента, замалчивание и того вооружённого истребления камчадалов, которое уже заканчивалось, и того вооружённого истребления коряков и чукчей, которое только начиналось.

Но если для социальной среды, выразителем интересов которой являлся Крашенинников, понятия колонизация и цивилизация являлись синонимами только для их непосредственной современности, то «просвещённая» буржуазия XIX столетия уже желает иметь не только «бескровное» настоящее, но и «непорочное» прошлое.

«Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство, — пишет Маркс, — обнажённо предстают перед нашим взором, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает respectable формы, а в колониях, где она ходит неприкрытой».

И буржуазная историография всеми силами старается натянуть пышные одежды на наиболее неприкрытые части «цивилизации» и сокрыть заодно как прошлое, так и настоящее.

Идеализация прошлого идёт двумя путями. С одной стороны — путём грубой фальсификации и неловкого подлога в изложении фактической стороны методов колонизации, с другой — путём подыскания «идеологического» оправдания, выразившегося в утверждении определённой закономерности методов колонизации и неизбежно связанных с нею насилий.

Из попыток первого рода можно привести пример с жизнеописанием Владимира Атласова.

Казённые историографы неоднократно пытались горящим от жадности глазам первых русских конквистадоров, в частности тому же Атласову, придать мечтательное выражение великих мореходцев, одержимых лишь идеей прославления родины.

Наиболее полное исследование о деятельности этого «камчатского Ермака» написано Оглоблиным.

День за днём воскрешает Оглоблин жизнь Атласова, подробно останавливаясь и на страданиях, перенесённых Атласовым при походе на Камчатку, и на той радости, чуть ли не ликования, с какой инородцы платили ему ясак; останавливается и на поездке Атласова в Москву и, наконец, на его втором походе и трагической гибели от руки предателей — казаков, стремившихся ограбить царскую казну, верным охранителем которой был тот же Атласов.

Попутно ополчился Оглоблин и против «Сборника» Спасского, где утверждалось, что Атласов в малых летах и по возрасту гулял по «низовым (ленским) городам», то есть, иными словами, разбойничал. «Если это возможно допустить относительно его «малых лет», — авторитетно заявляет Оглоблин, — то никак уже «по возрасту» не мог он «гулять», так как целых двадцать восемь лет провёл на государевых «дальних заморских службах».

Вещи, по мнению Оглоблина, несовместимые.

Однако, несмотря на столь подробное описание всей жизни Атласова и всех его высоко нравственных качеств, Оглоблин предусмотрительно умолчал о том, как по дороге из Москвы на Камчатку одарённый царскими милостями Атласов занялся грабежами купеческих караванов. Оглоблин обошёл эпизод на реке Тунгуске (по иным вариантам, на Лене), где Атласов разграбил досчаник с китайскими товарами гостя Логина Добрынина, после чего на шесть лет был засажен в тюрьму, где и просидел до 1707 г., до восстания камчадалов, когда он был выпущен и отправлен назад на Камчатку приказчиком.

Однако кряжистые предки плохо поддавались модернизации. Более убедительно получалось при утверждении обусловленности и неизбежности всяких насилий при колонизации.

Да, грабили, да, истребляли, но не мы, дескать, первые и не мы единственные. Так было везде и так будет всегда. «Так было везде и во все времена при вступлении европейца в среду дикарей, которых он должен был подчинить своей власти и вместе с тем положить между ними начало нового, лучшего порядка, если даже не всегда для личного благосостояния последних, то, по крайней

мере, для пользы их потомства», — пишет апологет Российско-Американской компании Тихменёв.

Эта «теория» явилась находкой для российской историографии. Она одинаково приходилась по вкусу и историку-великодержавнику, и федералисту, и даже либеральствующему профессору, ссылающемуся на Маркса.

Останавливаясь на опустошениях, производимых русскими в Сибири, профессор Фирсов пишет: «Таково, повторяю, отношение вообще победителей к побеждённым в отдельных странах, неизбежно опустошаемых и разоряемых. Факт, давно установленный в науке». При этом в подстрочном примечании Фирсов ссылается на Маркса: «Смотри, например, у Маркса в описании процесса так называемого первоначального накопления». И дальше: «конечным и роковым последствием этого факта, при малой физической и духовной выносливости побеждаемой расы, являлось вырождение и вымирание туземного населения. В части по отношению к крайнему востоку Сибири, Камчатке и камчадалам, об этом явлении выразительно свидетельствует, — пишет Фирсов, — «историческая записка» о Камчатке. «Начальное покорение её, — читаем мы здесь, — продолжающиеся внутренние возмущения камчадалов, происходившие притеснения от завоевателей, то есть казаков, занесённые сими последними болезни, жителям тамошним до того неизвестные, а наипаче оспа и венерическая болезнь, истребили большую часть камчадалов».

А в заключение всё это приправляется чисто великодержавной установкой о «культурном прогрессе» метрополии, началах гуманности и прочем. «Но подобная судьба, — пишет Фирсов, — постигла и некоторые другие народы Сибири и, разумеется, постигла бы всех, если бы не громадный культурный прогресс метрополии, если бы не проникновение верховной власти принципом разумной государственной экономии, совпадающей и с великими началами гуманности и с настоящими, непереходящими политическими и общественными интересами и задачами России в Сибири».

Впервые эту теорию, столь ярко сформулированную Тихменёвым, в отношении Сибири мы находим у Словцова. Именно он, в «Историческом обозрении Сибири», изданном в 1838 и в 1844 гг., недвусмысленно заявил, что «дань есть слепопотопная законность всего мира», и что «русские государи в опровержение оскорбительных предубеждений времени всегда по своей мудрости показывали, сколь они далеки от того, чтобы считать покоренные орды невольниками постоянного ясака, постигая, что всеблагое провидение постепенно

ведёт людей, племена и народы через цели частные, общественные и государственные к целям своего высшего порядка».

Всё находит своё оправдание, по мысли Словцова, в той великой миссии, которая выпала на Россию в деле обращения язычников на «лоно православной церкви». «Если бы дело обращения не свершилось, тщетно было бы завоевание края... тогда заразительные болезни, опустошавшие и опустошающие страну, были бы неоплатными бедствиями пред всевышним оком».

Вообще надо сказать, что работа Словцова имела колоссальнейшее влияние на последующих историков Сибири вообще и Камчатки в частности, которые в основном строили свою концепцию на отдельных заимствованных у него положениях.

Друг Сперанского, сосланный впоследствии по обвинению в должностных преступлениях в Сибирь, Словцов приступил к написанию своей истории почти уже окончательно сломанный николаевской системой. «Обозрение Сибири» писалось в период, когда предлагалось «учённость отпускать только по рецептам правительства», и в работе Словцова прообразы будущего так называемого сибирского федерализма старательно компенсировались положениями, полностью, как мы уже видели, вошедшими в арсенал великодержавной историографии.

Эта двойственность Словцова резко бросается в глаза даже при сравнении некоторых положений первого и второго тома, положений, отделённых друг от друга всего лишь пятилетием, в течение которого Словцов был объектом ряда критических нападок.

В первом томе он пишет, что «правительство от времени до времени гремело прещениями против неправд и притеснений, но дела шли вдали своим чередом»; во втором правительство преподносится как «постоянно... заботившееся: первое — прекратить неправды местные, второе — распространить христианство. «Вот две неопровержимые истины, — пишет Словцов, — сказывающиеся в делах первых периодов: правосудие и православие».

Когда Словцов в первом томе пишет, что «Сибирь не пустыня безгласная, что есть в ней утёсы, пустынными лесами отенённые, от которых откликаются слова и дела, есть скромные летописи о правдах и неправдах. Нет мнения общественного, но растёт история», то под такой фразой с энтузиазмом подписался бы любой из сибирских областников.

Но когда во втором томе он же заявляет, что «история сибирская есть добавка к русской», то под такой фразой с не меньшим энтузиазмом подпишется каждый великодержавник.

К-61

123
129

К61

325
K-61

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ

ТОМ II

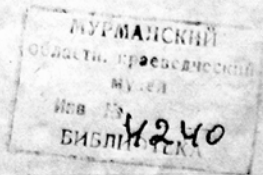
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА РСФСР

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА КАМЧАТКЕ И ЧУКОТКЕ В XVIII ВЕКЕ

СБОРНИК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Я. П. АЛЬКОРА и А. К. ДРЕЗЕНА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ С. Б. ОКУНЯ

123
129

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАД 1935

Обложка книги «Колониальная политика...» и её 49-я страница

бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и паркы и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приехал к нам от закащика Василия Пашикова служилой человек Василей Новограбленной и собирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках.

Да сего ж 731 году был за юкольным сбором служилой человек Никита Дурьнин с товарищи при сборщике Андреяне Рюмине и брали юколы с каждого человека по три вязки, а кормами у нас сего году против старого весьма пехоход, не ведаем, как и зима нам будет прожить и ясака императорского величества добыть. А ежели и впрель будут такие поборы изличиша, то нам притти будет во всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболя, а соболей нету, то берут паркками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеетца, то все берут вместо чашии¹⁴. У вышеписанной скаски речи толмачил от партии служилой человек Иван Щигин да брат его Начикин Чистяк Машурин

Знамя $\emptyset$ Начикино

Знамя $\emptyset$ Чистякова *

На подлинной подписал его
велением Федор Тибалов

На подлинной подписал его
велением Спиридон Черепанов

В-сей скаске вместо толмача Ивана Щигина его велением Макар Новосельцев руку приложил на подлинной.

*Экспедиция Беринга, в. № 3,
л. 140; печатается по копии.*

11. Из „доношения“ сената Анне Иоанновне от 9 мая 1733 г.

...** Писарев¹⁷ представлял, что в якуцкие де остроги и зимовья посылаются ежегодные ясашные сборщики в каждой острог и зимовье и волюсть (которых есть 19) камисар, пищик, толмач, целовальник да казаков от 5 до 30-ти человек, а такое де многолюдство воеводы посылают для своих пожитков, ибо от великого человека берут немалыя взятки, а с казаков не токмо воеводы, но и головы казачьи берут же по 2, по 3 и по 10 рубл[ей]. А те де сборщики так ясашных людей разорили и перевели, что уже мало и остается и оставших ныне разоряют, не взяв ясаку, берут себе великие взятки, а **имянно**: в Жиганском зимовье берут сборщики с одного ясашного человека, которой платит ясаку одну красную лисицу ценою в рубль, камисары по 2, по 3, по 5-ти и до 10-ти лисиц и большыи; пищики по лисице, толмачи по лисице, целовальники по 5-ти горностаев; с них же себе в жалованье без указа с невода по 200 макунов рыбы по жиганской цене на 2 рубля да велем, таменей, стерлядей сколько кто в заморозы промыслит и на сабак корм^{***}. А ясаку с тех, которые неводами ловят рыбу лисьными лисицами не берут, а берут вместо лисицы или рубли денег, по 4 пуда рыбьева жиру и по 4 пуда порции, по 4 связки юколы по жиганской цене на 3 р., а кладут в ясак вместо того свои лисицы ценою в рубль. Того ж Жиганского зимовья с ясашных людей, которые живут

* Знамя в оригинале изображает рисунок лука и стрелы.

** В опущенной части дана сводка мероприятий правительства по устройству Камчатки. Эти сведения приведены в соответствующем месте и по подлинным документам.

*** В оригинале „крот“.

(из собрания Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН)

Однако то положение, что федералисты питались из того же источника, что и великодержавники, не противоречит и самой природе так называемого сибирского федерализма.

Являясь оборонительным движением местной буржуазии против правящего дворянства и буржуазии метрополии, сибирский федерализм или, точнее, областничество ни в какой мере не являлся движением национальным.

Не останавливаясь в данном случае подробнее на областничестве в целом, нам следует выяснить лишь взгляд областников на процесс сибирской колонизации. «Сибирь, — как пишет Головачёв, один из наиболее активных областников «второго призыва», — была, можно сказать, *res nullius*, которую нужно было только занимать и заселять, и где для русских борьба с природой была гораздо труднее, чем с туземным населением».

Туземное население одинаково не существовало как для историка-областника, так и для историка-великодержавника. Кто же, однако, по мнению областников, населял Сибирь? Ещё в прокламации «к патриотам Сибири» середины 60-х гг. XIX в. Сибирь рисуется страной, «населённой потомками эмигрантов, изгнанников, непокорных стрельцов, опальных раскольников, помещичьих крестьян, жертвами самовластия царя и его сатрапов», то есть исключительно пришельцами-колонизаторами.

«Вопрос о заселении Сибири, — пишет Головачёв, — конечно, должен быть краеугольным камнем при изучении исторической жизни этой окраины». Совершенно естественно, что этот же вопрос в той же мере является «краеугольным камнем» и для великодержавника.

И если, например, для украинских федералистов суть исторического процесса заключается в местных национальных движениях, которые были оппозицией московскому единодержавию, то для сибирского областника наиболее существенным является процесс так называемой народной колонизации, который противопоставляется ими колонизации государственной.

И первый период после прихода русских на Камчатку, период, вписанный в её историю кровью и насилием, преподносится как период «свободного проявления духа северных великоруссов».

«Не только лица, занимавшие официальное положение, играли на самом деле незначительную и невлиятельную роль, но даже землеискатели, вожди казачьих дружин, как Хабаров, Поярков, Атласов, были лишь предстателями, главами своих дружин, исполнителями их коллективной воли, общих планов, — читаем мы

у того же Головачёва. — В случае столкновения воли коллективной и воли личной побеждала обыкновенно первая. Не отдельные личности, а сами народные массы были двигателями сибирской исторической жизни, деятелями местной истории. Так продолжалось в течение всего XVII в. и даже части XVIII, пока, наконец, петербургское правительство в интересах централизации, единообразия, внешнего благочиния не стало подрезать буйные всходы самобытной народной жизни в Сибири и налагать на неё однообразную мертвящую печать».

Таким образом, лишь в вопросе частной и государственной колонизации мы видим основное расхождение у великодержавников и областников, во всём остальном в данном вопросе их историческая схема ни в чём друг другу не противоречит.

Так перед лицом опасности подлинного национального движения историк-дворянин, буржуа-великодержавник и буржуа-федералист в тесном единении делали то же дело, всячески стараясь сокрыть подлинный характер «тюрьмы народов».

Только пролетарская революция смогла освободить эти народы от чудовищного гнёта, только она смогла завоевать их сочувствие и поддержку. «Без этого невозможно было бы упрочить советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик, и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве» (Сталин).

Публикуемые в настоящем сборнике материалы хранятся в архивах Внутренней политики и Военно-Морском Ленинградского отделения Центрального исторического архива и извлечены большей частью из фондов 1-го департамента Сената и Второй Камчатской экспедиции капитана Беринга.

Секретная экспедиция 1-го департамента Сената, представлявшая собою «высшее наблюдение» в числе других учреждений за функциями Сибирского приказа и Иностранной коллегии в отношении «инородцев», сосредоточивает в себе ценнейшие материалы по истории народов Сибири. Особенно ценные материалы находятся в этом фонде за период царствований Анны и Елизаветы, период, ознаменовавшийся на Камчатке наиболее сильными восстаниями.

Вторая Камчатская экспедиция Беринга во время пребывания своего на полуострове, по существу, сосредоточила у себя всё управление краем, содержит в себе разнообразнейшие материалы как

этнографического, так и исторического порядка по истории народов и колонизации Камчатки в XVIII в. Кроме того, участники экспедиции принимали активное участие в подавлении восстаний.

Основная задача настоящего сборника — дать не только новые материалы по колониальной политике России на Камчатке и Чукотке, но и показать, по мере возможности, весь процесс колонизации этого края в XVIII в. — заставила составителя при отсутствии нового материала по тем или иным периодам прибегнуть к перепечатке известных материалов из «Памятников сибирской истории» и других старых публикаций.

Большинство документов печатается полностью и по подлинникам... В составленном мною настоящем сборнике большая работа по выявлению и сверке документального текста выполнена сотрудником Ленинградского отделения Центрального исторического архива М. Ф. Князевой.

А. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАМЧАТКЕ В XVIII в.

I. РУССКИЕ НА КАМЧАТКЕ В КОНЦЕ XVII И НАЧАЛЕ XVIII в.

Поход пятидесятника Атласова на Камчатку в 1697 г.

1. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 3 июня 1700 г.

208 году (в 1700 г.), июня в 3 день, явился в Якутском в приказной избе перед стольником и воеводою Дорофеем Афанасьевичем Траурнихтом да перед дьяком Максимом Романовым якутцкий пятидесятник казачей Володимер Отласов и сказал.

(Атласов Владимир — казачий пятидесятник, посланный в 1695 г. из Якутска в Анадырский острог приказчиком. В 1697 г. Атласов отправился на Камчатку, слухи о которой уже давно дошли до Анадырска. По возвращении с Камчатки Атласов направляется с ясаком в Москву, где жалуется в казачьи головы. За грабёж в пути купеческого каравана был по дороге арестован и посажен в тюрьму, где просидел до 1707 г., то есть до восстания камчадалов. В 1707 г. Атласов был освобождён и отправлен приказчиком на Камчатку, где был убит в 1711 г. во время восстания казаков. Наиболее полные сведения об Атласове содержатся в работах Н. Оглоблина

(«Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1888 г., кн. I) и Г. Спасского («Вестник Русского географического общества», 1858 г., ч. 24). О работе Оглоблина см. во вступительной статье; что же касается Спасского, то, всецело доверившись имевшемуся у него рукописному сборнику, Спасский ошибочно утверждает, что Атласов не был убит восставшими казаками, а «тамо скончался». Настоящая «скаска» дана Атласовым в Якутске, вторая — в Москве в Сибирском приказе.)

В прошлом в 203 (в 1695) году, по указу великого государя, послан был он, Володимер, с служилыми людьми за Нос в Анандырское зимовье, для государева ясачного сбора. И собрав казну великого государя в Анандырском с ясачных юкагирей на 205 (1697) год, выслал в Якуцкой город с служилыми людьми. И после ясачного платежа, в том же 205 году, по наказной памяти, пошёл он, Володимер, из Анандырского на службу великого государя, для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали. А служилых де и промышленных людей ходило с ним, Володимером, 60 человек, да для соболиного промыслу Анандырских ясачных юкагирей 60 человек.

И шли де они из Анандырского чрез великие горы на оленях полтретьи недели и наехали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и в Каменном и в Усть-Пенжинском острожках неясачных сидячих пеших коряк человек ста с три и больши, и призывал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служивыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи. А бою де у них с ними не было, потому что по государской учaste учинились они неясашные коряки покорны.

А ружьё де у них — луки и копьё, и начального человека они над собою не знают, а слушают которой у них есть богатый мужик. А товары де надобны им — железо, ножи и топоры и палмы, потому что у них железо не родитца. А соболей де у них на устье Пенжины реки нет, а питаютца они рыбою, и аманатов не держатца.

И от тех де острогов поехал он, Володимер, с служилыми людьми в Камчатцкой нос, и ехал на оленях подле море 2 недели, и от того Камчатцкого носа, по скаскам иноземцов вожей, пошли они через высокую гору и пришед к люторским острогам, к иноземцом к люторам, и по наказной памяти под царскую высокую руку призывал ласкою и приветом и призвав их немногих людей и в ясак

писал с них лисицы. А промышляют де они те лисицы себе на одежду близь юрт своих, а соболи де от них по горам недалече белые, и соболей де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают. И русские люди у них преж ево, Володимерова, с товарищи приезду ниhto не бывали, для того они соболей не промышляли. И бою де у них с ними никакова не было, а ружьё де у них луки и стрелы костяные и каменные, а железа у них нет и не родитца, а опричь железново — ножей и палем и копей — иного они ничего у них не берут. А аманатов де своих они не держатца ж.

И от того острожка отпустил он, Володимер, 80 человек служилых людей да 30 юкагирей подле Люторское море, для проводывания той земли и островов и для призыву под царскую высокосамодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежем. А сам де он, Володимер, с достальными служилыми людьми и юкагирами пошли подле Пенжинское море к Камчатки и к иным рекам.

И недошед Камчатки реки наехали неясачных оленых коряк 2 юрты, и ласково их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де, Володимер, поговоря с служилыми людьми, громил их и побил.

И после того ясачные юкагири Почина с родниками послали от себя к родникам своим к Оме с родниками юкагиря Позделя, и велел им их, Володимера с товарищи, побить, и отнюдь бы де их, Володимера с товарищи, не спущали, а он де, Почина, с родниками своими русским людем не спустит — побьёт их всех. И после того пришед они к Анандырскому острогу, хотели взять и служилых людей побить. А пронеслась де та речь от них же юкагирей и по тому их согласию идучи подле Пенжинское море ясачные юкагири Ома с родниками трое человек отходили от него, Володимера, в сторону и пришед сказали: подсмотрели де они на дороге коряцкой лыжный след. И он, Володимер, для подлинного проводыванья послал с ними служилых людей 4 человек, и он, Ома с родниками, отведя их казаков от него обманом, следу им не оказал и заночевались. И ночью порою 3 человек казаков убил до смерти, а родник де их Еремка Тугуланов на четвёртого человека на Яшку Волокиту пал и убить не дал, и они, юкагири, ево, Яшку, в 4-х местех изранили. И послал, он, Еремка, к ним, Володимеру с товарищи, родника своего, со знаменем с наушками и велел ему про убийство сказать. И родник ево им про убийство не известил, и совестясь с родниками своими, с Омю с товарищи, послал их, что они их побили.

И они, Ома с родниками, на Полане реке великому государю изменили и за ним, Володимером, пришли и обошли со всех сторон, и почали из луков стрелять и 3 человек казаков убили, и его, Володимера, во шти местех ранили, и служилых и промышленных людей 15 человек переранили. И божею милостию и государевым счастием они, служилые, справились и их, иноземцов, от себя отбили и сели в осад, и послали к товарищам своим служилым людям с ведомостью юкагирия, и те служилые люди к ним пришли и из осады их выручили.

И услыша изменниковы родники от коряк вестъ, что родник их Почина с родниками товарищев ево служилых людей обманом побить не могли — многие учали быть покорны. И он де, Володимер, на Кыгыле реке дал им страсть, бил батоги. А изменники де Ома от них ушли.

И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему, Володимеру, служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними итти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут. И он де, Володимер, по челобитью их с Кыгыла реку, взяв вожев дву человек, пошёл с служилыми людьми и остальными ясачными юкагири, которые не в измене, подле моря, на оленях и дошёл на Камчатку реку.

(Как указывает Л. С. Берг, «наименование Камчатка» встречается уже на чертеже Сибири Петра Годунова 1667 г., а в «Списке с чертежа 1672 г.» говорится о реке Камчатке, «Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга», ГИЗ, 1924, с. 5). Первыми из русских, открывших Камчатку, были Дежнев и его спутники, в конце первой половины XVII в. обогнувшие северо-восток Азии. По некоторым известиям, часть людей Алексеева, направившегося в 1648 г. в плаванье совместно с Дежневым, отнесённая к югу, достигла реки Камчатки, и на реке Федотовке, по сведению Миллера, ещё в 1728 г. видны были остатки русских зимовий.)

И наехали 4 острога, а около тех острогов юрт ста с четыре и боле, и подозвал их под царскую высокосамодержавную руку и ясак с них вновь имал, а с кого имяны — подаст книги.

А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки род с родом почасту.

(В «Собрании известий», датированных 1789 г. и хранящихся в 1-м Сибирском комитете, дело № 57, имеются следующие сведения «о избах и острожках камчадалов»: «Каждый род живёт особливо, по большей части на местах, реками, горами и болотами

окружѣнных... в так называемых балаганах, сделанных на столбах вышиною от земли на сажень, иногда же и выше, покрытых наподобие башни, в виде востроверхового шатра, долгою травою... Всякое таковое одного рода жительство называется камчадалским острогом. Причиною сего названия то, что оно не бывавшему в Камчатке, по множеству балаганов, вид башен имеющих, издали всегда показаться должно крепостью».)

А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуды ясаку не плачивали, только что промышляют себе на одежду. А по государскому счастью руским людям они были рады. А ружьё у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца.

И они, камчадалские иноземцы, стали ему, Володимеру с товарищи, говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему, Володимеру, с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить, чтоб они жили в совете. И он де, Володимер, с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадалскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни, и на которые они остроги звали, доплыли и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачный платёж призывали. И они, камчадалы, великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де, Володимер, с служилыми людьми их, камчадалов, громили и небольших людей побили и посады их выжгли, для того чтоб было им встрех и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больше есть. И оттоле пошёл он, Володимер, назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыли — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал, и ясаку просил, и они, камчадалы, ясаку ему не дали и дать де им нечего, потому что они собoley не промышляли и русских людей не знали, и упрасивались в ясаке до иного году.

И с того места пришли, откуда поплыли по Камчатке, и у них де оленные коряки олени их хотели украсть, для того чтоб им, Володимеру с товарищи, великому государю служить было не на чем. И он де, Володимер, с служилыми людьми, увидя их дорогу и следы, за ними погнались, и сугнав их у Пенжинского моря, поставили они с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь,

и божей милостию и государевым счастием их коряков человек ста с полтора убили и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам.

И от того де места пошёл он, Володимер, вперёд подле Пенжинское море на Ичю реку. И услышал он, Володимер с товарищи, у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они, камчадалы, ево русаком. И он де, Володимер, велел ево привести к себе, и камчадалы, боясь государственной грозы, того полоненика привезли. И сказался тот полоненик ему, Володимеру, он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством. Шли де они из Узакинского государства в Индею на 12 бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб, у иных вино и всякая ценинная посуда. И у них де на одной бусе дерево сломило и отнесло их в море и носило 6 месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек, и взяли де их, 3 человек, курильского народа мужики, а достальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед, а где девались — того он им не сказал. И товарищи де ево 2 человека, живучи у курилов, померли, потому что они к их корму не привычны: кормятца де они, курила, гнилою рыбою и кореньем. И тот де индеец им, Володимеру с товарищи, что они русково народа, обрадовался и сказал про себя, что он по своему грамоте умеет и был подъячим и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привёз он, Володимер, в Якутцкой. И взяв ево он, Володимер, к себе и оставил на Иче реке у своего коша, с служилыми людьми.

(Встреченный Атласовым «индеец» оказался японцем из города Осака по имени Денбей. Л. С. Берг считает, что японец себя называл «индейцем» от имени столичного города Ендо, то есть Токио. В начало 1702 г. Денбей был доставлен в Петербург, где было приказано дать ему «из русских робят человека три или четыре, учить их японскому языку и грамоте», см. статью Оглоблина «Первый японец в России, 1701—1705 гг.», «Русская старина», 1891, октябрь, с. 11—24.)

А сам де он, Володимер, с служилыми людьми пошёл подле Пенжинское море вперёд. И послыша их приход, оленные коряки с жилищ своих убежали вдаль, и он де за ними гнался 6 недель. И мимо идучи на Нане, и на Гиги, и на Ники, и на Сиунчю, и на Харюзове реках неясашных камчадалов под царскую высокосамодержавную руку призывал и ясак с них ласкою и приветом имал, а с кого имяны — тому подаст книги.

И оттуды де пошли они вперед и на Кукше и на Кыкше реках оленных коряк сугнали и подзывали их под царскую высокую

руку в ясашной платеж, и они, коряки, учинились непослушны и пошли от них на побег, и он, Володимер, с товарищи их постигли, и они, иноземцы, стали с ним битца, и божиею милостию и государевым счастием их, коряк, многих побили, и дома их и олени взяли, и тем питались, а иные коряки от них убежали.

И оттуды пошед, наехали они курильских мужиков 6 острогов, а людей в них многое число и их под царскую высокую руку призывали ж и ясаку просили, и те де курила учинились не послушны: ясаку с себя не дали и учинили с ними бой, и они де, Володимер с товарищи, из тех острожков один взяли и курилов человек с 50, которые были в остроге и противились — побили всех, а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуда нейдут.

(«Курильскими мужиками» назывались жители так называемой «Курильской лопатки», то есть южной части Камчатского полуострова. В отличие от них жители Курильских островов назывались «мохнатыми курильцами». Чуванцы, о которых упоминает ниже Атласов, племенная группа юкагиров. «Люторы» — алюторы, группа приморских коряков.)

А до Бобровой реки, которая на Пенжинской стороне, не доходил он, Володимер, за 3 дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он, Володимер, с служилыми людьми назад и пришёл на Ичу реку. Божиим изволением олени у них выпали, и итти им было вскоре в Анандырской острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье. А на Камчатку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек. И он, Потап, писал к нему, Володимеру: камчадалы де все живут в совете, а в ясаке упрашиваютца до осени.

И на Иче реке служилые люди били челом великому государю и подали ему за своими руками челобитную, чтоб им с той Ичи реки итти в Анандырской, потому что у них пороху и свинцу нет — служить не с чем. И по тому их челобитью он, Володимер, с служилыми людьми и с полонеником с той Ичи реки пошли в Анандырское зимовье.

И идучи дорогою оленной коряка Эвонто, которой убежал из Анандырского, и сказал ясашным юкагирям, что де Анандырской острог взят, служилые и промышленные люди побиты и аманаты выпущены и чуванского роду Омеля Тюляпсин с товари-

щи 30 человек изменили и дву человек — казака да промышленного — убили.

А в сборе у него, Володимера, ясачной казны — 8 сороков 10 соболей, 191 лисица красных, 10 лисиц сиводущатых, 10 бобров морских, парка соболя, 7 лоскутов бобровых, 4 выдры, да староплатежных юкагирей, которые ходили с ними в поход — 42 соболи, 26 лисиц красных. А у многих де соболей хвостов нет, для того что они, камчадалы, у соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало; а из них шьют наушки.

(Соболи, подбираемые по качеству, связывались пачками по 40 штук и назывались «сороками». Высшего качества соболи подбирались по паре и назывались «паренными»; самые выдающиеся экземпляры, даже не имевшие себе пары, шли одиночками и назывались попаренными.)

А из Анандырского ходу до Пенжины реки тихим путём 3 недели, а от Пенжины до люторских народов 2 недели, а от лютор до камчадальских первых рек 6 недель, а от Кыгыла реки до Камчатки переход на оленях 2 недели, а до Курил ходу от Кугула ж 5 месяцев.

И он де, Володимер, из Анандырского с служилыми людьми и с казною великово государя и с полонеником пошёл в Якутцкой город.

И тот полоненик шёл с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычей и итти было ему невмочь, и он де, Володимер, того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анандырской.

И после того, встретя на дороге прикащика Григорья Посникова, и в том ему говорил, чтоб он ево, не задержав, выслал в Якутцкой с служилыми людьми, и дал ему, Григорью, 35 лисиц красных, чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы.

А книги де он, Володимер, вышеписанной ясачной сборной казне, с кого имяны что взял, подаст за своею рукою вскорю. А дорогою де он, Володимер, тех книг не написал, потому что не было у них писчие бумаги.

И есть ли из Якуцкого на Камчатку служилым людям впредь будет посылка, и с ними надобно послать 2 пушечки небольшие, для страха иноземцом, потому что после их, Володимера с товарищи, тех вышеписанных родов иноземцы остроги свои от приходу русских людей почали крепить.

Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1891, кн. III, с. 5—11

2. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля 1701 г.

1701 году, февраля в 10 день явился в Сибирском приказе якуцкой казачей пятидесятник Володимер Отласов, а по допросу сказал.

Из Якуцкого де он, Володимер, пошёл в 203 году, августа в последних числах, в Анандырское зимовье, для государева ясачного сбора, а с ним было якуцких служилых людей 13 человек. Из Якуцкого де переплыл он в лодках через Лену реку, взяв конные подводы, шли еланскими и луговыми местами до Алдану реки дни с три. А ходу в день будет вёрст по 30-ти. А переехали через Алдан в лодках, а коней от Алдану наймовали, и через реку Алдан плавили повыше устья за день, против реки Токулана. А Алдан река величиною будет против Москвы реки вдвое. А против реки Токулана вверх по правой стороне шли коньми ж, по грязным и каменистым местам до самой вершины 11 дней. А зима захватила их на устье Токулана реки. А та Токулан река меньше Москвы реки. И перешед Токулан реку, пришли на вершину Яны реки, через камень 1 день, и шли по Яне реке вниз коньми недели с две до Верхоянского зимовья.

И в Верхоянском зимовье, наняв новых лошадей, шли на низ по Яне, а Яна река шире Москвы реки, и перешли на Тастак. А Тастак река меньше Москвы реки и мелка. А с Тастаку на Галяндину речку, а та Галянда рч. пала в Индигирку реку, под Индигирским острогом. И шли тою Галяндю речкою до Индигирского острожку на конех же. А всего ходу с простоем от Якуцкого до Индигирского острожку недель по шести и по семи.

А из Индигирского острожку на низ по Индигирке шли на наёмных оленях дней с 5 или с 6, до Уяндинского зимовья. А та Уяндина река пала в Индигирку реку с левой стороны. А от Яндина шли небольшое место на низ по Индигирке и перешли через хребет до Алазейского зимовья, а ходу дней с 8 или с 10. А от Алазейского зимовья на оленях же через хребет шли до Колымы реки до урочища Ярмонги 2 дни. А с Ярмонги шли на низ по Колыме дней с 10 на тартах до Нижнего Колымского зимовья, а то зимовье близь самого устья.

А от Колымского зимовья пошли вверх по Анюю реке и через хребет до Яблонной реки, а по Яблонной вниз до Анандыря реки и по Анандырю вниз до Анандырского острогу, недели с 4, а налехке весною выходят недели с три. А в подводы коней и оленей наймут они служилые люди собою у ясачных иноземцов.

А меж Колымы и Анандыря реки необходимой нос, который впал в море и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону того носу весною льды бывают а летом не бывают. А на том необходимом носу он, Володимер, не бывал. А тутошные инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анандыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острову зимою, как море замёрзнет, приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобны зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он, Володимер, видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными чёрными и красными.

И в Анандырском де зимовье собрал он, Володимер, служилых и промышленных людей человек с 60, а что с теми людьми он, Володимер, учинил и куды ходил и то де писано в допросе ево, [к]оторой прислан из Якуцкого, и в ево, Володимерове, челобитной, что прислана из Якуцкого под отпискою.

А идучи в Камчадалскую землю и из Камчадалской земли питались они оленями, которые полонили они у иноземцов, и рыбою, которую они имали у иноземцов, а иную рыбу сами ловили сетьми, которые взяты были с ними из Анандырского зимовья.

А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породю особая, походит одна на сёмгу, и летом красна, а величиною больше сёмги, а иноземцы её называет овечиною.

А иных рыб много — 7 родов розных, а на русские рыбы не походят. И идёт той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводах. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры.

А ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях, а зимою тех олений впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные.

А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снега бывают небольшие, а в курильских иноземцах снег бывает меньше. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго, против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает.

А в Курильской земле зимою у моря птиц уток и чаек много, а по ржавцам лебедей много ж, потому что те ржавцы зимою не мёрзнут. А летом те птицы отлетают, а остаётца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы

большие и молния бывает почасту. И чаёт он, что та земля гораздо подалась на полдень.

А в Камчатской и в Курильской земле ягоды брусница, черемха, жимолость величиною меньше изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж растут на траве от земли в четверь, а величиною та ягода немного меньше курячья яйца, видом созревшая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие, что в малине. А на деревьях никакого овоща не видал.

А есть трава — иноземцы называют агататка, вышиною растёт в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет — будет бела, и тое траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет — и станет бела и сладка, что сахар.

А деревья растут — кедры малые, величиною против мозжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственничнику, ельнику на камчадальской стороне много, а на пенжинской стороне по рекам березник да осинник.

А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья — шеманы, вышеманят о чём им надобно: бьют в бубен и кричат.

А одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них олени и рондужные.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимные земляные, а летные на столбах вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьём, а ходят в те юрты по лесницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2 и по 3 и по 4.

А питаются рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мёрзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землёю, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что рускому человеку по нужде терпеть мочно.

А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадалы сами, а иная посуда у них есть левкашная и олифляная, а сказывают

они, что идёт к ним с острова, а под которым государством тот остров — того не ведают.

А веры никакой нет, только одни шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки.

И с теми камчадальцы всякую речь, о чём руским людям доведётца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у русских людей.

А он, Володимер, по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает.

А за камчадальцами вдаль живут курильские иноземцы — видом против камчадальцов чернее и бороды меньше. А в той Курильской земле против камчадальской теплее. А одежду носят такую ж, что и камчадальцы, только камчадальцов они скуднее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть тёплое. А бобров больших и лисиц красных много. А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо.

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близ её ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из неё днём идёт дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдёт до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно.

А выше половины той горы которые люди всходили — назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось — не ведают.

А из-под тех гор вышла река ключевая — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубину сажени на три.

А вышеписанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче — того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся. А летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцов никуды не имано.

А жён имеют всяк по своей мочи — по одной и по 2 и по 3 и по 4. А скота никакова у них нет, только одни собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо — шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на деревье стреляют.

А воюются те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют русских людей огненными людьми.

А бои с рускими людьми у них были только до тех мест, как сойдутся с рускими и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадальцы на лыжах, а коряки оленные на партах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекуй лазоревой, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие, выдры.

А на море около люторов зимою лёд ходит, а всё море не мёрзнет. А против Камчатки на море лёд бывает ли, не ведает. А летом на том море льду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посылал он, Володимер, казака для проводыванья иноземцов, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадальских иноземцов от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах живёт людей человек по 200 и по 150. А летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта. А до русских людей острогов у них было меньше, а при русских людех острожков наставили больши для опасения, и из тех острожков бьются — бросают камнем, пращами и из рук большим камнем с острогу мечют и обвостренным кольем и палками бьют. И к тем острожкам русские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им бегать, и в тех воротах многих их иноземцов противников побивают. А где острожки сделаны земляные, и к тем русские люди приступают и разрывают землю копьём, а иноземцам на острог взойти — из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадальской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжи[ны] реки до Кыгылу на берегах лёд бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лодке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов курильским иноземцем проходит цениная посуда и платье даб полосатых и пёстрых китаек и леновые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чом с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в камчадальской стороне выше Камчатке к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцов нерпичей и каланской жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо.

(«Понеже ныне никакой реки на Камчатке Каланкою не называют, — пишет Крашенинников, — ...чего ради думать должно, что Атласов под именем Каланской реки разумеет Индыг или реку Озерную» (т. II, стр. 193, примечание). Далее он делает предположение, что Каланской её Атласов назвал потому, что там ловят морских бобров, которых раньше называли каланами.)

А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет — и каланы остаются на земле и их копыями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые, а береги деревянные крепкие. А Амур река далеко ль — про то он не ведает.

А у пенжинских иноземцов для морского ходу бывают вместо лодок байдары — сшиты из нерпичей кожи, в длину сажень 6, а поперег сажени $1\frac{1}{2}$, и в середине ставят деревянные распорки и решётки, и в тех байдарках человек по 30 и по 40 на море плавают для нерпичего и жирового промыслу, а далеко ль на море в тех байдарках выходят — про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20-ти, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимним временем.

А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места тёплые и земли чёрные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают.

А руды серебряные и иные какие есть ли — того не ведает, и руд никаких не знает.

А полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом чёрн. А как увидел у русских людей образ божий — зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное по руски, для того что жил он с ним, Володимером, 2 годы, а иное говорил через толмач по коряцкому языку, для того что у иноземцов жил он до него, Володимера, два ж годы. А сказывался индейцом и золота де у них родится много, палаты цениные, а у царя де индейского палаты серебряные и вызолочены.

А у курильских иноземцов взял он, Володимер, серебряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл её индейскою

копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей, стежную на бумаге хлопчатой.

И тот полоненик шёл с ним, Володимером, на лыжах от Анандырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбел и затем поворотил его назад в Анандырское зимовье, и буде он оздоровеет, то он с русскими людьми в Якутцкой выйдет. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен.

Да он же, Володимер, вёз с собой камчадальского князца к Москве, для подлинного о той земле уведомления, и тот иноземец говорил по руску, и в Кайгородцком уезде воспою умер.

А у сибирских иноземцов у всех учливости никакой нет — люди худые, чистоты никакой не имеют.

Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1891, кн. III, с. 11—18

Восстание камчадалов в 1707—1711 гг.

3. «Челобитная» служилых людей Анциферова, Козыревского и других Петру I от 26 сентября 1711 г.

Державнейший царь, государь милостивейший! В нынешнем 711 году, в Верхнем и в Нижнем в Камчадальских острогах, прежде бывшие прикащики от нас, рабов твоих, побиты (см. ниже, документ № 4), а за что они, прикащики, побиты, и в той своей страдничьей вине подали тебе, великому государю, за руками две челобитные в Верхнем Камчадальском остроге прикащику служилому человеку Алексею Александровых, апреля в 12 день. И за такую свою страдничью вину пошли мы, раби твои, вышеписанного месяца из камчадальских острогов служить тебе, великому государю, на Большую реку, умирать изменников, которые в прошлом 707 и 710 годах тебе, великому государю, изменяли и ясачное зимовье и острог на Большой реке сожгли, а твою, великого государя, сборную ясачную казну разграбили, и прикащика со служилыми людьми побили, и с того вышеписанного 707 году по нынешней 711 год повсягодно многих служилых людей побивали ж, а твою, великого государя, сборную ясачную казну, порох, и свинец, и пищали побитых служилых людей отбили ж. И будучи мы, раби твои, на Большой реке, апреля 23 числа, лутчего иноземца Кушугу с родниками ласкою и приветом под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежом из острогу его вызывали и вызвать не могли. И ныне от нас, рабов твоих, тот его Кушугин острог крепким приступом взят; и на том приступе нас, рабов твоих, многих на

смерть испереранили, а иных камением увечили, трёх человек служилых убили, а его лутчего иноземца Кушугу из за бою в аманаты взяли, и ныне из за того аманата с родников его ясак тебе, великому государю, собирается. И на том их месте мы, раби твои, ниже прежнего ясачного зимовья острог земленой построили, а в нём ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили (построенный Анциферовым и Козыревским острог был назван Большерецким); а прежних воров заводчиков лучших иноземцов Карымчу Товача с товарищи под твою царскую высокосамодержавную руку ласкою и приветом, службою своею и радением мы, раби твои, к ясачному зимовью с ясачным платежом 8 человек призвали и ясак с них тебе, великому государю, взяли, а их в аманаты изсажали. И нынешнего ж 711 году, мая в 21 день, вор и заводчик, лутчей иноземец Большая реки Канач, собрався с родами своими Большой реки пяти острогами, и подозвав к себе с иных многих посторонних рек иноземцов, в многолюдстве к ясачному зимовью и к острогу с приступом приходили, хотя он, Канач, по прежнему своему лукавому умыслу и понадеяся на своё великое многолюдство, ясачное зимовье и острог взять, а нас, рабов твоих, побить, а из казёнки аманатов выручить. И мы, раби твои, Большой реки острог и ясачное зимовье от таких неприятельских немирных иноземцов и от великого их многолюдства своим малолюдством отстояли, и казну твою, великого государя, и аманатов оберегли, и к ним на вылазку из острогу своего с ратным боем выходили и от острогу своего вспять их прогнали, и на побеге его пуцага вора заводчика Канача со изменники побили; а остальные иноземцы в крепкие остроги засели; и мы, раби твои, под острогом Тавачевым, мая с 21 числа июля по 8 число, стояли тайно, себе великой голод принимали и многими крепкими приступы приступали; а на приступех нас, рабов твоих, под тем Тавачевым острогом многих на смерть испереранили. И видя они, иноземцы, наши крепкие к себе приступы, отсидеться в остроге не могли и из острогу своего выбежали; а иные остальные иноземцы тебе, великому государю, вину принесли. И ныне тот их Тавачев острог взят и разорён, а из 4-х острогов тутошних иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежём привели и умирили. А в прошлом, государь, в 706 году, будучи в Камчадалских острогах, прикащик Василей Колесов посылал в поход служилых людей в Курильскую землю для умирительства на немирных иноземцов. И будучи служилые люди в Курильской земле, от Курильского острогу видели за переливами землю по Пенжинскому морю, на той земле не

были, и какие люди тамо пребывают и какую битву имеют и какими они промыслы промышляют, про то они в достаток, служилые люди, сказать не знали. А в нынешнем, государь, в 711 году, мы, раби твои, с Большой реки, августа с 1 числа, в ту Курильскую землю край Камчадальского Носу ходили; а где прежде сего служилые люди у Курильского острогу были, и от того их места до самого края Камчадальского Носу 2 дни ходу, и с того Носу мы, раби твои, в мелких судах и байдаром за переливами на море на островах были, и до той земли доходили, где велено нам, рабом твоим, по твоему, великого государя, указу, проведать и дать той земле особой чертёж. И будучи мы, раби твои, за первым переливом на первом острове, на усть Кудтугана реки, те курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкой. И к бою ратному тамошние курильские мужики досужи, и из всех иноземцов бойчивее, которые живут от Анандырского по Камчатскому Носу. И божию помощию, у них, курильских мужиков, 10 человек побили, а иных многих испереранили, и 3 карбаса морских у них отбили. А на том их острове соболей и лисиц не живёт и бобрового промыслу и привалу не бывает, и промышляют они нерпу, а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьего перья. А за другим переливом, на другом острове, на Ясовилке реке, живут иноземцы езовитяне, и собралось их многое число, а бою с нами они не дали, а чрез толмач под твою царскую высокосамодержавную руку ласкою и приветом призывали. И они, иноземцы, нам, рабам твоим, сказали, что де мы здесь живучи ясаку платить никому не знаем, и прежде де сего с нас ясаку никто не бирывал, соболей и лисиц не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего приходу бобры, и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные тканые пёстрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего; а впредь ясак тебе, великому государю, платить хотят ли, про то нам, рабом твоим, не сказали. И стояли против нас своим великим войском изоружены, на битву с нами были готовы. И мы, раби твои, стояли на той их земле двой сутки, а дать бою с ними, за своим малолюдством и за скудостью пороховою, не посмели и себя от них опасли. И с той их земли мы, раби твои, в новопостроенной земной острог на Большую реку пришли сентября в 18 числе, и тому, государь, учинили за руками чертёж. И ныне мы, раби твои, против твоего, великого государя, указу, каков был дан указ прежде бывшим при-

кащиком о проведении в Курильской земле против Камчадальского Носу на море за переливами землю проведали. А которых прошлого 710 году мы, раби твои, Апонского государства жителей у немирных иноземцов на Жупановской реке по бобровскому берегу отбили (в 1710 г. к северу от Авачинской губы было выброшено на берег японское судно. Четырёх японцев камчадалы убили, шестерых взяли в плен. Четырёх пленённых камчадалами японцев казаки отбили, и один из них, Санима, в 1714 г. был привезён в Петербург, см. документ № 4), и они сказывают, что де от вышепомянутой дальней земли, которую землю в полуденной стороне видите на море близь де Матмайского города и Апонского государства, и об том Матмайском и Апонском государстве радетельное своё тщание к службе твоей, великого государя, мы, раби твои, приложим и чрез дальнюю видимую землю проведать впредь обещаемся.

Всемилоостивейший государь, просим вашего величества, вели, великий государь, сию нашу челобитную в Верхнем Камчадальском остроге прикащику Василью Севастьянову принять и в Якуцк под отпискою челобитную и чертёж послать.

Вашего величества нижайшии раби служилые люди:

*Данило Яковлев сын Анцифоров,
Иван Петров сын Козыревской,
Алексей Посников, Матвей Дюков,
Дмитрей Торской, Андрей Кутьин,
Алексей Меледин, Гаврило, Келтяка,
Василей Барашков, Лука Савинский,
Алексей Михалёв*

с товарищи, нынешняго 711 году,
сентября в 26 день.

Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I, с. 459—464

Восстание казаков в 1711 г. и сведения о собранном на Камчатке ясаке с 1707 по 1718 гг.

4. «Отписка» якутских воевод Петру I от 14 марта 1712 г.

Великому государю... холопи твои Яков Елчин, Иван Татариннов челом бьют. В прошлом, государь, 706 году, по твоему, великого государя, указу и по грамоте из Сибирского приказу, за приписью дьяка Ивана Чепелева, прибытии в Якуцку стольников и воевод Юрья да Михайла Шишкиных послан на твою, великого государя,

службу в камчадалские остроги для обору твоей, великого государя, ясачной казны, якуцких казаков голова Володимер Атласов с новоприборными разных городов и с якуцкими служилыми людьми; и о той его, Володимеровой, с служилыми людьми посылке к тебе, великому государю, к Москве в Сибирской приказ писано. Да в прошлом же, государь, 707 году, мая в 28 день, в твоей, великого государя (полное), грамоте из Сибирского приказу, за приписью дьяка Ивана Чепелева, в Якуцк писано, велено послать из Якуцка в камчадалские ж остроги охотников и в неволю и холостых казаков и казачьих детей и промышленных людей добрых и ко всякому делу искусных 100 человек, да к тем в прибавку из Енисейска, из Тобольска, и из Брацкаго, и из Илимска, и из казачьих же детей 70 человек; а которые казаки или казачьи дети похотят вместо себя в ту службу нанимать из охочих и из гулящих, и им в ту службу нанимать и дать им в Якуцку твоё, великого государя, денежное и хлебное и соляное жалованье против якуцких холостых казаков на 2 года, да по пищале человеку. Да в ту ж посылку дать 4 пушки малых да пороху мелкого винтовального 10 пуд, свинцу то ж число, да с Москвы твоего, великого государя, жалованья служилым людем денег 2 000 рублём, да из Якуцка из таможенного и кабацкого сбора из иных доходов отпустить 3 000 рублём, всего 5 000 рублём, да товаров на иноземскую руку на 100 рублём и призывать их иноземцов, всячески домогаючись, или службою, как возможно, под твою, великого государя высокосамодержавную руку в ясачный платёж немалое число. А которые люди на Камчатку реку пойдут, и в чём учнут быть противны, или непослушны, и станут играть зернью и каким воровством промышлять, и начальным людем, которое с ними посланы будут, тех служилых людей от воровства их унимать и за ослушание и воровство чинить им наказание, смотря по винам, бить кнутом и батоги; а которые и смертной казни будут достойны, и таких, за дальным разстоянием, казнить велено, не описываясь к тебе, великому государю, к Москве и в Якуцкой.

И по тому великого государя указу посланы из Якуцка на твою службу в камчадалские остроги прикащики и с ними якуцкие и новоприборные разных городов служилые люди: в 707 году сын боярской Пётр Чириков, в 708 году сын боярской Иван Панютин в 709 году пятидесятник Осип Липин, в 710 году Василий Севастьянов, в 711 году дворянин Василей Колесов, а сколько служилых людей и на жалование им твоей, великого государя, денежной и подарочной казны и пороху и свинцу и пушек и ружья послано,

и что им для той камчадальской службы твоего, великого государя, денежного и хлебного и соляного жалованья в Якуцку дано, о том к тебе, великому государю, к Москве в Сибирской приказ якуцкой прежней воевода стольник Дорофей Траурнихт и я, холоп твой Иван Татаринов, писали имянно в прошлом же 711 году, октября в 6 день, с якуцким сыном боярским Григорьем Ждановым с товарищи. И в нынешнем, государь, 712 году, генваря в 30 день, в описке наказного прикащика казака Алексея Пещера из Верхнего Камчадальского острогу к прежнему воеводе Дорофею Траурнихту и ко мне, холопу твоему Ивану Татаринову, в Якуцк написано. Посланной же из Якуцка прикащик казачей пятидесятник Осип Липин, на перемену к прежнему прикащику сыну боярскому Петру Чирикову с служилыми людьми в камчадальские остроги пришёл Пенжинским морем августа в 22 день 710 году, и в наличной твоей, великого государя, денежной и пороховой и свинцовой и оружейной и в подарочной казне и по спискам в служилых и промышленных людех и в аманатах, опричь сборной прошлых годов твоей, великого государя, ясачной соболиной и лисичной и бобровой казны с ним Петром росписался, а сборную твою, великого государя, соболиную и лисичную и бобровую казну Пётр Чириков с служилыми людьми, которые наряжены были с тою казною в провожатых до Якуцка, из Верхнего Камчадальского острога осенним временем сплавил по Камчатке реке, в батах, в Нижней Камчадальской острог, и убрана ясачная соболиная и лисичная и бобровая казна в анбарах. А Осип де Липин, в бытность свою в Верхнем Камчадальском остроге на приказе, декабря с 1 числа, собрав твоей, великого государя, казны 31 соболь и 3 лисицы красных, и декабря с 6 числа того ж 711 году поехал он, Осип, из того острогу в Нижней острог для розряду и о высылке кормов на другое море, на Кигиль, служилых людей, которые наряжены итти с твоею, великого государя, казною в Якуцкой город с Петром Чириковым по Пенжинскому морю, и ему де, Алексею, по заручной своей памяти, велел он, Осип, быть в Верхнем Камчадальском остроге закащиком, и для осторожности у твоей, великого государя, казны и у ясачногобору и у служилых людей и у аманатов до его, Осипова, приезде; и управа де он, Осип, в том Нижнем остроге о твоей, великого государя, казне и о служилых людех, поехал в Верхней Камчадальской острог с прежним прикащиком Петром Чириковым. И генваря де в 29 день, прежних посылок у служилых людей Данила Анцифоровых с товарищи учинилась злая мысль: не допустя де до острогу из тех служилых 3 человека, по его, Данилову, с товарищи велению,

Харитон Березин, Григорей Шибанов, Степан Большаков ножом его, Осипа, зарезали до смерти. И пришед де они, Данило с товарищи, 20 человек, в ясачное зимовье, про то убийство сказали, а по дорогам де от нижнего зимовья поставили они заставы, чтоб о том в Нижней острог ведомости не пропустить. И учили де они, Данило с товарищи, призывать к своему зломыслию иных волских чинов людей и говорили: естли де кто с ними хочет служить на Большой реке и смирять неприятельских неясачных людей, тот бы к ним выступался. И по тому де их призыву пристали к нему, Данилу, с товарищи казаков 11 человек, а остальные де служилые люди в Верхнем Камчадальском остроге про тот их, Данилов с товарищи, злой совет не ведали. И собралось де у него, Данила, в Верхнем Камчадальском остроге служилых и промышленных людей 31 человек.

И генваря де в 30 день 711 году, они, Данило с товарищи, из Верхнего острогу собрався, пошли в Нижний острог, а для какова вымыслу пошли, того де они, Алексей и служилые люди, которые остались в Верхнем Камчадальском остроге, не знали ж. А смирить де и перехватать тех убойцев в то время было не с кем, потому что служилые люди разосланы в посылки по разным сторонним рекам для сбора твоей, великого государя, ясачной казны, а за теми де посылками осталось у него, Алексея, в том остроге служилых и промышленных людей, которые твоему, великого государя, указу были послушны, малолюдство. И живёт де он, Алексей, с ними, остальными людьми, у твоей, великого государя, казны с великим опасением, боясь его, Данила, потому что он, Данило, собрався многолюдством, заводят круги, и называют его, Данило, атаманом, а Ивана Козыревского ясаулом, и учинены у них меж собою десятники, и вынесши де знамя, в ту злую мысль призывают и иных служилых и промышленных людей в неволю, кто итти не похочет, и тех убьют каршами. А после де убийства Осипа Липина, он, Алексей, своею посылкою собрав твоей, великого государя, ясачной соболиной и лисичной и бобровой казны в Верхнем Камчадальском остроге и с прежних ясачных изменников Пенжинского и Бобровского моря на 711 и на прошлые годы, всего и с Осиповым сбором 18 сороков 27 соболей, 153 лисиц красных, 5 лисиц сиводуцатых, 28 бобров морских, и та сборная твоя, великого государя, ясачная казна ныне в Верхнем Камчадальском остроге положена в казённой анбар. Да в том же де казённом анбаре твоей, великого государя, казны после Осипа Липина, за всякими росходы, явилось в остатке на лицо денег по счёту 2 р. 23 ал. 4 деньги,

да воинских припасов 1 пуд 23 фунта пороху пушечного, 1 пуд 2 фунта пороху ручного в двух флягах, 2 пуда 11 фунтов свинцу, 268 ядер пушечных, знамя тафтяное ветхое, 3 пушки в станках, 8 пищалей гладких, 2 дротика, да товаров на иноземческую руку 26 фунтов меди в котлах, 25 фунтов олова в блюдах и прutowого, 10 фунтов одекую, да бумаги пищей 50 дестей, 2 нопарьи, в том числе 1 ломаная, безмен весчей, гирия и оправа медные; да пожитков Якова Ярославцова, которые доправлены на нём и взяты в твою, великого государя, казну, 6 сороков 23 соболя за деньги, что даны ему были в Якуцку из твоей, великого государя, казны 500 рублёв в посылку в камчадальские остроги служилым людям на жалование; и тех де денег он, Яков, в камчадальском остроге на лицо не отдал; да в том анбаре 2 лисицы бурые без хвостов, драные и прелые, которые принесли в яшашную избу вышеписанные Данило Анцифоровых с товарищи, а взяли де они те лисицы у прежняго казачья головы Володимера Атласова. Да они ж, Данило Анцифоров с товарищи, принесли Верхнего острога в ясачное зимовье и отдали ему, Алексею, твои, великого государя, всякие дела, и окладные денежные приходные и расходные и ясашные книги, и указные памяти, и прикащичьи росписные списки и всякие записки; а которых годов и по имяном прикащиков приходные и расходные книги и дела и записки и указные памяти, того имянно в той его, Алексеевой, отписке не написано. Да в том же де анбаре объявилось твоей, великого государя, десятинные казны сбору бывшего прикащика Осипа Липина, что он собрал с промышленных людей 17 соболей, да денег 8 р. 10 ал. И марта де в 20 день того ж 711 году, вышеписанные воры Данило Анцифоров с товарищи, приехав в Верхней Камчадальской острог, вызвав к себе на постоялый двор прежнего прикащика сын боярского Петра Чирикова, которому идти было с твоею, великого государя, ясачною казною в Якуцкой, и связав ему руки назад, и наложив на ноги кандалы, бросили его в воду и в воде кольями убили до смерти. И апреля де в 17 день, после убийства прикащиков Осипа Липина и Петра Чирикова те убийцы, Данило Анцифоров с товарищи, с 75 человеки, ему, Алексею, в Верхнем остроге в ясачной избе подали за своими руками три повинные челобитные о убийстве казачья головы Володимера Атласова и прикащиков Осипа Липина и Петра Чирикова, каковы челобитные он, Алексей, под отпискою своею прислал в Якуцк. А в тех их повинных заручных челобитных 75 человек, в том числе в первой и второй написано: Осипа де Липина и Петра Чирикова убили за то: будто они, Осип и Пётр, твоею, великого государя,

казною воровали и в камчадальских острогах своею упрямкою тое казну остановили, и ясачных иноземцов своими обиды и налоги в штатость привели, и денежное де жалованье у них, казаков, отъимали, и непомерные к ним великие обиды и налоги чинили; а челобитчиков де их до Якуцка они, прикащики, ведая на себя многие улики и воровство, не допустили б и в том де их прикащичьем убийстве тебе, великому государю, они, Данило с товарищи, вину свою приносят.

(Волнение казаков на Камчатке в 1711 г. вызывалось не только целым рядом злоупотреблений со стороны камчатских приказчиков, не ограничивавшихся выколачиванием в свою пользу сверхъясака с туземцев и часто наживавшихся даже на казаках, задерживая так называемое «казацкое жалованье». Решающим требованием восставших был делёж награбленного у туземцев поровну между всеми казаками. В этом заключался и смысл образования казачьего круга, когда после избрания атамана и есаула казаки разъезжали по Камчатке, собирая для себя ясак.)

А против де челобитья их, Данилова с товарищи, в Нижнем Камчадальском остроге прикащик Козьма Марманской для умирения на Большой реке изменников из твоей, великого государя, казны пороху и свинцу им не дал за скудостью де порохов и свинцов купить им нечем. И они де, Данило с товарищи, после побитых прикащиков пожитки свои у них взяли, которые нападками своими они, прикащики, с них, казаков, брали, в том числе у Петра Чирикова 15 сороков соболей, 500 лисиц красных, 30 бобров морских и на те де взятые соболи и лисицы купили пороху, нарты с собаками, куклянки и парки, и пошли де они, Данило, служить тебе, великому государю, на Большую реку. Да в прошлом де 710 году, по Камчатскому Бобровскому морю в Калигирскую губу Апонского государства жителей на бусе принесло 10 человек, и ту их бусу в Калигирской губе к земле морем розбило, и подсмотря их неприятельские иноземцы боем на них напущали и 4 человек убили, 6 человек к себе в полон взяли, и они, служилые люди, тех иноземцов 4 человек боем отбили.

И в прошлом 711 году Апонского государства вышеписанные из тех 4 человек двое, живучи в камчадальских острогах, по руски говорить надознались малое число, а сказывают де государство свое Эдо, а около того их государства стоят 7 городов не по дальному разстоянию, но поблизку город от города. А стоит де их государство против Камчацкого Носу на Пенжинском море на острове; а сказывают, в своём государстве и в городех золото и серебро

родитца, камки и китайки и дабы делают; а про иные свои товары и которые руские им удобны сказать в достаток не знают, для того, что они рускому всему разговору вскоре не навыкли. В третьей челобитной написано. В прошлом де 711 году ведомо им, Данилу с товарищи, учинилось: казачей голова Володимер Атласов держит у себя в доме доброго зверя лисицу чернобурую, и они де приехав в Нижней Камчадальской острог небольшими людьми и хотели его, Володимера, связать и про такого доброго зверя спросить, и он с служилыми людьми стал драться, и служилые де люди Алексей Посников, Григорей Шибанов, Андрей Петровых, боронясь от себя и опасаясь от него, Володимера, к себе убойства, с их казачья совету, в такой случай убили его, Володимера, до смерти, а после де того нашли они в доме у жены его, Володимеровой, 2 лисицы бурые, которые отдали они в Верхнем остроге в твою, великого государя, казну, а про третью де добрую чернобурую лисицу жена его, Володимерова, в Нижнем остроге в ясачной избе им сказала: муж де её, Володимер, в 707 году на оборе тое лисицу бросил в огонь.

Да Верхнего ж и Нижняго Камчадальских острогов остальных служилых и промышленных людей Алексея Александровых, Фёдора Ярыгина, Семёна Ламаева с товарищи, 91 человека, которые в злую мысль и в совет к Данилу Анцифорову с товарищи не пристали, в дву их известных челобитных, каковы под отпискою прислал Алексей же Пещора, написано. Камчадальские де казаки, вор Данило Анцифоров с товарищи, забыв страх божий и преступи крестное целованье, вышепомянутых казачья голову и прикащиков Осипа Липина, Петра Чирикова побили до смерти и пожитки их по себе разделили, и чтоб те их изветные челобитные на таких воров и крестопреступников ему, Алексею, для оправдания их, в камчадальских острогах принять и под отпискою послать в Якуцк, чтоб им впредь напрасно от них, Данила с товарищи, воровства не погнать и не раззорится. Да вышеписанные ж Данило Анцифоров с товарищи били челом тебе, великому государю, а в Верхнем Камчадальском остроге тому ж Алексею Пещере подали за руками своими челобитную, а в челобитной их написано. Идут де они, Данило с товарищи, служить тебе, великому государю, на Большую реку, для умирения неприятельских людей и приводить под твою, великого государя, царскую самодержавную руку и в вечной ясачной платёж призывать, и чтоб им из твоей, великого государя, казны выдать пороху и свинцу и подарочной казны. И он, Алексей, против челобитья их, выдал им 20 фунтов пороху пушечного крупного, 10 фунтов ручного, 12 фунтов свинцу, да подарочной 5 фунтов

одекую, котёл зелёной меди, весом 5 фунтов, а из Верхняго Камчадальскаго острогу с ним, Данилом, служилых и промышленных людей всех собралось 44 человека, а с ним де, Алексеем, осталось в Верхнем остроге служилых людей только 45 человек, в том числе иные престарелые и хворые. Да генваря вышепомянутого 30 числа ныншняго 712 году, из Нижняго Камчадальскаго острогу в отписке закащика казак Козьмы Марманскаго в Якуцк к прежнему воеводе Дорофею Траурнихту и ко мне, холопу твоему Ивану Татаринову, написано. Прикащик де Осип Липин пришёл в камчадальские остроги августа в 22 день 710 году и прежнему прикащика Петра Чирикова в Нижнем Камчадальском остроге заехал, и во всем он, Осип, с ним, Петром, расписался, опричь сборной твоей, великаго государя, ясачной казны. А расписався де он, Осип, пошёл из Нижнего в Верхней Камчадальской острог, а его, Козьму, оставил в том остроге закащиком для сбора твоей, великаго государя, ясачных казны, а зимовье и служилых людей и аманатов у Петра Чирикова принял с роспискою. А расписався де он, Осип, его, Петра, и служилых людей, которые наряжены были со сборною твоею, великаго государя, ясачною казною в провожатых в Якуцк из Верхнего Камчадальскаго острогу в Нижней острог, по осени водяным путём на поромах отпустил всяких сборов прошлых годов 155 сороков 15 соболей, две лисицы бурые, лоскут лисицы бурой, 14 лисиц сиводущатых, 1 794 лисицы красных, 172 бобра морских да на 711 год собрал он, Козьма, со служилыми людьми в Нижнем Камчадальском остроге ясачные казны 24 сорока 16 соболей, 2 лисицы сиводущатых, 442 лисицы красных. Да в твоей, великаго государя, казне прежнему прикащика Петра Чирикова пожитков 20 сороков соболей, шуба пластинчатая, лисица, за его, Петровою, печатью 50 лисиц красных, служиваго человека Семёна Ламаева 15 сороков соболей, промышленнаго Ивана Орехова 8 сороков соболей да таможнаго десятиннаго сбору 191 лисица красных, 15 бобров морских, 6 лисиц сиводущатых, да годоваго оброку с промышленных людей 7 соболей, 3 лисицы сиводущатых, 90 лисиц красных. Всего в камчадальских острогах твоей, великаго государя, соболиной казны и таможеннаго сбору и прикащикых пожитков 248 сороков 25 соболей, шуба пластинчатая, 3 лисицы бурых, лоскут лисицы бурой, 30 лисиц сиводущатых, 2 648 лисиц красных, 215 бобров морских, и та сборная твоя, великаго государя, окладная и неокладная казна в Нижнем положена в казённой амбар. И будучи де он, Осип, в Верхнем декабря по 6 число, и с того числа поехал он, Осип, в Нижней Камчадальской острог, для отпуску

в Якуцкой с твоею, великого государя, казною и для наряду служилых людей. И приехал де он, Осип, в Нижней декабря в 13 день, и с твоею, великого государя, казною нарядил он, Осип, служилых людей в Якуцкой Пенжинским морем из Нижняго за волок на другое море на Кигиль с кормами, и управля де он, Осип, в Нижнем об отпуске твоей, великого государя, казны, поехал в Верхней острог с Петром же Чириковых генваря в 13 день. И февраля де 1-й день 711 году, Верхняго Камчадальского острогу служилые люди Данило Анцифоров, Иван Козыревской, в четырёх человеках, приехав в Нижней острог в самое оплошное время, повечеру, и приезд де его, Данилов, в Нижней острог никто служилые люди не ведали. И подослал де он, Данило, к голове казачью Володимеру Атласову в дом с ложною составною грамоткою 3 человек служилых людей; Алексея Посникова, Григорья Шибанова, Андрея Петровых и велел зарезать его, Володимера, до смерти, в кое время он, Володимер, приняв грамоту, учёт прочитать. И они де, Алексей Посников с товарищи, пришед, застали его, Володимера, в доме соннова и в верхней горнице зарезали ножами до смерти. И то ж де время послал он, Данило, по товарищей своих, а товарищи де его, Даниловы, были оставлены в прикрытом месте в лесу, от острогу разстоянием в полуверсте, и объявилось с ним, Данилом, казаков из Верхнего острогу 31 человек, и стали де они, Данило, десятками своими на 3 двора, с нарядным делом, с оружием и с копьями и учили де статки и животы прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина делить по себе и служилых людей к себе в думу призывать. И подозвал де он, Данилов, в том Нижнем остроге к себе в злую думу и в шатость служилых и бездомовных 31 же человека, и собралось де у него, Данила, в той злой думе многолюдство.

А из Нижнего де острогу служилые люди многие были в тех числах разосланы для ясачного твоего, великого государя, сбора в разные иноземские остроги и по рекам; а за теми де розсылками оставалось в том остроге всякого служилого людю малое число, и ныне де в Нижнем остроге после его, Данила Анцифорова, осталось на лицо только 78 человек, и из них многие стары и дряхлы и твоей, великого государя, службы служить не могут, а в злой де совет те служилые люди к Данилу Анцифорову не пошли. И он де, Козьма, с теми остальными вышеписанными служилыми людьми живёт у всей твоей, великого государя, казны с великим опасением и бережью, боясь от злых худых многолюдства людей такова ж убийства, потому что де он, Данило, с товарищи заводили круги и знамена выносили, и под знаменем друг друга каршами

били, и называли его, Данила, атаманом, и меж собою ясаулами и десятниками росписывались. Да в том же де Нижнем остроге были за караулом 4 человека полонеников Апонского государства, которых взял в походе прежней прикащик Пётр Чириков на Бобровском море бусою розбитых морем, изготовлены были в отпуск в Якуцкой, из того де числа Данило Анцифоров с товарищи взяли сильно 2 человек и увезли с собою, а ныне де осталось в Нижнем остроге тех полонеников 2 человека. Да в тех же числах он, Данило, товарищей своих, 8 человек, на Пенжинском море на Кигиль реку посылал по пожитки Володимера Отласова. И те его, Даниловы, посыльщики, езда на Кигиле реке, пожитки Володимера Отласова взяли и кормовые запасы служилых людей, у которых были перевезены в отпуск в Якуцкой за волок, все побрали и твои, великого государя, судовые припасы, паруса и шеймы, которые оставлены были от прикащика Осипа Липина, и те де парусы драли и судовые припасы резали и по себе делили. И от того де их, Данилова, убийства и грабежу, тем Пенжинским морем в Якуцкой отпуск учинилась твоей, великого государя, казне остановка. И он де, Козьма, с служилыми людьми, с тою твоею, великого государя, вышеписанною сборною всякою наличною казною и остальными двумя человека посланниками намеряет итти Олюторским морем и строить по Камчатке реке под твою, великого государя казну суды мелкие, скудости ради и недостатков снастей и парусов. А по Пенжинскому морю, при бытности своей, бывшей прикащик Осип Липин хотел итти с одною твоею, великого государя, соболиною казною, а лисичную же и бобровую оставить в Нижнем остроге для того: им де тем Пенжинским морем со всею казною поднятца не на чем; и на Кигиле де реке служилые люди судового лесу на строение судов не обискали; а Осип де Липин пришёл на 6 судех мелких, и всю твою, великого государя, казну теми мелкими судами поднять было ему не в мочь же. И по вышепомянутым, государь, камчадалских прикащиков Алексея Пещеры и Козьмы Марманского отпискам, февраля в 2 день нынешняго ж 712 году, прежней воевода стольник Дорофей Траурнихт и я, холоп твой Иван Татаринов, велели ту камчацкую сборную 707 и 708 и 709 и 710 и 711 годов твою, великого государя, казну и всякую мягкую рухлядь посланному нынешняго 712 году прикащику, дворянину Василью Колесову, с прежним прикащиком с Васильем Севастьяновым, или с кем надлежит, выслать в Якуцкой без всякого одержания, и до Акланского и Анандырского велети твою, великого государя, казну везти с великим опасением, чтоб до Анандырей ту казну проводить от немирных иноземцов и довести в целости.

А вышеписанных воров и бунтовщиков, пущих к злему умыслу заводчиков и смертных убийцов, Данила Анцифорова, Харитона Березина, Степана Большакова, Алексея Посникова, Григорья Шибанова, Андрея Петровых в смертном убийстве камчадальских прикащиков казачья головы Володимера Атласова, Осипа Липина, Петра Чирикова, по их, Даниловым, с товарищи повинным челобитным, и пущих заводчиков всех, которых у тех челобитен руки есть, сыскав роспросить, и в том злом умысле и в смертных убивствах пытатъ накрепко, кто из них к такому злему умыслу и к смертному убийству, сверх Данила Анцифорова с товарищи, ещё пущие заводчики. А по роспросам и пыточным речем, по твоему, великого государя, указу и по соборному уложению и по градским законам, и по новым статьям 177 (1669 г.) и по статьям же 192 (1684 г.) и по наказным статьям 205 (1697 г.), и по 3 твоим, великого государя, грамотам 707 годов, и их повинных челобитен, тех вышепомянутых воров и смертных убийцов, Данила Анцифорова с товарищи, 6 человек, буде они с пыток в том убийстве против своих повинных челобитен повинятся, при многих руских людех и иноземцах, велели казнить смертию для того, что они в повинных своих челобитных написали: убили де они вышепомянутых прикащиков Володимера Атласова за то, будто он с казаками стал драться, а Петра Чирикова и Осипа Липина будто за изгони и налоги их и за отерь у них денежного жалованья. Да и для того их воров велели казнить смертию, чтоб в такой дальней стране впредь иные также воровать не помышляли и к такому злу не приставали и прикащиков побивать до смерти не дерзали; а достальным всем, которые в том злом совете и умысле были, велели учинить жестокое наказанье, бить кнутьём, и сказать им твой, великого государя, указ с подкреплением, что им за такое их злое дело учинена лёгкая казнь, чтоб они вины свои тебе, великому государю заслужили и впредь бы так не делали. И о том к камчадальскому прикащику к дворянину Василью Колесову послана в путь в нагонь, наскоро, указная память с нарочными посыльщиками, с якуцкими казаками с Тимофеем Воробьёвым, с Григорьем Кожевиным, а под тою указною памятью, для подтверждения, из твоего, великого государя, указу, из соборного уложения и из статей и из грамот послана к нему, Василью, выписка. И в Камчадальском остроге со всего посланного твоего, великого государя, к Василью Колесову указу списав списки, велено оставить в ясачных избах впредь для ведения и страху таким вора. А животы убитых прикащиков и кажнёных воров пожитки, что их явитца, и 4 человек полонников отискав,

велено прислать в Якуцк с твоею, великого государя, сборною казною вместе. А служилым людям, Алексею Пещере, Семёну Ламаеву, Тимофею Путимцову, Козьме Марманскому, Ивану Харитонову, Петру Иконникову с товарищи, которые к тому злему умыслу и убийству не пристали, велено сказать при всём народе твоё, великого государя, милостивое слово. А что по тому делу учинено и как та твоя, великого государя, казна в Якуцкой в присылке будет, о том к тебе, великому государю, мы, холопи твои, станем писать впредь с нарочными посылщики не замотчав. А сию отписку к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья России, послали мы, холопи твои, через почту до Илимска с посылщики, с казаком с Иваном Орефиным с товарищем, марта в 14 день нынешняго 712 году, и велели подать в Сибирском приказе губернатору князю Матвею Петровичю Гагарину с товарищи.

Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1, с. 472—486

5. «Отписка» прикащика камчатских острогов Колесова якутскому воеводе Траурнихту от 25 июня 1713 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, стольнику и воеводе Дорофею Афонасьевичу да дьяку Ивану Сергеевичу камчадалских острогов прикащик Василий Колесов с товарищем челом бьют. В нынешнем 1713 году, июня по 25 число, собрали мы в камчадалских острогах и на Большой реке с ясачных иноземцов и с новоприписных в казну великого государя ясаку окладных и за лисицы сиводущатые и за красные 60 сороков 14 соболей (ясачная казна не вывозилась с Камчатки с 1707 по 1712 г. ввиду частых нападений коряков на ясачные караваны. Камчатский ясак в среднем в первые два десятилетия XVIII в. равнялся 60 сорокам соболей, не считая лисиц и других мехов. Уменьшение ясака падает на годы, ознаменовавшиеся восстаниями туземцев. Удельный вес камчатского соболиного ясака в этот период рельефно виден из сравнения его с соболиным ясачным сбором в Якутии, где в это время уже собиралось не более 70–75 сороков соболей), в том числе убьенного от иноземцов Данила Анцыферова (руководитель восстания казаков в 1711 г. Даниил Анцыферов был сожжён камчадалами на реке Аваче в феврале 1712 г. во время приезда для сбора ясака) и у вершених Большой реки прежних убойцов казаков 14 соболей, 380 лисиц красных, в том числе 4 лисицы сиводу-

щатых. Да в том же числе 4 лисицы красных, которые взяты вышеписанного уьенного Данила Анцыферова и у вершенных казаков, да 95 бобров морских, в том числе и кошкоки. А с остальных ясачных иноземцов великого государя ясак мы добираем с великою нуждею, а многие ясачные иноземцы в камчадальских острогах в нынешнем 713 году примёрли, а иные розбрелись в отъёмные места и по речкам, а иные от разбойника Константина Кыргызова (Кыргызов — «заказчик» Верхнекамчадальского острога. Пытаясь захватить власть над всей Камчаткой и самостоятельно собирать ясак, Кыргызов совершил нападение на Нижнекамчатский острог. Несмотря на то, что Кыргызов поделил среди нижнекамчадальского гарнизона имущество, отнятое у «заказчика» этого острога Ярыгина, ему всё же не удалось привлечь на свою сторону казаков. Впоследствии Кыргызов был казнён) с товарищи от налог его и от обид тако ж разбежались и жилищ своих отстали. А с тою сборною вышеписанною великого государя ясачною казною в нынешнем 713 году из камчадальских острогов мы идти в Якуцкой, за малолюдством, не посмели, потому что Ивана Козыревского в пятидесять в пяти человеках из камчадальских острогов для проведыванья Апонского государства и морских островов за переливы мы отпустили (Козыревский Иван — один из руководителей восстания казаков 1711 г., отправился в августе этого же года на Курильские острова. По словам Козыревского, он посетил первые два острова. Однако посещение им второго острова вызывает сомнение. Один из участников этой экспедиции впоследствии на допросе показывал, что «де он, Григорей, с убойцами своими со служилыми людьми написали великому государю в челобитной своей и в чертеже, что были на другом морском острову, и то де они, Григорей с товарищи, написали в челобитной и в чертеже своём ложно» («Памятники сибирской истории», т. II, с. 536). В 1713 г. Козыревский вновь был отправлен «для проведывания... морских островов и Апонского государства», но дальше второго Курильского острова Козыревский не проник); да и для того, чтоб идучи дорогою в пути, от немирных иноземцов путь вельми тесен и прискорбен и выход тяжёл, чтоб они, иноземцы, скопом своим, дорогою, видячи наше малолюдство, казны бы великого государя не отбили и нас бы со служилыми людьми не прибили. А с тою его, великого государя, с ясачною со сборною казною хотим мы итти из камчадальских острогов в Якуцкой город в предьбудущем 714 году, летним временем, Олюторским морем, на новопостроенных судах, которым путём шёл из камчадальских острогов прежней прикащик

Василей Савастьянов. И об том пути, что хотим мы впредь будущей год итти из камчадальских острогов со сборною ясачною великого государя казною в Якуцкой город Олюторским морем, в нынешнем 713 году выше писанного числа писали мы из камчадальских острогов в Анадырской острог к прикащику к сыну боярскому Ефиму Петрову, чтоб он, Ефим, из Анадырского прислал бы на Олюторскую реку анадырских жителей, служилых и промышленных людей, и ясачных юкагирей, к выходу нашему с ясачною великого государя казною, чтоб нам с теми анадырскими служилыми и с промышленными людьми и с юкагирами та б камчадальская ясачная сборная великого государя казна оберечь и себя опасты, и чтоб они, иноземцы, за неприсылкою прикащика Ефима Петрова в помочь нам людей, ту б его, великого государя, казну ратным боем не отбили и нас бы и служилых людей не прибили. А в прошлом 712 году на Большой реке построен новой земляной острог, а на ту Большую реку в нынешнем 713 году апреля в 20 день отпустил я от себя прикащиком служилого человека Петра Неворотова. Да в нынешнем же 713 году, июня в 20 день Нижнего Камчадальского острогу нартенной откупщик служилой человек Иван Прибылой подал мне за своею рукою челобитную, и ту челобитную послал я с сею отпискою в Якуцк. А с сею отпискою послал я в Якуцкой город и с иными делами из камчадальских острогов нарочных посыльщиков и велел тем посыльщиком, промышленному Петру Тугуеву да новокрещёному Степану Беляеву явитца в приказной полате тебе стольнику и воеводе Дорофею Афонасьевичу да дьяку Ивану Сергеевичу.

Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I, с. 512—514

6. «Отписка» прикащика Анадырского острога Татаринова якутскому воеводе Немтинову, вторая половина августа 1716 г.

Господину Петру Афанасьевичу, дьяку Ивану Сергеевичу Пётр Татаринов челом бьёт. В нынешнем 716 году, мая в 16 день, писал из камчадальских острогов прикащик, пятидесятник казначей Алексей Петриловской, которой послан был от меня из Анандарского в камчадальские остроги в прошлом 714 году, а в отписке ево написано. В прошлом де 715 году, июня в 7 день, пошёл он, Алексей, из Олюторского новопостроенного острога с оставшими служилыми людьми и с олюторскими аманатами, сидя в осаде от изменников коряк, оленных и сидячих, и за нуждою кормов, и при-

шёл Алюторским морем на Камчатку, на судах, июля в 9 день того 715 году. И принял он, Алексей, у тамошнего прикащика у Ивана Козыревского, которого оставил по отъезде своём на Камчатке прикащик дворянин Иван Енисейвской, камчадалские Верхней и Нижней и на Большой реке остроги, и служилых людей и аманатов и казну великого государя пороховую всю, что было налицо, да ясачные казны и всякого доходу сбору 715 году 67 сороков, 19 соболей, 68 бобров, 969 лисиц красных, в том числе 4 лисицы недошлых, да 11 лисиц сиводущатых, лисица чернубурая недошлая, да лисица бурая, 3 лисицы буренские, 7 лисиц с буренки, 3 лисёвки буренки, в том числе 1 голой, да в том же числе у другова черево прело, да лисица буренкая, шерсть голубая; да явленных и положеных в казну великого государя вышеписанного камчадалского прежнего прикащика Ивана Козыревского имени 30 сороков 20 соболей, 100 лисиц красных, лисица с буренка да казака Фёдора Балдакова явленной загривок лисицы буренкой, да лисица буренкая без загривка. Да в нынешнем 716 году, апреля по 4 число, собрал де он, Алексей, великого государя ясачные казны в камчадалских острогах 48 сороков 14 соболей, 787 лисицы красных, в том числе 8 лисиц сиводущатых, да 53 бобра. Да в нынешнем же 716 году, августа с 11 числа, ходил я из Анандарского острогу при мне будущими с дворянином Степаном Трифоновым и со служилыми людьми, во 120 человек, пешие, в ношах, на Пенжину к корякам, в оленные коряки ж, для умирения и призыву их, коряк, царского величества под высокую руку в ясачной платёж по прежнему и для прииску и призыву вновь таких же ясачных народов.

И августа в 16 день ныняшняго 716 году ходил от Анандарского хребта наперёд от нас на Пенжину реку дворянин Степан Трифонов в 16 человеках, для подсмотру коряк; и подсмотрели Акланского острогу сидячаго коряка, Тулпуя юрту на рыбном промыслу. И тот коряка, увидя наших неколиких людей, сам убежал, а юрту свою и жену и детей оставил; а на разговор тот коряка наших служилых людей не дался и к нам не пошел. Да того ж августа в 23 день нашли в Пенжине реке они, Степан Трифонов, коряк акланских же на дву поромах 6 человек с жёнами и с детьми и учили их разговаривать всячески, чтобы они склонились по-прежнему царского величества под высокую руку в ясачной платёж. И на разговор те коряки им, Степану с товарищи, не дались и учили с ними дратся. И те коряки от наших Степана Трифонова с товарищи побиты, а дети их в полон взяты; и позаде тех дву поромов шли по той же реке на пороме коряки же, и послыша тот бой, на том

нижнем пороме те коряки уплыли вниз назад по Пенжине реке и корякам всем весть подали.

И после того пришёл я со служилыми людьми на тое Пенжину реку, оголодовав, и на той реке корму добыть рыбного и никакого не могли и плыть в даль по той реке в немирные люди голодные не посмели, а за превеликим голодом возвратились в Анандарской острог с великою трудностью. А ныне в Анандарску в казне великого государя пороху самое малое число, и о присылке из Якутца, впредь для обережи от изменников юкагирей и коряк и военного случая, пороху доброго мелкого учинить по указу великого государя.

На подлинном пишет тако.

Капитан *Татаринов*

Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, с. 120—122

7. Донесение приказчика Нижнекамчатского острога Уваровского якутскому воеводе Ельчину от 17 сентября 1719 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, в Охочкой острог, или где ни будет, полковнику Якову Агеевичю, Камчадальского Нижнего острогу прикащик, сотник казачей Иван Уваровской челом бьёт. В прошлом 718 году послан я, по указу великого государя, в Камчадальской Нижней острог, и я на Камчатку в Нижней острог пришёл того же 1718 году октября в последних числах и Камчадальской Нижней острог принял у прикащика служилого человека Григорья Суровцова и служилых людей. А он, Григорей, пришёл на Камчатку того ж 718 году в июне месяце из Анадырска от капитана Петра Татарина, а с ним Григорьем пришло служилых людей 65 человек. А ныне в Камчадальском Нижнем остроге всех служилых и промышленных людей 120 человек.

А казну великого государя всякую и пожитки бывшего прикащика Алексея Петриловскаго принял я у бывших прикащиков у Козьмы Вежливцова да у Алексея Колычева; а той казны коего году, и сколько чего, и каким зверем, и чьих пожитков, и то всё имянно писано. 715 году сбору Ивана Козыревского 68 сороков 19 соболей, да 1 090 лисиц красных, в том числе 16 лисиц сиводушек, да лисица бурая, лисица чернобурая недошлая, 3 лисицы буренких, 7 лисиц с буренка без загривков, 3 лисицы буренких плелых, лисица с буренка голубая, да 67 бобров, в том числе 4 кошлока; да поклонные Ивана Козыревского 31 сорок 20 соболей, да лоскут, по передним лапам лисицы буренкие, да 100 лисиц крас-

ных, в том числе 15 недолисей, да 13 бобров, в том числе 1 кошколок; да поклонных же служилого человека Фёдора Балдакова лисица крестовка, да загривок, по передним лапам лисицы буренкой. Да 716 году сбору Алексея Петриловского и с привозом олюторским 58 сороков 31 соболь да 1116 лисиц красных, в том числе 21 лисица сиводущатая, лисица да лоскут буренкие, да лоскут же олюторской; да поклонные Алексея Петриловского недолись буренка, да 3 лисицы сиводущатых; да сборные же ясачные 73 бобра, в том числе 6 кошколков, в том числе 3 бобра с откупщиков картенных взято. Да поклажи промышленного человека Аники Батюшкова лисица бурая да 2 сорока соболей да 9 бобров, в том числе два кошколка, в том же числе у двух бобров по лоскуту вырезано. И в той поклаже он, Аника, подал великому государю челобитную, что в той поклаже его бити челом и исцом стоять казаку Ивану Шамаеву, и та челобитная под сею отпискою выслана к тебе ж, полковнику Якову Агеевичю. Да 717 году сбору Козьмы Вежливцова да Алексея Колычева 22 сорока 1 соболь, да 262 лисицы красных, в том числе 13 лисиц сиводущатых, да в вышепомянутом же числе 12 пластин собольих без лап и без хвостов, да 2 лисицы буренких, да 54 бобра, в том числе 6 кошколков, да 20 парок собольих больших и малых, в них же вшито 7 пластин лисьих, да 2 лоскута собольих вшивках, в них же 6 чемеров собольих, да 5 малахаев собольих, да 6 хвостов собольих, да 3 парки лисиц красных, да парка же сваленая в лоскутах, да парка же в ней 3 пластины собольи, да лоскутья красные. Да 718 году сбору Козьмы же Вежливцова да Алексея Колычева 56 сороков 10 соболей, и в том числе 3 соболя по пупкам пороты, и те 3 соболя не высланы, да 2 лисицы буренкие, 1 034 лисицы красных, в том числе 12 лисиц сиводущатых, 63 бобра, в том числе 5 кошколков. А вышеписанная казна которого году или чьих пожитков соболи и лисицы бурые, или какого приходу, и те соболи и лисицы за ярлыками и за печатью моею имянно. Да оборных пожитков Алексея Петриловского 140 сороков с одним сороком 29 соболей, в том числе 154 соболя без хвостов, да в том же числе 3 пластины, 1542 лисицы красные, в том числе и недолиси есть, да 161 лисица сиводущатая, в том числе 16 хребтин, да 169 выдер, в том числе 19 черев выдерьих, да 207 бобров, в том числе 97 кошколков, шуба соболя пластинная под камкою вишнёвою, пушена хвостами, шуба соболя пластинная под камкою же вишнёвою васильковою, шуба соболя пупчатая под камкою рудожёлтою, 5 мехов собольих пластинных и с рукавами, санаяк соболей, оплечье лисиц сиводущатых, парка соболя,

оплечье бобровое, санаяк лисиц красных, оплечье лисиц сиводущатых, 2 санаяка бобровых, оплечье сиводущатое, санаяк выдряной, оплечье бобровое, шуба лисиц красных под камкою лимонной, 2 шубы лисиц красных под китайками, ветхие, мех сиводущатой хребтовой, мех черевей сиводущатой, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровой, 4 полы собольи загривчатые да лоскут шитой мех дуцатой соболей, да 5 лоскутов лбовых, 2 полы да хребет лапчетые лисиц сиводущатых, три полы да два хребта да рукав лапчетые собольи, шуба лапчетая лисиц красных, ветхая, под отласом лазоревым, одеяло бобровое, куклянка соболья, парка соболья пупчетая, мех лапчетой лисиц красных без рукавов, два меха да парка бобровые, треух соболей хвостовой без верху, 100 хвостов лисьих, 250 пупков собольих, 4 шапки собольи и с вершками 3 подскора собольих, двои рукавицы собольи под сукном, 2 малахая собольих, 485 хвостов собольих, пояс с ножом и с пожнями, оправка серебряная, чарка да ложка серебряные, 7 блюд да 7 торелей оловянных, 3 чети табаку да 3 аскурги бисерные, 2 игры карт да подскор дуцатой лисиц сиводущатых да 5 писем неистовых и те письма за печатью высланы же под сею отпискою.

А из вышеписанных его, Алексеевых, пожитков, против челобитной его, выдано ему, Алексею, на подъём 200 лисиц красных да 27 бобров и кошлоков, да санаяк бобровой, 2 шубы под китайками старые, да шуба лапчетая лисиц красных под отласом, 2 меха да парки бобровые, малахай соболей, 7 блюд да 7 торелей оловянных, а 2 игры карт здесь в Камчадальском остроге оставлено. А той великого государя сборной казне тех годов следуют книги, и те книги, против указу великого государя, для счёту высланы к тебе, полковнику Якову Агеевичю, а с теми книгами посланы прежние прикащики Козьма Вежлицов да Алексей Колычев, да выслан же и Алексей Петриловской для отчёту той казны, да поклажи сына боярского Назара Колесова лисица крестовая.

А ту великого государя вышеписанную казну выслал на Большую реку с сыном боярским Семёном Жинбицким, против указу великого государя, для отправления судном через море. А в Камчадальском Нижнем остроге и к тому в присутствующих уездах казна великого государя с ясачных иноземцов, ради их скудости на 719 год марта по 21 число в полусборе и ту сборную казну, для недобору и ради скудости подводной, на Большую реку не выслал, а высланы ж будут в скорости. А достальной недоборной

ясак с ясачных иноземцов собираю в казну великого государя с великою нуждою. А Большая реки прикащик Василий Качанов пишет о присылке служилых людей, кои пришли из Анадырска, и тех служилых людей к нему послать, без указа великого государя, не смею, а коих, против указа великого государя, для построения городского 10 человек к нему выслал. Да промышленные люди подали мне челобитную о привёрстке в службу, или о сбавке податей и оброков ради их равных с рядовыми службы, и та челобитная послана под сей же отпискою. И об том ты, полковник Яков Агеевич, что укажешь. А с сею отпискою посланы служилые люди Иван Шамаев, Козьма Харитонов, Егор Бобякин. Да по повелению твоему, Яков Агеевич, послан же Пётр Литвинцов.

719, сентября в 17 день подал *Ларион Бобякин*

Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, с. 252—256

II. ВОССТАНИЕ КАМЧАДАЛОВ в 1731—1732 гг.

Экономическое положение камчадалов и «курильских иноземцев» накануне восстания 1731 г.

8. Приказ капитана Беринга комиссарам и управителям камчатских острогов от 11 июля 1728 г.

Нижняго Камчадальскаго острогу и прочих острогов камисаром, в небытность их — управителем, объявляется.

Сего 728 году марта в разных числах Уки реки, также и по реке Камчатке лутчие иноземцы доносили мне словесно чрез толмачей, а многие и сами росийским языком об своих обидах доносили, что сверх ясаку и аманацкого корму собирают с них сладкую траву, ягоды и сарану, от чего им её малая тягость и терпят голод. Также, когда собирают ясак сборщики, то для своей бездельной корысти берут от них сильно куклянки, сети и баты, от чего чинится не малой недобор в ясашной сборной казне.

Ныне подтверждаю сие письменно, чтоб отнюдь камисаром и управителем для своей бездельной корысти сами, также и позволения служилым людям не давали таких сборов собирать с иноземцов и обид им никаких не чинить, кроме что от Якуцкой канцелярии указом повелено будет. А ежели кто такие непотребные сборы и обиды чинить будет, такие наказаны будут, как указы ея императорского величества повелевают.

(Первая экспедиция, по указу 1725 г. отправившаяся под начальством Беринга на Камчатку, имела своим официальным назначением разрешить вопрос о том, соединяется ли азиатский материк с американским. В литературе обычно как первая, так и вторая экспедиция Беринга преподносятся как сугубо научные экспедиции. Даже в некоторых пореволюционных работах подобный взгляд на эти экспедиции и на их цели и остался неизменным. Л. С. Берг в послышке Петром I Беринга на Камчатку видит лишь осуществление мысли Лейбница, неустанно напоминавшего Петру о необходимости разрешить эту загадку. «Военные дела и другие неотложные нужды удерживали царя от этого предприятия, — пишет Берг, — но под конец своей жизни он решился снарядить экспедицию для разрешения вопроса, интересовавшего Лейбница» («Открытие Камчатки», ГИЗ, 1924, с. 63).

А между тем перед этими экспедициями стояли отнюдь не академические задачи. Перед ними был поставлен вопрос о возможности дальнейшего колониального расширения империи, ибо американские берега и прилежащая цепь островов в этот период являлись уже тем объектом, куда стремился российский торговый капитал. И эта задача была решена второй экспедицией в положительном смысле. В бытность свою на Камчатке в период подготовки экспедиции Беринг сосредоточил по существу в своих руках всё управление полуостровом, и этот период был для камчадалов одним из наиболее тяжёлых моментов за всё время господства там русских. Несмотря на то, что Беринг и выступал против самовольного взимания ясака и беззаконий, творимых приказчиками, никто иной, как он же сам, подорвал экономическое благосостояние туземцев, причём подорвал его таким образом, что оно уже больше не восстановилось.

«Другой экспедиции столь огромной, столь торжественной, — пишет Словцов, — доньше не было через всю Сибирь, и дай бог, чтобы, из сострадания к краю бедному, впредь никогда не слышать знаменитости, столь разорительной. Четыре раза надлежало экспедиции садиться на воды, четыре раза выходить со всеми грузами на сушу, с угнетением жителей при каждой перемене» (т. I, с. 460), Камчадалы были оторваны для работ по перевозке экспедиции в период лова рыбы и охоты, и таким образом и люди, и собаки остались совершенно без корма. Обещанное Берингом освобождение от ясака также не было проведено в жизнь.)

Экспедиция Беринга, д. № 110, л. 60

9. «Репорт» солдата Змиева штурману Генсу от 15 апреля 1731 г.

В посланную партию в Большерецкой острог господину штурману Якову Яковлевичу Генсу из Курильския землицы от партии солдат Александр Змиев челом бью, репортуя вашему почтенству нижеписанное.

Сего 731 году апреля 12 дня, как прибыли к нам курильские ясачные иноземцы с байдарами, и я прослышал от лутчего князца курильского Ломчи жалобу на служилого человека Лариона Волынкина, которой был послан от ясашного сборщика Матвея Новограбленного, для приуготовления кормов и байдар, что де он, Волынкин, чинил им многие обиды, о чём де по прибытии на своё жилище буду предъявлять письменно. И я велел толмачу своему Алексею Еремееву сказать означенному князцу и всем ясачным иноземцам, ежели кому были какие обиды, не токмо от Волынкина, но хотя б и от сборщика или от других от кого, то б приносили жалобу на письме, которое обидимое им возвращено будет. И он, толмач Еремеев, по приказу моему те слова иноземцам говорил, а означенного Волынкина он, Матвей Новограбленной, отпустил домой тайно, знатно, что не без мирвольства.

Апреля 13 дня прибыли мы байдарами, не дошед Озерной реки, например, версты за две за противным сильным ветром, стали на берег, и означенной сборщик Новограбленной, схватав копьё, учал бить толмача моего, помянутого Еремеева копьём и обранил у него правую руку, токмо не душевредно, в ладонь, и говорил: по какому де ты, растая мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцов про мои обиды, якобы он про его императорского величества указ не известен и чинит такую противность, понеже в указе блаженныя и вечно достойной памяти его императорского величества написано: велено посланной партии в отдалённых от Якуцка краех о обидах и разорениях ясачным иноземцом следовать, а по последствию, ежели кому от прикащиков, подьячих, толмачей и служилых людей были какие обиды, то обидимым обидимое возвращать, а кто обидил, тем чинить наказание. А означенной Новограбленной знатно, что, ведая над собою некакие неисправы пред иноземцами, кажет вид, яко бы он над собою большинства и суда не имеет, биёт толмача нашего, чтоб иноземцы, то видя, что он никого не боится, не смели бы на него доносить.

Однако ж я в ясачных иноземцах никакого междуусобства не чиню, чтобы не было посмешества или от таких его, Новограбленного, не порядков, между иноземцами не учинилась какая шатость.

Да он же, Новограбленной, похвалялся, что я де вам байдары не дам, а к нам байдару привёл означенной князец Ломча, которая байдара в прошлом 730 году отдана в партию по письменному требованию письменно ж, и оную байдару я взял и ему, Новограбленному, не отдам, а ежели впредь он, Новограбленной, будет чинить к нам какие противности, то ему я ни в чём не буду уступать. Да он же, Новограбленной, говорил мореходу Ивану Бутину: я де тебя и толмача вашего на острова не возьму, а им от партии по данной мне инструкции велено быть при мне, и для того я их не оставлю, чтоб ея императорского величества ясак не утратился.

А означенной князец Ломча и с родниками прибыл и весьма к нам благосклонен. Тако ж хочет с нами итти на острова и обещается приложить старание с нами обще о призыву на островах неясачных иноземцов под ея императорского величества высокосамодержавную руку в ясачной платёж, за что я его обнадеживаю ея императорского величества милостивым словом и награждением, за что и поистине его надлежит награждать.

А сей репорт послан до вашего почтенства с ясачным иноземцом Ондрюшкою, и велено ему явитца в Большерецку в посланную партию и сей репорт подать тебе, господину штурману Якову Яковлевичу, и от вас к нам повелительной принять ордер и возвратитца в скорости ко вступлению на море на Курильские острова.

И о вышеписанном, что соблаговолишь.

Солдат *Александр Змиев* руку приложил

Апреля 15 дня 1731 году

Экспедиция Беринга, д. № 5, л. 644—645

10. «Скаска» камчадальского тойона Начика от 27 сентября 1731 г.

1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тоён Начика в скаске своей сказал. Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тягосныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и собольми, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограб-

ленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Тополином и на Кыргызанике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках.

Да сего ж 731 году был за юкольным сбором служилой человек Никита Дурьинин с товарищи при сборщике Андреяне Рюмине и брали юколы с каждого человека по три вязки, а кормами у нас сего году против старого весьма недоход, не ведаем, как и зима нам будет проявить и ясак ея императорского величества добыть. А ежели и впредь будут такие поборы, изличиша, то нам притти будет во всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболей нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеетца, то всё берут вместо чащин (чащина была своеобразным сверхъясаком, по своим размерам часто превосходившая ясак. Чащина шла в пользу сборщика. В Якутии чащина называлась беляком).

У вышеписанной скаски речи толмачил от партии служилой человек Иван Щигин да брат его Начикин Чистяк Машурин.

Знамя Начикино. На подлинной подписал его велением
Фёдор Тибалов.

Знамя Чистякова. На подлинной подписал его велением
Спиридон Черепанов

(Знамя в оригинале изображает рисунок лука и стрелы.)

В сей скаске вместо толмача Ивана Щигина его велением Макар Новосельцев руку приложил на подлинной.

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 140

11. Из «доношения» Сената Анне Иоанновне от 9 мая 1733 г.

...Писарев (Скорняков-Писарев, сосланный за участие в заговоре в Жиганск, в 1731 г. был назначен командиром в Охотск. В 1739 г. за многочисленные преступления он был вновь разжалован) представлял, что в якуцкие де остроги и зимовья посылаются ежегодные ясашные сборщики в каждой острог и зимовье и волость (которых есть 19) камисар, пищик, толмач, целовальник да казаков от 5 до 30-ти человек, а такое де многолюдство воеводы посылают для своих пожитков, ибо от всякого человека берут немалыя взятки, а с казаков не токмо воеводы, но и головы казачьи берут же по 2, по 3 и по 10 рубл[ей]. А те де сборщики так ясашных людей разорили и перевели, что уже мало и остаётся и оставших

ныне разоряют, не взяв ясаку, берут себе великие взятки, а имянно: в Жиганском зимовье берут сборщики с одного ясашного человека, которой платит ясаку одну красную лисицу ценою в рубль, камисары по 2, но 3, по 5-ти и до 10-ти лисиц и больши; пищики по лисице, толмачи по лисице, целовальники по 5-ти горностаев; с них же себе в жалованье без указа с невода по 200 максунов рыбы по жиганской цене на 2 рубля да нелем, таменей, стерлядей сколько кто в заморозы промыслит и на сабак корм. А ясаку с тех, которые неводами ловят рыбу, линными лисицами не берут, а берут вместо лисицы или рубли денег, по 4 пуда рыбьева жиру и по 4 пуда порции, по 4 связки юколы по жиганской цене на 3 р., а кладут в ясак вместо того свои лисицы ценою в рубль. Того ж Жиганского зимовья с ясашных людей, которые живут у моря и промышленяют песцы, берут взятку ж по их званию беляку с одного ж ясашника зимнее закащики по 5-ти песцов, выбойщики по 5-ти песцов, камисары с самых бедных по 10-ти, а с иных по 20-ти и до 50-ти песцов и к тому лисицами, белками, волками, медведными чёрными и белыми, разсамаками, горностаями, костью слоновою, сколько кто чево промыслит, все без остатку; пищики по 3 и по 5-ти песцов, толмачи по тому ж, целовальники в полы в артель, казаки тож, и за ясак за лисицу или за рубль по 10-ти ж песцов по якуцкой цене на 5 р. На реке де Аленке по тому ж числу берут беляку оленьими кожами, которая в Якуцку продаютца по той же цене, как песцы. К тому ж берут в жалованье закащики по 10-ти языков оленьих, по 1-му пузырю жиру оленья, по 5-ти, а с иных и по 10-ти роддугов и так разоряют, что по отъезде сборщиков ничего у ясашных людей не остаётца. А которые самые бедные и никакова пропитания не имеют, тех камисары за ясак отдают в зимнюю работу казакам, а за беляк в летнюю, а меньши рубля и с последнева камисар беляку не возмёт. И у многих побрали жён и детей, и так уже набрали много, что в Якуцку мало таких казаков есть, у кого б ясашных людей в холопех не было, к тому ж многое число продают разного чина людем, которые развозят по иным городам. Да и в других острогах и зимовьях тож чинят, только де он сам в тех острогах и зимовьях не бывал, и о тех взятках уже ныне и делом показано Жиганского зимовья на камисара Ивана Шамаева, на которого и якуты бьют челом, что он с 12-ти человек взял беляку деньгами, собольими лисицами, лошадьми и скотиною по цене на 409 р. 50 коп., а ясашных людей будет с 3 000 человек, и со всех оных беляк брал и с самых бедных по 1 руб.; о чём ныне в Якуцку присланной из Ыркуцка порутчик Шкадер следует. И ежели те их

сборщиков лихоимственные взятки пересечены не будут, то все ясашные люди со временем переведутца, как и в других сибирских городах перевелися. А то де их лихоимство пересечь можно лёгким образом, что когда детей боярских и казаков в Якуцку положить в подушной оклад и собирать ясак солдатами гарнизонными или из тех же казаков бедных человек 300 и учинить к ним офицеров, хотя по примеру лант-милиц и теми собирать ясак, то жалованье казацкое и подушные деньги останутца в казне, а ясаку можно безо всякой тягости собрать вдвое, а ясашные люди будут размножатца, а которых казаков повелено поселить в Охоцку 300 человек и теми мочно ясак собирать с Охотскаго, Удскаго, Камчатских, Анадырскаго, Зашиверскаго острогов и с Колымских зимовьев без нужды. А иным де образом тех взятков от сборщиков ясашных зело трудно пересечь, и так приобыкли, что никаких страхов не боятся и имеют потачку от воевод за посулы, и ни в котором городе так много воеводы не наживают, как в Якуцку, что в два года тысяч по 15-ти и больше наживают. А у нынешняго воеводы Жадовскаго высланных на Каранду пожитков денег и протчего описано тысяч на 7-м, кроме того, что с человеком своим послал несколько сороков соболей и кроме того, что ныне при себе имеет.

Сенат, 1-й департ., XVIII в., д. № 576, л. 541—542

Начало восстания и первые о нём сведения

12. «Ведение» закащика Крыкова штурману Генсу от 20 июля 1731 г.

Посланной партии господину штурману Якову Генсу ведение.

Сего 1731 году июля 20 дня пришед де из острогу на коргу служилые люди Обросим Сорокоумов, Павел Попов, Сергей Кравцов объявили скаскою. Нижне де Камчадальской острог пришед иноземцы, а какие иноземцы и с которую сторону острог раззорили и зажигали, служилых людей побили, Андрея Попова, Алексея Чюрина, Ивана Буторина, Ивана Обуховскаго, а про других де знать им подлинно не можно, понеже де они, Обросим, видя себе смерть, едва спаслися и бежали в батах. Того ради уведомляем сим ведением. А Нижнего Камчадальскаго острогу обывателей служилых людей малое число и из оных имеютца и безоружейны и о умирении оных иноземцов вспоможение Нижнего острогу служилым людям и о выдаче им, служилым людям, свинцу и пороху посланная партия что соблаговолит.

(Момент для восстания был выбран камчадалами чрезвычайно удачно. Камчатская экспедиция находилась в это время уже в Охотске, а оставшиеся в небольшом количестве остатки «партии» должны были на боте «Гавриил» отправиться к Анадырю для помощи Павлуцкому в его борьбе с чукчами. Однако восстание вспыхнуло несколько раньше предположенного срока, до полного отбытия «Гавриила», который задержался по случаю неблагоприятных ветров. Когда стало известно о восстании, команда «Гавриила» была отправлена на усмирение камчадалов.)

Вместо закащика Ивана Крыкова велением его иермонах *Иосиф* руку приложил

1731 году июля 20 дня

Экспедиция Беринга, д. 4, л. 451

13. Письмо подмастерья Спешнева штурману Генсу от 22 июля 1731 г.

Господин Яков Яковлевич, здравствуй!

Известую вас, сего числа получили известие об остроге чрез служилого человека Алексея Воробьёва, которой имелся при раззорении острога и укрылся от воров и лежал тайно при остроге день, высматривал у воров, а что нам показал, о том оной служилой покажет сам. До того ж часу получили известие тако ж от казачьих жён, что оные изменники засели в остроге в крепости, а дворы круг острогу в близости обожгли, а кормы казачьи прибирают себе в острог и ту[т] знатно хотят сидеть в крепости. Того ради прошу вас, чтоб прислать к нам в самой скорости по оным вестям две пушки большия да на оныя пушки ядер и пороху что надлежит, да две мортирцы с чинёными ядрами и вспоможение служилых людей, сколько возможно, да по прежде посланному от нас письму на служилых людей пороху и свинцу и походную маленькую пушку прислать же. А ежели оного по требованию моему всего в самой скорости прислано не будет, и что над нами учинится, то взыскано будет за неотправление ваше всё на вас, и в том, пожалуй, постарайся, чтоб прислано было в самой скорости. Да к нам же прислать топоров.

В протчем остаюся подмастерья
Иван Спешнев

Июля 22 дня 1731

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 36

Взятие русскими Нижнекамчатского острога и уход восставших на реку Еловку

14. «Доношение» подмастерья Спешнева штурману Генсу от 26 июля 1731 г.

Господину штурману Якову Генсу чрез сие известуется.

Сего 731 году июля 25 дня пришли в Нижнекамчадальской разорённой острог по утру на солноскоде и пристали выше острогу чрез всецедрого владыку все благополучно. А изменники в то время сидели в остроге, а вокруг старого острогу оные изменники поставили вновь острог. А другие отправлены служилые люди от нас несколько человек были горою с ясаулом Фёдором Соболевым, и оные пришли под острог в то время, как и мы прибыли к берегу. А изменники увидели оных служилых людей, что идут к острогу и стали по ним из острогу палить из пушек и из мелкого оружия, а служилые против стреляли из оружия. Мы в то ж время прибежали к церкви и тут сошлись со всеми служилыми людьми, помощью божиею, благополучно и стоим ныне все вокруг острогу и переговаривали с оными изменниками чрез толмача и по руски разговаривали с Фёдором Харчиным, чтобы острог сдали без бою, и они добровольно не сдаются, и я, видя оное, велел несколько палить для страсти из нескольких фузей, а оные изменники стреляют безпрестанно из острогу к нам. Того для прислать бы вам к нам по прежним моим письмам пороху, свинцу, две пушки больших и на то ядер, и пороху со удовольствием и одну мортирцу и к ней чинёных ядер и пороху в самой скорости, чтоб нам за неприсылкою твоею оных изменников не отпустить. А ежели ты нерадением своим оного всего в самой скорости не пришлешь и от оного что над нами учинится, то взыщется всё оное на тебе, и причтён будешь чему и сам ведаешь, а пространнее ныне об всём подлинно писать за скоростию не успел.

Подмастерья *Иван Спешнев*

1731 году июля 25 дня

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 103—104

15. «Доезд» полевого закащика Чюдинова штурману Генсу от 31 июля 1731 г.

Сего де 731 году июля (в оригинале число не указано) дня по указу ея императорского величества посылан де был он, Чюдинов, посланной партии с подмастерьем Иваном Спешневым и со служилыми людьми

до Нижнего Камчадальского острогу против изменников иноземцов, которые ея императорскому величеству изменили и служилых людей побили и Нижнекамчадальской острог взяли. И велено де ему, Чюдинову, пришед в оной острог помянутых изменников уговаривать ласкою и приветом. А ежели де оные изменники не смирятца и будут противица, то б поступать на них изменников, прося у бога милости, оружейным боем.

И пришед де он, Чюдинов, посланной партии с подмастерьем Иваном Спешневым и со служилыми людьми в оной острог и уговаривали оных изменников двои сутки ласкою и приветом и всяким разговором, дабы оные изменники смирились и вину свою ея императорскому величеству принесли, а ясак бы платили с родниками своими весь сполна по прежнему. И они, изменники, на разговор не дались и стреляли по нас из оружия и из луков безпрестанно, и видя их, изменников, противность и несклонение, что на сговор они не даюцца, но токмо из оружия по нас и из луков стреляют, и мы де, нижеименованные, прося у бога милости, поступали на них, изменников, и палили по острогу из пушек и из мелкого оружия, а они, изменники, тако ж по нас стреляли из оружия и из луков неотложно и на оном бою побили они, изменники, служилых людей четырёх человек, а иных многих ранили. И помощью божиею, мы де, нижеименованные, острог испробили, испроломии, и они, изменники, засели при ясачной в башне и в казённых анбарах. А изменник Фетька Харчин и при нём другие изменники, видя, что им в оном остроге не отсидетца, из острогу бежали и на бегу поймали из оных изменников Ханею и Урина, а изменника Фетьку Харчина поймать не могли, а иных изменников на имке на бегу побили, и отбили у них, изменников, в остроге оставшего от капитана Беринга порошу в семи бочёнках да служилых людей ношебного платья малое число, а у изменники Ханей и Урина обыскали две лисицы чернобурых да в ношебном казачье платье обыскали лисицу буренькую. А как изменник Фетька Харчин из острогу бежал и в оное время оставшие при остроге в ясачной и в казённых анбарах изменники зажгли порохом острог и ясачную избу и казённые анбары и имеющуюся всякую ея императорского величества наличную казну, коробы и ящички, книги и указы и всякие дела и всё, что имелось, сожгли и сами сожглись, а вышеписанного изменника Ханею и Урина и две лисицы чернобурые и лисицу буренькую взял под караул свой посланной партии подмастерье Иван Спешнев, а где ныне оные изменники и лисицы и под каким караулом содержатца, того де мне знать не можно.

(Массовое самоубийство, к которому прибегали туземцы при невозможности избежать русского плена, одинаково наблюдалось как среди камчадалов и коряков, так и среди чукчей. Усиление самоубийств, вызванное русскими методами колонизации, было подмечено ещё Крашенинниковым. «Самоубийство было у них, — пишет он о камчадалах, — последний способ удовольствия, которое до самого их покорения продолжалось, а по покорении так было умножилось, что из Москвы нарочные были указы, чтоб россиянам не допускать камчадалов до самовольной смерти».)

О сем уведомляет полевой закащик *Гаврила Чюдинов* 1731 году июля 31 дня.

Экспедиция Беринга, д. № 5, л. 536—537

Поход солдата Змиева с командой бота «Гавриил» на реку Еловку для борьбы с восставшими камчадалами

16. Указ солдату Змиеву от 4 августа 1731 г.

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской от посланной партии солдату Александру Змиеву. Сего 731 году августа 4 дня Нижно Камчадальского острогу обыватели закащик сын боярской Иван Кырков со служилыми людьми подали за руками своими доношение, в котором их доношении написано. Сего де 731 году июля 20 дня Нижного Камчадальского острогу ясачные иноземцы ея императорскому величеству изменили и служилых людей, которые имелись на карауле при остроге, побили и двory у служилых сожгли и летние их жилища и кормовые промыслища прижгли и кормы пограбили, а сами изменники иноземцы в остроге засели. И для того требовали от посланной партии для выручки Нижного Камчадальского острогу на споможение служилых людей, понеже де в Нижном Камчадальском остроге служилых людей малое число, и по вышеписанному их требованию посланная партия против оных изменников ходили и ласкою их призывали, токмо они противность казали и по войску нашему из орудья палили, за что оные изменники зле и погибли и, божиею помощию, на бою из оных изменников многих побили, а иные из острогу бежали, и оных на побеге и на имке побили. А поймали изменников трёх человек, а де остальные изменники, сидя в остроге, острог и ясачную избу зажгли порохом и сами сожглись. А слышно де через оных изменников, что де и других приписных рек и острожков ясачные иноземцы изменяют, а Верхней де Камчадальской

и Большерецкой остроги и служилые люди в сохранении имеюца, про то де и знать не можно.

А по ея императорского величества указу и по определению посланной партии штурмана Якова Генса велено к тебе, Змиеву, написать ея императорского величества указ, в котором написать, чтоб тебе, Змиеву, с данными с тобою служилыми людьми итти с устья Камчатки реки вверх по Камчатке и по Капиче и по Еловке и по Козыревской и другим присутствующим рекам и до Верхнего Камчадальского острогу и во оном пути изыскивать и проведывать со всяким прилежанием камчадальских острогов ясачных иноземцов изменников, которые ея императорскому величеству изменили, а ежели в которых местах изыщешь, то тебе поступать против данной тебе инструкции, как повелено. А как прибудешь в Верхне Камчадальской острог и ежели над оным острогом от изменников учинено что и над Нижним, то тебе со служилыми людьми на оных изменников поступать военною рукою, как тебе повелевает инструкция. А ежели острог и служилые люди имеюца в сохранении, то тебе во всенародное известие сей ея императорского величества указ прочесть, чтоб служилые люди тамо жили с крепкою осторожностью и охраняли б острог и ея императорского величества казну и крепили б аманатов. А в Большерецкой острог для проповеди и известия послать служилых людей сколько пристойно, а ежели слух происходит, что Большерецкой острог в сохранности, то тебе из Верхнего команды своей служилых людей возвратить на бот «Гаврил», сколько пристойно, а Верхнего Камчадальского острогу ясачных иноземцов спросить писменно за их знаменами о обидах, а ежели на кого — камисаров, закащиков, подъячих, толмачей и служилых людей покажут в обидах и раззорениях, а они явятца в лицах, то тебе их, взяв под караул, привезь в посланную партию и объявить господину штурману Якову Генсу без всякого мирвольства.

Августа 17 дня 1731 году таков белой указ
Александр Змиев принял и расписался

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 94

17. Инструкция солдату Змиеву от 4 августа 1731 г.

Инструкция от посланной партии солдату Александру Змиеву, данная для того:

1. Сего 731 году июля 20 дня в ведении Нижнего Камчадальского острогу от закащика Ивана Кыркова написано. Сего де выше-

писанного числа пришед де из острогу на коргу служилые люди Обросим Сорокоумов, Павел Попов, Сергей Красавцов объявили скаскою. Нижней де Камчадальской острог пришед иноземцы разорили и зажигали и служилых людей побили, а Нижнего де Камчадальского острогу обывателей служилых людей малое число и о умирении оных иноземцов требовали от партии споможения.

2. А по ея императорского величества указу определена посланная партия для примирения новых земель и немирных иноземцов.

3. И для того тебе, Змиеву, итти с боту «Гаврила» и вверх по Камчатке реке со служилыми людьми и таких иноземцов изменников сыскивать и проводывать со всяким прилежанием по Капиче и Еловке и Козыревской рекам и до Верхнего Камчадальского острогу.

4. А ежели ты таких иноземцов изменников где сыщешь, то тебе их прежде примирять ласковым разговором, и ежели явятца такие изменники и на ласковый разговор придут, то тебе взять с них крепких двойных аманатов, а однакож тебе иметь крепкую осторожность, и на ласковые их слова не сдаваца, дабы было без потеряния люцкого.

(Аманаты — заложники, бравшиеся русскими как гарантия покорности, своевременного внесения ясака и прочего. Взятие аманатов считалось наиболее радикальной мерой борьбы с восстаниями туземцев. «А где от какого народа было сопротивление, — пишет Миллер, — там с российской стороны употреблена сила, пока знатнейших, из оного можно было взять в аманаты» («Описание Сибирского царства», 1750, с. 30). Основным вопросом закрепления победы считалось то положение, в какой мере туземцы «держатца» своих аманатов, и недаром Атласов в своей «скаске» (см. документ 1), говоря об олюторах, особо подчёркивает: «аманатов де своих они не держатца ж». Однако ещё Крашенинников отмечал, что политика русских на Камчатке привела к тому, что даже взятие аманатов не останавливало туземцев от борьбы с русскими. Крашенинников сообщает следующий эпизод, бывший при убийстве камчадалами Анцыферова в 1712 г. на реке Аваче. Анцыферов при приезде взял несколько человек аманатов и ночью был сожжён камчадалами совместно с аманатами. «Злобу, какову имели камчадалы на служилых людей, можно видеть по речам помянутых аманатов их, — пишет Крашенинников, — ибо сказывают, что при сожжении балагана камчадалы кричали им, поднимая двери, чтоб они как можно [быстрее] вон выбросились, но аманаты ответствовали, что они скованы, и приказывали жечь балаган, не щадя себя, токмо бы служивые сгорели».)

5. А ежели ты, Змиев, таких изменников где улечишь и на ласковой ваш призыв они не пойдут и начнут чиница ея императорскому величеству противны, то тебе, прося у всемогущаго бога помощи, поступать на них регулярно военною рукою, елико всё щедрый бог помощи подаст.

6. А в которых местах с означенными иноземцами учинитца у вас баталия, в котором месяце и числе и коликое число таких изменников в плен взято будет, тако ж и побито и которого роду, о том тебе в партию репортовать обстоятельно с ясною опискою.

7. И будучи тебе во оном тракте как вперёд, так и назад возвратно ясачным иноземном обид и налог не чинить и служилых людей до того не допускать и ведать служилых людей судом и расправою, и чтоб зерню и карты не играть, а ежели служилые учнут зерню и карты играть или ясачным иноземцам обиды чинить или меж собою свары или драки чинить, то тебе их унимать, смотря по винам, бить батоги.

8. А как ты, Змиев, прибудешь в Верхней Камчадальской острог и ежели оной острог разорён от изменников, то тебе промышлять с крепким прилежанием о [взятии] оногo острогу возвратно под ея императорского величества высокосамодержавную руку по прежнему, о чём тебе поступать регулярно в военных порядках по присяжной своей должности, не щадя своего лица противу неприятелей.

9. А ежели Верхней Камчадальской острог стоит в сохранности, то тебе объявля во всенародное известие данной тебе от посланной партии ея императорского величества указ и определить общеосторожным закащикам служилых людей, сколько пристойно для проповеди и известия в Большерецкой острог, а самому тебе [о]жидать ответственности в Верхнем.

10. А ежели ты, Змиев, в пути получишь известие, что и Большерецкой острог в разорении, то тебе по тамошним вестям вступить в путь к Большерецкому острогу и во всё поступать, как показано выше сего в осьмом пункте о Верхнем остроге.

11. Да тебе ж, Змиеву, будучи во оном пути по присутствующим камчадальских острогов рекам для содержания посланной партии служилых людей, собирать с ясачных иноземцов кормовые припасы по рассмотрению препорции кормов не в тягость, а что каких кормов собрано будет, описать имянно и прислать в посланную партию на устье Камчатки реки на бот «Гаврил» с нарочно посланными.

12. А как ты, Змиев, против вышеписанного всё исправишь, то тебе и с командою возвратица на устье Камчатки реки и явица

в посланной партии и о действии своём подать господину штурману Якову Генсу за рукою своею доезд неукоснительно.

Августа 17 дня 1731 году такову белую инструкцию
Александр Змиев принял и расписался

Экспедиция Беринга, д. № 4, л. 304—305

18. «Известие» солдата Змиева штурману Генсу
от 24 августа 1731 г.

Господину штурману Якову Генсу известие.

Сего 731 году августа 23 дня посланы от нас до вашей чести изменники Никитка Родихин да Антошка новокрещённый, которых изменники сысканы в вершине речки Аратуги служилыми от нас Веретнова с товарищи, казачья жена Офимья Родиха. И она Родиха в измене и в убийстве мужа своего Василья Чюпрова винулась и за оное была наказана, бита плетми и от такого наказания скончалась. Да ещё изменник послан Тонала. И она вышешозначенный изменники в измене своей в допросах винулись, токмо в убийстве служилого Матвея Салаурова не винулись, и посланы до вашей чести со служилым Федотом Спиридоновым. А ежели кто похощет из жителей на Шанталское озеро и на Аратугу ради промыслу рыбных кормов и для ягод, то б шли без опасения, понеже изменников всех сыскали, инья прибиты, а инья посылаемы до вас к морю. Да получили известие чрез служилого Ильи Багуя, что Фетька Харчин и Лехтарь, выжегши церковь и двор государев и другия дворы и погребы с кормами, разломали и опустошили и собаками стравили и ушли на Еловку во шти батах.

А иногo ныне писать не имеем, токмо что будет вопредки чинится, то де вашей чести писать будем. Причём ныне все благополучны и вашу честь поздравляем.

С Аратуги речки 731 году августа 24 дня.

Солдат Александр Змиев

Экспедиция Беринга, д. № 5, л. 478

19. «Известие» солдата Змиева штурману Генсу
от 30 августа 1731 г.

Господину штурману Якову Генсу известие. Сего 1731 году августа 28 дня шли мы в пути по Камчатке, и не дошед Нижнего Камчадальского острогу, посланные от нас в ястауле солдат Клим

Полежаев с товарищи в двух батах, входя в Ключи, усмотрели бат да пором, на котором пороме изменник Фетька Харчин с прочими иноземцами погребли от наших прочь и стали лук тянуть, и наши служивые стали из фузей палить, и мы, послыша пальбу, в скорости погребли в близость и, вышед на берег, призвав толмача, призвали их ласковым призывом, обещая им от ея императорского величества за вины их прощение, и посылали к ним на переговоры тоёна Кольча, чтобы их призывал с повинною и дали бы аманатов, имеющееся у них огненное ружьеце к нам принесли. И стояли за таким разговором день весь до вечера, а они, изменники, собравшись на сопку многолюдственно, например человек шестьдесят или больше, и в таком разговоре просили строку до утра, и в вечеру приказал я бить зорю и выпалить из пушки пыжом, а не картечи для страстки по вечеру и поутру.

Августа 29 дня по выстрелу из пушки стал Харчина с изменники паки призывать, и видя означенной Харчин себе от нас конечную осаду, пришёл к нам с братом своим Степаном Харчиным, да Тенивина острогу тоён Нефёд Тенивин, а достальные изменники Голгоч с товарищи остались на той сопке, аманатов и оружия не дали и просили они к себе у нас аманатов служилых людей двух или одного. И за такую их противность велел я по них картечами из двух пушек выпалить, и оные изменники с тое сопки разбежались, а баты и поромы мы у них отбили и пошли за ними на Еловку реку в погоню. А означенной у нас Фетька Харчин держитца в колотки и смыках и повезли их с собою для языку. А мы по сие писание все в добром здравии.

(Осадив камчадалов у реки Ключевки, казаки начали предлагать Харчину выйти на переговоры, давая взамен двух заложников. Харчин пришёл в лагерь казаков, и после не приведших ни к каким результатам переговоров был отпущен обратно. Назавтра Харчин вновь изъявил желание приийи к казакам и опять-таки потребовал заложников, в чём, как описывает Крашенинников, «ему казаки и вторично не отказали, однако умышленно, ибо как он к ним переехал, то они взяли его под караул, а своим закричали, чтоб в реку бросались; для предосторожности же, чтоб оставшиеся на берегу их не закололи, приложились на них ружьями, чего камчадалы утрась сбежались». Так был пойман Фёдор Харчин.)

Александр Змиев

Августа 30 дня 1731 году.

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 5

20. Из «ведения» штурмана Генса капитану Павлуцкому
от 11 ноября 1731 г.

Господину капитану Дмитрию Ивановичу Павлуцкому, ведение.

Сего 731 году по присланному ордеру за рукою вашего благо-родия мне, штурману Якову Генсу, велено итти со служилыми людьми в показанной тракт на «Гав[рии]ла боте, и возымел я путь на море из Большерецкого острогу июня 23 дня и в Нижне-Камчадальской острог прибыл на усть Камчатку реку июля 9 дня и промышляли кормовые, рыбные припасы, чем бы нам пропитатца на море до показанного тракту и за починкой шверцов и приутоновились итти на море июля с 20 числа. Того ж числа Камчадальского острогу закащик Иван Кырков ведением мне объявил. Сего де вышеозначенного числа пришед де из острогу на коргу, служилые люди Обросим Сорокоумов, Павел Попов, Сергей Красавцов объявили де ему Кыркову скаскою: Нижней де Камчадальской острог пришед иноземцы разорили и зажигали и служилых людей побили, а Нижнего де Камчадальского острогу обывателей и служилых людей малое число, и о умирении оных требовали от партии споможение.

Того ж июля 21 дня отправил я из партии в поход на оных изменников служилых 52 человека, и пожелал итти с ними командиром полевым подмастерья Иван Спешнев. И дал я ему, Спешневу, за рукою своею инструкцию, по которой ему велел означенных изменников сыскивать и приглашать ласковым приветом, а ежели они на ласковый привет не пойдут и будут ея императорскому величеству противны, и то поступать на них регулярно военною рукою, елико всецдрый бог помощи подаст. И по отбытии своём со служилыми людьми в поход, оной подмастерья с дороги июля 22 дня прислал ко мне требовательное письмо, в котором написал, что де он, Спешнев, через других известен, оные изменники засели в остроге в крепости, а двory круг острогу в близости обожгли, а кормы де казачьи прибирают себе в острог, и то де знатно хотят де сидеть в крепости, и требовал 2 пушки больших, ядер, пороху и свинцу, что надлежит, две мартеры с ядрами чинёными, в споможение служилых людей — сколько возможно. И по оному его, Спешнева, требованию отправил солдата Александра Змиева в 25 человеках с означенными припасы и дал ему инструкцию, что быть ему Змиеву в походе с ним, Спешневым, опше у примирении немирных иноземцев. И прибыв на коргу из походу он, подмастерья Иван Спешнев, подал мне за рукою своею известие,

3-х человек притом изменников, от которых почала быть измена, с допросы, и как по данной своей инструкции поступил и коликое число на приступе под острогом побито служилых людей, и то показано имянно, и с оного известия послана до вашего благородия при сем ведении копия. И унамерен был я итти в показанной тракт, и августа 4 дня Нижнего Камчадальского острогу обыватели закащик сын боярской Иван Кырков со служилыми людьми за руками своими подали в партию мне доношение (повторение «ведения», поданного 4 августа от закащика Ив. Кыркова об измене камчадалов в Нижнекамчатском остроге, полностью приведённого в указе солдату Змиеву, см. документ № 16)...

И по вышеписанному тому де требованию от посланной партии с подмастерьем Иваном Спешневым ходили де против оных изменников и призывали де их под ея императорского величества высокосамодержавную руку ласкою и приветом и разговором, дабы жили оные изменники с рускими людьми мирно и ясак бы платили в казну сполна по окладом попрежнему и острог бы сдали, и они на разговор не сдались, токмо из оружия из острогу по них де палили, а стояли де они под острогом и разговаривали их двои сутки и разговорить их не могли. И они изменники неотложно из острогу по них из оружия палили, из луков стреляли и побили де служилых людей 4 человек, иных многих де из них ранили, и они де опше с посланною партиєю поступали, прося у бога милости, и палили из оружия по острогу. А они де, изменники, из острогу тож де по них из оружия палили, из луков стреляли. И божиею помощию они де на бою из оных изменников побили, а иные из острогу бежали, а из оных де на побеге и на имке побили, а поймали де они изменников 3 человек, а другие их братья изменники, сидя в остроге, острог и ясашную избу зажгли порохом и сами де сожглись.

А известно де им через оных же изменников, что де и других приписных рек и острожков присутствия Камчатки реки ясачные иноземцы изменяют, и в том де они имеют великое опасение, дабы де им от оных изменников в конец не разоритца, и казна б ея величества не утерялась. А Верхней де Камчадальской и Больше-репкой остроги и служилые люди в сохранении ль имеютца, про то де им знать не можно. И того де ради от посланной партии просят, ежели де возможно, на морском судне боте Анадырской путь отставить для де всеконечной их нужды и умирения изменников и для взятья с них аманатов и для строения острогу споможения им, дабы ясашная казна впредь не утерялась, и камчадальские остроги не запустели. А ежели де Анадырской путь на боте

«Гавриле» отставить не можно, дабы де повелено было от посланной партии оставить для обережи шестьдесят человек людей добрых и оружейных к нам в споможение и выдать им пороху, взятого с бою у изменников, да свинцу, что надлежит, а без посланной партии их де служилых за малолюдством от изменников пробыть не можно, и о всём де учинить посланной партии, как указы ея императорского величества повелевают. И того ради слушав я сего доношения, что Камчадальской Нижней острог означенные изменники в конец разорили, острог и дворы все выжгли и служилых людей многих прибили, и того ради не хотя оное место пусто покинуть, и возымел пристань на усть Камчатки реки и поставил судно в пристойном месте под крепким караулом, где и преж сего зимовало, опасаясь вышеписанного, чтоб указом ея величества впредь на мне не спросилось и близ онного судна на острове от партии служа часовню построил, яшашную избу и двор ея величества, анбар казённой. И послыша многие яшашные иноземцы, что партия возымела пристань, и приходили многие иноземцы яшашные в думе и не в думе с изменники с покорной головою, которыя и давали в платеже ясаку, аманатов и тако ж и другие. И собрано с них аманатов 13 человек, и содержатца в яшашной за караулом.

Да августа 17 дня от пристани морского судна, отправил я в поход солдата Александра Змиева невольски человеках для зыскания изменников и проведывания Верхнего Камчадальского и Больше-рецкого острогов в добром ли состоянии. И августа 25 оной Змиев ко мне репортовал. Прибыл де он на Ключи, где имелса быть острог, и постречал изменника Фетьку Харчина со многими изменники в немалом собрании, которой де, видя к себе конечную осаду, пришёл де к ним на ласковой призыв и показал де, что он в собрании своём поплыл к морю с боем на служилых людей. Да он же де, Фетька Харчин, вывел от изменников брата своего родного Степана да Тавача Тенивина. А оной Степан показал, что де служилых людей Дмитрия Бологова, Григорья Попова побили, а сборная де казна, что де сбирал Дмитрией Бологов да Григорей Попов, и оная де имеетца у него, Степана Харчина, на Еловке реке на жилище их. И для того он де, Фетька, с братом своим взят был на Еловку реку до жилища их, и обыскали у них суму за печатью да лисье одеяло, и оное мы спровадили де до таборов своих до разорённого острогу и паки де пошли вверх по Еловке для зыскания изменников и на жилище де изменника тоёна Тигиля, которой де упрямством своим не пошёл на ласковой вызов и засел в 5 человеках в барабалке (в данном случае... имеются в виду казачьи жилища.

Но в бывших северо-американских колониях жилища калош назывались бараборами, которые делались без печи, с большим отверстием сверху, передний фасад их обшивался тёсом, остальные стороны делались из кольев, обтянутых древесной корой) и стрелял по казакам из винтовки, из луков до последнего их, да и жён и детей своих прикололи оне сами. А Степан Харчин бран де был для взыскания изменников, и оной де Степан из под караулу бежал, а брат де его Фетька Харчин в допросе де показал, что де сборная яшашная казна была привезена Дмитрием Бологовым с Уки реки, и оную казну взял де брат его, Степан Харчин, а что де было сборной яшашной казны, тому де явствует сборную яшашную книги. А по справке де оных книгах имелось де в сборе 39 лис крас[ных], да пять соболей, и тое де казну брат его, Степан, дарил брата Фетьку десять лис крас[ных], из них де шил он, Фетька, одеяло, 2 соб[оля] и тех соболей шил де он малахай. А он же де, Степан, дарил дядю своего родного Голгоча 5 лис крас[ных], да два соболя, да ещо дарил Налача 5 лис крас[ных], да тоёну ключевскому Даднею 2 лис крас[ных] да соболя, да Урилу 2 лис крас[ных], да Илту 2 лис крас[ных]. Из означенных соболей Голгоч и Дадня сшили де себе малахаи. А достольную де казну куды употребил, про то де он, Фетька, не известен. Да у него ж, Степана, в пожитках его 14 лис красных и оные лисицы и одеяло да соболя, да кожами, да ящик с указом и с книгами положено в суме за его, Змиева, печатью. Да сыскана де против острогу брошенная от изменников большая чугунная пушка, и она де послана с Олексеем Поливановым, а означенная казна послана де служилым Иваном Карамзиным за его де печатью. А оной Фетька Харчин послан де в смыку и в колотке. Да Тенивина острогу с тоена Тавача взяты двойные аманаты, брат его родной да сын Клим, да три... (в оригинале слово не разобрано) с такими посланы де к нам, а означенной тоён Тавач оставлен на своём жилище для собрания родников своих и для яшашного промыслу. А служилых де людей в провожатых за казною ея величества и за аманатами и за изменником при Иване Карамзине 18 человек, и осталось де у него 16 человек и с оными де вступил в показанной тракт Верхнему Камчадальскому острогу.

И означенная казна и аманаты в приёме у нас в партии и изменник Харчин под крепким караулом в крепе в яшашной, и о измене его допрашивая, а в допросе своём, что показал, о том значит при сем ведении с допросных его речей копия. А другие изменники, морской Чегита, новокрещен Микитка Роди[хи]н, Онтон Агеча

Каменного острогу, Лвуч Товол острога, и Путел еловской, Уески да новокрещен Дмитрей, и содержатца под караулом в ясашной избе, и побито от них изменников служилых людей Камчадальского острогу жителей в остроге и по разным местам, о том значит при сем ведении реестр. Да в поданном ко мне известии от подмастерья Ивана Спешнева написано: изменников Ханею и Урина с товарищи содержать под наикрепким караулом и кормить, чтоб он не затратился, и положить де поклонные в козну ея величества две лисицы буренькие за печатью его в казённой анбар, а таких от него, Спешнева, лисиц ко мне в приносе не бывало и я у него не бировал. А показанные изменники содержатца под охранением в ясашной.

Да сего ж июля 31 дня от закащика Ивана Кыркова с подлинного доезду прислана ко мне копия, которым доездом объявил ему, Кыркову, служилой человек Гаврила Чюдинов. Был де он, Чюдинов, послан от него, Кыркова, в несколько человеках в походе на изменников с подмастерьем Иваном Спешневым опше, а когда де разбили изменников они острог, и вынес из острогу ключевской тоён Ханея и Урин 2 лисицы чернобурые да лисицу буренькую и взял под караул свой подмастерья Иван Спешнев, а где де ныне оные изменники и лисицы и под каким караулом содержатца, того де ему, Чюдинову, и знать не можно. А по справке в партии означенных лисиц от него, Спешнева, в приносе в казну ея величества не было.

Известуем вашему благородию. Живём мы, где возымели пристань, кормовых рыбных припасов у себя не имеем, для того у жителей кормовые припасы все изменники пограбила, а от партии служилые имелись быть в ходах, а другие на карауле и на вышепоказанной работе у строенья, и против прежняго и рыбы из моря не идёт. И с нынешней поры почти голодуют, а впредь как бог поможет чем пропитатца, а что каких припасов у меня на «Гавриле» боте имеетца, и за ускореньем посылки о приходе и расходе провианту и другого принадлежащего репортовать не ускорил и обо всём буду вашему благородию репортовать. А за расходом в остатке имеетца на боте свинцу один пуд, а больше того не имеетца, а пороху будет с удовольствием. А ныне на Камчатке жителей имеетца 28 человек и с того числа токмо 15 человек в службу годных, и того ради доношу вашему благородию, когда возымеетца путь в показанной тракт, коликое число надлежит, в остатке на Камчатке реке служилых людей от партии.

И того ради послал я сие ведение с мореходом Прокопьем Нагибиным и велел ему, Прокопью, явитца в Онадырском остроге

и подать сие ведение посланной партии тебе, господину капитану Дмитрею Ивановичу Павлуцкому, и о вышеписанном ваша благо-родия что соблаговолишь учинить. 1731 году ноября дня... (число не проставлено. Далее идёт список убитых «служилых» и «промышленных» людей во время восстания камчадалов, в количестве 40 человек).

Да сего ноября 7 дня отправленной от нас в поход солдат Александр Змиев прибыл из походу из показанного тракту и доездом мне объявил.

Сего де 731 году августа 17 дня получил де он инструкцию за рукою нашею, и по которой де инструкции повелено де ему со служилыми людьми итти с боту «Гаврила» вверх по Камчатке реке, по Хапиче и по Еловке рекам и до Верхнего Камчадальского острогу. И во оном де пути таких иноземцов изменников сыскивать и проведывать со всяким прилежанием, и ежели де где улучат, то де повелено ему приглашать ласкою и приветом, а ежели на ласковой призыв не пойдут, то де повелено поступать на них военною рукою. Да ему ж де повелено было по прибытии в Верхней Камчадальской острог, ежели в сохранении, данной де ему ея императорского величества указ от посланной партии во всенародное известие объявить, а Верхнего Камчадальского острогу ясашных иноземцов спросить письменно за их знаменами о обидах и разорениях, а ежели де на кого покажут, а они явятца в лицах, то повелено их взять в партию под крепким караулом. Да присутствующих камчадальских острогов и рекам ясачных иноземцов для содержания в посланной партии служилых людей и аманатов повелено де ему собрать кормовых припасов по рассмотрению препорции кормов не в тягость. В Большерецкой острог для проповеди известия послать, а из Верхнего ответствие ждать в Верхнем. И против де вышеписанной инструкции и вышеозначенного числа с Шантальского озера и с Аратуги, на Ключах де и на Еловке которые де изменники переиманы и при письменных де известиях с Шантальского озера Урилова острогу Хобин да Тавача да Хана с служилым Фёдором де Сосулиным, с Аратуги речки Никитка Родихин, Онтошка да Тонола с служилым Федотом Спиридоновым, главным изменник Фетька Харчин, да Еловской реки Тенивина острогу взятые с Тавача аманаты Иван да Клим со служилым Иваном Карамзиным с товарищи посланы де к нам. Да с ними же де отысканная ея императорского величества ясачная казна в суме за его де, Змиева, печатью да пушка, отысканная в воде привозу капитана господина Бе[ри]нга, и другое, о чём де явствует в отписке.

Да сентября де 25 дня получа де он известие от шантальского тоёна Июры, что Верхней Камчадальской острог в сохранении, и тогда де отпустил артиллерные припасы со служилым Алексеем Икорниковым с товарищи, а именно одна пушка большая, другая малая, 35 ядер большей пушки, 60 ядер малой пушки, две бочки с порохом за его де Змиева печатью и кожа красная, 18 фунтов свинцу, 8 топоров и другое де, о чём явствует в оном письме с ним, Икорниковым. А из вышепоказанного числа пушечного де пороху издержано, когда стояли на Ключах против изменников, шесть выстрелов картечами фузейного, из приёму де его дано солдату Климу Полежаеву 12 патронов да Ивану Калашникову 4 патрона.

Да сентября де 27 дня прибыл де он в Машурин острог присутствия Верхнего Камчадальского острогу, и тут де лутчей тоён Начика Машурин и с родниками живут благосклонно, токмо во многих де обидах и раззорениях Верхнего Камчадальского острогу на закащиков и служилых людей за своею рукою скаскою объявил, а имянно на Василья Новограбленного, на Андрея Рюмина, на Никиту Дурынина, которая де скаска при сем доезде.

И октября де 3 дня прибыл де он, Змиев, в Верхней Камчадальской острог и данной де ему ея императорского величества указ в ясашной избе объявил, октября де 3 дня послал де он Камчадальского Верхнего острогу в ясашную избу закащику Василью Пашкову промеморию о требовании кормовых припасов, тако ж о присылке против показания Начика Машурина служилых Новограбленного с товарищи, которую промеморию он принял, а в черной росписался.

Да октября де 4 дня означенной де Пашков письменно промемориею от кормового сбора и касающихся по делам служилых де людей не отдал и во всём отказал, знатно де, что ведая и за собою некакие неисправы, и в том учинил ея императорского величества указу противность, а ясашных де иноземцов приводит не в малое сумнение, в такой де силе хотя им чинитца несносные обиды, а суда де и обороны и сыскать не могут, которая де промемория и с вышепомянутыми изменническими допросами у него объявляетца в доезде.

Да октября де 7 дня в означенную в ясашную избу послал де он вторишную промеморию о присылке касающихся по делам Новограбленного с товарищи, которую промеморию принял, а в черной не росписались, о чём пришед солдат Клим Полежаев скаскою де предъявил, будто де в черной не росписался за несходствием с белою. И в та де поры служилой человек Гаврила Юрлов говорил

де подъячему Василью Новограбленных, не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства, а закащику де говорил, чтобы де за такого плута не стоял, а я де в посланную партию покажу письменно. И за то де его, Юрлова, закащик Пашков сковал в железа и посадил де в казёнку. Знатно, что и он приличен тому ж плутовству, что его, Юрлова, в партию показать письменно не допустил, а может быть, что он, Юрлов, знает на них и некоторые важности. И для де того он оставил в Верхнем Камчадальском остроге служилых людей Ефима Пермякова, Степана Карандашева, Макара Новосельцова и дал де им ордер, чтоб де они его, Юрлова, хранили и безвременно мучить без указа не давали, а может де быть, что он, Пашков, с подъячим Новограбленным, признав некакие притчины, его, Юрлова, и смертна замучет. Да им же де, Пермякову с товарищи, велел де весть перенять о Большерецком остроге и явитца в посланную партию в неукоснительном времени.

И октября 8 дня, видя де он, что закащик Пашков против де требования его ничего не отправляет и всегда пьянствует и [в] путь де поздает, потребовал для пропитания де в путь служилым людям и каюрам десять вязок юколы да для бережи от изменников 3 фунта пороху, 2 фунта свинцу, понеже де он порох и свинец отослал весь к морю, против кото[ро]го требования принял де он пороху 3 фунта, свинцу 2 фунта и юколы 8 вязок и одного ж де числа из Верхнего Камчадальского острогу де он отбыл батами. И октября де 11 дня, проплыв де Шипину реку, захватила де их великая шуга, и плыли во льду с великою де нуждею, скрос лёд пробивались. А октября де 14 дня приплыли де к разорёному Нижнему Камчадальскому острогу, и едва де они добились до берегу и, взяв де оружие, пошли лесом на Ключи к иноземческому изменническому острогу и, не дошед до их острогу, в лесу поймали ключевского изменника Хобина, которой на Ключах на сопке опше с Фетькой Харчиным и противо нас на бой выходил, в чём он, Хобин, в допросе своём винилса.

Да сего де октября 21 дня по известию де через ясашного иноземца Шолоча, что де на Кареуне речке изменники, оставя свои прежние жилище, ушли де в вершины, и он де со служилыми людьми на означенную речку пошёл того ж де числа, и прибыв на место старого камчадальского острогу, поймали де изменника Налача, и отослал де его при письме на таборы под караул служилому человеку Фёдору Тиболову. И оной изменник Налач, согласясь де он с вышеписанным изменником Хобиным, в небытность де его из под караулу от него де, Тиболова, бежал и унесли казённой топор.

И октября де 24 дня, прибыл де он в вершину Кареуны речки и тут де поймал Лехтарева брата Баргача во шти человеках и взял с них аманата Лехтарева, сына Харутача, а означенного им Баргача с товарищи оставил на своём жилище для ясашного промыслу.

Да сего де ноября 1 дня получили де они известие от ясашного иноземца Леку, что де пришли изменники с верх Камчатки Голгочевы товарищи многолюдно; и он де со служилыми людьми, возымел надежду на бога, того ж числа вступил де он за оными изменниками в погоню, и ноября де 3 дня и божиею помощью постигли де они изменников на Чоргане под камнем Шевеличем ключевского ясаула Урила в двадцати человеках и оных изменников перехватили и, за вины их наказав, оставил де при письме Тенивина острогу тоёну новокрещену Нефёду Тенивину, с которого взяты два аманата и отосланы де со служилым Иваном Карамзиным, и велел де ему, Нефёду, означенных изменников принуждать к ясачному соболиному и лисишному промыслу. И того же числа в ночи приплыли де тут изменники ж Фетьки Харчина брат Стефан Харчин да с ним Лехтарев племянник Чромаш, да новокрещёной Фетька Жировиков и оных де они изменников перехватили ж и вышеозначенной де Урил да Стефан Харчин да Орликов кресник Никитка при сем де его доезде, а Чремаша и новокрещен Фетька да Хару[та]ч отпущены де с наказанием на свои жилища для ясачного промыслу.

А в приёме де у него, Змиева, было провианту муки ржаной пять сум, да круп яшных пуд, которой де у него провиант с вышеозначенного августа с 17 числа в бытность де его в походе октября по 31 число употребил де он в роздачу служилым людям на пропитание, а которые де у него и были изменники в пойманье и они де наказаны и отданы де ясачным иноземцом на поруки к ясачному промыслу, а коликое их число и кто де имяны и у кого на поруках, и значит де при сем доезде реестр. Того де ради просил, дабы повелено было указом ея императорского величества оной де его доезд в посланной партии, изменнические допросы и означенную промеморию, скаску Начика Машурина и аманата Харутача принять и с вышеозначенных допросов и промеморий дать де ему копию, а в аманате Харутаче расписатся. Да пр[и] [с]ем же де доезде объявил он, Змиев, отдал изменников на поруки с наказанием ясачным иноземцом для промыслу ясаку: Комколу — Чагача, Ликоча, Тегича, Налача, Тенива, Хобина: Баргачу — Лехтареву брату — Огика, Валача, Шолу, Конохалоба, Улеку, Тадея; Начику — Намаглу, и Кашу, Тавача, Кашаю; Тавачу Тенивину — Наласканача,

Начика Чавакеева, брата его Урила, Налахача; Шочку — Налача и Локаткана, Шамак, Хару[та]ча; Каналу — Камак, Шамахана, Хобина, Харуча, Никитку Орликова, Чромаша, Лектарева племянника, Фетьку Жировикова. Изменники Стефан Харчин да ключевской тоён Урил объявлены при доезде.

И вышеозначенного числа в посланной партии у него, Змиева, доезд, изменнические допросы и промемория и скаска Начики Машурина, аманата Хару[та]ча я принял, тако ж изменника Харчина с товарищем велел содержать в ясашной избе под караулом, которые допросы и промемория посланы при сем ведении.

А из имеющихся служилых людей в партии, об которых репортовал к вашему благородию, из оногo числа побито на приступе Камчадальского Нижнего острогу 3 человека: Сава Чигин, Борис Нифантьев, Никита Шавырин. Да сего ж 1731 году в разных числе[x] волею божиею померли гранадер Стефан Силиванов, матроз Пётр Таранкин, служилые Дмитрий Осколков, Михайло Чернеговской, Иван Маслецов, а с другими служилыми живём на Камчатке у пристани морского судна и содержим партией Камчадальского Нижнего острогу присутствия ясачных иноземцов, которых партией походами умирили и взяли с них аманатов, и из за оных аманатов хотим собирать ясак в казну ея величества и об оном из посланной партии просим указу: будущим из Якуцка за ясачным сбором коми[са]рам ясашной сбор сдать ли. А я без повелительного указу из посланной партии отдать ясачной сбор не смею, а буду собирать партией. И о вышеписанном что соблаговолишь учинить, а о приходе и расходе репорты посланы при сем же ведении. 1731 году ноября 11 дня.

Таковые белые дела в ящике за печатью
Прокопей Нагибин принял, его велением
Фёдор Тибалов расписался

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 156—165
Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 5

Причины, цели и ход восстания по показаниям пленных камчадалов

21. Из «доношения» о допросах камчадалов Фёдора Харчина, Тенивина и других, август — октябрь 1731 г.

...(В опущенных кратких допросах «бунтовщицы» Офимьи, жены Никитки Родихина, Хобина и Никитки Родихина содержатся све-

дения, имеющиеся и в последующих допросах.) Августа 27 дня прибыли на Ключи к жилищу изменника Дадей и Урила с родниками и посланные от нас служилые люди наперёд в лёгких батах для присмотру и опасности усмотрели изменников в великом собрании и учинилась у них пальба, и мы на ту пальбу пошли в скорости и пришед во близость на остров и стали с ними переговариватца, чтоб они принесли ея императорскому величеству повинну, и посылали к ним ради призыву Пеучеву острогу тоёна Колыча и после служилых людей посылали, Алексея Воробьёва да Костентина Веретнова. Однако они с повинной не пришли, и стали мы по 28 число августа до полудни. И видя себе в конечной осаде, изменник Фетька Харчин пришёл к нам с братом своим Степаном да Тенивина острогу тоён Нефёд, а другие изменники ушли на высокую гору и аманатов не дали, и оружия огненного не вынесли, а просили у нас служило[го] человека к себе в аманаты. А вышеписанных разговоров речи толмачили служилые люди Алексей Поливанов да Иван Шигин да казачей сын Василей Курдюмской, новокрещёной Фёдор Мешков. И видя их такое непостоянство, велел служилым людям, вооружась из двух пушек, по них выпалить с кортечами, и они, изменники, все разбежались в лес.

Августа 30 дня прибыл на Еловку реку на жилища Фетьки Харчина изменника и брата его Степана Харчина. И он, Фетька, допрашивал, а в допросе ска[зал], что была де у нас дума о [и]зме-не сего 731 году весною в мае месяце, а в замыслу де той думы был я, Фетька Харчин, да дядя мой Голгоч, да вверх по Камчатке от Крестов Игул, Тавач да подострожной Хаврат, Кана, еловской тоён Тигил с братом да еловской же Валагала да Лалот, Чарамаш Лехтарев племянник, да ключевские Тадея и Урин, да брат его Ханея да брат его сродно[й] Урил с братом, Налач да Налачев брат Илту, да новокрещен Алексей Чюдинов да Чюгеч, да Каменного острогу тоён Колыч с братом Гыжуром. И согласясь де мы, вышеписанные, хотели острог взять, а казаков прибить. В начале вверх по Камчатке в собрании нашем у Крестов убили Нижнего Камчадальского острогу толмача Андрея Орлика да служи[лы]х Ананью Тюхова, Степана Ларионова да Елесея Долгополова, да казачью жену Алексея Чурина, да казачью жену с детьми Обросима Сорокоумова с двумя сыновьями, да посадских людей Захара Третьякова, Ивана Татарина с сыном и с женой. Да на устье Еловки реки убили служилых Петра Саранчина, да двух казачьих детей Колычевых, да но[во]крещённого якута Данила. И прибыв под острог ношным временем июля 20 дня, иермонаха Иосифа двор зажгли таким

умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут стрелять, и выбежал его ермонахов сын Андрей Лазарев бить в набат в колокол[ол], и тут де его подстрелили и почали казаков бить и убили Алексея Чурина [с] сыном, Ивана Обуховского с пасынком, Дмитрея Новгородова с женою и двух сынов и две дочери, Ивана Буторина с тремя сыновьями, Александра Русанова да новокрещена Якова [с] сыном. И в острог мы зашли, а дворы казачьи сожгли, а острог мы хотели переносить на сопочку пониже острогу, а монастыри повыше над рекою, а церковь и двор государев хотели перевести и сжечь на дрова. А как де пришли под острог от партии служилые люди и вызывали де нас к себе из острогу, чтоб сдаться и вытти без бою, и я было хотел выттить, чтоб сдаться, да вышеозначенной дядя мой Голгоч да Июра ключевской и другие старики разговорили, а возъмём де мы в остроге и отсидимся, и для того де я и не вышел. И как де учили приступать, и тогда де мы, видя, что в остроге не отсидется, согласясь с означенным дядей Голгочем, да Налач, да Урин, да Илту, из острогу убежали, а которые после в остроге зажглись, и про то де он, Фетька, не знает.

А после того пришёл де к нам Тадея и Урин сын, и пошли де мы на Еловку реку для собрания людей. И пришёл де я в Тавачев острог, и тут де я нашёл брата своего Стефана, которой был послан со служилыми людьми Дмитрием Бологовым, Григорьем Поповым на Уку для сбора ясажного толмачём. Он де мне сказал, что де вышеозначенные Бологов с товарищем да служилые ж, которые были на рыбных промыслах: Данило Комаров, Семён Островской, Евсей Чирышев, Гаврила Бубенной, Андрей Багуев, Евдоким Ворыпаев, казачей сын Иван Кузнецов да посатцкого сын Макар Обухов, да промышленной Василей Жировиков, да промышленной Михайло Жировиков, а у служилых Дмитрея Бологова, Григорья Попова руки обрублены и на колье втыканы да служилых людей Ивана Смирнова жена с двумя дочерьми убиты, Андрея Багуева жена за ноги повешена.

А которая де была сборная ясажная казна, привезённая Дмитрием Бологовым с Уки реки, и оную казну взял де брат его Степан, а сколько де было сборной ясажной казны, тому де явствуют книги. И из оной де казны брат де мой Степан подарил мне десять лисиц красных, одного соболя, одну лисицу сиводущатую. Да он же де, Степан, дарил дядю нашего Голгоча пять лисиц красных да два соболя, да ещё дарил Налача пять лисиц красных, да Тадею ключевскому лисицу красную да соболя, да Урилу две лисицы красных, да Илту две лисицы красных же. А из тех де я, Фетька,

десяти лисиц сшил себе одеяло, а из соболей малахай, а сиводушка в целости. А Голгоч и Тадея из означенных соболей шили ж малахай. А достальную де казну куды он, Степан, употребил, про то де я не известен.

И тут де я, Фетька, собрав иноземцов Тенивина острогу тоёна новокрещёного Нефёда с братом и с родниками, да тоёна Тигиля с родниками, и поплыли вниз по Еловке и по Камчатке к морю в поход на казаков и умышляли, приплыв к морю с конца бараборы зажечь и на том пожаре служилых людей побивать. И приплыв на Ключи, стояли на сопке для караулу, а как прибыли от партии служилые люди в лёгких батах наперёд, и увидя мы их поехали навстречу на одном пороме да в бату с оружием огненным и с луками и хотели их побить, чаяли, что только их идёт не во многих людях. И постречав те лёхкие баты и с ними бой имели и из оружия стреля[ли] и в такой стрельбе усмотрели де мы, что идут де служилые люди во многих батах, и мы де собрались на означенную сопку, и как де пришли служилые люди и обсадили нас на сопке и стали нас призывать к миру, чтоб нам дать... (в оригинале слово не разобрано) аманатов и жить по прежнему нам смирно, и на такой де мы призыв вышед с братом своим Стефаном, а других де изменников — вышеозначенного дядю своего Голгоча с товарищи призывал и аманатов привести им велел и оружие огненное принести велел, токмо де они меня не послушали, а аманатов не дали и оружия не при[несли] и засели на той сопке и просили к себе двух или одного служилого человека на промену в аманаты, и по такой же их противности от служилых людей из двух пушек по нас выпалили, и оные изменники с той сопки все разбежались.

А вышеозначенная де наша измена учинилась от несносных обид, а имянно с бытности камисаров Ивана Новгородова, Михаила Шехурдина с 1730 и с 1731 годов и подьячих их Екима Мухоплюева да Ивана Свешникова. Брали де с нас на один год по два ясака и по три, а кроме ясака с нас берут себе за каждый ясак чащин по три и по четыре лисицы или соболей лисишных, а ежели де у кого чащин купного нет, то берут себе у нас за чащины жён и детей под заклад, а строки пишут на малое время, что нам на такие строки выкупить нечем, и то охолопливают их себе вовсе. А ещё де летнею порою посылают к нам закащики за юкольным сбором, собирают с нас с каждого человека вязки по три и по четыре юколы, а у кого юколы нет, то берут у нас за юколу за вязку по лисице, а ежели и лисицы нет, то последние с нас парки и куклянки. Да ещё берут

с нас траву сладкую с человека по полтора пуда, а травы у кого нет, то также берут, у кого что увидят. Тако же кипрей, сарану берут повсягодно. Да ещё собирают с нас гуси, утки, а уток по пятидесят [с] человека. А зимою прикащики посылают собирать с нас рыбу, гольцы и ушканы и всяким с нас берут неокладными и необстоятельными поборы.

А такие поборы собрав и отвозим в острог Нижнекамчадальской мы сами на нашем коште, летом в батах и каюры нашими, а зимой на собаках и на санках наши же. Да ещё летом закащики посылают нас в кормовую пору по дрова себе и нас всегда продержат в каюрах. И за иными своими прихотьями, летом не дадут нам в удобное время промыслить к зиме рыбного корму, а зимой не дадут нам и промыслить зверя за своими излишними прихотьями и за необстоятельными с нас поборами.

А за вышеозначенными поборы посылают от прикащиков и закащиков служилые люди и берут с нас себе хоженного со всякого человека по лисице, и за свои они прикащики и закащики и сборщики чащины и другие иные поборы бьют нас батоги и на правезе на смерть, а иные не стерпя такого мучения давились.

И от таких де несносных тягостей и от великих разорений и обид в такую измену вступили, и в том де я, Фетька Харчин, повинен, а за вину де мою, что ея императорского величества укажет. А вышеписанный допрос ответствовал он, Фетька Харчин, сам, понеже он русской язык сам знает. К подлинному допросу вместо Фёдора Харчина его велением Макар Новосельцов руку приложил.

1731 году сентября 6 дня Тенивина острогу изменник новокрепчен Нефёд, иноземческое название Тавач, допрашиван, а в допросу сказал, что де как думал о измене Фетька Харчин, того де я не знаю, а как де он, Фетька, с товарищи Нижнекамчадальской острог взял, а казаков прибил, тогда де он послал к нам на Еловку ведомость, чтоб которые имеются на Еловке служилые люди ради рыбных промыслов, всех прибить. И пришли Пеучева острогу Гижур да еловские Итатель, Тигилев брат Тонач, а Тигиль сверху приплыл, а при нём Валагала, також Кана, Лалот, Чамора и все верховые еловские иноземцы, и мне де сказывали, что вверху служилых людей Дмитрия Бологова, Григорья Попова, Евсея Чирышева, Евдокима Ворыпаева, Андрея Багуева побили, а сборная де казна с Уки реки, привезённая Дмитрием Бологовым, была у толмача и изменника Степана Харчина в целости ли де или нет, про то де я не известен. И почали де оне служилых людей Семёна

Островского, Данила Комарова, Гаврила Бубенного, Михаила Жировикова побивать, а убойцы были Лалот, Гыжур, Карымча, Канахач да брат де мой Иван, а иноземческое звание Итатель. И после того прибыл де к нему в острог изменник Фетька Харчин с ключевскими и со своими сродниками, и почали де меня звать с собою, а ежели де ты с нами не пойдёшь, то де и тебя убьём, и тогда де я с ними, Харчиным с товарищи, и поплыл на низ к морю в поход на казаков, а как де нас постречали от партии служивыя люди, и когда де мы увидели служилых людей в батах, и тогда Фетька Харчин с братом своим Степаном и с другими изменники поехали к нам настречу, чтоб их побить, и стреляли по служилых людех из огненного оружия, и когда де нас служилыя люди обсадили на сопке и стали нас вызывать, и я де, видя нам конечную осаду, и пришёл к служилым людям с покорностию и в том я во всём повинен, а за вину мою, что ея императорское величество укажет, а вышеписанной допрос ответствовал он, Нефёд, а по иноземски Тавач, сам, понеже он русской язык сам знает. К подленному допросу вместо новокрещённа Нефёда Тенивина его велением служилой человек Леонтей Амосов руку приложил.

Того ж числа Тенивина ж острогу новокрещен Иван, а иноземское звание Итатель, допрашиван, а в допросе сказал, что де как сперва о измене и с кем думал Фетька Харчин, того не знаю, а как пришла ведомость от Фетьки Харчина, что острог он с изменники взял и казаков прибил, и послал на Еловку он, Харчин, Итателя да Тигилева брата Тонача, Гижуру, чтоб на Еловке казаков побить, и тогда де я пристал к ним своею волею и которые де были служилыя люди на Еловке ради рыбных промыслов и с теми изменники Итателем с товарищи служилых людей побивали обще, и которые служилыя люди Дмитрий Бологов да Григорей Попов пришли с казной с Уки реки и оных побивали же вместе, а сборную де казну взял к себе изменник Стенай Харчин, а как де прибыл брат его изменник Фетька Харчин, и оную де казну делили по себе. И собравшись де мы с ним, Харчиным, поплыли к морю в поход, чтобы служилых людей побить, и постречавшись мы со служилыми людьми на Ключах, он, Фетька Харчин, и с другими изменники навстречу выехал на бой и по служилых людях из оружия палил. И тут служилыя люди обсадили нас на сопочке и ласкою нас вызывали по два дни. И оныя де изменники и я де с ними обще на ласковой призыв не похотели итти и хотели бой иметь. И как де служилыя люди почали налить из пушек, и мы де с той сопки все разбежались.

И в той де измене я, Иван, иноземчески Итатель, повин[ен], а в вине де моей что ея императорское величество укажет. При вышеписанном допросе ответствовал он, Итатель Тенивин, сам, понеже он русской язык сам знает. К подлинному допросу вме[сто] но[во]крещёнова Ивана, а иноземским звание[м] Итателя Тенивина, его велеином Фёдор Тибалов руку приложил.

Сентября 6 дня Тенивина острогу взяты двойные аманаты с новокрещена Нефёда, названием Тавача, сын его Клим да брат его Иван, иноземски Итатель.

1731 году ноября 3 дня Ключевского острогу изменник Урил ясаул пойман на Коргане речке, в посланной партии допрашиван, а в допросе своём сказал. Сего де 731 году весною в мае месяце в замыслу о измене с Фетькой Харчиным и с дядею его Голгочем, да вверх по Камчатке от Крестов Игул, Тавач да подострожной Хаврот, Кана, еловской тоён Тигиль с братом, да еловский же Валагола да Лалот Чарома, Чаромаш Лехтарев племянник, да ключевские Тадея и Урин, да его Ханея, да брат мой сродной Налач, да Налачев брат Итту, да новокрещен Алексей Чюдинов, да Чегоч, да Каменного острогу тоён Ливуч с родниками, да Пеучева острогу тоён Колыч с братом Гыжуром, и согласясь мы все с вышеозначенными изменниками стали казаков бить и в остроге зажгли дворы и казаков, которые в остроге были, всех прибили, а вышеозначенной Пеучева острогу тоён Колыч у убивства не был, а я с вышеозначенными изменниками во взятом казачье[м] остроге засел, а как пришли от партии служивыя люди для взятя и стали из пушек палить, и я, видя, что в остроге не отсидется, и стали мы с Фетькой Харчиным и Голгочем соглашаться, как бы убежать, и, изождав время, убежали. И убежав собрались на Ключах в свой иноземческой Ключевской острог и отгуду пошли на Еловку собирать иноземцов. И собрав иноземцов, приплыли тут же на Ключи в иноземческой острог и тут удумали, что плыть к морю и там казаков всех прибить, а назад идучи, всех от моря иноземцов ясашных жилища выжечь, и усмотрели мы по Камчатке реке, что идут два бата от моря, и для того мы стали на паром, пошли мы навстречу, ежели служивы[e] люди, чтоб их побить. И как съехались со служивыми людьми, и они стали по нас палить, и мы от них побежали и собрались на вышеозначенную сопку для переговору со служилыми людьми и на ласковое слово мы для того не пошли, что нас не пустили Голгоч да Таноч, Кана да Тигиль, да Лалот Чарома для того, что они у нас были главны[e]. А с означенной де сопки пошли мы с помянутыми Голгочем с товарищи вверх по Камчатке

для собрания к себе иноземцов по Козыревской и по Шапино[й] и Машуринских, чтоб в Верхнем Камчадальском остроге служивых людей побить и, служивых людей побив, острог взять. И подшед де мы под Машурин острог, усмотрели, что тут живут служивыя люди на опасном карауле, и оттуда я, Урил, взяв с собою десять человек, и поплыл батами вниз по Камчатке реке, а означенной Голгоч пошёл на Козыревской острог. И вышеозначенного Голгочу, пришли из Верхнего камчадальские казаки, побили и с другими изменниками, а кого имяны и сколько человек, того де я сказать не знаю, понеже я с ними на том бою не был, а слышал я от брата своего Налача. А в вышеозначенной моей измене и в вине волен я ея императорского величества. А в вышеозначенную измену вступили от несносных обид... (повторение показаний Фёдора Харчина о всевозможных обидах и поборах, чинившихся в бытность комиссара Новгородова).

Да ещё вышепоказанному допросу в пополнении изменника Фетьки Харчина, брат его Степан Харчин подарил меня на Еловке двумя лисицами красными, а какие оные лисицы, казённые ли или его, Степана, собственные, про то я сказать не знаю, а оные лисицы я отдал изменнику Фетьке Харчину в гостинцы. У вышеописанного допросу речи толмачил Тавачева острогу тоён новокрещённой Стефан Кузнецов. У подлинного допросу знамя Урилова подпisał велением его чрез толмача Стефана Кузнецова Фёдор Тибалов. К подлинному допросу вместо толмача Стефана Кузнецова его велением Василей Нижегородов руку приложил.

1731 году октября 15 дня приплыв из Верхнего Камчадальского острогу до разорённого Нижнего острогу, за невозможностию пути за великою шугой стали и, не дошед иноземческого Ключевского острогу, в лесу поймали изменника Хобина, которой Хобин в допросе своем показал. А когда Нижней острог изменники взяли, и я в остроге не был и был на Шантальском озере с изменником же Чремашем Лехтаревым племянником, и убили мы на озере казачья сына Филиппа Красильникова, сына его, а как зовут, имя его не знаю, да казачью девку новокрещённую Варвару слепую и казачьи жилища на озере разорили. С означенным Чремашем пошли на Ключи, где живут жили (так в оригинале) изменники, и товарищ мой Чремаш ушёл с Ключей на другое море, и я де остался тут на Ключах, и прибыли на Ключи изменник Фетька Харчин с дядей своим Голгочем во многом собрании, и ко оным изменникам и я пристал. А когда пришли служилыя с войским и нас с войским вызывали ласкою и просили у нас ружьё, мы ружья не дали, и за ту противность

стали по нас палить, и мы от той пальбы разбежались. И ушёл я по сухой речке и к горелой сопке и сделал себе юрту и хотел ясак промышлять и, промысля ясак, хотел с платежем вытти, для того что видя себе гибель, что никуда не попасть. А что де явился у меня парусной лоскут, и тот лоскут нашла девка моя в лесу, а боле де того я, Хобин, сказать не знаю.

У вышеписанного письма речи толмачил Егор Иконников. У подлинного знамя Хобина подписал его велением чрез толмача Егора Иконникова *Фёдор Тибалов*. К подлинному допросу вместо толмача Егора Иконникова его велением *Василей Нижногородов* руку приложил.

Того ж числа изменник Степан Харчин допрашиван, а в допросе своём сказал. Про измену брата своего не знал, в думе с братом своим Фетькой и с дядей Голгочем и с протчими не был. А был я послан в то время со служилыми людьми с Дмитрием Бологовым на Уке для ея императорского величества ясаку и у ясачного сбору толмачём. И собрав ясачную казну, пришёл я со служилыми людьми на Еловку реку Валагале, и тут изменники Тигиль с товарищи в сборе, и убили они ясачных сборщиков Дмитрея Бологова с товарищи. А сборной казны де было тридцать девять лисиц красных, пять соболей окладных, и оную казну взял де я и спрятал в лес от означенных изменников и держал оную казну в лесу три недели. И прибыли к нам на Еловку брат мой Фетька Харчин да дядя Голгоч, Тадея и Урин, да Налач да Урил, да Итту и с другими изменниками, взяли меня в не[во]лю и стали у меня просить казну из за пристрастия. И я, убоясь смерти, означенную казну принёс, и оные изменники, взяв тое казну, розбили и делили по себе, а я де означенною казною никого не дарил. Только я из своих пожитков подарил брата своего Фетьку Харчина четыре лисицы красных, да два соболя, а дядю своего Голгочу подарил двумя лисицами красными, да Налачу Ключевсково подарил двумя лисицами красными, Тадею и Урину лисицу да соболя, Урилу две лисицы красных, Итту две лисицы же. А дарил де я своими пожитками для того, чтоб они, изменники, казны не разграбили. А оные изменники, не смотря на мои подарки, и оную казну разграбили и меня с собою взяли и поплыли наниз по Еловке и по Камчатке и прибыли на Ключи в иноземческой острог. И тут брат мой Фетька Харчин и дядя Голгоч с другими означенными изменниками умышляли плыть к морю в поход, служивых людей побить. И прибыли от партии служивые люди на нас, изменников, в поход, и мы собрались все на высокую сопку для переговору, и как де нас стали ласкою призывать, и я с братом

Фетькой да Тенивина острогу новокрещёной Нефёд к служивым людям вышел, а дядя мой Голгоч с протчими изменниками на той сопке остались и на ласковой призыв не пошли и с той сопки бежали, а куда, о том неизвестен. И пошли служивые люди на Еловку реку для взыскания изменников и пограбленной казны. И как прибыли на Еловку в Тигилев острог и стали искать по лесам, и в та поры Костянтин Веретнов, Нижнего Камчадальского острогу служивой человек, угрожал меня, ежели я Тигиля и пожитков его не найду, то тебя будем огнём жечь, и я тех угроз бояся, убежал, и вышеозначенной моей вине, что ея императорского величества укажет. При вышеписанном допросе он, Степан, отвечивал сам собою, понеже он, Степан, руской язык довольно знает. К подлинному допросу вместо Степана Харчина его велением *Василей Нижнего-родов* руку приложил.

От партии солдат Александр Змиев руку приложил (листы документа скреплены: «К сей копии от партии солдат *Александр Змиев* руку приложил»).

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 122об.

22. Допрос камчадала Фёдора Харчина от 2 ноября 1731 г.

1731 году ноября 2 дня от посланной партии от штурмана Якова Генса выписано на допрос еловскому ясашному новокрещену Фёдору Харчину о измене его, а о чём, значит ниже сего пункты.

Вопрос 1. Ты, Фёдор, и с протчими своею братиею о измене согласия было в которых годех, что Нижне Камчадальский острог выжечь, а казаков прибить?

Ответ. О измене мы согласие имели, что острог выжечь, а казаков прибить мая девятого дня сего ж 1731 году.

Вопрос 2. А с тобою ко оному зломыслию в согласии были тоены кто имяны и которых острогов, и протчая ваша братья иноземцы, коликое вас число имелось быть?

Ответ. О согласии тоёны с нами были от Крестов Ивол, Тавач да Дурига, да Ханея и Хомышев, да ключевские Ханея да Дадея и Урин да подострожной Хавроткин да Колыч, еловской Волага и Куниц да Игил да Лалот, Голгоч, ключевской Налач, Каменного острогу Ливуч, еловской Чаромаш, Колычева брат Гижур и вышеозначенные тоёны все с родниками.

Вопрос 3. И на оную злую мысль за что соглашались, что острог выжечь и казаков прибить и их казачьи дворы выжечь, и в том согласии и в зломыслии кто главным имели быть?

Ответ. В первых в начале и зломыслии были ключевские Ханея да Дадея и Урин с родниками да Хавроткин и протчие тоёны. Учинили мы за несносную от сборщиков обиду и служилых людей, которые ездят за сбором к нам. А именно в 730 году камисар Иван Новгородов посылал ко мне на Еловку за сбором ясашным брата своего Матвея и брал он с меня за родников моих двойной ясак, да сверх оногo ясаку себе брал по пяти голов с человека за чащину соболями и лисицами, а у ково взять нечево, и лопоть, мужеским и женским полом. Да при нём же, Новгородове, был пищик Еким Мухоплев, буди за сбором изнасиловал блудным грехом жену мою венчалную. Да сего же 31 году от камисара Михайла Шехурдина была ко мне и родникам моим обида несносная, брал с нас по три ясака на год да по пяти мест с человека чащин соболями и лисицами, а у кого нет, лопоть и сладкую траву, из которой вино сидят, тако ж с меня просил за умершего дяди моего Ухира из-за при-страстия ясак и взял с меня тридцать лисиц, в то число и соболями. Да при нём, Шехурдине, был пищик Иван Свешников, взял с меня пять куклянок недоростинных, пять лисиц за чащину.

Тако ж от камисаров оставляют закащики и собирают с нас всякие неподобные сборы: траву сладкую, кипрей, сарану, утки, гуси и рыба. А у, кого нет, то берут ушканами.

А такие их сборы собирают неоднократно, и чинятца нам от них немалое раззорение. Да за таким же сбором от оногo Новгородова ездил преж ясачногo платежу служилой Алексей Пыжик, преж ясаку брал себе с нас за траву соболи и лисицы, у кого нет, лопоть, куклянками, да у лутчево тоёна Лехтаря взял котёл медной, от чего в зломыслии пошёл и нетерпя оных обид почали быть в зломыслии.

Вопрос 4. А ежели вам такие несносные обиды чинили, то в Нижнем Камчадалском остроге камисару доносили ли?

Ответ. Камисарам в таких несносных обидах на оногo Пыжика доносил закащикам Григорью Попову с товарищи, которые были от означенногo Шехурдина, и по тому решение не учинено, тако ж и на других, от кого бывает обида, нас же садят под караул.

Вопрос 5. А как ты, Фёдор, с товарищи до прибытия в острог по Камчатке и по Еловке в начале из русских служилых людей кто побит и коликое число их побито?

Ответ. А побили де мы по Камчатке 2 человек: Ивана Татаринова да на усть Еловки Осипа Колычева.

Вопрос 6. И прибыв с показанногo места своего, острог зажгли в начале чей двор и зажгли в какую силу и прибили из русских людей кого имяны и коликое число?

Ответ. А приплыв де мы с Еловки в острог, зажгли в остроге вначале попов двор для того, как де зажжём, и на оной пожар кто будет, то де будем колоть и бить, и убили церковного дьячка Андрея Лазарева и служилых людей прибито при пожаре Дмитрея Новгородов, Иван Обуховской, Алексей Чюрин с сыном, Иван Плехандая, с двумя сыновьями (в списке убитых в Нижнекамчатском остроге Ивана Плехандая с двумя сыновьями нет. Имеется «Иван Буторов и дети его»), Алексея Русанова да казачьих жён с детьми, а других взяли в полон и держали моя братья вместо жён.

Вопрос 7. И в прибытии от посланной партии по Нижней Камчадальской острог служилые люди, а вы в осаде были и переговоры от партии со служилыми людьми имели, чтоб сдатца хотели и не сдались, кем от ваших одержано было, чтоб не сдаватца?

Ответ. А как де мы вошли и засели в остроге и переговаривали от нас со служилыми людьми сперва Чегеч, а во втория я, Фёдор, и многая наша братья в переговоре были, чтоб выйдтить из острогу с покорной голо[во]ю миритца, токмо де которые были в переговоре, те и содержали Голгоч, Чегич, Дадея, чтоб не выходить из острогу.

Вопрос 8. А когда приступ был посланной партии служилыми людьми и полисады в острогу начали рубить, и ты, Фёдор, в сколькои человеках убежал и кто были с тобою в побеге товарищи в какой силе бежал?

Ответ. А как де приступ был от посланной партии к острогу и стали палить по острогу из пушки, и я бежал из острогу с Голгочем да Урилом, Налачем, И[т]гу Налачев брат, Дадея, Тавач, Лювич, и пошли по Еловке на старые свои жилища.

Вопрос 9. А вы ж, Фёдор с товарищи, из острогу выпускали после переговору девок казачьих крещёных и некрещёных и своих жён и ясырей с пожитками соболями и лисицами и с прочем под каким видом?

Ответ. А как де выпускали из острогу после переговору девок казачьих крещёных и некрещёных и своих жён и ясырей с пожитками и для какого вымыслу — про то я сказать не знаю, для того что из острогу убежал и в согласии с ними не был.

Вопрос 10. А когда ты, Фёдор, громил с товарищи русских людей, и в пожитках их какие имелись лисицы добрые?

Ответ. А в пожитках служилого человека Петра Гугорова взята одна лисица бурая, да другую принёс из Спаского монастыря Тавач, монастырской дворовой, и были де у меня в при[ё]му, для того у погромных пожитков было мне от своей братьи поверено,

а когда я бежал из острогу и оставил их жене своей... (слово не разобрано) впред хотел поклонитца в казну ея величества. И ныне имеетца в казне положены Ханеею и Уриным, а других лисиц, кроме вышеписанных не имелось. Токмо слышал я укинского тоёна Корыча, поклонился де он, Корыч, камисару Михайлу Шехурдину лисицей бурой, а ту лисицу упромышлял ясачной же иноземец Нингвит, оного Корыча племянник.

Вопрос 11. Ты, Фёдор, с товарищи твоими острог зажечь в согласии с другими был ли?

Ответ. Что острог зажечь я с другими в согласии не был и жечь кроме дворов не велел и в бытность мою в остроге согласия их не слышал.

Вопрос 12. А которой в остроге снаряд, пушки и мелкое оружие было и оной снаряд вами где пушки и мелкое оружие где подёвано?

Ответ. В остроге нами взято две пушки медные да две чугунные и оные пушки в Камчатку реку брошены, а мелкое оружия коликое число было взято, о том не известен.

Вопрос 13. А огненного оружия, фузей и винтовок у служилых людей в остроге побрано коликое число?

Ответ. А огненного оружия нами взято у служилых людей фузей и винтовок десятка с два, из которых мы и бой имели из острогу с казаками.

Вопрос 14. А когда бы вы острог також и дворы выжег, то б собрание ваше где имелось быть и жить?

Ответ. А как де мы острог и дворы хотели выжечь, а вновь построить унамерены были близь монастыря подле реку Камчатку на сопочке, а церковь и двор государев и остальные дворы из острогу старого перевозить и жечь на дрова.

Вопрос 15. По взятии вами острогу имелись ли в ясашной избе аманаты?

Ответ. По взятии нами острогу имелса один аманат еловской Кнуп, а других аманатов не было, да при карауле два человека служилых. А как побили караульных, и аманат пристал в наш злой совет.

Вопрос 16. А о достальных служилых людех Камчадальского острогу, которые к морю живут по разным местам, и о тех служилых какая мысль была — побить или в каком намерении были?

Ответ. Служилых людей Нижнего Камчадальского острогу, которые жили к морю по разным местам, побить хотели, изладили бат, на чём плыть к морю, и послыша весть от девки Алексея Холмогорова служиша Паранки о судне боте, что на море, не ушло

со служилыми от посланной партии, и приопаслись, не поплыли и стали крепить старый острог.

Вопрос 17. А при баталии в остроге ваших что побито тоёнов и их сродственников и протчих коликое число?

Ответ. При мне побито в остроге из тоёнов один человек да девять человек тоёнских родников, а после меня коликое число побито, про то сказать не знает.

Вопрос 18. Собрание твоё было на Ключах со многими изменники, где преж имелса быть острог, для чего и какое твоё намерение было?

Ответ. Собрание наше было со многими изменники, хотели плыть к морю и прибить имеющихся у моря служилых людей и возвратитца на свои жилище на Еловку.

Вопрос 19. Ты, Фёдор, брата своего Степана научал ли убить сборщиков Григорья Попова да Дмитрея Варжу и сборную яшашную казну по себе дуванить?

Ответ. Брата своего Степана не научал, что сборщиков побить, а казну дуванить, а убили их мужики еловской Валагала да Чегора.

Вопрос 20. А брат твой Степан сказывал ли, что служилые, которые имелись быть за сбором, побиты и сборная казна у него имеется на Еловке?

Ответ. Брат мой Степан сказывал: сборщики Григорей Попов да Дмитрий Варжа нами побиты, а сборная казна имеетца у него, Степана, на Еловке реке на своих жилищах.

Вопрос 21. А ты, Фёдор, у брата своего Степана в подарки сборной казны соболями и лисицами коликое число принял, також и другие кому имяны давал подарки?

Ответ. Принял у брата своего Степана в подарки сборной яшашной казны десять лис красн[ых], два соболя да лис[у] сиво-ду[щатую], а из тех лис шил себе одеяло, из соболя шапку. Да он же дарил дядю своего Голгоча, дал пять лисиц красных, два соболя, да Налача дарил, дал пять лис крас[ных], Дадне ключевскому две лисицы красных да соболя, из которого он себе шил шапку. Да Урилу дал три лис красн[ых], Итту дал две лис крас[ных], а достальную казну где он, Степан, давал, про то сказать не знаю.

А ежели я, Фёдор Харчин, по вышеписанным пунктам сказал что ложно или утаил, и за то указали бы ея императорское величество учинить смертную казнь.

(Листы документа скреплены: «К сему ответу вместо новокрещённого Фёдора Харчина его велением служилой человек *Иван Шишкин* руку приложил». В донесении Сената Анне Иоанновне

от 9 мая 1733 г. сообщается о восстании камчадалов и испрашивается разрешение «повелеть оных пушних заводчиков казнить смертию на страх другим». Фёдор Харчин и Голгоч были повешены. Крашенинников рассказывает о поразительной выдержке и самообладании, с какою Харчин и Голгоч шли на казнь, причём каждый из них претендовал на право быть повешенным первым.)

Экспедиция Беринга, д. № 5, л. 556—559

23. Допрос камчадала Степана Харчина от 18 ноября 1731 г.

1731 году ноября 18 дня от посланной партии выписано на допрос об измене новокрещена Степана Харчина, а о чём, значит ниже сего пункты.

Вопрос 1. Ты, Степан Харчин, про измену брата своего Фетьки Харчина ведал ли, тако ж и дяди своего Голгоча и с ними в думе был ли, а буде был, для чего?

Ответ. Про измену брата своего Фетьки, також и дяди своего Голгоча не знал и в думе с ними и с прочими не был, а был я посылан от закащика Кыркова со служилыми Дмитрием Бологовым, Григорьем Поповым на Уку для ясачного сбору в казну ея величества и у оного сбору был толмачём, а собрав ясак, пришли мы на усть Еловку реку Валаголе, и тут изменники Тигиль с товарищи и убили они ясачных сборщиков Дмитрея Бологова с товарищем.

Вопрос 2. А как сборщиков побили, и ты, Степан, сборную казну где подел и коликое число имеетца на лицо?

Ответ. А как сборщиков побили, и я сборную ясашную казну тридцать девять лисиц красных, пять соболей окладных и оную казну взял де я и спрятал в лес, чтоб изменники не погромили, и держал у себя под охранением в лесу три недели. И пришёл ко мне брат мой Фетька с изменники с дядей Голгочем да Тадею и Уриным, Налачем да Урилом с Иттом и с прочими изменники и взяли у меня сборную казну из за пристрастия, и бояся смерти, я им означенную казну принёс и отдал.

Вопрос 3. А буде оную у тебя сборную ясачную казну взяли из-за пристрастия и куды они её употребили и кто имяны главным были?

Ответ. Главным были изменники Фетька Харчин, дядя мой Голгоч да Дадея и Урин, Налач да Урил да Итту и прочие и разбили суму за печатью и делили по себе.

Вопрос 4. А ты, Степан, из означенной сборной ясачной казны себе повытку взял ли против своей братьи и не дарил ли сборной казною свою братью, а буде дарил, кого имяны?

Ответ. Из сборной ясачной казны я себе по выткуну не бирал против своей братьи, и казною ясачною никого не дарил, только из своих пожитков дарил брата своего Фетьку четыре лисицы красных да два соболя, дядю своего Голгоча двумя лисицами красными да Налачу ключевскому дарил две лисицы красных, Тадею лисицу красную да соболя, Урилу да Итту по две лис красн[ых].

Вопрос 5. А ты де, Степан, дарил брата своего Фетьку и его братью изменников из своих пожитков в какую силу и для чего?

Ответ. А дарил я в такую силу для того, чтоб они, изменники, казны не разграбили, и мне бы сохранить казну в целости для отдачи будущим к нам сборщикам, и не смотря на мои к ним подарки, казну разграбили, а меня взяли с собою в неволю к изменному злему своему умышлению.

Вопрос 6. А как тебя взял брат твой Федька с товарищи в неволю к зломыслию, и куды ваше намерение было итти с протчими товарами?

Ответ. Брат мой Фетька и дядя мой Голгоч с товарищи, взяв меня в неволю, умышляли плыть к морю в поход на служилых людей, побить, ежели не имеетца морское судно у моря с партиєю.

Вопрос 7. А ежели не имелось бы судно у моря с партиєю, то какое у вас намерение было: итти ли в поход на служилых или нет?

Ответ. А морское судно ежели бы не имелось у пристани у моря, то наш совет был, что итти к морю на служилых в поход и их прибить.

Вопрос 8. А такой у вас совет был, что к морю плыть в поход на служилых и побить, в котором месте собрание было?

Ответ. А такой у нас совет был, что к морю плыть и служилых побить на Еловке реке, и приплыли на Ключи пониже разорённого острогу.

Вопрос 9. А как вы прибыли на Ключи для означенного совету и кем удержены, что не итти вам в поход на служилых?

Ответ. А как мы прибыли на Ключи для оного злого совету моей братьи и затем удержаны, что не итти нам в поход, пришли от партии на нас в поход солдат Александр Змиев со служилыми людьми, и мы собралися на сопку и ждали от них к себе переговору.

Вопрос 10. А как вас стали служилые на ласковой призывать, и коликое вас число на сопке было людей, и кто имени от вас переговаривал?

Ответ. А как стали служилые приывать лаской и я к ним пришёл и ходил к ним, изменником, на сопку и уговаривал и привёл брата своего Фетьку да новокрещена Нефёта Тенивина острогу

к служилым людям, а дядя мой Голгоч и с прочими изменники на той сопке осталса и на ласковой призыв не пошли и с той сопки бежали, а куда, о том не известен, а взят я оттуль полявым прикащиком Александром Змиевым на Еловку для взыскания пограбленной сборной ясачной казны в Тигилев острог и для взыскания изменников.

Вопрос 11. А ты, Степан, бран был на Еловку для взыскания пограбленной казны, також изменников, чего ради с дороги бежал и не для ли какого скупу тебя служилые отпустили, а буде для какой корысти и скупу отпустили, и кто имяны или своя братья тебя подговорили?

Ответ. Бран был я для взыскания пограбленной сборной ясачной казны, також изменников, и стали искать по лесам, и в та поры Нижнего Камчадальского острогу служилой человек Константин Веретнов угрожал меня, ежели я Тигиля пожитков его не найду, то тебя будем огнём жечь, и я о тех угроз бояся убежал, и никому в походе служилым скупу не давал, чтоб меня отпустили, токмо от вышеписанного угрозу бежал, и об оном означенном моём побеге ея императорское величество укажет.

А ежели я, Степан Харчин, по выше писанным пунктом сказал что ложно или утаил, и за то указала б ея императорское величество мне, Степану, учинить смертную казнь.

(Листы документа скреплены: «К сему ответу вместо Степана Харчина его прошением *Иван Шангин* руку приложил». Степан Харчин за переход во время восстания 1731 г. на сторону русских, после казни своего брата Фёдера, был назначен тойоном «Коанного» острожка, находившегося между озером Кайначем и рекою Еловкою, где до восстания тойоном был Фёдор Харчин.)

Экспедиция Беринга, д. № 5, л. 623—624

Поход солдата Змиева и других для усмирения восставших камчадалов на рр. Озерную, Харюзову и Авагу в 1732 г.

24. «Доношение» ясачных «иноземцов» в «ясачную избу» от 31 января 1732 г.

Ея императорского величества в новопостроенную в ясачную избу доношение.

1. Сего 732 году генваря 28 дня по ея императорского величества указу, а по определению посланной партии, прибыл к нам на Озерную реку для сбору в казну ея императорского величества

с нас ясачных иноземцов на сей 732 год ясаку сборщиком солдат Александр Змиев со служилыми людьми.

2. А ныне по присланным письмам и по копиям с ордеров от тигильского сборщика матроза Леонтия Петрова, имеет он, сборщик Змиев, со служилыми людьми остановку.

3. А мы, нижеименованныя, желаем в казну ея императорского величества в посланную партию ясак с Озерной реки и с родниками нашими платить попрежнему.

4. Того ради просим посланную партию, дабы повелено было указом ея императорского величества сие наше доношение в ясачной избе принять, а у нас на Озерной реке за ясачным сбором быть от посланной партии служилым людям, а не жителям Нижнего Камчадальского острогу служилым же людям, понеже нам чинятца от них, жителей, несносные обиды, от которых обид пришли в всекопечное раззорение и нищету.

О сем доносят Озерной реки лутчия ясачныя иноземцы Котомначика Чарожев сын, Канач Кожомчин сын, Керуга Шиман сын. При вышеписанном доношении речи толмачил служилой человек Алексей Поливанов. Генваря 31 дня 1732 году.

Знамя; Керугино Знамя; Котом-Начикова Знамя; Канычева (знамя в оригинале изображает рисунок лука и стрелы). Подписал их велением через толмача Алексея Поливанова *Леонтей Амосов*. Вместо Алексея Поливанова его велением *Фёдор Тибалов* руку приложил.

Экспедиция Беринга, д. № 4, л. 238

25. «Промемория» штурмана Генса управителю «ясачной избы» Борису от 11 февраля 1732 г.

От посланной партии от штурмана Якова Генса в ясачную избу управителю Михайлу Борису промемория.

Сего февраля 6 дня в промемории от вас к нам в партию написано. Сего де февраля означенного числа в присланном де ея императорского величества указе от камисара Ивана Эверстова к тебе писано. Генваря де 15 дня получена де отписка от походных прикащиков Андрея Штинникова с товарищем, а в оной отписке их написано. Пришли де они большеерецкого присутствия на озеро и поймали де от изменников иноземца и чрез оного уведомились, изменник де Вахлыч с товарищи построил острог стамовой и землю в полдерева осыпан, а обретаецца де в том остроге изменников сот с пять бобровских и курильских, а оружия у них имеетца пять

пицалей, и что де на оных изменников в малолюдстве итти не подлежит. И против де вышеозначенного указа и против присланного ея императорского величества с указа копии повелено тебе требовать на оных изменников от посланной партии у меня добрых служилых людей со оружием, тако ж и пушкаря с пушками и ядрами, а именно к камчадалским служилым в добавок 40 человек и отпустить их чрез Бобровое море на Авачу. Такожде послать де тебе в Верхней Камчадалской острог из казны десять фузей, одну пушку. А ежели де в казне не имеетца, то де требовать тебе от посланной партии. Того де ради просишь нас, чтоб против присланного ея императорского величества указу и копии служилых людей против вышеписанного, тако ж пушек и пороху, свинцу, ядер и мортир и умеющих людей прислать для отсылки в показанное место. Токожде за неимением в казне для отсылки в Верхней Камчадалской острог десять фузей, одну или две пушки и провожатых за оную муницею служилых людей, сколько пристойно.

И против означенного твоего требования отправляюща от нас из партии служилые Лаврентей Поляков с товарищи в 40 человек на показанное место в поход на означенных изменников, и сего февраля 11 дня в посланную партию и в доношении их написано. Наряжены они в поход в показанной тракт для умирения изменников тамошних и других их соопшников нынешним зимним временем, а кормовых де припасов у себя не имеют и купить де им негде и питающа де они с великою нуждою.

И того де ради просят нас от посланной партии, чтоб повелено было им выдать из казны провианту для означенного походу по два пуда на человека муки ржаной да рыбного корму по две вязки юколы, чем бы им без нужды в пути пропитатца и не принять голодной смерти, по 4 собаки на человека с санками и с собачьим кормом и с принадлежащим заводом, 40 человек каюр с кормами ж, людей добрых с собаками, с санками. А по справке в партии провианту малое число, в дачу им не достанет, а рыбных кормовых припасов не имеетца и для отсылки в Верхней Камчадалской острог в партии фузей лишних не имеетца, а которые и есть и ломаны, и для починки и кузни пуль требуется от вас на уголья ветхое судно, а когда будет на уголья отправлено, тогда фузеи к тебе в отдачу будут в готовности, а пушку с ядрами принять, а из пушки, из мортиры стрелять таких умеющих в партии людей не обретающа, а порох требовать тебе от подмастерья Ивана Спешнева, понеже по взятии острогу имелся у него в семи бочёнках оставшей господина капитана Беринга, а свинцу не имеетца, о чём по-

казано выше сего. А послать в Верхней Камчадальской острог за муницею, сколько пристойно, из здешних жителей и февраля 5 дня против присланной твоей промемории будем иметь при ясачной от партии караул опше.

И по получении сей промемории тебе управителю, Михайлу Борису, по требованию посылающихся служилых, собрав с кого надлежит, в поход прислать в партию кормовых рыбных припасов восемьдесят вязок юколы да по 4 собаки на человека с санками и с собачьим кормом и к тому принадлежащим заводом 40 каюр, людей добрых с принадлежащим против вышеписанного, кончая сего февраля к 20 числу, чтоб за не присла[нием] вышеписанного в поход останов[ки] не было.

Таково белое промеморие за рукою штурмана Якова Генса подано в ясачную избу 1732 году февраля 11 дня. Такову промеморию *Михайло Борисов* принял и росписался.

Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 73—74

26. «Репорт» штурмана Генса капитану Павлуцкому,
март 1732 г.

В посланную партию в Анадырской острог почтенному господину; господину капитану Дмитрию Ивановичю с Камчатки от пристани бота «Гаврила» штурман Яков Генс челом бью, репорту до вашего почтенства нижеписанное.

1. Сего 732 году февраля месяца слышно нам учинилась чрез иноземцов, что из Анадырского шли на Камчатку служилые люди и прошли на Тигиль, а к нам на Камчатку не бывали, а знатно, что они от изменников побиты, понеже камчадальские ясачные иноземцы Пенжинского и Бобровского моря и курильские от ясачного платежа отложились и ея и[мператорскому] в[еличеству] изменили.

2. И для примирения оных изменников отправлен в поход со служилыми людьми от партии солдат Александр Змиев на Пенжинское море, на Харюзову реку к судну «Фартуне», а оттуду велено ему итти на Авачю.

(Судно «Фортуна» одинаково, как и бот «Гавриил», осталось от экспедиции Беринга. В 1737 г. на «Фортуне» отправился на Камчатку С. П. Крашенинников, автор «Описания земли Камчатки».)

3. А в камчадальские остроги прибыл камисаром Иван Эверстов и прислал от себя к нам на пристань управителем Михайла Борисова, которой запретил всем ясачным иноземцам, чтоб нам в партию ясак не платили и [к]ормовых припасов не давали б, а нам аманатов

и колодников прокормить нечем. И для того я ясачную избу, и аманатов, и колодников, и ясачной сбор отдал в камисарское ведомство, понеже у них книги имеютца и собирать ему до позволительного от вашего почтенства указу.

4. А до прибытия камисарского был за ясачным сбором отправлен на Уку реку солдат Александр Змиев, и собрал ясаку два сорока, а я взял ясаку девять мест, которая казна содержитца ныне в партии.

5. А на Авачю и в Курила для умирения изменников имею намерение итти ботом «Гаврилом», понеже на Курильских островах имеетца ясачной сбор от партии, а на Аваче изменников крепятца пятьсот человек и построили острог стамо[во]й и осыпали землю, а у нас в партии свинцу уже не имеетца, и велел я ковать пули железные. А на Камчатке ныне кормами всеконечная скудость, купить вязки юколы ни на пять рублёв негде, и служилые голодуют, а провиант уже весь в росходе.

6. А которые служилые имеютца в отдаче у геодезиста Михаила Гвоздева, и оных он в поход кумандровать не даёт.

7. А обо всём ныне в досконал ясно репортовать не успели, понеже о посылке в Анадырск мы были не известны, а управитель Борисов нам не сказал, уже уведомились последнего часу. А сия отписка послана со служилым Фёдором Сосулиным и велено ему явитца в Анадырску и сию отписку подать тебе господину капитану Дмитрию Ивановичю. И о вышеписанном что укажешь. Марта дня 1732 году.

Таковую белую отписку Фёдор Сосулин принял,
его велением *Иван Коринцов* росписался.

К сему доношению велением Лаврентья Полякова
и за себя *Иван Шишкин* руку приложил

Экспедиция Беринга, д. № 5, л. 678—679

27. Инструкция штурмана Генса солдату Змиеву, март 1732 г.

От посланной партии от штурмана Якова Генса, данная солдату Александру Змиеву, по которой поступать по нижеписанным пунктам.

1. Минувшего февраля 26 дня сего 732 году Нижнего Камчадальского острогу от управителя Михаила Борисова из ясачной избы в партию объявлено. По присланному де ей императорского величества указу из Верхнего Камчадальского острогу от камисара Ивана Эверстова к нему, Борисову, велено для походу на измен-

ников на Харюзову для споможения сборщику Леонтию Черных требовать из партии служилых людей, для того что де харюзовские ясачные иноземцы изменили и от ясачного платежа отложились, а служилых людей побили. Да оног ж де февраля 23 дня харюзовский де ясачной иноземец Леглек, пришед в ясачную избу скаскою объявил, означенные де харюзовские ясачные иноземцы Максимка да Шербак с товариши собрався во стех человеках и пошли по Пенжинскому морю до морского судна «Фартуны» в поход.

2. Итого ради ехать тебе, Змиеву, со служилыми людьми по данной сей инструкции с усть Камчатки реки от пристани морскаго судна, вверх по Камчатке реке и на Харюзову реку и до Пенжинского моря, куды способней, без потеряния люцкова и до судна «Фартуны» и сыскивать означенных изменников и прилежным старанием по присяжной должности.

3. А ежели оные изменники вами сысканы будут, то призывать их под ея императорского величества высокосамодержавную руку ласкою и приветом и розговором, чтоб они платили ясак в казну ея и [мператорского] в [еличества] попрежнему.

4. А ежели на ласковой ваш призыв не сдадутца и ясак в казну ея императорского величества платить не станут, и прося вам у всещедрого бога помощи, поступать на них военною рукою легулярно, елико всещедрый бог помощи подаст.

5. А буде с военной руки сдадутца, то взять с них, изменников, аманатов и их спросить, отчего они, ясачные иноземцы, изменили, и не было ли к ним от ясачных сборщиков служилых людей обид и разорения, а буде были какие несносные к ним обиды и от того они изменили, то собирать с них ясак в казну ея императорского величества на сей 732 год, а сборную казну и аманатов отсылать в партию, тако ж и главных изменников под крепким караулом.

6. А ежели с баталии на погроме явятца у них изменников в пожитках их лисицы добрые чёрные и чернобурые и соболи добрые, то присылать в партию в казну ея величества против вышеписанного.

7. А которые имеютца от партии служилые люди в Верхнем и в Большерецком острогах, и принять к себе в команду и об отправлении оных служилых, что будет востребно Верхнего Камчатдальского острогу от камисара Ивана Эверстова, а в Большерецку от закащика требовать.

8. А ездить тебе, Змиеву, в показанном тракте со служилыми людьми с великим опасением, чтоб караул иметь неусыпно, чтоб от

неприятельских людей от изменников служилым, тако ж и алти-
лерной и другой казне траты не учинилось.

9. А в показанном тракте по дорогам, как тебе, так и служи-
лым, ясачным иноземцам обид и разорения не чинить, излишних
каюр не брать, и в том им тягости не чинить, а ежели ты, Змиев,
учинишь не против данной тебе инструкции и про то будет кем
донесено, и за такую твою противность учинено будет вам наказание
со взятием немалого штрафа.

10. Тебе ж, Змиеву, над посланными с тобою служилыми людьми
смотреть, чтоб как тебе, так и служилым людям никакой зерню не
играть, дабы от такой зерни в карауле помешательства не было, а
от неприятельских людей шкоты не учинилось, и тако ж и ссоры
бы у них, служилых, меж собой не было, а что будут чинить против-
но, и тебе, Змиеву, по вине смотря наказывать, бить батоги.

11. А как помощью всещедрого бога в показанных местех из-
менники будут все под ея императорского величества высокоса-
модержавную руку подведены, станут ясак платить попрежнему
[и тебе, Змиеву, брать с них ясак против вышеписанного и обо
всём в посланную партию ответственовать обстоятельно].

[12]. [А по окончании означенного походу] и то тебе, Змиеву,
итти со служилыми людьми в поход на Авачю по тамошным вес-
тем с моря, куды способнее Верхнего и Большерецкого острогов
служилым на помощь, которые имеютца в походе на Аваче, и посту-
пить по силе данной тебе от партии инструкции, применяясь выше-
писанным пунктом. (Заключённые в скобки конец 11-го и начало
12-го пунктов в оригинале зачёркнуты.)

13. А ежели у оных изменников острогу их взять будет не в мочь,
то писать тебе в партию в неукоснительном времени, и отправле-
ны будут вам от партии на боте «Гавриле» служилые люди с алти-
лерными припасы.

14. А ездить тебе, Змиеву, в показанном походе с великим раде-
нием и в партию поспешать, а по прибытии своём со служилыми
людьми в партию во всём подать за своею рукою доезд от послан-
ной партии господину штурману Якову Генсу, а кто имяны с тобою
служилые люди, при сем предлагаетца реестр.

Марга дня 1732 году.

Такову белую инструкцию *Александр Змиев*
принял и росписался

Реестр.

За канонера матрос Агафон Назаров. Солдат Клим Полежаев.
Лаврентей Поляков. Фёдор Жернаков. Семён Раздобрев. Дмитрий

Жилин. Фёдор Щеглов. Моисей Добрынин. Леонтей Амосов. Иван Световой. Иван Шигин. Андрей Берёзкин. Иван Исаков. Иван Заливин. Для толмачества Алексей Поливанов.

Пищик Иван Коринцов. Григорей Хорошев. Емельян Нагаев. Илья Скурихин. Семён Гобов. Мирон Санинков. Максим Терябяков. Андрей Верхотуров. Павел Попов. Тимофей Чешкин. Никифор Клестов. Степан Костров. Иван Портягин. Алексей Наумов.

Экспедиция Беринга, д. № 5, л. 588—590

III. ВОССТАНИЕ КАМЧАДАЛОВ в 1741 г.

Восстание в 1741 г. и походы прапорщика Левашова
и «командира» Борисова против восставших
камчадалов

28. «Доношение» Сибирского приказа в Сенат
от 8 февраля 1742 г.

Декабря 24 дня 1741 году в репорте в Сибирской приказ от охотцкого командира Антона Дивизера написано. Во Охоцкую де канцелярию от капитана-командора Беринга в промемории, писаной при Авачинской губе маяя от 28 дня того ж 741 году, объявлено, что поданныя ея императорского величества ясашныя камчадалы, живущия на реках, впадающих в Пенжинское море, Утколоки да Подкагирной забунтовали и двенадцать человек убили до смерти, и в других де острогах изменяют же, тако ж и на Тигиле русские люди сидят в осаде, а утколоцкия де бунтовщики жён своих и детей и холопей отослали от себя к морю на устье Утколоки реки на имеющееся там крепкое место по край моря Отпрыдыш камень и по тем де известиям обще он, капитан-командор, с капитаном же Чириковым и с протчими экспедичными оберофицерами определили и послали для взятъя тех бунтовщиков и убийц в Утколоцкой острог экспедичной команды прапорщика Левашёва с командою да для вспоможения отправлены с ним парти[и] командир Пётр Борисов со служилыми людьми вооружёнными, из которых оной прапорщик Левашёв апреля 5 дня того ж году на Авачю прибыл и о всём своём в том походе следствии объявил репортом, по которому показано, что с такими изменниками

и бунтовщиками поступал и военною рукою и привёз на Авачю к команде экспедиционной двадцать пять человек.

(Первая экспедиция Беринга не разрешила поставленных перед нею задач, и в 1732 г. последовал указ о снаряжении второй экспедиции. Не останавливаясь опять-таки на задачах и работе этой экспедиции, следует лишь подчеркнуть то активное участие, которое принимала эта «научная» экспедиция во главе с Берингом в подавлении восстаний туземцев.)

А того ж апреля 13 числа присланы с Тиг[и]ли от командира Петра Борисова два человека камчадалы бунтовщики ж и убицы и оными де камчадалами при экспедиции он, капитан-командор, с капитаном Чириковым и протчими офицерами следовали, а некоторых и разыскивали, а по следствию де из оных освобождено осмнадцать человек да два человека, на [А]ваче сидя под караулом, сами утопились, а достальные де семь человек с Авачи разосланы в Нижней Камчацкой и в Большерецкой остроги в приказные избы и велено их содержать под крепким караулом до указа.

А хотя де по тому ж делу и показаны оговорныя в убевстве ж матроза с товариши и в хождении в Харюзово для убивства ж, тако ж и прежней бунтовщик и убица показан, токмо де их оговорных сыскивать и ещё следовать и то следствие порядочно во окончании привести им, за нужными экспедиционными делами и отправлениями к вояжу, неможно было, также де и помянутых колодников семь человек до того содержать тамо под караулом неким, и для совершенных показанных резонов их оттуда розослали и то следствие оставили. А которыя де показаны оговорныя, тех велено сыскивать накрепко вышепомянутому Петру Борисову и, поймав, разослать их по острогам же и отдать в приказные избы и содержать под крепким же караулом до указа ж. И помянутое подлинное следственное розыскное дело для окончания по нём следствия ж и надлежащего разсмотрения и решения и при том деле с дву их определенной при той промемории сообщены точныя копии, а в правительствующий де Сенат о вышеписанном же для известия от него капитана-командора Беринга послано доношение. А вышеписанной командир Пётр Борисов в канцелярию Охоцкого порта репортовал же, по которому явно, что и он был принуждён с изменниками поступать и военною рукою. И с вышепомянутого следственного розыскного присланного от капитана-командора Беринга подлинного дела и с их определений с копии точныя копии при оном репорте присланы в Сибирской приказ, и что по тому чинить, требовано указу. А таковы ж де посланы

и в Ыркуцкую провинциальную канцелярию и требовано ж указу, ежели повелено будет вышеписанное изменническое дело совершенно исследовать и во окончание привести по силе указов, то б для оного послан был ко исполнению того от Ыркуцкой провинциальной канцелярии или откуда заблагоразсуждено будет, а из Охоцка к тому делу достойного послать некого, ибо и на Камчатку командиром ко определению, на кого в том положитца можно, не находится.

И генваря 22 дня сего 742 году по определению Сибирского приказу в Ыркуцкую провинциальную канцелярию послан указ с крепким подтверждением: велено на Камчатку командиром, так же и по присланному от капитана-командора Беринга к охоцкому командиру Дивизэру изменническому делу, с которого от него, Дивизэра, в Ыркуцкую канцелярию послана копия для подлинного исследования, по указом определить оной Ыркуцкой канцелярии по рассмотрению вице-губернатора Ланга достойных в немедленном времени и об оном исследовать в самой скорости, а кто на Камчатку командиром и для означенного следствия определены будут, и что по следствию явитца, в Сибирской приказ репортовать немедленно, а о имении от бунтовщиков предосторожности, чтоб подданных ея императорского величества ни до каких обид и раззорения не допускать, так же и верноподданным камчадалом никому никаких ко озлоблению обид и налог не чинить, оной Ыркуцкой канцелярии ко охоцкому командиру Дивизэру и к кому надлежит подтверждать непрестанными и крепкими указами.

Того ради правительствующему Сенату Сибирской приказ о вышеписанном сим доносит.

Николай Салтыков. Илья Полабин.

Михайла Сушкин. Александр Кортаев

Февраля 8 дня 1742 году.

Сенат, 1 департ., д. № 66, л. 70—72

Правительственные меры для предупреждения
восстаний камчадалов

29. Указ Сената капитану-командору Берингу
от 27 января 1743 г.

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из правительствующего Сената обретающемуся в камчатской экспедиции господину капитану-командору Берингу.

По указу ея императорского величества правительствующий Сенат по доношению от флота капитана Шпанберха мая от 10 дня 1742 года, при котором сообщены экстракты из следственного дела о злом намерении камчатских острогов жителей от тоёнов, явившемся чрез доношение казачья сына Алексея Мутовина, которому злomu умыслу и намерению в самом деле явились ичинской ясаул и тоёны Сопочного и Харюзовского острогов жители и содержатся под караулом, и требовал он, Шпанберх, чтоб для спокойнаго тамошняго места установления и учреждения прислать нарочного обер-офицера с командою: и буде не токмо обретающихся во всех тамошних острогах служилых и протчих людей от их замерзельных и непотребных поступков, тако ж камчадалов от непостоянства утвердить и привести в доброе состояние и порядок ему неможно, но большая умножается от камчадалов к злодейству опасность, приказал.

Для безопасности и установления тамошняго места и находящихся в камчатских острогах служилых и протчих людей от их показанных непотребных поступков, а камчадалов от непостоянства и от злодейства, отправить сибирскому губернатору, по сношению с Ыркуцким вице-губернатором, в немедленном времени обер-офицера добраго и к тому достойнаго с пристойною командою по рассмотрению, сколько той команды содержать тамо денежным и хлебным жалованьем будет можно. А для недопущения до таких же их замерзельных впредь поступков и пресечения в тамошних острогах живущих казаков и других служилых людей, перемешав, перевести из острога в острог по общему рассмотрению капитана Шпанберха, или кто тамо команду имеет и того обер-офицера, дабы они к злым замыслам согласия иметь не могли.

А каким образом тому обер-офицеру, будучи тамо, поступать, о том дать инструкцию с полным наставлением Ыркуцкому вице-губернатору, а о показанных в том доношении содержащихся людей в непотребных их поступках велеть рассмотреть и надлежащее определение учинить и обретающемуся в камчатской экспедиции господину капитану-командору Берингу учинить о том по сему ея императорского величества указу, а в военную и адмиралтейскую коллегии, в Ыркуцкую провинцию, в Сибирской приказ и в Сибирскую губернию об оном указы из Сената посланы.

Генваря 27 дня 1743 году.

На подлинном пишет тако.

Обер-секретарь *Дмитрей Невежин.*

Секретарь *Андрей Суворцов.*

Подканцелярист *Василей Ипполитов.*

Флота капитан *Чириков.*

С подлинным читал писарь *Иван Редин*

Экспедиция Беринга, д. № 53, л. 918

30. «Доношение» капитана Чирикова капитану Шпанбергу
от 8 июня 1743 г.

Благородный господин флота капитан. Каков ея императорского величества указ из правительствующего Сената на имя бывшего господина капитана-командора Беринга писанной генваря 27 дня сего 743 году под номером 346, которым по доношению вашего благородия, при котором сообщены экстракт из следственного дела о злом намерении камчацких острогов жителей от тоёнов, явившемся чрез доношение казачья сына Алексея Мутовина, и что при том требовали, чтоб для спокойнаго тамошняго места установления и учреждения прислать нарочного обер-офицера с командою, велено для безопасности и установления тамошняго места и находящихся в камчацких острогах служилых и протчих людей от их показанных непотребных поступок, а камчадалов от непостоянства, отправить сибирскому губернатору по сношению с ыркуцким вице-губернатором в немедленном времени обер-офицера доброго и к тому достойнаго с пристойною командою по рассмотрению.

А для недопущения до таких же их замерзельх впредь поступок и пресечения, в тамошних острогах живущих казаков и других служилых людей перемешав, перевесть из острога в острог по общему рассмотрению вашему, или кто тамо команду имеет, и того обер-офицера, дабы де они к злым замыслам согласия иметь не могли, и о протчем сего июня 7 дня мною получен.

С того ея императорского величества указу сообщаю вашему благородию точную копию при сем; а понеже оным ея императорского величества указом велено по рассмотрению вашему, или кто там команду имеет, и того обер-офицера (которой туда определён будет), казаков и протчих служилых людей перемешав, перевесть из острога в острог, дабы де они к злым замыслам согласия иметь не могли, но понеже хотя и не безызвестно, что от тамошних казаков

и от протчих служилых людей камчадалом бывают обиды, точию чтоб они, казаки, и протчие служилые люди, согласны были с камчадалами к бунту и к разорению тамошних камчацких острогов, того в нашу там бытность никогда не видно было, но все тамошня остроги и яшашныя камчадалы под державою ея императорского величества содержатца ими.

Того ради, по нашему мнению, от перемешки и переводу казаков служилых и протчих русских людей тамошних жителей из острога в острог удержания камчадалом от злого намерения, тако ж и им, казакам и протчим руским людем, от непотребных их поступок, удержания ж не может воспоследовать, но токмо им, казакам, служилым и протчим руским людем, от того переводу крайнее будет разорение, для того что многие живут в острогах, кто где поселился издавна, домами, и всякой на своём месте по тамошнему обыкновению рыбными и протчими к пропитанию своему домовными заводами уже обзаводились; и ежели их переводить с места на место — а острог от острога, как уже известно, разстоянием отстоят далеко, и пути трудный, — то им, кроме того, что дома свои оставят, но и в переездах их со всеми домашними своими и с протчим немалое отягощение и убыток будет.

Тако ж и дома у иных по тамошнему месту нарочиты, а у протчих не таковы, и принуждено будет им хорошие свои дома менять на худые тем, кои на их места переведутца. К тому ж не произошло б от перевода из острога в острог русских людей, к ним казакам и служилым людем привалок, какие привалки в здешних отдалённых сторонах для собственных неправедных прибытков, от бессовестных людей, чаю, и бывают, и ежели бы, по несчастию их, какой лакомой человек возимел власть переводить на Камчатке русских людей из острога в острог, то б подлинно ко всем мог добратца и, обрав их, привести в убожество и в конечное разорение, не учиня никакой пользы. А из них казаков и служилых те, которые худова состояния, хотя их перевести и в другия остроги, токмо без доброго их содержания, камчадалом такие ж обиды чинить могут, как и в прежних своих острогах. А ежели из них, казаков, и из протчих служилых паче чаяния явитца кто в злом согласии с камчадалами против подданных ея императорского величества русских людей, то таковыя подлежать будут не токмо переводу из острога в острог, но и тяжчайшаго наказания больше камчадалов или и смертной казни.

А понеже оную переводку казаков и протчих служилых людей, как выше упомянуто, велено учинить по рассмотрению вашему

или кто там команду имеет, тако ж и обер-офицера, того ради мы обще с господином флота капитаном Лаптевым шхипором Белого, прапорщиком Чоголковым запотребно разсудили, мнение своё объявить вашему благородию, чтоб тое переводку тамошних жителей русских людей из острога в острог за вышепоказанными резонами отставить, а ко отвращению их от непотребных поступок, тако ж и ко удержанию от злых замыслов камчадалов, употребить иные удобнейшия к тому способы, из которых бы невинным не происходило напрасного отягощения, а во первых накрепчайшее учинить запрещение, чтоб казаки и служилые и протчия тамошния жители русские люди из острогов своих к камчадалом в острожки без дела ея императорского величества и без самых крайних нужд за своими бездельными корыстями (как они издавна повадились) отнюдь не отлучались, но жили б в острогах своих все вместе и всегда б имели от камчадалов крайнюю предосторожность, о чём от меня ещё в 742-м году мая 15 числа к вашему благородию в сообщенное уже писано было. А о получении вышеобъявленного указа и о послании с него к вам копии, тако ж и о сем предложенном вашему благородию мнению нашем в правительствующий Сенат от нас донесено будет.

Что же мы о вышеписанном предложили вашему благородию, не отписався прежде в правительствующий Сенат, и то для того, что ежели о том ныне в правительствующий Сенат отписыватца и требовать резолюции, то оная присылкою сюда за великою дальностию весьма продолжитца, а до того вышеобъявленной ея императорского величества указ останетца без действия, а оным указом положено на ваше разсуждение и для того о том ныне к вашему благородию и предложено.

Флота капитан *Алексей Чириков*

Якуцк в 8 день июня 1743 году.

Экспедиция Беринга, д. № 53, л. 914—915

31. Приказ капитана Шпанберга от 7 сентября 1743 г.

По указу ея императорского величества флота капитан господин Шпанберх, слушав сообщённой с указа ея императорского величества из правительствующаго Сената на имя капитана-командора Беринга, писанного генваря от 27 дня сего 1743 году при предложении флота ж от капитана Чирикова точной копии, которым ея императорского величества указом велено по доношению ево господина капитана Шпанберха мая от 10 дня 742 году,

при котором сообщён экстракт из следственного дела о злом намерении камчацких острогов жителей от тоёнов, явившемся чрез доношение казачья сына Алексея Мутовина, к которому злomu умыслу и намерению в самом деле явились ичинской ясаул и тоёны Сопочного и Харюзовского острогов жители и содержатца под караулом, и о присылке для спокойного тамошняго места установления и учреждения нарочного обер-офицера с командою и прочее, велено для безопасности и установления тамошняго места и находящихся в камчацких острогах служилых и протчих людей от их показанных непотребных поступок, а камчадалов от непостоянства и от злодейства, отправить сибирскому губернатору по сношению с иркуцким вице-губернатором в немедленном времени обер-офицера доброго и к тому достойного с пристойною командою по рассмотрению, сколько той команды содержать тамо денежным и хлебным жалованьем будет можно. А для недопущения до таких же их замерзельных впредь поступок и пресечения в тамошних острогах живущих казаков и других служилых людей, перемешав, перевести из острога в острог по общему рассмотрению ево, господина-капитана Шпанберха, или кто тамо команду имеет, и того обер-офицера, дабы они к злым замыслам согласия иметь не могли, а каким образом, тому обер-офицеру будучи тамо поступать, о том дать инструкцию с полным наставлением иркуцкому вице-губернатору, а о показанных в том доношении содержащихся людях в непотребных их поступках рассмотреть и надлежащее определение учинить, о чём из оного высокоправительствующаго Сената в Государственные военную и Адмиралтейскую коллегии, в Иркутскую провинцию, в Сибирской приказ и в Сибирскую губернию указы ж посланы, приказал.

Следуя вышеписанному ея императорского величества указу в Охоцкую канцелярию и в камчацкие остроги писать ныне заблаговременно и требовать об учинении во упоминаемых камчацких острогах накрепчайшаго запрещения, чтоб казаки и служилыя и прочия тамошня жители русские люди из острогов к камчадалам в острожки без дел ея императорского величества и без самых крайних нужд за бездельными своими корыстьми (как они издавна обykle) отнюдь не отлучались. Притом же и купецкие и прочие приезжие разные чинов люди, для купечества и прочих своих партикулярных дел, во означенные ж камчадальские острожки да и на Курильские острова ездить отнюдь же допускаемы не были, а ежели кому из купецких людей принадлежать будет для своего купечества переехать из острога в острог, а имянно из Большерецка в Верх-

ней и из Верхняго в Нижней и на Авачю, где жительствоуют руские люди, те б к тому пути своему употребляли надлежащей тракт, а не посторонними камчадалским жилищем дорогами для излишней своей прибыли ездили, ибо и по указом ея императорского величества купецким и прочим людям с ыноверцами торговать и у них мяжкой рухляди на свои товары выменивать не велено. Что же принадлежат по вышеписанному ея императорского величества указу ко исполнению ему господину-капитану обще с будущим в тех камчацких острогах по определению высокоправительствующаго Сената обер-офицерам оное исполнить, как оной обер-офицер и он, господин капитан, в тех камчацких острогах будут, а о получении оног ея императорского величества указу и о вышеписанном определении во оный высокоправительствующий Сенат репортовать, при котором из предложения флота от капитана Чирикова учинённого им, Чириковым, и на упоминаемой ея императорского величества из правительствующаго Сената указ послать точную копию, а о чём надлежит по тому представлению и к нему Чирикову писать.

Флота капитан *M. Spanberg*

Сентября 7 дня 1743 году.

Экспедиция Беринга, д. № 53, л. 919—929

IV. ВОССТАНИЕ КОРЯКОВ В 1745—1749 гг. И УЧАСТИЕ В НЁМ КАМЧАДАЛОВ

Начало восстания коряков в 1745 г., методы борьбы
и принимаемые меры для их усмирения

32. Допрос служилого Потапова от 21 июня 1751 г.

Понеже с прошлого 1746 году с начатия бунту и измене живущими вкруг Пензинского моря оленными и пешими коряками в каком состоянии Акланской острог находится и кем и от чего оной и каким случаем разорён, о том и поныне в канцелярии Охоцкого порта достоверно и подлинного известия, хотя Охоцкая канцелярия от присланных из Ямского острогу изменников коряк и домогалась, токмо оног за пресечением изменниками пути в подлинно получено не было. А сего 1751 году июня 21 дня в канцелярии Охоцкого порта прибывшей сего июня 11 числа из Якуцка на почте с указами ея императорского величества команды Охоцкого

порта служилой, которой был в Акланском остроге Иван Потапов допрашивая, а в допросе показал.

Прошлого де 1745 году в ноябре месяце в бытность ево, Потапова, в Акланском остроге, в небытность сержанта Ивана Енисейского, которой тогда был в Охоцке, прибыли из Анадырского острогу в Акланск партии сержант Алексей Мокрошубов да служилый Иван... бикин (слово оборвано) для встречи едущаго из Охоцка в Анадырск иеромонаха Флавиана (иеромонах Флавиан был послан из Охотска зимним путём в Анадырск вокруг Пенжинской губы для крещения чукчей. На реке Егаче Флавиан и его спутники были убиты восставшими коряками) со свитою да дв... (слово оборвано) Анадырского платежа оленных коряк в Анадырской острог с оленными табунами, князца Косинского с родниками, гранадер Иван Мамруков, служилые Козьма Ерганьин, Афанасей Решетков, Лев Баигачев, Василей Онофриев, да за яшашным сбором Анадырского платежа из коряк Антипа Кармалин, Алексей Юрганин, Иван Проидошин, Афанасей Кожевин, всего одиннадцать человек, и быв во оном Акланском остроге дни с четыре, того ж ноября 19 числа поехали означенные Мокрошубов с товарищи к имеющимся по реке Аклане у моря пешим корякам, которые жили разстоянием от Акланского острогу например верстах в шестидесяти в двух юртах всего мужеска полу человек семь. А он де, Потапов, да служилой Степан Беляев того ж ноября 20 числа поехали за оными ж Мокрошубовым с товарищи для взятья упрмышленной ими в лете рыбных кормов, то де недоехав до вышеупоминаемых пеших коряк от юрты их в виду разстоянием менее десятины, увидели убитого на самой дороге из вышеупоминаемых команды гранадера Мамрукова, служилого Льва Баигачева, которой лежит наг в одних штанах, а оных Мокрошубова с товарищи побили, приехав к вышеозначенным пешим корякам, вышеупоминаемой Косинской с родниками и прибывшие из протчих близь того места из ыноземческих острожков, из Жачинского и из Каменного, из Жирового, из Косухи некого живущие в тех острожках пешие коряки, то де он, Потапов, и товариш ево Беляев, поворота собак своих от юрты, и поехали обратно по дороге, а изменники де коряки, вышед из юрты, стали их звать к себе, токмо оне к ним не пошли, то де отъехав от юрты например вёрст с пять за худобю собак своих он, Потапов, от товарища и остался и, отшед с дороги, стал под утёс, то де миновав с час изменники коряки на оленях погнали вслед их, и не видав ево за тёмностию ношною и за тогдашнею пургою и паки обратно миновав с час же, поехали в юрты,

а он, Потапов, пролежал под утёсом. И разговаривали между собой по-коряцки, что де нам их несустичь, понеже де осенью у русских собаки жирны. И пропусти де тех изменников, он, Потапов, и поехал в Акланской острог и, шед всю ночь, приехал уж днём под вечер.

И тако де означенная измена и убивство учинилось в начале в Акланском остроге от возмущения оленного коряцкого князца Косинского, а их де было в остроге и с ним, Потаповым, 12 человек, а имянно: служилые Козьма Коротких, Степан Беляев, Иван Колесов, Иван Ослоповской, Иван Черной, Трифон Крымской, Прокопей Шемаев, Никифор Солдатов, Алексей Тарбыкин, Иван Арзамас, Андрей Старков, и тако де они, Потапов с товарищи, и засели в том Акланском остроге в осад[е], и вышеупоминаемые де изменники коряки Косинской с товарищи на оленях в третьей день, то есть ноября 26 дня, приехали всего человек со сто и более, и того де дни до прибытия тех изменников к острогу вышел от них для осмотра поставленных на крупашки пленок служилой Пётр Карпов, то де оные изменники, напав на него внезапно, не допустя до острогу сажень за сто, застрелили из луков и подступили под острог, от которых де отбились стрельянием из острогу из огненного ружья, токмо из изменников никого не побили, понеже стоят в отдаль. И простояв оные изменники одне сутки, паки от острогу отступили прочь и в третьей де день паки подступили под острог и отошед чрез дни четыре и три, паки подступили к их острогу всего раз пять, токмо никакого им зла не учинили.

И между де тем временем в декабре месяце приехал к ним в Акланск из Анадырского острогу за сбором с живущих около Акланского острогу Анадырского ведомства с коряк ясака якуцкой служилой Михаило Сорокоумов всего в трёх человеках, а того де дни, которого он, Сорокоумов, к ним приехал, изменники, стояв под острогом, ввечеру отступили. И приехав, оной Сорокоумов засел с ними в остроге в осад[у], и сидели в осаде ноября с 26 числа 745 по 746 год до марта месяца, а пропитание имели самое нужное: ели сети сучёные из китовых жил, и ремни нерпичьи, и подошвы от торбосов и едва де все с гладу не примёрли.

А вышеозначенного де марта месяца 746 году, услышав о той измене и убивстве, в Анадырском остроге бывший маёор Павлуцкой прислал к ним в Акланск на вырубку за прапорщика Петра Трошина с командою всего во сте пятидесяти человеках, а изменники де до прибытия к ним означенного Трошина отступили от них недели за три. И прибыв оной Трошин в Акланск, ночевав одну ночь, и поехал со всею командою на устье реки Аклана, где

побили вышеупомянутых Мокрошубова с товарищи, токмо де изменников никого в том месте не нашли, а убежали на реку Ягачю и, собрав убиенных показанного Мокрошубова с товарищи тела, привезли в Акланской острог и похоронили в том остроге. А оной де за прапорщика Трошина с командою пошед ко оным изменникам на реку Ягачю и, не учиня к ним никакого приступа, токмо взяв от тех изменников одного аманата, которые изменники якобы сказали ему, что оне будут ясак платить в третьей год, а тогда де у них от убивства русских людей руки кровавы, и якобы затем и ясаку им платить нельзя. И приехал он, Трошин, от них обратно в Акланск и, оставя в Акланском остроге для бережи острогу партии капрала Ефима Пермякова с командою в двадцати пяти человеках, и уехал обратно в Анадырск.

И жили они, Потапов с товарищи, в Акланском остроге до июня месяца, а того де месяца июня 746 году приехав из Анадырска, сотник Алексей Котковской и увёз с собою в Анадырск означенного Пермякова в трёх человеках, а у них оставил при команде солдата Ивана Сокуева, которой Сокуев в том Акланском остроге определён был закащиком и жил июля до 8 числа и пошёл с командою из Акланского острогу по реке Аклану вниз и в разстоянии от их острогу версты с четыре промышлять рыбу, а в остроге де рыбных промыслов не бывает, токмо промышляют в самую осень. И взяли с собою и взятого от изменников с Ягачи вышеупомянутого аманата, да другова аманата Акланского острогу, для того де что их в остроге пропитать было тогда нечим, а для бережи острогу оставил ево, Потапова, да служилых Козьму Короткова, Бориса, а чьих прозванием сказать не упомнит, Никифора Солд[ат]ова, Алексея Тарабыкина, и вышеозначенной де взятой от изменников ягачинских аманат от помянутого Сокуева убежал, то де оной Сокуев, оставя у промыслу четырёх человек: Прокопья Шемаева, Андрея Старкова, Афанасья Змиева, да Гилёва, а как зовут именем сказать не упомнит, с достальною командою пошёл в лодках искать онога аманата вниз по реке Аклану к морю и, отошед де например вёрст с сорок, постречал на реке Аклане идущих к Акланскому острогу в байдарах ветхих, то есть лодки малые, походом изменников многое число, которые изменники означенного Сокуева с командою, не допустя до берегу, и покололи на воде копьями, токмо де с того побоитца убежали Акланского острогу служилые Степан Беляев, Иван Черной, Трифон Крымской, да партовщики Фёдор Соболев, Иван Матвеев, Иван Оконешников, Антон Петров, да ещё три человека, а как их зовут, сказать не упомнит, и из оных де служилых

пришед в Акланской острог Трифон Крымской о том убивстве ему, Потапову с товарищи, рассказал.

То де они и за неимением у них никакого пропитания, и что им в том остроге шести человекам спастись никак невозможно, пороховую казну в двух малых флягах, например весом в обоих один пуд, закопали в остроге в одном углу от жилья далее, да одну пушку малую и оружье закопали в онбаре под мост, а денежной де казны в том Акланском остроге не было, а присланные жалованные дачи деньги все употреблены были ещё в бытности сержанта Енисейского в дачу служилым, взяв [с] собою образ Николая чудотворца на цке шестеришной да псалтырь следованную старую и, выступя из острогу, пошли тундрою в Анадырск и, отшед от Акланска дён десять, вышли на реку Чёрную и за обдержажим их гладом далее итти уже мочи не возымели и зимовали на той реке Чёрной, а пропитание имели промышлением связанною из пестрединной рубахи сетью рыбою кетою, да зимою промышляли крупашек. И из них вышеозначенной Короткой да Борис, а чых прозванием не знает, с той реки Чёрной по выпаду первого снегу пошли в Анадырской острог, а он де, Потапов, да Крымской, Колесов и Солдатов на той реке Чёрной, как выше показано, и зимовал и в марте месяце 747 году с той реки Чёрной пошли они, Потапов с товарищи, в Анадырской острог и того ж де марта месяца вышли в Анадырск. То де из ушедших от них прежде Короткой вышел в Анадырск, а товарищ его Борис, не дошед до Анадырска, помер голодом, а ушедших де с побоища Сокуева в 746 году прибыли до них в Анадырск охочкой команды Степан Беляев да партовщиков Гилёв, Соболев, Зеленовской... (слово оборвано) Зуев, а Прокопей Шамаев да Иван Чёрной утерялись без вести.

То де он, Потапов, прибыв в Анадырской острог, жил до октября месяца 747 году, а в октябре из Анадырска поехали в Олюторской острог, которой ещё тогда был не в измене, за сбором ясака сборщик Михайло Сорокоумов с командою, то де и он, Потапов, для осмотра Акланского острогу, в каком состоянии оной находится, попутно и поехал, и едучи обратно из Олюторска он, Потапов, да Степан Беляев с партовщиками Ефремом Котельниковым, с Петром Куклиным, да с Егором, а чых прозванием не упомнит, в Акланск и поехали, а как де прибыли в Акланск, то де оной острог уже весь раззорён и созжён, токмо оставлено одно зимовье, которое стояло в отдаль от острогу, а пороховая де казна, которую закопал он, Потапов, в землю, и пушку и оружье всё выкопано и взято изменниками, а у кого она пороховая казна и пушка и оружье

имеютца, того он, Потапов, не знает, токмо де нашли одну фузею, покинута в отдаль от острогу, которую взяв, и отвезли в Анадырск. И отдал он, Потапов, закащику якуцкому служилому Екиму Новгородову да свою данную в Охоцке от бывшего командира господина Дивизера фузею ж с ледункою без патронов и образ Николая чудотворца и псалтырь, в чём имеет за рукою ево росписку, которую объявляет при сем допросе.

И осмотрев де тот Акланской острог, и уехали обратно в Анадырск, и прибыли уже в марте месяце в 748 году, и жил во оном Анадырском остроге до 749 году до марта месяца, и того ж де марта, дав ему, Потапову, да товарищам ево Ивану Ослоповскому, Козьме Андрееву из Анадырской партии полкового двора за рукою командующаго тогда над партией прапорщика Ковалёва пашпорт, отпущен в Якуцк и велено явитца в Якуцкой или в Охоцкой канцелярии, а прибыл де он, Потапов, в Якуцк в 750-м году в декабре месяце, а сего 751 году апреля 1 дня послан он из Якуцкой воеводской канцелярии в Охоцк на почте с указами ея императорского величества.

А товарищ ево Ослоповской прибыл в Якуцк прежде ево, Потапова, и услан минувшего 750 году из Якуцка в Ыркуцк за колодниками, а товарищ ево Козьма Андреев остался в Нижнем Колымском зимовье, затем что поднятца оттудова ему не на чем, понеже ехали из Анадырска до Якуцка на своём коште.

А Акланской де острог построен был на острове между рекой Пензинской и Акланской в самой стрелке, ибо де Аклан река пала в Пензину реку, и место де болотное и поднимает летом водою, и рыба де приходит к Акланскому острогу августа в первых чисел, и всегда бывает голод. А в устье де реки Пензины с моря морскими судам можно ль входить, того он, Потапов, не знает, понеже де на устье у моря не бывал, ибо состоит от Акланского острогу до самого устья более ста вёрст. А от Акланска до Анадырского острогу ездю налехке на оленях санками десять дён, а летною де порою ходят от Акланска по реке Пензине в лотках больших вверх бечевою дён восемь до устья Чёрной реки, которая пала в Пензину, а с устья Чёрной пешком до Анадырска тундрою дён шесть.

Во всём вышеписанном показал он, Потапов, самую сущую правду, а ежели сказал ложно или что утаил, и за то б учинено ему было по силе ея императорского величества указов, чем будет достоин без упущения.

К подлинному допросу вместо служилого Ивана Потапова
Степан Петров руку приложил

(Листы документа скреплены: «С копиею читал актуарий *Афанасей Михайлов*».)

Сенат. 1-й департ., д. № 1552, л. 312—318

33. Секретное «доношение» Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 21 июля 1746 г.

Июня 14 числа сего года в присланных сюда из Анадырского острогу от мазора Павлуцкого репортах написано.

В первом. По присланным де команды ево от служилых, тако я: из Акланского острогу от закашика репортам показано: ясашные де акланские и каменные коряки учинили измену и убили едущих из Охоцка священника и бывших при нём пять человек, да Акланского острогу семь казаков, да от него, Павлуцкого, посланных за разными делами двух сержантов, одного пятидесятника, десять человек казаков, а ноября де 27 числа 1745 году те коряки приезжали к Акланскому острогу и стояли тут двои сутки и паки убили того Акланского острогу одного казака. И по оным де репортам командировал он, Павлуцкой, в Акланской острог команды ево одного каптенармуса Петра Трошина и с ним солдат и казаков сто двадцать одного человека, и велено де тому каптенармусу по данной от него, Павлуцкого, инструкции, как возможно, домогаться и изменников бунтовщиков переловить и привести в Анадырской острог, и требовал он, Павлуцкой, отсель указа, чтобы против тех изменников поведено было ему поступить военною рукою и по поимке учинить им в силе указов казнь при их братьях, от чего де в казне ясашному сбору убытку быть не может, да и в прежде имеют быть утверждены и надёжны.

Во втором. Имеющейся де в предъявленном Акланском остроге за ундер-офицера казак Иван Енисейской (которой тот Акланской острог отстроил) ещё до вышеписанной коряцкой измены в 745-м году из Акланского острогу ушёл, а куда — не известно; а те де коряки весьма были к нему, Енисейскому, склонны и во всем ево слушали, и того де для в защищение оного Акланского острога имелась великая на того Енисейского надежда, а как де оной Енисейской бежал, то де и коряки, сбунтовав, вышеобъявленную измену учинили, и сумнительно де, что оной Енисейской не был ли о той измене сведом.

(Унтер-офицер Енисейский по распоряжению начальника Охотского порта Девиера возобновил в 1742 г. Акланский острог. Этот острог был квадратный, в 15 сажений каждая сторона и в высоту

имел две сажени. Что же касается ухода Енисейского, то Енисейский был вызван коряками из острога и убит. Однако случаи ухода к туземцам, очевидно, всё же имели на Камчатке место. Так, например, Алексей Лазуков, руководитель восстания коряков в 1740 г., в своём допросе сообщает, что «между нашими единомышленниками олюторами в измене издавна находится един Кузька, убегший портовщик, которых их, олюторов, всегда ко всякому злу склоняет и научает» (см. документ № 38). Иван Лазуков также сообщает, что «между изменниками олюторами находится беглый портовщик Кузька, которой оных олюторов ружьём стрелять обучает и ко всякому злонамерению наставляет», документ № 39.)

А по справке в Иркутской провинциальной канцелярии в воеводком 204 (1696-м) года наказе между прочим в пунктах написано: в 22-м, в которых новых земляцах люди учнут чинится непослушны и впредь от них чаять будет какова дурна, и тех людей посланными служилыми смирить как можно и привести в платёж ясака; в 40-м и в 47-м, ежели какие иноземцы будут подходить под городы и остроги войною и чинить раззорение, и таких иноземцов как возможно ратными людьми смирить и привести в послушание против прежняго; да в указе ея императорского величества из правительствующего Сената сюда написано.

В первом. Июля от 6 1740, чтоб иркуцкому вице-губернатору, собрав из ближних к Якуцку городов и жилищ тако ж из якуцких и Анадырского острога служилых людей и обывателей, сколько потребно, и определя к ним достойных командиров из гарнизонных офицеров, с принадлежащим оружием, и велеть оным итти на немирных чюкч военною рукою и всеми силами старатся не только верноподанных ея императорского величества коряк обидимое возвратить и отомстить, но их чюкч самих в конец раззорить и в подданство ея императорскому величеству привести.

Во втором. Февраля от 18 1742, чтоб во искоренении вышеобъявленных немирных чюкч поступать военною оружейною рукою и искоренить их вовсе; точию который из них пойдут в подданство ея императорскому величеству, оных, так же жён их и детей взяв в плен, и из их жилищ вывезть и впредь для безопасности распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам и местам между живущих верноподанных, где пристойно.

В третьем. Майя от 17 чисел 1744 годов, дабы о осуждённых к смертной казни и политической смерти колодниках присылать изо всех мест в правительствующий Сенат выписки с прописанием

приличных к тому указов и со мнениями и до получения б на то указа винным экзекуций не чинить.

И на оное по определению Иркутской провинциальной канцелярии в Анадырск к маэору Павлуцкому посланным ея императорского величества указ и велено, ежели вышеозначенным посланным от него, Павлуцкого, каптенармусом Трошиным и командированным с ним помянутыя убийцы и изменники ясашные коряки поныне не переловлены, то оных, как возможно сыскав, изловить, употреби к тому всевозможные способы по тамошним обращением без потеряния высокого ея императорского величества интереса. И буде они добровольно по уговорам дадутся не станут и учнут противиться, то, призвав всемогущего бога в помощь, поступить с ними оружейною рукою в силе указов с пристойным к предосторожности образом и без потеряния ж высоко интереса и привести паки в подданство под высокодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платеж, а убийцами и прочим и к тому злomu умышлению согласниками следовать и розыскивать, и ежели кем дойдёт до пытки, то из подлинной правды пытаться указными пытки и доискиваться самыя истинны, от чего оные иноверцы такое убивство и бунт учинили, и кто с ними единомышленники и на кого покажут, и тех людей, буде оные не сысканы, по тому ж сыскать и следовать против вышеписанного ж. И по окончанию всего оногo следствия учинить обстоятельную выписку и краткой экстракт с прописанием к тому приличных указов и своего мнения прислать оные для конфермации в Иркутскую провинциальную канцелярию при доношении в крайней скорости. А до получения на то указа винным экзекуции не чинить и содержать их весьма под крепким и осторожным караулом, и впредь о таких от тамошних иноверцев непостоянствах и бунтах разведывать под рукою и до того не допускать и отвращать; что же он, Павлуцкой, представлял, имеющейся де в вышеписанном Акланском остроге казак Енисейской (к которому коряки весьма были склонны и во всём ево слушали), из того Акланского острогу ушёл, а куда — не известно, и того для о сыску ево, Енисейского, велено Якуцкой воевоцкой и Охоцкой канцеляриям, тако ж и ему, маэору Павлуцкому, в Якуцком и Охоцком ведомствах и в камчадалских острогах публиковать строгими ея императорского величества указами и в поимке ево употребить всевозможные способы, и где оной в сыску явится, то, не держав ни часа, отослать ево в Анадырск к маэору Павлуцкому, а ему, Павлуцкому, им, Енисейским, о самовольном ево из Анадырского острогу уходе

и о том, что не был ли он, Енисейской, о упоминаемой коряцкой измене сведом и с ними обще к той измене в согласии и для чего из того острогу ушёл и где по уходе жительство имел и под каким укрывательством, исследовать же накрепко и по исследствии по тому ж учинить из того краткой экстракт, с прописанием приличных к тому указов и своего мнения прислать оной сюда при доношении немедленно ж.

А до получения на то указа, экзекуции не чинить же.

Того ради правительствующему Сенату Иркутская провинциальная канцелярия сим покорнейше представляет, с таковыми убийцами и бунтовщиками что повелено будет чинить и в поимке их и при следствиях и розысках каким образом поступать и по окончании дел убийцам и бунтовщикам, в страх другим и для избежания впредь таких злых поступков, какие экзекуции чинить, о том бы Иркутскую провинциальную канцелярию снабдить ея императорского величества указом.

Лоренц Ланг

Июля 21 дня 1746 году.

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 54—56

34. Секретное «доношение» Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от и июля 1747 г.

Минувшаго июня 30 дня присланным в Иркутскую провинциальную канцелярию из Охотки тамошней командир пример маэор Зыбин доношением на посланной к нему отсель сентября от 17 числа 1746 году указ доносил. Хотя де по тому указу живущия около Пензенского моря бунтовщики и изменники коряки военною оружейною рукою усмирены и паки под самодержавную ея императорского величества руку и в платёж ясака приведены и будут, токмо по всегдашнему их застарелому азиатскому обычаю и непостоянствам без опасения твёрдой надежды никак на них иметь не можно. А по мнению де ево, маэора Зыбина, для предосторожности и пресечения того бунту и измены надлежит от Ямского острогу берегом вокруг Пензенского моря до Камчатки, где живут те бунтовщики и изменники, построить редуты или крепости и оставлять в них жить пристойное число людей. И для строения б тех редутов или крепостей и ради поселения в них людей присылать в Охотку изо всех мест осуждённых за вины в ссылку и определено б было тем присыльным выдавать какое ни есть жалованье, и ежели паче чаяния те ссыльные отбывая работы, будут произносить

тамо какие затайные доносы, и оным бы не верить, ибо от того в провозе их из таких самоотдалённых мест воспоследует интересу ея императорского величества напрасная трата и строение тех крепостей в ничто обратится. А в Охоцке де за малолюдством солдат и казаков показанных редутов или крепостей строить и в них для бережи оставить жить некого. А по справке в Иркутской провинциальной канцелярии по силе присланного сюда ея императорского величества из правительствующаго Сената от 29 числа сентября 1744 году о умножении нерегулярного войска указу имеется ныне в Иркутке и Иркутской провинции в городех набранных из казачьих детей и из разночинцов, неположенных в подушной оклад, и определено в казаки сверх состоящаго указного комплекта до четырёх сот человек, того ради правительствующему Сенату Иркутская провинциальная канцелярия сим покорнейше представляет, что, по мнению здешней канцелярии, всемерно, для пресечения от коряк бунту и измены и содержания тех коряк по близости их жилья в добром порядке и для свободного от Охоцка до Камчатки проезда, к постройке вышеявленных крепостей и к безопасному содержанию оных на первой случай поселить из предъявленных набранных и определённых сверх комплекта казаков до трёхсот человек и для пропитания определить им давать жалованье против охоцких казаков денежного по семи рублёв, хлебного по двадцати по восьми пуд по десяти фунтов на год. И для предосторожности от тамошних иноверцов в случае неприятельского нападения дать ружья, пороху и свинцу по усмотрению Охоцкой канцелярии, сколько потребно, и определить к ним от оной же канцелярии достойных командиров. И изо всей Сибирской губернии осуждённых за вины всылки посылать в Охоцк для определения в вышеписанныя ж крепости и жалование определить им против вышеписанного ж, или как правительствующий Сенат за благо рассудит изволит.

И ежели, паче чаяния, те ссыльные будут показывать тамо вымышленно, отбывая ссылки и работы, важныя и другия какия дела, и оным бы не верить или повелеть по показаниям их по близости следовать и о всём подлинно розыскивать, и ежели кто дойдёт до пытки, то и пытать, не присылая их за великою дальностью в Иркутк Охоцкой канцелярии, ибо во оной имеется присудствующей пример маэор, да и в провозе таковых показателей и оговорных по их показаниям людей из таких весьма отдалённых мест до Иркутка воспоследует ея императорского величества интересу великая напрасная трата, а строение и содержание крепостей

в действительной порядок привести никак не будет возможно, и что об оном о всём повелено будет чинить, Иркутская провинциальная канцелярия будет ожидать в резолюцию ея императорского величества указ. А в Охоцк к пример маэору Зыбину так ж и ко обретающемуся в Анадырском остроге маэору же Павлуцкому посланы указы, велено им во искоренении бунтовщиков и изменников поступать, как по посланным к ним из Иркутской провинциальной канцелярии при указах марта от 13 числа сего года правительствующаго Сената указом повелено во всём непременно и все тамошня остроги и живущих в них верноподанных ея императорского величества народов охранять и ни до малейшаго раззорения не допускать и в потребном случае друг другу, яко в самонужнейшем ея императорского величества интересе чинить скоро возможное споможение без отрицания, и что происходить будет, в Иркутскую провинциальную канцелярию почасту со обстоятельством репортовать.

Лоренц Ланг

Июля 3 дня 1747 году

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 114

35. Секретное «доношение» Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 27 октября 1748 г.

Прошлого 1747 году мая от 22 дня правительствующему Сенату из Иркутской провинциальной канцелярии доношением по прочем покорнейше донесено, что на присланный из Анадырского острогу от покойного маэора Павлуцкого репорты посланным к тому Павлуцкому ея императорского величества указом велено, ежели кроме показанного во объявленных от него, Павлуцкого, репортах пойманного изменника коряку Умьи Аукевина, другие изменники коряки не переловлены и состоят по-прежнему в противности, то оных посланным за ними приказать уговаривать сперва ласкою, чтобы они склонились добровольно паки в подданство ея императорского величества и в платёж ясака. Буде же они по тому уговору добровольно в подданство не склонятся, то поступить с ними военною оружейною рукою, как о том из правительствующаго Сената генваря от 15 числа 1747 году указом повелено, и по поимке тех неприятелей из оных убийцами и их согласниками и пущими к измене заводчиками, тако ж и вышеписанным Умьею Аукевиным накрепчайше изследовать, и ежели кто дойдёт до пытки, то из подлинной правды пытатъ и по окон-

чании того следствия, учиня краткой экстракт с подписанием приличных указов и с приложением своего мнения, прислать в Иркутскую провинциальную канцелярию для отсылки на рассмотрение и конфирмацию в правительствующий Сенат и до получения на оное указу тех убийц и изменников держать под крепким караулом. А сего октября 5 в репорте из Анадырска от обретающегося в партии Якуцкого полку прапорщика Петра Ковалёва написано. Изменники де коряки Эвоикто Косинков и сын его Эвехкуга Эвоиков, Эвехкукахта Гуланов да Тыкыетог нарочно посланными к Акланскому острогу толмачём Никитою Куркиным да казаком Алексеем Шипуновым призываны были по-прежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясачной платёж с таким обнадёживанием, что ежели они склонятся по-прежнему в подданство доброхотно и в том дадут на себе аманатов, таковым за измену их вина имеет быть упущена.

И по тому обнадёживанию Эвоикто Косинков с сыном Эвехкутом склонились по-прежнему в подданство, и дал тот Эвоикто в аманаты сестру свою родную Тунневу, коя и взята в Анадырской острог. И при том же де оной Эвоикто сказал, что к измене и к подбитию русских людей он, Эвоикто был зачинщиком и в Анадырск де итти не смеет, дабы его за ту измену не повесили, и просил, чтобы в будущую осень приехать к нему не во многом числе людей, а для чего не сказал, а другия де коряки Эвехкукахта и Тыкыетог в Анадырск не пошли же. Также и Каменную острогу изменники коряки ж (кои в 747-м году осенью раззорили Акланской острог и сожгли оной весь, а казачьих жён и детей, ружьё и протчую казну взяли всю без остатку в плен) потому же призываны были в подданство ея императорского величества и в ясачной платёж и взятое им из Акланского острогу в плен прошено у них обратно, точию де они ничего того не отдадут и за взятых в плен казачьих жён и детей требуют выкупу, котлов и табаку, а ружья де и на выкуп не отдадут. Да они ж де, коряки, говорят, что едущаго с Камчатки в 745 году купца Александра Соснина и с ним двух казаков побили Жирового острогу изменники ж сидячие коряки. А выше-написанной де пойманной оленной коряка Умья Аужекин с ними в той измене не был и про измену не слышал, чего де ради оной Умья в Анадырску со взятъем с него аманата и порук из под караулу до указу свободён, ибо под караулом за всеконечную кормовую скудостью пропитать его, Умью, нечем, и что о вышеписанном чинить — требовал указу.

А по справке в Иркутской провинциальной канцелярии прошедшаго ж 1747 году августа 22 дня доношением Охоцкая канцелярия по прочем сюда представляла, что хотя изменники коряки по-прежнему в подданство ея императорского величества и в ясашной платёж приведены и будут, точию дабы они так состояли уже всегда неотменными, в том по азиадцкому их непостоянству твёрдой надежды никак иметь не можно, ибо де они лукавством своим, объявля себя ласкою умышленно якобы верноподданными и дав аманатов, а потом оставя сожаление о своих аманатах и изождав настоящих верноподданных в какой-либо малой неосторожности, побивают и всеми мерами тщатся злодействовать, и тако де по платежу от них разными зверьми ясаку не столько приносится прибыли, сколько высокому ея императорского величества интересу убытку и людям раззорения. И посланным в Охоцкую канцелярию указом велено для представленных от той Охоцкой канцелярии резонов, призвав всемогущаго бога в помощь, всех изменников коряк военною оружейною рукою побить и вовсе безо всякого милосердия искоренить, ибо из того уповаемо может последовать в тамошних местах верноподданным безопасное житие, и от тако-го военного страху и другие ясашныя и неясашныя народы от бунту и измены иметь будут воздержание и от время до время верноподданными быть.

А в правительствующий Сенат того ж 1747 году сентября 3 дня писана доношением и при нём с доношения Охоцкой канцелярии, ради наилучшего о изменнических злодейственных поступках усмотрения, сообщена точная копия.

А понеже во упоминаемом же 1747 году сентября 2 дня отправлен из Иркутска в Анадырской острог в партию вместо покойного маёра Павлуцкого главным командиром Якуцкого полку порутчик Семён Кекеров, и предписанному прапорщику Ковалёву велено быть у того порутчика в команде, и того ради ныне в Анадырской острог ко объявленному порутчику Кекерову послан отсюда с нарочным ундер-офицером с выдачею из казны на одну подводу прогонных денег ея императорского величества указ, в коем написано. Хотя изменник Эвоикто Косинков с сыном Эвехкутом якобы и склонился по-прежнему в подданство и дал в аманаты сестру свою родную Тунневу, токмо как он Эвоикто, так и сын ево Эвехкут и другия изменники коряки ж Эвехкукахта и Тыкыетог сами в Анадырск не пошли и из них Эвоикто говорил, дабы к нему будущю осенью приехать не во многолюдстве, а чего для — того не объявил, и потому признавается, что он, Эвоикто, склонение

букто бы по-прежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку оказал по их азиадецкому непостоянству вымышленно, дабы к нему притти осенью не во многолюдстве того ради, дабы тех посланных способнее можно побить, как о тех их изменников злых умыслах и непостоянствах выше в доношении Охоцкой канцелярии показано. И того ради оной не во многолюдстве посылки отнюдь ему порутчику Кекерову чинить не велено, а поступать в том с великою предосторожностью.

И буде по тамошнему усмотрению во искоренении тех злодеев без потеряния ея императорского величества высочайшаго интереса и упущения времени потребно будет что к споможению от Охоцкой канцелярии и оного требовать, а той канцелярии учинить скоровозможное вспоможение и, призвав всемогущаго бога в помощь, с изменниками коряками, а особливо с теми, кои Акланской острог в конец раззорили и взятых в плен казачьих жён и детей без выкупу, а ружья и на выкуп не отдают, поступить яко с злодеями оружейною военною рукою и всеми силами старатся, как они верноподданных ея императорского величества народов побивали и раззоряли, такими ж мерами самих их потому ж всех безо всякого милосердия побить и вовсе искоренить и взятых ими из Акланского острогу в плен казачьих жён и детей, тако ж ружьё и всю казну от них отобрать и жён и детей роздать тем, чьи они были, а ружьё и протчую казну содержать в Анадырску под охранением, и сколько чьих жён и детей и ружья, также какой имянно казны будет отобранно, о том в Иркутскую провинциальную канцелярию за известие репортовать.

И Акланской острог по сношению с Охоцкою канцеляриею обще паки для предосторожности от неприятелей и наилутчей из Анадырска к Охоцку камуникации возобновить и привести в прежнее состояние и содержать оной, как от Анадырского острогу, так и от Охоцкой канцелярии от неприятельского нападения во всякой предосторожности и охранении. А изменником корякою Умьею Аукевиным (не взирая на то, что Каменного острогу изменники же коряки объявляют, букто он Умья в измене с ними не был и про измену не слыхал), по прежде посланному отсюда майя от 9 числа к покойному маэору Павлуцкому указу о измене наикрепчайше ему, порутчику Кекерову, наследовать, и ежели дойдёт до пытки, то из подлинной правды пытатъ и доискиватся самые истины. И буде с пыток окажется, что он, Умья, с изменниками в согласии подлинно не был и про измену их не знает, тогда ево из под караулу свободить со взятием ближних ево роду аманатов и впредь, ежели

по усмотрению надлежит его роду аманатов, брать с переменною повсягодно и содержать оных в добром присмотре и никакого напрасного озлобления не чинить. Буде же он, Умья, в согласии с изменниками был или про измену их ведал, то что ему, Умье, надлежит, за то по силе государственных прав учинить, о том в Иркутскую провинциальную канцелярию со мнением писать и до получения на то указа содержать ево, Умью, под крепким караулом и об оном же и в Охоцкую канцелярию послать указ же.

Лоренц Ланг

Октября 27 дня 1748 году

Сенат, 1-й департ., д. № 750, л. 584—587

Попытка совместного восстания коряков, камчадалов и чукчей
и участие камчадалов в восстании коряков

36. «Скаска ясачного иноземца» Орликова от 13 апреля 1746 г.

1746 года апреля 13 дня Ламахаручевского острога новокрещёной ясашной иноземец Пётр Орликов, при присудствии заседающих господ высокопреподобнейшего отца архимандрита Иоасафа Хотунцевского и ревизий мужеска полу душ благородного господина капитана Завьялова, Якуцкого полку капрала Алексея Лебедева и прикащика Осипа Росторгуева, сею скаскою объявил.

Апреля де 3 дня сего 1746 года отправлен он был по ордеру от приказной избы чрез Столбы до Озерной реки для наведывания тайным образом таковой вести, не убили ли посланных для ясашного сбора служилых Степана Шапкина с товарищи, до которой реки он и доежал. А того ж апреля 7 дня приехал он на Озерную реку к тоёну Отомначике, в оном остроге первую ночь ночевал и о побитии ясашных сборщиков у тоёна спрашивал, токмо оной тоён с родником своим Керугой, а по крещении Семёном Минюхиным сказали: ясашныя де сборщики за сбором ясашным ушли на остров и затем де их долго нет, что знатно лёд разбило и нельзя им обратно попасть. А того ж апреля 8 дня услышал он, Орликов, от тоёна Хотомначики и с родника ево Керуги, что оныя сборщики конечно имеются на острове. Того ради оной Орликов объявляющего ему о том иноземца Керугу для вероятного к команде объявления звал в Нижней острог, которой напротив того говорил: пойдём де мы в юрту. И будучи он, Орликов, с ним Керугой в юрте, между прочим оной Керуга ему объявил, что де сборщиков поголовно всех на Юмгиной реке у Умьевушки четверо олюторов, Карагинской тоён

и Алексей с братом Лазуковым убили, и при том говорил в бытность де ево, Керуги, у Умьевушки олюторы и Алексей с братом Лазуковым говорили: ежели де увидишь Орликова, скажи ему, чтобы он с нами ж был в одной согласии, а чюкчи де, коряки и юкагири на погромление здешняго Нижняго Камчатского острога к нам в споможение притти хотят, и нас де людей много, руским людям не поддадимся и приедем де все с жёнами и с детьми в здешней Нижней Камчатской острог и, которые де там имеются хорошие двory, в тех де будет жить Лазуков с командою и будет де ожидать с моря судов. При чём оной Керуга ему, Орликову, приказывал: вы де с Ламахаручем знаете, когда с моря суда приходят, смотрите, чтоб де они, прибыв к берегу, назад на море не ушли, а возьмём де мы их обманом. А на лето де две байдары олюторов с жёнами и с детьми, а имянно тоён с братом, которого имени он, Орликов, сказать не знает, уже совсем на поселение в Нижней острог приттить намерены, а на Авачу де будет Умьевушкин зять Канач с табуном и будет де ожидать судов, который из Охоцка придут. А другия де пойдут, совокупясь с тигильскими, на погром в Большерецк и в Верхней остроги. И при том оной Керуга ему, Орликову, сказывал, что де в Большерецке людей немного, и хотя де этих наших руские люди и прибьют, то де на лето будут чюкчи, которых де руские люди убить никак не возмoгут, а юкагиры де и чюкчи колымскую дорогу уже заперли, коряки же де с чюкчами замирение возымели, объявляя: доколе де нам между собою иметь брань и от русских терпеть, мы де их, чтоб они на нашей земле не были, всех до единого искореним.

(Братья Лазуковы не подтверждают сообщения Орликова о предполагаемом участии чукчей в восстании коряков. И Алексей Лазуков, и Иван Лазуков говорят о том, что «о замирении коряк с чюкчами и ни о каких происходимых между ими речах» они не слышали. Однако о том, что переговоры чукчей с коряками, правда, несколько позже, имели место, говорят показания казака Кузнецкого, попавшего в 1754 г. в плен к чукчам. В 1755 г., рассказывает он, «приезжал из коряк один человек, а как ево зовут, не знает... с таким объявлением, что коряки желают с ними, чюкчами, между собою жить вместе и на российских в поход ходить обще, на что те чюкчи объявили, что они с коряками мирится не желают, а желают мирится с российскими людьми» (см. документ № 70). Для нас здесь интересен факт переговоров, что же касается ответа чукчей, то он представляется в высшей степени сомнительным, ибо не прекращавшаяся борьба чукчей с русскими говорит об обратном.

Показательным является и то «положение, что именно в тот период, когда восстали коряки и камчадалы, чукчи наиболее активно борются с русскими.)

А оленные де коряки избрав близ здешняго острога моховое оленное кормовище, будут на оном, переселяся оттуду, жительство иметь, а наши де камчадалы будут жить в самом остроге и иметь командира Алексея Лазукова камчюга. А хотели де они быть в острог по насту на костянных полозьях в нынешнем же апреле месяце и взять острог с северной страны с задняго бастиона на утреней зоре, упоая, что де русские люди во оное время весьма разоспятся. И на вышепредложенныя речи Керуги, Семёна Минюхина ясашной иноземец Пётр Орликов, опасаясь, чтоб не принять ему от того Керуги с прочими смерти, сказал ему: я де с вами в заговоре быть готов, только де пришлите ко мне четырёх человек, которые де бы мне, когда наши родники подымутся в поход и будут на Столбы, весть поддержали. И на то оной Керуга ему, Орликову, сказал: я де твои речи, чтоб он к тебе тех людей прислал, Умьевушке скажу, а к прочим де тоёнам, а имянно Поучева острога к Камаку, по крещении Стефану Кузнецову, с Уки реки от Начики, по крещении Ивана Колегова для призывания онаго Камака во общее согласие послан де будет того ж острога иноземец Карымча Черной, а по крещении Алексей Тихонов сын Антипин. И при всех вышеписанных Керуги с ним, Орликовым, разговорах представляет он свидетелей Столбовской реки есаула Ломача, по крещении Потапа Колегова, и Тениву, по крещении Петра Холщевникова, да вышеписанного ж Хотомначики зятя Кожача, по крещении Ивана Невотчикова, которых он с собою сюда в Нижней Камчатской острог и привёз для доказательства, и в сей де своей скаске сказал он, Орликов, самую истину без всякой лжи и утайки и в том он во всём вышеписанном утверждается.

У сей скаски иноземческие речи переводили здешняго Нижняго Камчатского острога служилыя *Егор Иконников*, *Савин Пономарёв* да Охоцкой команды служилой же *Василей Мохнаткин*.

Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой *Василей Мохнаткин* и вместо оного Орликова руку приложил. У сей скаски вышеписанного новокрещёного камчадала Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой *Егор Иконников* и руку приложил. У сей скаски вышеписанного новокрещена камчадала Петра Орликова иноземческие речи переводил служилой *Савин Пономарёв* и руку приложил.

37. «Скаска» камчадальского тоёна Тавача от 28 апреля 1746 г.

1746 году апреля 28 дня в Камчатском Нижнем остроге при присутствии в комиссии заседающих высокопреподобнейшаго отца архимандрита Иоасафа Хотунцевскаго и ревизии мужеска полу душ благороднаго господина капитана Завьялова и обретающагося здесь для охранения здешняго Нижнего Камчатцкого острога Якутцкаго полку капрала Алексея Лебедева, Еловки реки тоён Тавач, по крещении Нефёд Осипов сын Лазарев, сею скаскою объявил.

Сего ж де апреля 23 числа послан он отсюда из Нижняго Камчатцкого острога от капрала Алексея Лебедева чрез Столбы до Озерной реки и далее для наведывания нынешних находячихся изменников Юмгиной реки Умьевушки и Озерной реки Хотомначикина родника Керуги с товарищи и прочих их сообщников, где будут оные обретатся с партиєю своею, в каких местах и что от них какия действия будут происходить, чтоб о том здесь в Нижнем остроге в комиссии уведомить. И по оной посылке ездил он, Нефед, отсюда до Столбов и далее с родником своим новокрещённым Михаилом Мерлиным, а отъехав от Столбов, будучи в треть пути, не доежая Озерной реки на пустом месте в подъёме на хребте при спуске с того хребта в падь, увидел он с товарищем своим Мерлиным, что в той паде уже в близости стоящих людей с санками на собаках многолюдство, и, такое де многолюдство видя, он убоясь поворотились обще с вышереченным товарищем своим Мерлиным обратно, то де оное многолюдство их увидели и настигли их на том же хребте два человека, которых они опознали, а имянно: новокрещённые коряки Канац, по крещении Андрей, и Пиня, а по крещении Григорей Булюкин, и настигши купно с вышеречённым товарищем своим Михаилом Мерлиным на том хребте, одержали и имеющееся на них ношебное платье, куклянки, шапки и рукавицы обрали, тако ж сумку с багажей и санки с собаками взяли и посадили на свои санки и говорили, что дождёмся де тоёна Умьевушку с товарищи, которых де по тому их велению из той пади взъехавших на том хребте и дождались. То де оной тоён Умьевушка в то время, наехав на них во многолюдствии, например около ста человек, токмо не все возрастныи и совершенныи в летах, есть много иные молодыи и не весьма возрастныи, тогда имеющагося при нём взятого из Столбовского острогу в проводники новокрещённого камчадала Лишугу, а на крещении имяни сказать он не знает, двумя копьями из оных многолюдства некоторыи закололи до смерти. И в то время, увидя ево, Нефёда, оной тоён Умьевушка

пришёл к нему по-прежнему знакомству, обняв, поцеловал и говорил ему, Нефёду, что де не бойся, тебе де ничего не будет. И спрашивал оной тоён Умьевушкин с товарищи у него, Нефёда, про здешних монастырских, что много ль людей монастырских имеется, на что он, Нефёд, им сказал, что обретается де у монастырских людно вооружённых и всегда имеют осторожны караул, також есть и две пушки. А после де того спросили у него о состоянии здешняго Нижняго Камчатскаго острога, что в каком людстве и оружье находятся руские люди, на что он, Нефёд, им сказал же, что в здешнем де Нижнем Камчатском остроге имеется русских людей многолюдство, ибо де из гавани от устья пришли во оной острог руские люди в добавок, тако ж ружья, пушек, гранат и пищалей, пороху и свинцу довольно, и всегда пребывают в крепкой осторожности, караулы и осмотры круг жилья всегда по ночам с ружьём ходят непрестанно. И по спросам де тех речей поехали оной тоён со всею своею партиєю и их, Нефёда со оным товарищем новокрещённым Мерлиным, взяли с собою в Столбовской острог, и будучи они близ того Столбовского острога, недоехав, речённого товарища ево Михаила Мерлина вышеписанной новокрещённой коряка Канац с товарищем своим в два копыя закололи ж до смерти, тако ж и ево де, Нефёда, на том же месте те ж Канац с товарищем расболочали и колоть копыями хотели, токмо де из тех же сообщников их новокрещённой камчадал Черной Карымча ево, Нефёда, руками своими обнял и колоть не дал. И после де того от того места поехали в той Столбовской острог и посланного от Столбовскаго тоёна Ламахаруча по корм родника ево Чегача, а по крещении Кирила Егорова сына Иконникова, наехав на летовье, взяли с собою в Столбовской острог возвратно, а его де, Нефёда, с протчими их согласники везли позаде. И прибыв в тот Столбовской острог, вышеозначенные Керуга да коряки Канац и Пиня с товарищи живущих в том остроге новокрещённых камчадалов мужеска и женска полу несколько до смерти побили, а сколь де числом побито, про то де он подлинно не знает, а знает про то вышеозначенной новокрещённой Кирило, которой ныне обретается здесь в остроге. И по побитии де тех людей оные изменники, взяв его, Нефёда, до вышеречённого новокрещена Кирила Иконникова с собою, выслали из того острогу возвратно по той же дороге, где ево, Нефёда, с хребта воротили и, недалеко отъехав от того острога, например версты с четьре, на тундре остановились и, остановясь где, ево, Нефёда, и новокрещена Кирила сюда в Нижней Камчатцкой острог отпустили, а при отпуске их оные изменники им говорили,

чтоб де они, Нефёд и Кирило, здесь в остроге руским людем о всех их изменнических бывших при них, Нефёде с товарищем, злых поступках сказали и ничего б не таили. Да при том же они говорили, чтоб отсюда из острогу послали к ним руския люди новокрещённого коряку Анисима Лузина с вестьми с такими, что здешней камчатцкой острог в каком состоянии находится. Да вышеной тоён Умьевушка говорил же ему, Нефёду, с товарищем ево: поклонись де отцу архимандриту, он де до нас добр был, а мы де это сделали с дурачества по научению Алексея с братом Лазуковых.

(Подлинность такого заявления Умьевушки представляется весьма сомнительной. Действительное отношение восставших туземцев к Хотуцевскому характеризует Иван Лазуков, заявивший по время допроса, что они хотели «ево, отца, архимандрита, и всех живущих в остроге убить и веру христианскую истребить», см. документ № 39.)

У сей скаски вышеозначенного новокрещена тоёна Нефёда Лазарева иноземческие речи переводил ево преподобия
толмач служилой

Василей Мохнаткин и вместо оного
Лазарева руку приложил.

У сей скаски вышеписанного камчадала тоёна Нефёда Лазарева иноземческие речи переводил
служилой *Егор Иконников* и руку приложил.

У сей скаски вышеписанного камчадала тоёна Нефёда Лазарева иноземческие речи переводил
служилой *Савин Пономарёв* и руку приложил

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 87—88

38. Допрос служилого из камчадалов Алексея Лазукова, первая половина 1746 г.

Выписано о бунтовстве и измене ясашных иноземцев тоёна Умьевушки, по крещении Стефана Евдокимова сына Колегова, с протчими и служилых двух братьей родных Алексея и Ивана Лазуковых, нарицаемых камчуков, из скасок Ламахаручева острога новокрещёнаго ясашнаго иноземца Петра Орликова да Еловки реки тоёна Тавача, по крещении Нефёда Лазарева, и протчих на вопрос вышепомянутому Нижняго Камчатскаго острога служилому Алексею Лазукову, которой допрашиван и сказал.

Вопрос 1. По отпуске твой от командированных во Анадырск солдат Малышева с товарищи ты, Алексей Лазуков, на Юмгиной реке у сидячева коряки тоёна Умьевушки во остроге жил ли и сколько времени?

Ответ. По отпуск мой от оных солдат в остроге у Умьевушки жил до побития ясашных сборщиков дни с четыре, а после того побития жил три недели.

Вопрос 2. В находящейся ныне от тоёна Умьевушки и родников ево и олюторов измене первым надо всеми тоёном был ли, и посланных из Нижнего Камчатского острога за сбором ясашным служилых Стефана Шапкина с товарищи колол ли, и ково имянно, и при них иноземцов сколько человек и кого имянно ж?

Ответ. Во оной измене от тоёна Умьевушки и родников ево и олюторов первым тоёном был и ясашных сборщиков Стефана Шапкина с товарищи я с Умьевушкою и протчими кололи, а имянно: я, Лазуков, служилого Семёна Минюхина да новокрещена Демьяна; Карагинской тоён Экча служилого Якова Лазарева; Умьевушкин племянник Хале да олюторской мужик Апле Стефана Шапкина; Умьевушкин племянник Таннехлавол Дмитрея Обухова; Умьевушкин родник Лехта новокрещена Варлама Иконникова; олюторской мужик Аталан новокрещена Ивана Черепанова до новокрещена Прокопья Околтышева; Умьевушкин родник Умьеву новокрещена Петра Лазарева; Умьевушкин родник Амгыта новокрещена Алексея Перевалова; олюторской мужик Апле служилого Зосима Гуторова. А кололи де мы их без всякого резона и обиды на дворе по приезде их во острог к Умьевушке, когда стали собак выпрыгать.

Вопрос 3. Оной измене и убивству ясашных сборщиков первым возмутителем был ли, и Нижней Камчатской острог разгромить с тем изменником совет подавал ли, и каким способом вы то учинить думали?

Ответ. Оной измене и убивству с Умьевушкою я первым возмутителем был и здешней острог разгромить совет подавал я, и хотели взять с [А]ратуги реки с горы с северной страны с заднего бастиона на утренней зоре, когда наши русские крепко спят, и хотели, не доезжая до острога вверх по Аратуге реке за 8 вёрст, во остроге оставить собак для утаения собачьего крику, а сами хотели итти пешком на лыжах, которому нашему совету согласовал Панкары реки тоён Ивашко.

Вопрос 4. В бытность Озерной реки Хотомначикина острога родника его Керуги, во остроге у Умьевушки ты, Лазуков, с братом своим

и с олюторами оному Керуге приказывал ли, чтоб он, когда увидит Орликова, сказал ему, чтоб он, Орликов, с вами был в одном согласии, а к Камаку во острог для призвания оного Камака с его родниками или куда инде к тоёнам во оное ваше согласие кого посылал ли?

Ответ. Оному Керуге о призыве во общество Петра Орликова я не приказывал и его, Керугу, не видал, затем что оный Керуга во остроге у Умьевушке не был, а был же он на Панкаре реке у Ивашки, а к Камаку во острог и в протчие подострожные во все остроги Карымчу Черного я с Умьевушкою во общем согласии для призвания в измену посылал. И он, Карымча, для того призыва с партиєю ехать сам хотел во все острожки, а именно: на Еловку к тоёну Нефёду, и к тоёну Харчину, и в Горбунов, в Крестовской, в Ключевской, в Каменной, в Ковановской, в Камыковой и в Хапичинской остроги, а в протчие над морем имеющиеся острожки, а имянно: Столбовской, Ламахаручев, в Пекуки, в Березники, и Тавачев остроги и на поселье монастырское хотел я с Умьевушкою и с зятем его Каначем и родниками его Ипинею и с карагинскими мужиками и Панкары реки с родниками тоёном Ивашкою для погромления ехать сам.

Вопрос 5. Чюкчи, коряки и юкагиры и протчии на погромление здешняго Нижняго Камчатского острога к вам в споможение притти хотели ль, и карагинской тоён Экча у тех коряк оленной табун гнать сюда наймом подрежался ли?

Ответ. Оленные коряки и олюторы к нам в помощь для погромления Нижняго Камчатского острога быть хотели на собаках, и тоён Умьевушка к ним посылал от себя родника новокрещена Калаана для скорого к нему приезда. А о чюкчах и юкагирах, чтоб они сюда были, я никакой вести не слыхал, тако ж и о подрежании карангинского тоёна Экчи гнать оленной табун не слыхал же, точию оной тоён в вышеписанном нашем намерении был всегда неотлучным.

Вопрос 6. Ты, Лазуков, по намерению взятъя здешняго Камчатского острога в построенных здесь хороших домах жить хотел ли и ожидать с моря судов для взятия оных обманом намерены ль были, а Умьевушкин зять Калач на Авачу с оленным табуном для ожидания судов, которые из Охоцка придут, быть хотел ли, а протчия ваши сообщники, совокупясь с тигильскими, на погром в Большерецк и Верхней остроги итти хотели ль, и ныне по тому злонамерению из сообщников твоих кто пошли ли?

Ответ. В построенных домах жить мы хотели, а именно: я, Алексей Лазуков, в новопостроенных покоях отца архимандрита

и хотел его отца архимандрита Иосафа Хотунцевского и ревизии мужеска пола душ господина капитана Дементья Завьялова и капитала Алексея Лебедева, прикащика Осипа Расторгуева и прочих убить и христианскую веру истребить, а в намерении того побития учреждал я прочим жить в нижепоказанных домах, а имянно в остроге в государевом доме Умьевушкину зятю Агевлину, а прочии дома к житию своему разопределили ж и хотели, обождав с моря судов, взять их обманом. А о Каначе, чтобы он хотел с оленным табуном для ожидания прибывших из Охоцка судов на Авачю быть, не слыхал, тоию тоён со мною Умьевушка посылали на Паллан во оба остроги Верхней и Нижней Верхнего Палланского острога иноземца Айгахлавол с таким приказанием, чтоб он, Айгахлавол, тем палланским мужикам сказал, чтоб они пошли через Тигиль и оттуда чрез Еловку для погромления Нижняго ж Камчатского острога, а после взятыя онаго Нижняго острога хотели итти на Верхней и Большерецкой остроги для того ж погромления, а пошли ль оные палланские мужики через Тигиль, о том де мы известия не получали.

Вопрос 7. В летнее время на сколько байдарах олюторы с жёнами и с детьми, тако ж и чюкчи совсем на поселение в Нижней острог притти намерены, и буде такое намерение было, в какое время?

Ответ. Коряцкой оленной с родниками тоён Эвынто, природою косою, и все олюторы в вешнее время, когда от земли на море лёд отнесёт, быть хотели байдарами подлинно, токмо без жён, а о бытии чюкчей я не слыхал, и пришед на Столбы, оставя там байдары, под острог быть хотели пешком. А Начикина острога Карымча Черной хотел с партиєю ехать через Еловку в Нижней острог в поход, и в таком намерении олюторы с Умьевушкою и с прочими говорили, что де буде острог взять зимним временем не удастся, то де намерены быть летом при промысле рыбном, и не дадим де мы им корму промышлять.

Вопрос 8. Юкагиры и чюкчи колымскую дорогу, не допуская русских людей к проезду во Анадырск, заперли ль?

Ответ. По скаскам олютор юкагиры колымскую дорогу, не допуская русских людей к проезду во Анадырск, заперли, а о чюкчах не слыхал.

Вопрос 9. Коряки с чюкчами замирение возымели ль, и притом доколе де нам между собою иметь брань и от русских терпеть говорили ль, и чтоб русских людей на их земли не было, всех до единого искоренить намерены ль?

Ответ. О замирении коряк с чюкчами я не слышал и таких речей, чтоб они при замирении между собою говорили, доколе де нам меж собою иметь брань и от русских терпеть, не слышал же. И чтоб русских людей на их земле не было, всех до единого искоренить будто бы хотели, не слышал же. Точию хотели русских людей искоренить олюторы с оленными и сидячими коряками и ходячее через море из Большерецка во Охоцк судно, не допуская сюда в прибавок русских людей из Охоцка, хотели разбить они же олюторы с коряками.

Вопрос 10. Оленные коряки, избрав близь здешняго острога моховое оленное кормовище, на оном переселяся оттуда, жительство иметь хотели ль?

Ответ. О приходе ко острогу с оленным табуном на моховое оленное кормовище оленных коряк и о их жительстве я не слышал, а хотели они, коряки, оленной свой табун оставить на Караге, а сами с олюторы и со всеми укинскими мужиками быть хотели в вешнее время байдарами морем.

Вопрос 11. Сообщники твои камчадалы в самом здешнем остроге жить хотели ль и тебя, Алексея Лазукова камчуга, командиром иметь намерены ль были?

Ответ. Сообщники мои камчадалы и протчия сидячие коряки, тоён Умьевушка с родниками, по взятии Нижняго острога, во оном жить хотели и учреждали для пропитания своего из неимущих к рыбному промыслу определить несколько человек и меня камчуга командиром иметь намерены были, и я от того не отрицался, сказал им: ладно де, я над вами командиром буду.

Вопрос 12. Умьевушкина и Карагинского острогов тоёны с родниками их скоро к себе единомышленников изменников олютор и оленных дальних коряк быть ожидали ль, и рыбныя про них кормы припасали ль и со оными изменниками оные тоёны в одном согласии для погромления в Нижней острог быть намерены ль были и в которое время?

Ответ. Умьевушкина и Карагинского острогов тоёны с родниками в скорости к себе единомышленников изменников олютор и оленных дальних коряк ожидали, а рыбные кормы не пасли, затем что был корм в их острогах довольный, а пасли про них корм во остроге у большова Начики и хотели быть обще все на погромление Нижняго Камчатскаго острога по насту на санках на костяных полозьях.

Вопрос 13. В бытность погромления и смертного убивства в Столбовском остроге живущих иноземцов тоёном Умьевушкою с протчими,

ты, Алексей Лазуков, с братом при том с ними был ли и тех людей колот ли?

Ответ. При погровлении и смертном убийстве в Столбовском остроге живущих иноземцов с тоёном Умьевушкою и с протчими я с братом не был, а был я в то время на море в таком случае, как в 10 пункте ясно я показал, и при том убийстве я никого не колот.

Вопрос 14. По намерению вашей измены на сколько частей партию изменническую, для погровления здешних камчатских острогов, вы разделяли и в каком многолюдстве?

Ответ. По намерении измены нашей, партию к походу на Нижней Камчатской острог разделяли мы на три части. Во первых через Столбы, во вторых через Озерную и Еловку, в третьих чрез Тигиль и чрез Еловку ж. А по розгромлении Нижняго острога хотели итти на Верхней и Большерецкой остроги, уповая, что те остроги ко взятию им весьма удобны, а в сколькои человеках те партии были разделены, за незнанием руского щёта сказать я не умею.

Вопрос 15. Будучи брат твой Иван Лазуков на Панкаре реке в остроге у Ивашки, от насильства твоего в твоё согласие отговаривался ль и ты его тем зва насильством принуждал ли, и когда он с тобой в измену не пошёл, будучи ты в мохоморе, вскоча с копьём, колоть хотел ли?

Ответ. Прежде убийства ясашных сборщиков приехал я с Умьевушкою на Панкару реку в острог к Ивашке, в котором остроге брат мой родной Иван Лазуков был, и стал я брата своего, ответчи в лес, к измене насильно призывать, на что он от меня многократно отговаривался и в измену итти не хотел. И видя я, что брат мой в измену итти не хочет, вскоча на него с копьём, и хотел заколоть, которого моего брата от смерти отнял олюторской мужик Пичючен, и оной страх брат мой увидевши, в измену итти слово дал. А прежде нашего насильства брат мой Иван о измене ничего не слышал, и наутро оной мой брат, приехав к Умьевушке в острог, ночевал одну ночь. И при приезде оного ввечеру начали мы с Умьевушкой его, брата моего, вторично насильно призывать, по которому принуждению и по угрожению смертного убийства брат мой в измену пошел и дав слово, что де буду с вами в одном согласии, обратно поехал на Панкару к Ивашке и жил там дней с пять и после, как мы тех ясашных сборщиков всех убили, оной брат мой Иван обратно к нам к Умьевушке в острог приехал и начал меня бранить всякими непотребными словами, по что де ты так сделал. И после того жили мы в остроге у Умьевушке три

недели и советы всякие советывал я с Умьевушкою и с протчими, а брат мой Иван, живучи со мною, всегда молчал и совету никакого нам не подавал кроме того, что непрестанно меня возбуждал, чтоб от них изменников в Нижней острог бежать, токмо я его не послушал и бежать в Нижней острог не хотел.

Вопрос 16. Из того Умьевушкина острога, как пошли вы на море для ловитвы морской нерпы, хотели ль обратно быть в той же острог или нет?

Ответ. Пошедши из Умьевушкина острога для ловитвы на море нерпы, обратно быть в тот острог хотел, точию брат меня Иван Лазуков разговаривал и итти не хотел, а в бытность нашу при той ловитве на море, на льду изловили три нерпы и, обождав ночи, на оном льде ночевали, в которое время нашедшим от земли ветром оной лёд, на котором мы спали, на море отнесло. И носило по оному льду целый месяц, а пропитанием имели оную ж изловленную нами нерпою сырою.

Вопрос 17. Акланской острог мором поморен ли и того ж при-судствия о сидячими коряками взят ли, тако ж и бывшей во оном командир Енисейской с солдатами убит ли и кем, и сколько по том побитии изменниками взято ружья, пороху и свинцу и кого тое всё имеется, и буде оное злодейством учинено, ты, Лазуков, при том с теми изменниками был ли, и между теми изменниками олюторами и протчими соравнительных тебе камчуку единомышленников не находишь ли кого из русских, и от кого о том не слыхал ли?

Ответ. Акланской острог мором поморен и тамошними сидячими коряками и чендонскими живущими на Парене реке мужиками, взят и того острога командир Енисейской теми ж мужиками родниками его убит, а ево команда солдаты ещё в Акланск не пришли, а остались назади, а убиты ль они или нет, о том я не знаю. При взятъе Акланского острога взято коряцким оленным тоёном Эвынтай ружей с десять и при них пороху в натрусках, и свинцу к тем ружьям приличное число, которое всё ныне имеется у него, тоёна Эвынта, а я при том не был и, как они тот острог брали, не знаю, а слышал от олоторских мужиков. А между нашими единомышленниками олюторами в измене издавна находится един Кузька, убегший партовшик, которой их, олоторов, всегда ко всякому злу склоняет и научает.

Вопрос 18. Отправленный от камчатского архимандрита Иоасафа Хотунцевского во Анадырск иеромонах и при нём студент, дьячок и пономарь убиты ль и кем, и которая при нём отправлена была церковная утварь где ныне имеется. У господина маёра Павлуцкого

с командою оленный табун, на чём он с партией ездил, изменниками отогнан ли и кем?

Ответ. Оного иеромонаха и при нём студента, дьячка и пономаря оленной коряцкой тоён Эвынто с родниками убили ль, а церковную утварь по убитии того иеромонаха бросили ль или взяли, того не знаю. У господина маэора Павлуцкого с командою оленной табун, на чём он с партией ездил, оленные коряки отогнали, а кто имянно, про то я не знаю, а обо всём том слушал я от каюрщиков, которые были с командованными во Анадырск солдатами Якуцкого полку.

Вопрос 19. Харчина острога тоён Стефан Чаплин во остроге у Умьевушки был ли и в измену с вами идти хотел ли, и вы к тому его призвали ль?

Ответ. Тоёна Харчина в остроге у Умьевушки я не видал, и чтоб он с нами ж хотел в измену итти, от него не слышал. Токмо Умьевушкин холоп Кулеч сказывал мне, тако ж и брат мой слышал от него ж Кулеча, мне сказывал же, что будто бы оной тоён Харчин ему, Кулечу, говорил: пускай де Умьевушка с родниками изменит прежде, а я де после того изменить готов.

Вопрос 20. И в сем своём допросе ты, Алексей Лазуков, сказал самую сущую ль правду без всякой лжи и утайки под опасением смертной казни?

Ответ. И в сем моём допросе и в вышеписанных пунктах я, Алексей Лазуков, сказал самую сущую правду без всякой лжи и утайки под опасением смертной казни.

(Листы документа скреплены: «К сему допросу вместо Нижнего Камчатского острога служилого Алексея Лазукова, ево прошением, Нижняго ж Камчатского острога служилой *Матвей Лазарев* руку приложил».)

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 90—95

39. Допрос служилого из камчадалов Ивана Лазукова, первая половина 1746 г.

Выписано о бунтовстве и измене ясашных иноземцов тоёна Умьевушки, по крещении Стефана Евдокимова сына Колегова, с прочими и служилых двух братьей родных Алексея и Ивана Лазуковых, нарицаемых камчуков, из скасок Ламахаручева острога новокрещёнаго ясашнаго иноземца Петра Орликова да Еловки реки тоёна Тавача, по крещении Нефёда Лазарева, и прочих на

вопрос вышепомянутому Нижняго Камчатского острога служилому Ивану Лазукову, которой допрашивая и сказал.

Вопрос 1. По отпуск твой от камчатскаго архимандрита Иоасафа Хотунцевскаго ты, Иван Лазуков, на Юмгиной реке у сидячева коряки тоёна Умьевушки в остроге жил ли и сколько времени?

Ответ. По отпуск мой от его высокопреподобия во остроге у Умьевушки до побития ясашных сборщиков жил одне сутки, а после побития тех сборщиков жил недели с три.

Вопрос 2. Но данному тебе от его высокопреподобия отпускному письму ты, Лазуков, в Нижней Камчатской острог ко объявлению в команду в то время не бывал зачем?

Ответ. По отпуск от его высокопреподобия поехал я со служилым Антоном Котловым для своих собственных нужд, а наипаче для одежды во Олюторск, и жили тамо с неделю и оттуду поехали на Панкару реку к тоёну Ивашке, в котором остроге, будучи я с Котловым, наехал на нас возвратившийся с путя с анадырско-го иеромонах Иоасаф с прочими при нём. Ночевали одну ночь, и встав поутру, оной иеромонах в Нижней Камчатской острог с товарищем моим Котловым поехали, а я для собственных своих долгов отлучился на Паллан в Верхней острог и ночевал тамо одну ночь, обратно возвратился на показанную Панкару реку. И прибыв на оную, услышал, что тоён Умьевушка в попутных острогах, чтоб нас, казаков, не пропускать, заказал, а была от него, тоёна Умьевушки, застава у большова Начики для неслышания в Нижнем остроге о той измене каковой вести, и был при той заставе онаго большого Начики есаул Камкач. Того ради я по данному от его высокопреподобия отпускному письму в Нижней острог ко объявлению в команду убоился и не бывал.

Вопрос 3. В находящейся ныне от тоёна Умьевушки и родников ево и олюторов измене в одном согласи со оным тоёном Умьевушкою единомышленником был ли и посланных из Нижняго Камчатского острога служилых Стефана Шапкина с товарищи колол ли и ково имянно?

Ответ. По приезде моём из Верхняго Паллана на Панкару реку ночевал во оном остроге ночь, и наехал на меня брат мой родной Алексей с тоёном Умьевушкою и зятем Агеулин к Ивашке в острог и, вызвав из юрты в лес, брат мой и тоён Умьевушка стали говорить: идёшь ли де ты с нами в измену, по которому з[о]ву я им итти в измену слова не давал, на что они мне угрожая говорили, что буде де ты нам заутро не будешь, то мы де к тебе паки приедем, чего ради я, убоясь их пристрастия, ночевав во оном

остроге ночь, поутру в острог к Умьевушке поехал, и по приезде моём в тот острог оной тоён Умьевушка начал мне вторично говорить; идёшь ли ты де с нами в измену, буде не пойдёшь, то де тебе живому не быть. И в то время будучи брат мой в мохоморе, вскоча на меня, копьём хотел заколоть, чего я паче убоялся, итти в измену слово дал и в одном согласии с ними был, а что из посланных ясашных сборщиков Стефана Шапкина с товарищи никого не колол.

Вопрос 4. Оной измене и убивству ясашных сборщиков возмутителем был ли, и Нижней Камчатской острог тем изменникам совет подавал ли, и каким образом вы то учинить думали?

Ответ. Оной измене и убивстве ясашных сборщиков возмутителем я не был, а возмущали оную орду брат мой Алексей с тоёном Умьевушкою и со олюторами, и Нижней Камчатской острог разгромить совет я им не подавал, а подавали они ж, Алексей с Умьевушкою, и хотели, приехав на Аратугу реку и оставя там в расстоянии осьми верстах до острога для утаения собак его, крика собак, и итти под острог на лыжах и взять здешний острог с горы с задняго бастиона на утренней зоре, когда русские крепко спят.

Вопрос 5. В бытность Озерной реки Хотомначикина острога родника его Керуги в остроге у Умьевушки ты, Лазуков, с братом своим и с олюторами оному Керуге приказывали ли, чтоб он, когда увидит Орликова, сказал ему, чтоб он, Орликов, с вами ж был в одном согласии, а к Камаку в острог для призывания одного Камака с ево родниками или куды инде к тоёнам во оное ваше согласие кого посылали ль?

Ответ. Оному Керуге, чтоб он, ежели увидит Орликова, сказал ему о бытности ево в одном согласии с изменниками, я не приказывал и ево, Керугу, не видал. А Карымча Черной от большого Начики Корючев родник с партиєю чрез Еловку во все остроги для возмущения иноземцов ехать хотел, а чрез Столбы и протчия остроги по другой стороне быть намерены были брат мой камчук с тоёном и родниками ево и протчими олюторскими мужиками по насту на костяных полозьях.

Вопрос 6. Чюкчи, коряки и юкагиры и протчии на погромление здешняго Нижняго Камчатского острога к вам вспоможение придти хотели ль и карагинский тоён Экча у тех коряк оленной табун гнать сюда наймом подряжался ли?

Ответ. Оленные коряки и олюторы на погромление Нижняго Камчатского острога в споможение к тоёну Умьевушке притти хотели, а о бытии чюкчей и юкагиров к нему, тоёну, в споможение

я не слышал; и о найме гнать оленной к Нижнему острогу табун карагинским тоёном Экчаю не слышал же.

Вопрос 7. Ты, Лазуков, с братом по намерению взять здешняго Нижняго Камчатского острога в построеных здесь хороших домах жить хотели ль и ожидать с моря судов для взятъя оных обманом намерены ль были, а Умьевушкин зять Канач на Авачю с оленным табуном для ожидания судов, который из Охоцка придут, быть хотел ли, а протчия ваши сообщники, совокупясь с тигильскими, на погром в Большерецк и в Верхней остроги итти намерены ль, и по тому злонамерению кто из сообщников ваших пошли ли?

Ответ. По взятъя Нижняго Камчатского острога в хороших домах жить я намерения не имел, а хотели жить брат мой камчук с тоёном Умьевушкою, а имянно: в новопостроеных покоях отца архимандрита брат мой камчук, и хотели ево, отца архимандрита, и всех живущих в остроге убить и веру христианскую истребить, а жить хотели попрешней своей шатости, и живучи в остроге, хотели, обож[д]ав с морских островов с промышленными людьми судов, взять обманом. А о бытии на Авачю тоёна Умьевушки зятя Канача со оленным табуном, для ожидания из Охоцка судов и их истребления, я не слышал. А к протчим сообщникам тоён Умьевушка Верхнего Паллана иноземца Айгахлавола к ним в острог и в Нижней Палланской острог посылал с приказанием таковым, чтоб они, совокупясь с тигильскими мужиками, шли через Еловку на погромление в Нижней Камчатской острог, а пошли ли они, о том он, Умьевушка, известия никакова не получал. А имели намерение по взятъя Нижняго Камчатского острога, совокупясь все партии, итти на погром в Верхней и Большерецкой остроги.

Вопрос 8. В летнее время на сколько байдарах олюторы с жёнами и с детьми, тако ж и чюкчи совсем на поселение в Нижней острог приттить намерены, и буде такое намерение было, то в какое время?

Ответ. Оленные и сидячие коряки и олюторы на байдарах морем, а на сколько байдарах, о том сказать не знаю, быть хотели без жён в вешнее время, когда лёд от земли вдаль на море отнесёт, а о бытии чюкчей в Нижней острог не слышал.

Вопрос 9. Юкагиры и чюкчи колымскую дорогу, не допуская русских людей к проезду в Анадырск, заперли ль?

Ответ. О запертии юкагирами и чюкчами колымскую дорогу к недопуску русских людей во Анадырск не слышал, точию от олюторов слышал я, что проезжаемую из Охоцка во Акланск дорогу чондонские мужики заперли.

Вопрос 10. Коряки с чюкчами замирение возымели ли и притом, доколе де вам между собою иметь брань и от русских терпеть, говорили ль, и чтобы русских людей на сей земле не было, всех до единого искоренить намерены ль?

Ответ. О замирении коряк с чюкчами и ни о каких происходимых между ими речах я не слышал.

Вопрос 11. Оленные коряки, избрав близ здешняго острога моховое оленное кормовище на оном, переселяся оттуда, жительство иметь хотели ль?

Ответ. Оленные коряки хотели, избрав место между Карагою и Юмгиною рекою, жить тамо, а что ж о переселении к Нижнему острогу с табуном коряк не слышал.

Вопрос 12. Сообщники ваши камчадалы в самом здешнем остроге жить хотели ль и брата твоего Алексея Лазукова камчука командиром иметь намерены ль были?

Ответ. Оные камчадалы в самом остроге по побитии живущих в нём жить хотели и брата моего камчука атаманом иметь намерены были, и он того сам желал.

Вопрос 13. Умьевушкина и Карагинского острогов тоёны с родниками их скоро себе единомышленников и изменников олюторов и оленных дальних коряк быть ожидали ль, и рыбныя про них кормы пасли ль, и со оными изменниками оные тоёны в одной согласии для погромления в Нижней острог быть намерены ль были и в которое время?

Ответ. Умьевушка и карагинской тоёны и брат мой Алексей скоро быть себе единомышленников оленных дальних коряк и олюторов ожидали, а рыбной про них корм не припасали, за имением во оных острогах вахни и юколы. И оные коряки и олюторы чрез своего родника Умьевушке заказывали: буде де мы нынешним вешним временем не будем, то де в летнее время, совокупясь, все на погром в Нижней Камчатской острог пойдём байдарами.

Вопрос 14. В бытность погромления и смертнаго убивства в Столбовском остроге живущих иноземцов тоёном Умьевушкою с протчими ты, Иван Лазуков, с братом при том с ними был ли и тех людей колол ли?

Ответ. При погромлении и смертном убивстве в Столбовском остроге живущих иноземцов я с братом и с тоёном Умьевушкою и протчими не был и никого не колол, а были мы в то время на море.

Вопрос 15. По намерению вашей измены на сколько частей партию изменническую для погромления всех здешних камчатских острогов вы разделяли и в каком многолюдстве?

Ответ. По намерению нашей измены разделяли партию для погромления Нижняго Камчатскаго острога на три части: во первых, олюторы и оленные и сидячие коряки и брат мой камчук и по насильству их и я хотели итти под острог подле моря чрез Столбы; во вторых, камчадалы, по Укинскому берегу живущие, чрез Еловку; в третьих, палланские мужики, совокупясь с тигильскими, с Тигиля чрез Еловку, а в каком многолюдстве каждая партия учреждена была, за незнанием руского щёта сказать не знаю.

Вопрос 16. Когда брат твой Алексей Лазуков приехал на Камчатку реку ж тоёну Ивашке в острог, ты в то время во оном был ли, а прибыв он, Алексей, и увидя тебя, что с тобою о измене говорил ли и каким случаем?

Ответ. Будучи я в остроге на Панкаре у Ивашки, в то время наехав брат мой Алексей во оной острог с Умьевушкою и зятем ево Агавлин, начали меня насильно к измене призывать, по которому з[о]ву я много от них отговаривался, однако ж убоялся их страха, к ним в острог наутро поехал, о чём я в третьем пункте подлинно показал.

Вопрос 17. Из того Умьевушкина острога, как пошли вы на море для ловитвы морской нерпы, хотел ли брат твой Алексей с тобою быть в тот острог или нет?

Ответ. В бытность нашу на море на льду при ловитве морской нерпы имел намерение обратно брат мой камчук в острог к Умьевушке итти и меня звал, по которому з[о]ву и я с ним итти хотел же, точию во время нашего на том льде сна, по нашествии от земли ветра, тем ветром на оном льде нас отнесло на море и носило целый месяц и принесло к Укинскому носу. И пристав к земле, со оного льду сошли на землю, и брат мой камчук хотел итти обратно к Умьевушке в острог и меня с собою звал, токмо я ево не послушал, пошел сюда в острог. И видя брат мой, что я в острог пошел, то и оной брат мой со мною же не отрёкся.

Вопрос 18. Акланской острог мором поморен ли и того ж присудствия сидячими коряками взят ли, тако ж и бывший во оном командир Енисейской с солдатами убит ли и кем, и сколько при том побитии изменниками взято ружья, пороху и свинцу, и у кого тое всё имеется и буде оное злодейством учинено, ты, Лазуков, с братом при том с теми изменниками был ли, и между теми изменниками олюторами и протчими соравнительных вам с братом единомышленников не находится ли кого из русских, и от кого о том не слышал ли?

Ответ. От олюторов слышал я, что Акланской острог мором поморен и того ж присудствия сидячими коряками взят, и бывшей

во оном командир Енисейской с двумя солдаты оленными коряками убит, и протчия ево команды солдаты назади оставшихся чендонскими и парейнскими мужиками убиты ж. А о ружьях и о порохе и свинце, у кого оное ныне имеется и сколько того было, не знаю, и я при том не был и на котором месте их убито не знаю. А между изменниками олюторами находится беглой партовщик Кузька, которой оных олюторов ружьём стрелять обучает и ко всякому злонамерению наставляет.

Вопрос 19. Отправленной от камчатского архимандрита Иоасафа Хотунцевскаго во Анадырск иеромонах и при нём студент, дьячок и пономарь убиты ль и кем, и которая при нём отправлена была церковная утварь где ныне имеется, и господина маёра Павлуцкаго с командой оленной табун, на чём он с партиёю ездил, изменниками отогнан ли и кем?

Ответ. Оной иеромонах и при нём студент, дьячок и пономарь оленными коряками на долу между Акланским и Анадырским на их кочевнице, когда он их приехал крестить, убиты, а о церковной утваре, где она ныне имеется, не слышал. У господина маёра Павлуцкаго оленной табун, на чём он с партиёю ездил, оленными коряками отогнан.

Вопрос 20. Харчина острога тоён Стефан Чаплин в остроге у Умьевушки был ли и в измену с вами итти хотел ли, и вы его к тому призывали ль?

Ответ. Оной тоён Харчин в остроге у Умьевушки не был, и я ево не видал, токмо слышал о нём в бытность в остроге у Умьевушки, от Умьевушкина родника Кулеча, будто бы оной Харчин, когда был у Умьевушки осенью в остроге, говорил: мне де в остроге от казаков житья нет и буде де бы здешней хотя един острог изменил, я бы де к той измене в помощь притти готов был.

Вопрос 21. И в сем своём допросе ты, Иван Лазуков, сказал самую ль сущую правду без всякой лжи и утайки под опасением смертной казни?

Ответ. В сем моём допросе и в вышеписанных пунктах я, Иван Лазуков, сказал самую сущую правду без всякой лжи и утайки под опасением смертной казни.

(Листы документа скреплены: «К сему допросу вместо Нижняго Камчатскаго острога служилого Ивана Лазукова ево прошением Нижняго ж Камчатскаго острога служилой *Савин Пономарёв* руку приложил».)

Поход поручика Кекерова против восставших коряков в 1749 г.

40. Секретное «доношение» Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 3 мая 1750 г.

Минувшего марта 12 дня репортом из Анадырска Якуцкого полку порутчик Семён Кекеров представлял. По вступлении де ево с командою в поход против бунтовщиков и изменников генваря 30 да 26 чисел февраля минувшего 749 году послано было солдат и служилых 30 человек в коряцкие оленные табуны, которые де поймали двух коряк, прибывших с Пареня реки, и те изыманые коряки по протчем в роспросех показали. Посланы де они от изменника оленного коряки Тыкыетога для проведывания о походе на них российского войска, а он де, Тыкыетог, тремя юртами стоит на Парене.

А 27 числа того ж февраля, оставя он, порутчик Кекеров, у Аклана реки сотника Котковского с командою, а с собою взял солдат и служилых до ста тридцати человек и для пойску того изменника с великим ревностным и неусыпным успехом следовал шесть дней, которого де при реке Парене остановил, но однако ж де Тыкыетог от них пошол на побег с великою торопостию, отстреливаясь из луков, оставя свой оленной табун и обозные возовые санки и скарб.

И гнались за тем изменником ещё двои сутки денно и ношно на оленях и на лыжах пешие и ностичь не могли, затем что от великого глубокого снегу как у солдат, так и у служилых олени пристали, к тому ж де марта против 3 числа в ночи был великой ветр со снегом, так что света не видеть и едва друг друга сведали, которой ветр продолжался суток до двенадцати, и тогда он, Тыкыетог, ушёл на Чендон к изменникам. А по прибытии к Каменному сидячему острогу марта 15 числа на приступе ранен он, порутчик Кекеров, из фузеи между крылец да в левую ногу в колено, от которых ран обдержим весьма великою болезнию.

И изменники против означенного числа в ночи, прирезав жён и детей своих человек до тридцати, ушли из того острогу в Ягачинской острог, и в погоню за ними посланы были служилыя, токмо они, изменники, засели в осаду в пещеру и приступитца к ним нельзя для того де, что в тое пещеру ходят на ремнях, а солдаты и служилыя отошли благополучно. И из них, изменников, как у Тыкыетога, так и в том Каменном остроге взято в плен мужеска и женска полу больших и малых до сорока пяти человек, и некоторые из них коряк по роспросам касаютца к пытке, а другие к публичному наказанию. И хотя де покойному маэору Павлуцкому

с изменниками велено поступать, но однако ж де он, порутчик Кекеров, без указа чинить того смелости не имеет, и из предъявленных изменников коряк до получения на оное в резолюцию указа свободнены из под караулу на поруки лутчим оленным корякам, а другия содержатся под караулом. Да особливо взято из полону у изменника Тыкыетога служилого Трифона Крымского жена с сыном да в Каменном остроге взяты ж от них изменников Ивана Енисейского сын, которой отдан для содержания до возраста ево пятидесятнику Ивану Дягилеву с роспискою, да бывшего Акланского острогу служилого Павла Баева жена с двумя небольшими девками и по вышеписанному ж отдана для содержания Спиридону Егорову с роспискою ж.

А означенные де изменнические острожки Каменной и Ягачинской разорены и вовсе сожжены, а Жирового острогу к изменникам посыланы были служилые и лутчие оленные коряки для призыву их по-прежнему паки в ясашной платёж, который обещали 1749 году осенью платить ясак и взятое ими из Акланска оружие и пушку отдать обратно, а Паренского и Олюторского острогов сидячие коряки ясак платят и впредь платить обещают, только де без аманатов, затем что оной Паренской и Олюторской остроги от Анадырска в немалой обширности обстоят, ибо во оные острожки из Анадырска, как вперёд, так и обратно обращаются на добрых оленях в два месяца, а у тех иноземцов оленей и собак не имеетца и аманатов в Анадырск перевозить не на чем, к тому ж де оные иноземцы и напредь сего ясак плачивали за означенною их невозможностию без аманатов. И по выходе из походу один солдат волею божиею умре. А мая де с 30 числа имеет он, порутчик Кекеров, отправитца с командою вниз по реке Анадырю на судах для поиска неприятелей чюкоч и ради промыслу оленей и рыбы до урочищ Родионова и до Бани. А о полученной от изменников добыче приложен при том репорте реэстр из подлинных роспросных речей из иманных коряк точные копии; того ради из Ыркуцкой провинциальной канцелярии ко отправленному в Анадырск в партию главным командиром капитану Шатилову послан ея императорского величества указ, велено как с вышеписанными так и впредь со взятыми в полон изменниками и в поиске и во искоренении немирных иноземцов поступать ему, капитану, по силе данных покойному маэору Павлуцкому и порутчику Кекерову инструкцей и много посланных ея императорского величества о том указов во всем непременно без упущения времени и без потеряния ея императорского величества высочайшего интереса, и что происходить будет, Ыркуцкую провинциальную канцелярию почасту репортовать. А от правительствующей

щего Сената Иркутская провинциальная канцелярия сим доношением покорно просит, чтоб повелено было помянутого порутчика Кекурова за вышеявленные ево оказанные против неприятелей ревностные поступки и за понесенные раны, для придачи ему и впредь по нём другим в такой нужнейшей и многотрудной партии охоты, повысить чином, каким правительствующий Сенат за благо разсудить изволит.

А с вышеявленного реестру и с роспросных изменнических речей приобщены при сем точные копии.

Лоренц Ланг

Маия 3 дня 1750 году.

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 259—260

Расправа с руководителями восстаний 1745—1749 гг.

41. Журнал заседания Сената от 25 октября 1764 г.

1764 году октября 25 дня по указу ея императорского величества правительствующий Сенат слушав присланных из нижеозначенных мест доношений, а именно из Иркутской канцелярии.

Перваго. От 28 августа 1747 года с приложением учинённых из производимого в Охоцкой канцелярии дела выписки и краткого экстракта о коряцком князце Туйне и о коряках Эмиде Эмптене и Кутайтах, которые с протчими своими с родниками учинили измену и ясашного в казну платежа вовсе отказались и всегда имели намерение верноподданных здешних людей убивать и многих убили, о которых мнением Охоцкой командир представлял, чтоб их за показанные вины повелено было в страх другим учинить в Охоцке смертную казнь, что и по мнению Иркутской канцелярии присуждено, а имянно четвертовать и потом головы, руки и ноги положить на колья, а тела за рёбра повесить на виселицы в жилищах ясашных коряк, и о том оная Иркутская канцелярия требует непродолжительного от Сената указу, дабы де оныя изменники от долговременного под караулом содержания без учинения им указной экзекуции не померли или сами себя чем не умертвили, а до того велено их содержать порознь окованных в ручных и ножных кандалах.

Втораго — августа 28, третьяго — сентября 3-го 1747, а четвёртого — маия 9 числ[а] 1748 годов со мнениями о учинении таковым же содержащимся в Охоцке ясашным корякам и такого ж, как выше явствует, наказания за нижеследующие их вины и кото... (слово не дописано) 1) Теневу, Нияжке, Марке, Хажигыгте, Тенехке,

Ингате, Куте, Мыкынтыкане, итого осьми человекам за намерение их к измене и к побитию русских людей, из коих двое тогда умерли, о чём и особо представлено, 2) Чингину да Пишиге за учинение ими измены и за злоумышления к побитию русских людей происки, 3) камчадалам и олюторам Экче, Халюпу, Апле, Таннию, Хваволу, Лехту, Атакану, Амгытку, Апляжу да Ивашке, итого десяти человекам за убивство ими в 1746 году посланных к ним с Камчатки для ясашого сбору служилых и новокрещёных десяти ж человек, да корякам же новокрещёным Василью да Льву Мохнаткиным, Спиридону Бекиреву, Петру, Семёну и Данилу Колеговым, Якову Антипову, Никите Заеву, Максиму Тиханову, Никите Чижевскому, Семёну Минюхину, Ивану Ащепкову за убивство ж ими и взяты в полон в том же году в Столбовском остроге ясашных коряк, всего тридцати шести человек, и за протчия их показанные в приложенном экстракте важныи злодейственныи вины, а согласникам оных убийц и имевшим намерение к тому ж бунту и измене, корякам же и камчадалам Каначю, Ипине, Леонтью Куске, Тиаке, новокрещённым Петру Эрангиму, Петру ж Васильеву с товарищи политическую смерть: положа на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывезть с Камчатки из их жилищ в город Якуцк и написать тамо в ясак. И по всем тем доношениям требует непродолжительного от Сената указа. При означенном же от 3 числа сентября представлении с доношения Охоцкой канцелярии о изменнических злодейственных поступках копия, а при особом от 31 генваря той же Иркутской канцелярии доношении о их же шпионствах и обманах экстракт и со скаски коряцкого князца Алыга копия для разсмотрения приложены.

Пятаго. 1748-го года мая от 5 числа со мнением же, что с объявленных в сем доношении тунгусских князцов и с их родников, кои были тогда на изменников коряк в походе на 1748 год, тако ж и впредь когда сколько их, тунгусов, на бунтовщиков и изменников имеет быть послано, на те годы, в коих они действительно в той службе будут находится, вместо награждения ясаку брать не надлежит, которого на тот 748 год до получения из Сената указа и велено не взыскивать, и взятых в плен коряк от их не отбирать.

(Племя, называемое русскими на Камчатке тунгусами, не является собственно тунгусами (эвенками). Это — близкие к тунгусам по этнографическим и языковым признакам ламуты — эвены.)

Из бывшего Сибирскаго приказу шестаго. Августа 31 дня 1749 году, коим требует указу о произвождении обретающимся в партии против немирных чюкч ундер-офицерам, солдатам и казакам двойна-

го денежного жалованья и за ординарной провиант по якуцкой цене деньгами.

Седьмаго. Декабря 10 дня 1750 году, коим представляет о награждении Якуцкаго полку поруччика Семёна Кекерова за учинённой им над немирными чюкчами поиск и полученныя при том раны и многотрудную по тамошним местам службы капитанским рангом, к чему и подлежащей экстракт учинён.

А осьмаго. Из Сибирской губернской канцелярии от 30 декабря 1756 года о полученном во оную канцелярию из Сибирскаго приказу указе, коим велено той канцелярии прислать в Сибирской приказ для положения штрафа ответ, чего ради она в коллегию иностранных дел о вывезенном от Зюнгорского владельца в Ямышевскую крепость корене ремень, якобы от Сибирского приказу на неоднократные ея представлении резолюции не имела, ложно уведомляла, и на то Сибирская губернская канцелярия надлежащее в сем обстоятельство представляя на рассмотрение, просит о определении Сибирской приказ указом, дабы оной впредь Сибирскую губернскую канцелярию к таким негодным нареканиям, якобы оная главным командирам репортует ложно, чего нимало не оказалось, напрасно подвергать отменил.

Приказали: как Сибирская губерния состоит ныне под апелляциею московских правительствующаго Сената департаментов и дела по той губернии поручены особливо сенатору тайному советнику и кавалеру Фёдору Ивановичу Сойманову, то и означенныя представлении по принадлежности сообщить на рассмотрение в помянутые департаменты при ведении. Подлинной за подписанием правительствующаго Сената.

Протоколист *Николай Вележов.*

Регистратор *Сергей Зыков*

Сенат, 1-й департ., д. № 689, л. 707—708

V. ВОССТАНИЕ КОРЯКОВ в 1751—1754 гг.

Поход капитана Шатилова против восставших коряков в 1751 г.

42. Секретное «доношение» капитана Якутского полка Шатилова в Иркутскую провинциальную канцелярию от 10 июня 1751 г.

Сего 1751 году будучи в походе в Тангуновском роду для призыву тамошних изменников оленных и сидячих коряк паки по-прежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского

величества руку и в ясашной платёж, апреля 1-го послан от меня наперёд для подсмотру изменнической неприятельской дороги из жилищ сотник с командою в пятидесяти человеках, которой того ж числа помощию всемогущаго бога отаковал одну юрту не во многом числе людей, которых он в силе данного от меня ордера на основании ея императорского величества указов прежде уговаривал добронамеренными и ласковыми уговорами, дабы они паки добровольно пришли без бою в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платёж, из коих по уговорам ево один добровольно, без бою склонился, а другия стали противится, из луков стрелять, то он, сотник, с командою насупротив того такими ж мерами поступал с ними военною рукою и побил их, неприятелей, мужиков двух человек, кроме жёнок и малых ребят, кои сами друг друга прирезали. И при том с нашей стороны ранен один юкагирской князец, взято [в] плен оленного табуна малое число, одна лисица красная да одна сиводушка.

И об оном от него, сотника, вышеписанного ж числа ввечеру получил словесной репорт, чего для того ж моменту я с командою следовал с поспешением и по прибытии тамо 2 апреля около полудни и позняя, получа известие чрез предиманного взятого в плен коряку, что неприятель уже в близости состоит, но однакож того числа, дав оленям отдых, понеже за весьма дальним расстоянием и скорым следованием чрез хрепты и шерлопы олени очюнь притомились, да к тому ж того дня и непогодь велика была, ветр со слячею так, что друг друга перед собою сажень на пять видеть было невозможно.

И для того 3 числа поутру следовал вперёд в Тангуновской нос с великою ж трудностию чрез хрепты и каменья, а 4-го числа того ж апреля усмотрено мною, что за весьма присталью оленей наше войско следует очюнь мешкательно, и того ради, взяв с собою солдат и казаков и других разных чинов 200 человек и притом юкагирей и коряк человек до семидесяти, и под оную команду выбрал изо всего обозу на каждого человека, кроме иноземцов, по два оленя, кои ещё по толику служить могли, и маршировал с немалым успехом в предписанной же нос. И по отбытии моём достальную команду приказал порутчику Бельскому, коего и ординовал, чтоб ему позади за мною следовать с поспешением же, смотря по крепости оленей и с пристойным к предосторожности образом, употребляя к тому пути удобвозможныя способы без потери высокаго ея императорского величества интереса. 5 числа ввечеру усмотрел неприятеля, кои ехали нас подсматривать, и увидя, что я с неоплошною осторожностью марширую, и пошли от нас на

побег с великою торопостию, за коими и мы погнались с немалым успехом, токмо на пути за предъявленною весьма присталью оленей догнать и языка изловить не могли и точию хотя, и с некоторым трудом, однако ж, помощью всемогущаго бога, того ж вечера, их, неприятеля, отаковал на губе на Отпрядыше, то есть на камению, который от земли с одну сторону состоял расстоянием не больше ста сажень, и того ж моменту командировал к тому Отпрядышу на два поста в караул солдат и казаков на каждой по 20 человек и сверх того на оные одного сержанта и капрала, дабы неприятель ношным временем за безмерною темнотою с того Отпрядыша утечки не учинил.

До той же ночи прибыли в лагерь посланные вышеписанного ж 5 числа поутру для поиску неприятельских изменнических коряцких жилищ и их оленных табунов коряка Умья Аукевьин, юкагиры Юдача Собольков с товарищи и репортовали меня, что нашли и пригнали с собою оленной табун, которой гнан был от оногo Отпрядыша неприятелем для укрывательства за губу в шерлопы, и при том де табуне за противность изменников один ими военною рукою побит, а другие товарищи ево ушли на побег, за которыми и гнались, токмо за присталью оленей догнать не могли.

6 числа порутчик Бельской прибыл же в лагерь и репортовал меня о состоянии прибывшей с ним команды благополучно.

И того ж 6 и 7 чисел чрез толмачей предъявленные отаковавшиеся изменники на Отпрядыше не точию по однажды в день, но по три раза на день, призываны были попрежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платёж с таким обнадеживанием в силе присланных ея императорского величества из правительствующая Сената и из Иркутской провинциальной канцелярии указов, что ежели они, изменники, склоняцца по-прежнему в подданство добровольно без бою и в том дадут по себе аманатов, то им за измену их вина имеет быть упущена, которые по призывам никакой склонности не имели, кроме противности, что стреляя из фузей, так и из луков посланным к ним за уговором и страдая, бутто напрасно к ним пришли и лежать де вам будет всем в Тангуновском носу, понеже де из Охоцка к ним бывають в поход казаки и ламутки, но и те с ними ничего учинить не могут, кроме де того, что разве когда случится некоторую часть от оленного их табуна в добычку получить и с тем возвращаются от них в свои места.

И того ради за показанную их злодейственную по их азиатскому непостоянству противность 8 числа намерен был к тому Отпрядышу

на приступ иттить, но однако ж того дни за великою погодою оное отменено было.

И 9 числа поутру, отдав всемогущему богу благодарение, пошли на приступ, и за отбытием моим оставлены для караулу лагера и оленного табуна Енисейского полку капрал Василей Завьялов да юкагирской княжец новокрещен Андрей Дмитриев сын Лаптев, юкагирское имя Облик, которым отданным от меня приказом велено было им оленной табун езжалой и ниезжалой согнать в стрелку, которая состояла от Отпрядыша близко, чего ради им, Завьялову, придано было ясашных коряк сорок четыре человека, и по сгоне у того табуна стоять в карауле с лагерной стороны двадцать двум корякам, а другим двадцати двум же корякам приттить в лагерь и быть безотлучно.

И приступали к Отпрядышу в пяти местах с великим трудом, для того что камень очюнь высок и крут, да к тому ж коими местами попадали на камень. Поделаны у них, неприятелей, сильные крепости. Первое изнаставлены возовые санки в три яруса на маданами, в коих накладено камня так, что ружья не пробирали, да особливо санки ж камнями нагружены и связаны на лживе ремнями, которые и опускали на наших военнотружущих людей, также из фузей и из луков непрестанно стреляли. Да сверх же того теми местами, куды наше российское войско на приступ шло, ими ж неприятелями умышленно ко изъявлению наших же российских людей изнаставленны были под скрытом в снегу лисичные зимовые ловушки клепцы и поставушные звериные луки, коими наших военнотружущих людей немалое число уязвлено. Однако ж, помощью всемогущаго бога, на Отпрядыш взошли, и как они, неприятели, верноподданных ея императорского величества народов смертно убивали и в конец раззоряли, такими ж мерами сами побиты и вовсе искоренены, а имянно, князец Тыккып Эимов с родниками, числом одних лушников со сто с трицать человек, кроме подростков и малых ребят, также и жёнок, а всех поголовно мужеска и женска полу малых и больших, как видно по репорту прапорщика Ковалёва, побито ста с два человек и больше и при том взято в плен малых мужеска полу пять, больших жёнок семь, итого двенадцать, которые отданы ясашным корякам на поруки до предбудущей осени сего ж года и по привозе оттуда отданы ж будут руским людям, и об оном Иркутская провинциальная канцелярия что повелит, на что имею в резолюцию ожидать повелительного ея императорского величества указа. Да сверх оных взятых ж две фузеи да одна свалина фузейная ж ломаная, один замок

фузейной с убором, пять лисиц красных, да одна лисица сиводущетая и несколько оленного табуна, четыре куяка железных однобоких, кои и отданы солдатом и казакам до получения на оное указу для походов и оные две фузеи и замок в казённом цехгаузе, а лисицы с казённую мяхкою рухлядью имеются в Анадырске под охранением, ломаная фузейная свалина употреблена на починку ружей. А с нашей стороны на приступе побито командированной пехотной роты солдат четыре человека, казаков трое; ранено лёгкими ранами порутчик Кекеров, прапорщик Ковалёв, гранадер, трое солдат, трое казаков, сотник один, ясаул один, пятидесятник один, рядовых 31, итого всех чинов ранено 42 человека (с Кекеровым число раненых равно 43, а не 42), тяжёлыми ранами гранадер один, казак один же, которые тогда ж в скорости померли, а кто имяны и которых полков побиты гранадеры и солдаты, об оном писано особливим доношением.

И во время ж предписанного приступу к Отпрядышу того ж апреля 9 числа, приехавши нечаенно со стороны, изменники Тангуносские оленные и сидячия коряки человек с тридцать напали на лагерь и одного пятидесятника большого неприятельски смертно побили и пограбили в лагере одну фузею, солдатских шпаг с медными ефесы 27, казачьих с железными ефесы 29 — итого 56, штыков семь, один топор, и собственного солдатского и казачьяго экипажа медных котлов девяносто пять, железных двенадцать, итого сто семь котлов; медныя ж уполовник один, одна ж чашка маленькая; двадцать восемь топоров, двадцать пять рубашек, двои порты, куклянок паровых пять, три парки, один пояс насекной серебром, наглазников серебрянных два, четыре бритвы, денег шестьдесят шесть рублёв шестьдесят шесть копеек, но и ещё сверх оного некоторую часть от нашего оленного езжалого табуна отогнали, которой тогда ж посланными за ними в погоню возвращены, ибо им оного за присталью угнать было нельзя. Токмо тех неприятелей, как выше показано, за худостию ж оленей постичь не могли, а хотя и завоеванныя олени были в то время, однако ж оные тогда ещё за трудностию с того Отпрядыша, а паче за ускорением не переиманы и не сведены, которые уже после погони перед вечером за весьма показанною неспособностию с того камня спусканы были с немалым же трудом. А каким случаем означенныя неприятели на лагерь напали и побили пятидесятника и пограбили в лагере казённого ружья одну фузею, шпаг, штыков, топоров также и собственного экипажа котлов и протчаго, об оном предписанные капрал Завьялов и князец Облик, также и коряки следованы

и из того их следствия по учинённой выписке оказались в ниже-следующих винах, а имянно: анадырского ясапного платежа оленные коряки Эмкувья Логопов с товарищи:

1) По силе отданного от меня приказу велено было по сгоне одного табуна в стрелку, как о том вышепоказано, чтоб им, корякам, с лагерной стороны у табуна стоять на карауле двадцати двум, а другим двадцати ж двум быть в лагере безотлучно, а они не точию в лагерь пришли, но и в оленном табуна не были и во время приступу приходили двоекратно к Отпрядышу, где пушки и знамёна стояли, коих я в то время усмотря впервые, приказал их отослать в лагерь и в оленной табуна толмачю Ивану Павлову да и вторично ему ж, Павлову, приказывал их, коряк, бить палкою и паки прогнать потому ж в лагерь и военной табуна.

2) Во время грабительства в лагере изменниками они, коряки, для сродства по своему иноверческому обыкновению лагеря и оленного табуна не защищали и насупротив их военною рукою не поступали и их изменников грабительству в лагере и к убивству пятидесятника весьма свободно допустили. И того ради к рассмотрению в Иркутскую провинциальную канцелярию подлинная выписка послана при сем и для ведома и исполнения при партии оставлена со оной точная копия. А взятия неприятелем... (оборвано в оригинале одно слово) шпаги и штыки оставлены были в лагере затем, что по здешнему обыкновению в штурмах или приступах весьма неспособны, и для того вместо оных сначала здешней Анадырской партии солдаты и казаки к наилучшему военному действию против неприятеля имеют копыя, ибо и оне неприятели тем же после стреляния из луков обыкновенно имеют бой.

10-го апреля командировал ко второму Отпрядышу в нос за губу из лагеря за поиском одного неприятеля прапорщика одного, сотника одного ж, и при них рядовых сто двадцать, юкагирей двадцать, коряк десять человек. И того ж числа за тою командою и я маршировал с поспешением же и прибыл 13 около полудни, а к вечеру того ж числа прапорщик с командою прибыл же в лагерь и репортовал меня, что неприятель уже до прибытия ево с того Отпрядыша бежал на побег; незнамо куды, и следу перенять не мог.

14-го по утру командировал сорок человек юкагирей для поиска, в кою сторону неприятели бежали с Отпрядыша, который, прибыв в лагерь 16 около полудни, и репортовали, что неприятельского следу и никакого признаку куды бежали, обыскать никак не могли, точию нашли оленной табуна и пригнали с собою. Того ж числа паки командировал ещё в тот нос на камень порутчика Бельского

в пятидесяти да на левую сторону за губу к двум отпрядышам сотника Котковского во штидесяти человеках, от коего того ж числа, по прибытии вечерной тапты, получил чрез присланного от него юкагиря словесной репорт, что неприятель, которой бежал с Отпрядыша, отаковался тамо на губе на камению ж и взято им в плен малое число оленей.

17-го поутру рано, взяв я с собою порутчика одного, рядовых, солдат и казаков и протчих чинов двести, юкагирей и коряк по двадцати человек, и следовал к тому Отпрядышу за губу с поспешением, и за отбытием моим в лагере оставил с достальною командою прапорщика Ковалёва, коего и ордировал, чтоб по прибытии из командирования порутчик Бельской с находящеюся при нём командою следовал за мною немедленно. И переправился я за губу по льду того ж дни не поздние полудни и потом их, неприятелей, призывал паки в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платёж, из которых по уговорам добровольно без бою пришёл в подданство и в ясашной платёж охоцкого платежа оленной лутчей коряка Еткивун Эучевьин и следован мною наикрепчайше, от чего они бунт и измену учинили, которой о бунте и измене не заперса. Так же о приходе ево во время приступу к Отпрядышу с князцом Чаивыгином я с родниками к лагеру в тридцати одном человеке и в убивстве одного пятидесятника и в грабеже из лагеря, одной казённой фузеи, шпаг, штыков, топоры и собственного экипажа котлов медных и железных и протчего, добровольно принёс извинение и отдал возвратно одну фузею, шпак с медными ефесы 16, с железными 17, итого 33, да медных котлов 23, а затем достальное развезено по разным местам, а протчее в губу побросано, коего ему тогда в... (оборвано в оригинале одно слово) сыскать было некогда. И обещал отыскивать оное и едущим за сбором ясака обратно отдать всё лицом без остатку, а что им из того утрачено будет, то в таком случае он, Еткивун, подписался с родниками своими платить, и в том с него особливо аманат взят, также и с предъявленных его согласников княжца Чаивыгина и, кроме ево, других, кои ещё в противности состоят и жительствоуют по разным местам, привестъ в доброе состояние и паки в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платёж. Да они ж и изменники отдали обратно взятого ими в плен в 746 году анадырского ведомства разночинца Леонтия Фёдорова с женою и с дочерью, которой ныне имеется в Анадырске, но однако ж княжца Чевыгина за предъявленную им учиненною противность надлежало, яко

злодея, без всякого милосердия побить и вовсе искоренить, понеже он с Отпрядыша для объявления и переписи в ясак родников своих не пришёл и впредь к содержанию себя во всяком постоянстве, не имея никаких противных злых поступок, аманата не дал, в чём я и имел непререваемое намерение.

И 19-го числа поутру командирован был для осмотра того Отпрядыша порутчик Кекеров и при нём двое сотников, рядовых 12, можно ль с кою нибудь сторону на приступ к неприятелю итти, которой, прибыв оттуда обратно, и репортовал меня, что по осмотру их с трёх сторон на Отпрядыш никоим образом взойти нельзя, для того что утёс высок и крут также и с четвёртую сторону льда не имеется, а хотя одним местом есть ход подле утёса по припайку, и то одному человеку с нуждою, и ежели де тем местом приступать и по одному человеку перебираться, то де могут они, неприятели, десять человек легко нашего войска побить камнями хотя до тысячи человек.

И для того за оную невозможностию 20 числа, воздав богу благодарение, возвратился в Анадырскую крепость, понеже уже время весьма опоздало, и чтоб вышней оленной плавой и летнего рыбного промыслу не пропустить, также и на Ангару посылкою оленей для перевозки провианта в Анадырск удобного времени не умедлить, дабы за беспромыслицею оленного мяса и рыбы, а паче за непривозом провианта военнотружущие в партии разного чина люди не понесли нужды и голоду, ибо и так уже во оном походе за весьма скудостью провианта, ежели б бог не даровал в плен неприятельских оленных табунов, то б всеконечно (от чего боже сохрани) всем без остатку можно было голодную смертью помереть.

И по возврате из Тангуновского носу, будучи на Ижиге реке мая 1-го — сидячие коряки князец Чаивыгин Эвыгин с родниками в двенадцати, 4-го — Паренской лутчей сидячей коряка новокрещен Никита Наумов, коряцкое имя Наяхалю Эаткаманов в двадцати семи, того ж мая 5 чисел — анадырского комисарского ведомства оленные коряки Алык Аммов да Эвекка Инпин с родниками в семнадцати, всего и с предписанными Еткивуном и с его родниками 87 человек добровольно по уговору без бою пришли паки в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платёж и по их иноверческому обыновению к шерти впредь к содержанию себя во всяком постоянстве, не имея никаких злых противных поступок, дали аманатов, а именно: Тангуновского носу Еткивун Эвучевын двух, Ижигинской сидячей тоён одного, лутчей мужик Эвек Кувалин одного ж,

Паренской сидячей же коряка новокрещен Никита Наумов одного, Анадырские оленные коряки Алык Аммов одного, Эвекка Инпин одного ж, итого восемь человек, которые привезены в Анадырскую крепость и имеются под присмотром комиссарским с протчими аманатами в ясашной казёнке под арестом.

И на сей 751 год и на прошедшие годы из доимки взято с них в казну ея императорского величества ясаку пятьдесят одна лисица красных с лапы и хвосты и в приход записаны, а достального ясаку с них как по окладу на сей 751 году, так и на прошлые годы из доимки за беспромыслицею лисиц не взято. И оные сидячие Ижиганской тоён и Паренской новокрещен Никита Наумов, также и Анадырские оленные коряки Алык Аммов, Чэнгев Аммов, Ноттай Кенелхутов, Эвекка Инпин по вышеписанному ж следованы и того их следственного дела выписано и послано в Иркутскую провинциальную канцелярию при особливом доношении.

Всего вышеявленном походе взято в плену изменников коряк оленного табуна езжалых девятьсот тридцать семь, неезжалых тысяча шестьсот тридцать четыре, итого езжалых и неезжалых две тысячи пятьсот семьдесят один олень, из онога числа отдано ясашным иноземцам юкагирям да возу коряке Умье Ауковину в награждение за верную и радельную их службу сто двадцать три оленя, ибо оные неприятели изменники и их оленные табуны сысканы чрез их старание. Да разными случаи подошло езжалых же сорок шесть, всего в расходе и с подохлыми 169 оленей. Да за недостатком провианта солдатом и казакам и протчим чинам, так и корякам, юкагирям и аманатом употреблено в расход на пищу неезжалых оленей 643 каргины, затем налицо состоит езжалых оленей 768, неезжалых 991 олень, итого езжалых и неезжалых 1759 оленей, из онога числа имеется в коряцкой землице под присмотром сотника Котковского езжалых 486 оленей, 950 каргин, итого езжалых и неезжалых 1436 оленей, под Анадырской крепостью имеется под присмотром солдата Никиты Рушкова езжалых 282, неезжалых каргин 41, итого 323.

И прибыл в Анадырск из походу мая 22 дня за благодать всецедрого бога всё благополучно, и сего июня 3 числа из Анадырска отправился на судах вниз по реке Анадырю за непривозом в Анадырск правянта и за весьма скудостью рыбных кормов, где имеются обыкновенныя оленные и рыбные ловы, а паче чтоб неприятели чюкчи водяною коммуникациею не учинили какого незапного нападения и смертного убивства и высочайшему ея императорского величества интересу ущербу и Анадырской крепости

и раззорения, и за отбытием моим в предосторожность от неприятелей же и изменников коряк оставлен в Анадырске поручик Кекеров с командою в пятидесяти человеках. И того ради Иркутскую провинциальную канцелярию покорне прошу и представляю, ежели за благо изволит принять за предъявленную и весьма радительною мою в показанном походе службу представить в правительствующий Сенат, чтоб меня наградить рангом, понеже и покойной маэор Павлуцкой из капитаном пожалован был пример маэоры, да к тому ж и по присланным ея императорского величества из Сибирского приказу указом я определён над партиєю главным камандиром за неимением в Тобольске в сибирском гарнизоне в Иркутке и в Якуцком полку штатов, и о вышеописанном Иркутская провинциальная канцелярия указом ея императорского величества что повелит.

Июня 10 дня 1751 году.

На подлинном пишет тако. Капитан *Шатилов*.
Подканцелярист *Алексей Мельников*

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 345—352

Восстание аманатов в Анадырской крепости в 1751 г.

43. «Репорт» капитана Якутского полка Шатилова в Иркутскую провинциальную канцелярию от 30 июня 1751 г.

В Иркутскую провинциальную канцелярию сибирского гарнизона Якуцкого полку от капитана Шатилова репорт.

Сего 1751 году прошедшаго июня 3 дня за отбытием моим из Анадырской крепости с командою вниз по реке Анадырю за недостатком провианта и за весьма скудостью рыбного корму, где имеются обыкновенный оленья и рыбныя ловы до урочищ Родионова далее и до Бани, а паче для предосторожности от неприятелей чюкоч, дабы нынешним летним временем водяною коммуникацию не подошли к Анадырской крепостей не учинили б высочайшему ея императорского величества интересу ущербу и верноподданым ея императорского величества народом незапного нападения и смертнаго убивства и оной Анадырской крепости повреждения, и за оным моим отбытием, слабостию и понаровкою камисара якуцкого служилого Андрея Корякина, которой мною ордирован был декабря от 24 дня минувшаго 750 года, чтоб ему содержащихся аманатов весьма содержать под крепким караулом в ясашной избе в казёнке безвыпускну. А он, Корякин,

тех аманатов содержал слабо, и всегда были выпущены из казёнки и жили свободно в крепости по разным анбаром, и давал им собственный свои пологи, также и порутчик Кекеров ордирован же был июня от 2 дня сего ж 1751 года, чтоб ему над ним камисаром иметь смотрение, дабы означенные аманаты всемерно по вышеписанному ж содержаны были в казёнке под караулом безвыпускно. И от того их камисара Корякина слабого содержания, неведомо через какие способы, сидя в аманатах, получа луки, стрелы и копья, сего июля 8 на девятое число в полночь в крепости в ясашной избе предъявленные аманаты анадырские оленья коряки князец Айвулан Омъятов с товарищи, всего 15 человек, изменили и имеющагося ясаула и одного караульного казака, также и своих аманатов трёх девок закололи и потом в крепости стоящих у казны и у ворот двух часовых закололи ж и, выскоча из ворот калиткою прибехши к гоубвахте, одного часоваго, паки побили и ранили гранодера одного, солдата одного, казака одного ж и бросились в лес и унесли с собою побитых часовых две фузеи с лядунками и с патронами.

И того ж моменту командированы были от порутчика Кекерова для поимки тех бунтовщиков и изменников, а паче в сикурс к имеющемуся в карауле в казённом оленном табуне за капрала солдату Никите Рушкову, у коего было в команде рядовых 24 человека, из оного числа послано в Анадырск с пойманными беглыми арестантами трое в оленной табун, на караул шесть, дабы они, неприятели, на тех караульных незапно не пали и смертно не побили и оленьего табуна не отогнали, солдат и казаков и протчих чинов тридцать человек в команду пятидесятника Верхотурова, которой пришедши к табуну сего ж июля 9 числа, а имеющияся в том табуне пастухи коряки ж, коих было 7 человек, ещё до прибытия того числа паки по согласию с помянутыми Айвуланом Омъятовым убили караульных: солдата одного, трёх казаков и оленной табун угнали за реку на остров, которой табун предъявленной пятидесятник Верхотуров с командою от них изменников возвратил и, переправя за реку, перегнал к урочищу Бурнову камню и поймал из изменников коряк одного мужика да двух жёнок с девочкою. Да кроме оных в крепости пойманы один табунной же коряка да из содержащихся с аманатами их работниц три жёнки, который содержатца под крепким караулом, и оставя в помощь предъявленному солдату Шуркову к прежним 16-ти человекам 16 же, итого 32 человека с ружьём и аммунициею, а сам он, Верхотуров, с достальными в 14 человеках возвратился в Анадырскую крепость, понеже

при одной осталось в карауле при порутчике Кекерове солдат и казаков малое число, только 26.

И после отбытия ево, Верхотурова, сего ж июля 12 дня означенные ж изменники Айвулан Омъятов с товарищи, пришедши к тому табуну, паки незапно неприятельски напали на означенных солдата Шуркова с командою и побили смертно гранодера одного, солдата одного ж, ружьё и аммуницию их себе побрали, также и оленной табун угнали весь без остатку, в чём помянутым камисаром Корякиным и пойманными изменниками табунными коряками и протчими, кем надлежит, имеет быть следовано и по окончании оного писано будет в Ъркуцкую провинциальную канцелярию без упущения, а об оном же в Якуцкую и в Охоцкую канцелярии сообщено промемориями июля 30 дня 1751 году.

На подлинном пишет тако. Капитан *Шатилов*.

Подканцелярист *Алексей Мельников*

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 367—368

44. «Доношение» майора Зыбина в Иркутскую провинциальную канцелярию от марта 1753 г.

Сего 1753 году марта 7 дня получен в канцелярии Охоцкого порта из Гижигинской крепости партии походных дел от сержанта Аврама Игнатьева репорт, писанной во одной партии генваря от 23 дня сего 1753 году. Написано: февраля де 18 дня от анадырской стороны наипущей возмутитель, вор и изменник оленной коряцкой князец их Айвулан Омъятов, которой, учиня в прошлом 751 году в Анадырском остроге смертное убийство, и бежал в Камчатку и, сообщась тамо бывшего ж вора и изменника коряцкого князца Эвоинты Косинкова с родниками, чинил по одной Камчатке верноподданным ея императорского величества ясашным иноземцам немалое раззорение и смертное убийство и острожки их огню предавал, о котором ево воровстве минувшаго 1752 году июля 26 числа под № 494 в Ъркуцкую провинциальную канцелярию доношением объявлено. Собравшись одной Айвулан с родниками своими в двух стах да с тамошними оленными юкагири с двадцатью пяти да с акланскими и с тангуносскими пешими и оленными коряками семидесяти пяти человеками, всего в трёхстах, подбежав под самую крепость на оленях в санках, и стал против самой Гижигинской крепости на зарешной стороне лагерем, а сам он, Айвулан, объявляя себя, якобы от обид и от налогу капитана Шатилова в Анадырском остроге учинил измену и убийство, а ныне де

пришёл с яшашным платежом и по-прежнему быть в подданстве под высокосамодержавную ея императорского величества рукою, как и напредь сего они злодейственными своими обманами чинили смертные убивства, такими ж вымышленными своими случаями и во оной партии хотели обмануть и побить смертно, но токмо де до такого их злонамерения всемогущий бог не допустил. Таким случаем того ж генваря 19 числа учинили с теми изменниками военную рукою баталию и, помощью всемогущаго бога и счастием ея императорского величества, от тех злодеев отбились, из которых изменников упоминаемого их князца Айвулана ранили смертно да из родников ево двух человек, да двух юкагирей побили, тогда оные воры и отступили прочь. А с нашей де стороны побили казака Василя Горзякова и отхватили от фузеи штык да саблю, а протчих всех бог спас.

И ныне де означенные злодеи ездят поблизку около крепости явно и состоят от тех изменников в немалой опасности и в осаде, что и из крепости вон вытти невозможно, понеже де от содержащаго их гладу команды походной партии служители едва в крепости без пропитания живы находятца и почти с тень их шатаетца, и к тому ж весьма малолюдство, и поступить с теми изменниками военную рукою никоими способы невозможно и в том де более ныне находятца в опасности, что уже никаких припасов к пропитанию их не имеетца; из имеющихся тамо запасаемых рыбных кормов едва до февраля месяца могут с нуждою пропитатца, а буде ж показанные изменники от Гижигинской крепости не отступят и по посланным от него ордирам как из Тауйска, Ямска и Туманской крепости с кормами не пропустят, то де и спасения получить им не чаятельно, о котором претерпеваемом их тамо смертном гладе и от всегдашней от неприятеля крайней опасности и о протчем со всяким обстоятельством сего 754 году февраля от 25 числа под № 33-м особливым доношением пространно представлено.

Да того ж марта 7 дня сего ж 753 году в репорте от оной походной партии написано. Февраля де 2 числа Гижигинская крепость от неприятельского нападения состоит благополучна, и обретающихся в ней служители все живы, а вышеозначенной де неприятель с 24 числа генваря месяца от крепости отступил, а где де ныне обретаецца, неизвестно, а знатно де, что главной их возмутитель оленной коряцкой князец Айвулан уже злохитрошное ево умышление угасло и от показанной смертельной раны умре и настоящего повода у тех злодеев не стало.

А отправленная в означенную партию денежная ея императорского величества казна и малая артилерия и посланной на место показанного сержанта Игнатьева командиром сержант Сторожев с командою, всего семидесяти человеках, и с пристойным числом набранных из острогов рыбным кормом прибыл на реку Вилегу февраля 5 числа благополучно и намерен выступить в Таватомскую крепость того февраля 7 числа, которого Сторожева с командою и с денежною казною и с артилериею со отправления ево чаятельно, что уже по нынешнее число, ежели, от чего боже сохрани, от неприятельского нападения никакого препятствия не последовало, в [Г]ижигинскую крепость прибыл, понеже как от реки Вилеги до Таватомской крепости и от Таватомской крепости до Гижиги по взятому от здешних обывателей описанию состоит не в дальном расстоянии. И о вышеписанном Ыркуцкая провинциальная канцелярия соизволит быть известна. А по прежде посланным от канцелярии Охоцкого порта предложениям о присылке денежной казны по способности провоза серебряных монетов и сухим путём на лошадях потребного в тех предложениях числа провианта и для сикурсования людей соизволит Ыркуцкая канцелярия, как наискорее, милостивно резолюцию учинить и снабдить ея императорского величества указом.

Марта 12 дня 1753 году.

На подлинном пишет тако. Пример маэор *Афанасей Зыбин*.
Подканцелярист *Иван Баженов*

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 509—510

Походы каптенармуса Байбородина и других против восставших коряков в 1753—1754 гг.

46. «Доношение» майора А. Зыбина в Иркутскую провинциальную канцелярию от 17 декабря 1753 г.

Сего 1753 году декабря 16 дня по отправлении от канцелярии Охоцкого порта с самонужнейшим ея императорского величества секретными и протчими делами прямо до Ыркуцкой провинциальной канцелярии почты и по запечатании в ящик всех дел при приёме оных в самое то время сего декабря 16 дня получены из Гижигинской крепости парти от походных дел от сержанта Николая Сторожева и каптенармуса Якова Байбородина отпущенные из оной парти сентября от 27 числа 1753 году репорты, в коих написано.

В первом. Сего де 753 году сентября 17 числа отправлен был из оной походной парти означенной каптенармус Байбородин с командою морем на байдарах к Валхаланской губе на нос, где разбило отправленное из Охоцка морское судно брегантиру «Михаил» (бринтантин «Архангел Михаил» был построен в Охотске для второй экспедиции Беринга. На бринтантине «Михаил» Шпанберг плавал к берегам Японии), ради обыскания утопшаго с того судна казённой денежной казны, правианта и артиллерии и протчих разных материалов и припасов, о которой командировке оногo Байбородина с командою сего 753 году декабря от 9 числа под № 988-м в Ыркуцкую провинциальную канцелярию доношением представлено.

Того ж де сентября 14 дня помянутой каптенармус Байбородин по благополучном прибытии на то место, где показанное судно разбило, и по прибытии де разоставя караул, и поручил из команды пристойное число вышедшему с того разбитого судна квартирмейстеру Семёну Щербакову и посланному из Охоцка за денежною казною комисару Кириле Уваровскому, чтоб они всякими способы отыскивали денежную и протчую ея императорского величества казну и артиллерию, а сам де он, Байбородин, с пристойным числом командою неусыпно в том смотреение имел, дабы всё тщательнo такой утопшей немалой интерес обыскать могли. И быв де в том месте он, Байбородин, послал из лагирю своего подсмотр, где б возможность допустила признать бунтовщиков и изменников коряк, которые де, посланные от него подзорщики быв, и возвратились обратно в лагирю и объявили, что де против Валхаланской губы верстах шти имеется не малое число в жилищах своих изменников коряк юрты, и видели де они тех изменников. И по тому де подсмотренному объявлению немедленно он, Байбородин, с бывшими при всех за урядников солдатами и казаками, осмотра ружьё и амуницую, призывая всемогущаго бога на помощь, на означенных подсмотренных изменников в поход и вступили, и подошед де пустым местом тундрой под те вышепоказанные изменнические юрты, и отаковал и по отоковании того 15 числа взял он, коряк, три семьи да одну семью вызвал на выласку, итого четыре семьи, из которых де мужеской пол всех прикололи, токмо де из них одного человека удержали ради языку, и при том де взято ими в плен из женска пола четыре бабы да малолетних мужеска пола одиннадцать, итого пятнадцать человек. И того ж де числа сентября в свой лагирю обратно и возвратились благополучно, из которого де плену домогался он, Байбородин, о неприятельском

намерени и роспрашивал, на что де оные пленные объявили: Валхаланской де губе от главных изменнических князцов оставлен прежде возмутившагося к бунту и измене князца Чеивитки брат его родной князец Меленку с родом для заготовления кормов к прибытию бунтовщиков и изменников чачеб (чачебы — очевидцы, извращённое «чаучу», то есть коряки-кочевники) и коряк, ради в переездах в крепость от крепости и русских людей посылаемых с репортами перехватывая побивать смертно, и ожидает де он Меленку из Тангуносу в сих числах изменников на семи байдарах.

И как де об оном означенной Байбородин удостоверился о том их воровском станке и злонамерению всё ревностно ко взысканию и искоренению тех злодеев, того сентября 16 дня командировал он, Байбородин, из команды своей 20 человек пустым местом в тундру, а сам де он по тем известиям, что из Тангуносского мысу изменников коряк на байдарах валхаланские коряки ожидают, на двух байдарах в десяти человеках, поруча достальную команду квартирместеру Семёну Щербакову и камисару Уваровскому, дабы отыскивали с утопшаго судна казённой интерес, в десяти человеках и следовал.

И как де вышепоказанные посланные от него, Байбородина, 20 человек походом шли, и тогда де нашли на них изменники коряки, самые лёгкие и воистые 20 человек, и сразились с ними, и видя де оные изменники, что с нашей стороны состоят в крепкой осторожности и сражении, и разошлись на две стороны. Показанной де князец Меленку что не с главными своими родниками и с ними двое тангуносских коряк убоясь и бросились под утёс в приуготовленную ими байдару и намерены де были утти на отпрядыш Валхаланской и пошли де оные изменники на тех байдарах в море, то де в ту ж минуту в губу против Валхаланского отпрядыша он, Байбородин, на означенных двух байдарах подоспел, то де оные изменники, видя со обеих сторон людей, пристав байдарою своею к утёсу, и ушли по приготовленным ими прежде ремням в имеющуюся в том утёсе щель и ремни де поднели. И как де он, Байбородин, с командою тех злодеев во оной отъёмной щели отаковали, точию де никоим способом приступить было невозможно, потому де что утёс весьма высокой, а оная де щель в полуутёсе от земли сажен десять, а от верху сажен с сорок, и к тому ж де та щель пошла не прямою чертою в камень, но в бок, в которую де из огненного ружья палить не знатно и гранат ручных бросать было невозможно, ибо де у оной щели вход закладен был теми изменниками на то припасённом лесом. То де он, Байбородин, употребляя

к тому всевозможные способы, приказал утвердить сверху утёса ремни, и по тем де ремням от земли поднят был один казак и два человека из партовшиков коряк, и подаваемы были им травяные снопы, обливая нерпечьим жиром, чтоб крепко от того жиру горели, и зажгли у той щели вход. И притом от тех изменников и с нашей стороны происходила стрельба, и убили де из тех изменников в той щели одного человека, а достальных всех сожгли, которых де воров трупы ради опознания вытаскивали и усмотрели при том вышеозначенного Чеивиткина, брата князю Меленку, побиты смертно с родниками ево в 15 человеках, а из команды де ево, Байбородина, через многое от тех изменников стрельяние божескою милостью высочайшим ея императорского величества счастием спаслись все благополучно без всякого вреда.

А 17-го де числа сентября, собрав помянутой Байбородин команду, кроме тех, кои в лагире поручены были квартирмейстеру Щербакову и камисару Уваровскому для изыскания утопшаго казённого интереса, раскомандровав на пять байдар, и следовал на прежде раззорённой отпрядыш, и прибыв к тому отпрядышу и взошед на оной, точию де никого изменников получитьи не мог, но весьма де изготовлено ими паки на том раззорённом отпрядыше, чтоб оной возобновить, на юрты и на стены, откуда на него всход бывает, лесу и неводов китовых довольное число. То де он, Байбородин, собрав всё оное в одно место, огню предал, сожёт, да и прежние имеющиеся их юрты все ж выжег без остатку, дабы им нимало в том надежды впредь не следовало и того ж числа возвратился он с командою в лагирь свой обратно благополучно, а ушедших де от показанного князца Меленки достальных родников ево изменников натти не могли.

И 18 числа того ж сентября командировал он, Байбородин, из лагирю в подсмотр изменников, но токмо де никого подсмотреть не могли, только де найдено подле моря их изменнических нерпечьих сетей ради промыслов весьма многое число, которые де сети за тягостию в крепость не привезены и все де тамо огню преданы и сожжены, чтоб паки в их изменническия руки не попали.

А вышеупомянутые де взятые в плен и ради языку коряка привезены в Гижигинскую крепость, и он, Байбородин, того сентября 25 числа со всею командою прибыл благополучно, которой пойманной для языку коряка у походных дел накрепко распрашиван и пытан и через оное жестокое битьё объявил, что вышеозначенной изменник Чеивитко и с ним коряка Эвек сообщились и имеют де жительство в Тангуноской стороне от устья реки Гижиги за

Матугинским отпрядышем, расстоянием в верстах в семидесяти, и ожидают де к себе по первому снегу чачеб и юкагирь, которые де намерены быть всемерно и отаковать Гижигинскую крепость. А акланские де и паренские, ягачинские, инткантские воры, бунтовщики и изменники коряки намерены походом быть на Товатомскую и Туманскую крепости, а хотя де и крепости вскоре взять и не могут, токмо де выпуску из тех крепостей верноподданным народом не будет, и дороги де намерены запереть. И как де слышно между речами от тех изменников в разговор, что де юкагири, изменив в анадырской партии и сообщились с чюкчами и уже де многие между собою и в сходства вступили и вознамерились к убивству русских людей и в том де всезломном своём намерени находятся неотменны. А здешняго де берегу Пензенского моря воры и изменники коряки просят их, дабы им оные юкагири способствовали и сообщились с ними, чтоб в намеренном их злодействе вышеозначенную Гижигинскую крепость отбить и верноподданных в ней русских людей побить, которых те коряки и ожидают, и для де наездов показанных изменников чачеб и юкагирей вышеупоминаемой Чеивитко оставил и брата своего Меленку на Валхаланском мысу заготовлять к приезду тех изменников корма, которой и побит показанным Байбородиним, как и выше сего прописано. И по распросе оной пойманной ради изведения о тех изменниках коряка искоренён смертно.

Во втором. Того ж де сентября 26 дня посланной из канцелярии Охоцкого порта за денежною казною и протчими приёмами камисар Кирило Уваровской к походным делам репортом объявил. По командировании де их из оной походной парти ради изыскания казённого утопшаго интереса сыскан им, Уваровским, с разбитого морского судна брегантин «Михаила» из утопшаго казённого интереса денежной казны в 2 ящиках сребренных монетов четыре тысячи восемьдесят три рубли 36 копеек, медных денежек в двенадцати сумах сырмятных разбитых, к тому ж и собираемых в кекурниках, триста пятьдесят семь рублёв 58 копеек, итого медных и сребренных денег четыре тысячи четыреста сорок рублёв 94 копейки, а более де того он, Уваровский, из казённого интереса и из протчаго натти не мог.

В третьем. Тогож де сентября 29 дня поданным ведением показанной квартермейстер Щербаков объявил. Найдено де им с показанного разбитого судна дельного железа боутов, гвоздей и протчего по весу 26 пуд. 35 фунтов, свинцу 2 пуда 5 фунтов, лотов свинцовых два, весом 25 фунтов, да две пушки, токмо де оные

пушки за неимением байдар в Гижигинскую крепость привести невозможно и оставлены де у того мыса в прикрытом месте, чтоб в изменнические руки не попали. И при том же де обыскано разного партикулярного мелочного шкарбета, кои на том судне путь следовали, токмо весьма от морскаго расола избило и изгнили и весьма ж негодны, которые и находятся под охранением при походной партии до указу.

В четвёртом. Поданным де определённые от канцелярии Охоцкого порта за приёмом денежной казны и протчего целовальники Якуцкого полку солдат Максим Брянской, казак Евдоким Кожевин репортом объявили. Из посланного де с ними для предосторожности казённого свинцу и протчаго отыскано ими свинцу 7 пудов 10 фунтов, железа полосоваго 2 пуда 20 фунтов, укладу 1 пуд, сум провианских порозжих драных и избитых от морскаго сильного волнения 55. И вышепоказанная денежная казна, железа и протчие припасы все приняты на лицо и в приход тамо записаны, точию из означенных денег состоящим у предосторожности солдатам и казакам для всеконечной их крайней скудости и смертнаго гладу на сей 753 год денежное и за хлеб деньгами жалованье по полтора рубли за пуд выдано с запискою в расход и с росписками, а кроме вышеписанного из утопшаго на означенном судне казённого интереса ни единой вещи, также из провианту, кроме порозжих сум, ни одного золотника обыскать и по се число не могли.

В пятом. Того ж де сентября 26 числа поданным к походным делам находящейся тамо у предосторожности кананир Данило Пушкарёв репортом объявил. Отыскано де им из утопшаго с показанного судна казённого интереса из артиллерийских припасов гранат штифунтовых 17, которые де подмочило морского водою и в действие де стали быть негодны.

В шестом. Сего ж де сентября 26 числа по известию парти от походных дел чрез пойманного ради языку коптенармусом Яковом Байбородиним изменника коряку, что де бунтовщики и изменники всех рек от Гижиги чрез Тангунос до Камчатского берегу, воровские коряки, чачеб и юкагири по всезлобному своему замерзелому намерению, желают на Гижигинскую, Таватомскую и Туманскую крепости оные разорить и людей русских побить, как и выше о том в первом репорте прописано. И того де ради, чтоб по самой нужной крайней необходимости, поспешить к походной парти в сикурс людей, ибо де в Гижигинской крепосте парти служителей всех чинов действительно служащих и с прибывшими остальы с разбитого судна 97 человек, из которых де для вышепоказанной опасности

командировано в гарнизоны в Таватомскую крепость пять, в Туманскую крепость четыре, итого девять человек, а за раскомандованием де в наличности при парти состоит с престарелыми и дряхлыми и больными 88 человек. Также и прислать ради предосторожности пороху пять пуд, кремней тысячу и на пропитание команде парти провианта, дабы от изменников наглого нападения, как и выше о том прописано, не помереть голодною смертию.

И по оным полученным из оной парти репортам, предостерегая ея императорского величества от изменнических всекрайнейших опасностей оной Гижигинской и протчих крепостей и верноподданных в них людей, чтоб в нынешнюю зиму по их всезлобному намерению не могли учинить какова бедства, по посланному сержанту Федоту Белгородову ея императорского величества указу, велено с командрованными от канцелярии Охоцкого порта ноября от 21 дня сего 753 году по прежде посланным от показанной походной парти предложением, ради отвозу во оную партию денежной казны, провианта, пороха и свинца и протчего команды Охоцкого порта служилыми и с пешими тунгусами и якутами по прибытии их в Туманскую крепость, оставя тамо посланной от канцелярии Охоцкого порта свинец, железо и уклад, чтоб тамошним трудным путём легче было, понеже во оной походной парти, как в свинце, так в укладе и железе нужды ныне не зависит, ибо с разбитого судна из утопшаго казённого свинцу, железа и укладу найдено и пронятя без нужды тем могут, как о том выше сего прописано.

А с порохом и с денежною казною и провиантом велено следовать, как возможно, с предупреждением во означенную Гижигинскую крепость, дабы тамо за малолюдством людей по вышеозначенным известиям коряки и юкагири и протчих рек изменники сообщась не могли б оную Гижигинскую крепость взять и верноподданных народов побить. А в протчем же во всё в силу прежде полученных из оной походной партии репортов предостерегая ея императорского величества высочайшей интерес и верноподданных ея императорского величества народов, как скоро возможно тогда, что сколько возмоглось по здешнему обращению канцеляриею Охоцкого порта к лутчему предускорить ради убежания всекрайнейшего их смертного гладу, за вышепоказанным несчастным случаем, за разбитием судна, великое число всякими случаями и с прилежнейшим старанием возможность допустила, оное всё в показанную Гижигинскую крепость отправлением уже последовало очень пространно со всяким обстоятельством в посланном

при сей же оказии декабря от 9 числа под № 988-м в Ыркуцкую провинциальную канцелярию доношением имянно представлено.

А во оную походную партию сержанту Сторожеву и каптенармусу Байбородину, по посланному ж ныне из канцелярии Охоцкого порта ея императорского величества указу, велено вышеозначенные отысканные с разбитого судна две пушки, кои оставлены в прикрытом тамо месте, всякими случаями домогаясь, привести нынешним путём в крепость и сделать ими лафеты и поставить в принадлежащее предосторожности их место, дабы не могли оные пушки попасть в неприятельские руки, а каких именно калибр потребны к тем пушкам ядра и сколько числом, об оном велено им обще со обретающимися тамо артиллерийскими служителями канцелярию Охоцкого порта репортовать, почему имеет без малейшаго задержания, каким путём способность воспоследует, канцелярии Охоцкого порта отправить немедленно. А во изыскании с показанного разбитого судна утопшаго казённого интереса с крепчайшим же подтверждением паки послан указ и велено всякими способами отыскивать, и что сколько взыскано будет — записывать тако в приход без проронки, и о том канцелярию Охоцкого порта со обстоятельством репортовать. А что же они, Сторожев с товарищем, при последнем репорте требовал о присылке для всекрайнейших опасностей кремней хотя тысячу и на оное по справке в канцелярии Охоцкого порта, за отсылкою ныне во оную партию достальных за расходом остаточных двух сот кремней, ни единого уже в казне ея императорского величества не имеется и купить здесь не у кого, в чем зависит всекрайнейшая необходимость.

И того ради Ыркуцкую провинциальную канцелярию канцелярия Охоцкого порта покорне просит, соизволено б было за выше предписанными необходимостями и крайними опасностями прислать ради опасности во оную партию и в протчие крепости до трёх тысяч кремней, ибо в том находится крайняя нужда, дабы без присылки оных кремней не малейшей остановки последовать не могло. И о выше предписанном состоянии походной парти от изменнической опасности и о протчем Ыркуцкая провинциальная канцелярия соизволит быть известна, а о присылке вышеозначенное потребное число кремней и по прежде посланному при сей же оказии декабря от 9 числа предложения, из чего за благо изволит рассмотреть сикурсованием ради предосторожности потребное ж число людей, как в том предложении пространно изъяснено, и что к лучшему за благо изволит Ыркуцкая провинциальная канцелярия, при помнени здешней канцелярии определить, об оном канцелярия

Охоцкого порта покорне просит снабдить ея императорского величества указом.

Декабря 17 дня 1753 году.

На подлинном пишут.

Пример маэор *Афанасей Зыбин*.

В должности с приписью канцелярист *Иван Баженов*.

Подканцелярист *Андрей Мигалкин*

(Листы документа скреплены: «С копиями читал канцелярист *Иван Булатов*».)

Сенат, 1-й департ., д. № 750, л. 633—638

47. Секретная выписка из «репортов» походной партии Гижигинской крепости за 1753—1754 гг.

(Настоящая выписка, как видно из сопроводительного доношения, была составлена канцелярией Охотского порта для представления в Иркутскую губернскую канцелярию.)

Ведомость выписанная в канцелярии Охоцкого порта из присланных сего 754 году сентября 30 дня из походной парти Гижигинской крепости от сержанта Николая Сторожева и каптенармуса Якова Байбородина дубликатных репортов, кои во перво посланные из оной парти репорты за учинившеюся изменою верноподданными коряками и за пресечением теми изменниками пути и репорты взяты были ими, так же и сверх оных дубликатов и ординарных настоящих, присланных из той парти репортов какое тамо во время безызвестного об оной парти случая с неприятелем действи происходили и о протчем, о чём явно показано ниже сего, имянно.

1) Октября де 18 числа того 753 году командирован был из оной парти за капрала казак Иван Иконников с товарищем в сороки человеках по оставшие найденые с разбитого минувшаго 753 году судна брегантин «Михаила» две пушки, кои за тягостию и за невозможным путём оставлены были в удобном прикрытном месте. И будучи де в том пути, того октября 21 дня завидели они изменнические следы, и послал оной за капрала Иконников из команды верноподданных коряк десять человек, чтоб как скоро возможно о том следу удостоверитца, а он, Иконников, с достальной командой, пошед и взяв из прикрытого места означенные две пушки, и следовали с ними обратно к крепости.

2) А вышепоказанные посланные ради подсмотру изменнических следов верноподданные коряки, нашед по тому следу двух человек

изменников коряк, поймав коих за усильностию их искололи смертно, и пришед к оному за капрала Иконникову, и объявили, что де имеются не в дальном расстоянии изменнических две юрты, одна Валхаланской губе новопостроенная, а другая впереди верстах четырёх по пути, в которых де жительствоуют изменники коряки.

3) И по тому их знатному объявлению оной за капрала Иконников с командою к тем изменническим юртам следовал и нашёл на их изменническую одну юрту, живущих в той юрте изменников коряк чрез военную руку искоренили; мужеска пола девять человек, женска двенадцать, итого обоего пола мужска и женска 21 человек.

4) И при убивстве тех изменников найдено ими собранных по берегам с разбитого судна брегантина казённых материалов железа, разных боутов и гвоздей весом пять пуд и двадцать фунтов, и оттуда обратно он, Иконников, с командою и с пушками в крепость благополучно и прибыли и об всём обстоятельно к походным делам объявили.

5) И по тому обстоятельству ноября 6 числа того 1753 году командирован был каптенармус Яков Байбородин с пристойным числом командою к Валхаланской губе, где означенные верноподанные коряки вновь построенную изменническую юрту видели.

6) И ноября де 9 числа к той изменнической юрте он, Байбородин, с командою и подошел, токмо де напасть на них озартно вдруг не возмог, понеже и они состояли в крепкой же осторожности и имели караулы, однако же де убоясь их, Байбородина с командою, из той юрты лёхкие изменники побежали на побег и посланными де от оного каптенармуса Байбородина за теми утекшими изменниками в погоны из команды ево лёхких людей, коих де и загнали оных изменников в имеющуюся тамо во близости подле моря в утёсе щель, которых тамо и искоренили смертно трёх человек.

7) А потом он, каптенармус Байбородин, и в означенной юрте имевшихся изменников чрез оружейную пальбу в той юрте показанных изменников искоренили, всего мужеска и женска пола человек с тридцать и более и оную их юрту предали огню до основания, и при том де найдено у тех изменников с разбитого судна железных материалов весом тридцать пять фунтов.

8) И ноября 9 числа по искоренении означенных изменников командировано было от оного Байбородина из команды ево к Наяханской стороне до Таиночику и от Валхаламу в обе стороны ради подсмотру изменников, точию де по тем осмотрам в тех местах нигде изменников не оказалось, и по тому случаю он, Байбородин, со всей командою в крепость ноября 14 числа возвратился благополучно.

И всего де оных изменников искоренено в том 753-м году октября с 24 и ноября по 10-е число по исчислению пятьдесят шесть человек.

9) Чрез де пойманные изменические языки известно было при оной парти, что злоумышленные бунтовщики и изменники, коряки тангуновские и чачебы намерены были в том 753-м году на Гижигинскую крепость прибыть походом и отаковать оную крепость, которых де весьма находилось довольное число в великом собрании чрез Тангуносу рек Иткани, Пареню и Егаче на реке Тыкигилане, где у них прежде имелся на отпрядыше каменной острог. И слышно де было тогда, что за многолюдством со всех рек оных изменников в собрании пеших коряк на тот отпрядыш в помянутой каменной острог не вместилося, и строет де на равном месте особливой острог, и в нём жительство иметь разсуждали оные изменники в той надежде, чтоб сего 754 году зимою оставить жён и детей своих на реке Тыкигилане в каменном своём острожке, а сами лёгостию, сокупясь со всеми оленными чачебами и юкагирями, подотти к Гижигинской крепости и оную отаковать, для того что им весьма на вышеозначенных тех двух реках великое стало быть утеснение, понеже де с обеих сторон, как от Анадырской, так и от здешней партиев уже до самой середины их жилищ русские люди поселились, где прежде оным изменникам уход бывал. Однако ж по их всезлобному намерению оного не последовало, изменников во близости к крепости не подход[ило], и состоит оная крепость и в ней верноподданные народы благополучно.

10) 27 числа мая месяца командирован был из крепости означенной каптенармус Байбородин с командою в тридцати человеках, где изменники коряки им Байбородиним, будучи сего 754 году в апреле месяце в походе, загнаны были в море на отпрядыш, о котором походе и загнани оных изменников против присланного от походной парти репорту сего 754 году сентября от 13 числа под № 517 Ыркуцкой губернской канцеляри[и] доношенном от канцелярии Охоцкого порта предложено. И будучи в том походе июня 6 числа, подсмотрев он, Байбородин, тех изменников в Танояске на... (в оригинале одно слово не разобрано) ...емном в море отпрядыше, домогаясь всякими способами, божескою милостию и щастием ея императорского величества, со обеих сторон было сильное сражение, однако ж оных изменников оружейною рукою всех побили, при которых был знатнейшей и сильной главной у них изменник Елигичин, которого с родниками потому ж побили, всего мужеска и женска пола более 20-ти человек, а с нашей стороны никому вреда не причинили. И по искоренении означенных измен-

ников июня 11 числа со всею командою прибыл благополучно, а Гижигинская крепость и в ней верноподданные народы от неприятельского нападения июня по 5-е число сего 754 году состоят все благополучно и изменников по близости не имеется.

(Восстания пятидесятых годов были наивысшим подъёмом освободительного движения среди коряков. Однако, хотя в дальнейшем движения такого размаха уже не имеют, всё же борьба с русскими не прекращалась. Даже в отчёте 1786 г. капитану Шмалёву (экспедиция Биллингса, д. № 12) предписывается «стараться разведать о всех тамо отшавившихся коряках». Судя по тому, что Шмалёву предписывалось не только привести коряков к прежнему подданству, но и возвратить их в «настоящие жилища», следует сделать вывод, что коряки, не имея возможности бороться с русскими, при их появлении попросту уходили из своих жилищ.)

На подлинном пишет тако.

Пример маэор *Афанасей Зыбин*.

В должности с приписью канцелярист *Иван Баженов*.

Подканцелярист *Андрей Мигалкин*

(Листы документа скреплены: «С копиями читал подканцелярист *Яков Михайлов*».)

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 513—545

Расправа с участниками восстаний

48. Секретное «доношение» Сибирского приказа в Сенат от 8 октября 1752 г.

Минувшего августа 24 дня сего 1752 году в Сибирской приказ в доношени из Ыркуцкой провинциальной канцелярии написано.

Прошлого де 1751 году декабря 2 числа присланы в Ыркуцкую провинциальную канцелярию из канцелярии Охоцкого порта при доношении выписка и экстракт со мнением о изменниках смертноубийцах ясашных коряках Аихчате, Эдчилке, Экиллее, о которых в тех выписке и экстракте показано, что они в 750-м году на реке Сиглане убили до смерти казака Агафона Выходцова, служилого Осипа Брусенина и впредь имели неотменное намерение и согласие, ежели кто к ним из русских в малолюдстве будет, таковых побивать смертно и никогда ясаку не платить, и ежели бы де не обманом были пойманы, то б сами никогда руским живы в руки не дались, за что де им, Аихчате и Эдчилке, по силе прописанных в экстракте государственных прав, по мнению Охоцкой канцелярии,

надлежит на страх другим учинить смертную казнь — повесить, а товарищу ж их Экиллею, хотя он при убийстве казака Выходцова и служилого Брусенина и не был, но токмо де с речёнными смертноубийцами имел намерение, чтоб завсегда впредь русских людей побивать смертно и никогда ясаку не платить и тако де впредь от него по их непостоянству и азиацкому состоянию никакого добра быть нечаятельно, за что и ему, Экиллею, надлежит учинить смертную ж казнь — отсечь голову.

И оные подлинные Охоцкой канцеляри[и] выписка и экстракты со мнением приложены на рассмотрение Сибирскому приказу при том доношении и тем доношением представляет, что Ыркуцкая провинциальная канцелярия о учинении предъявленным изменникам смертноубийцам корякам Аихчату с товарищи трём человеком смертной казни со мнением Охоцкой канцелярии согласна, а более об оном предала в разсуждение Сибирскому приказу и имеет ожидать в резолюцию указу, а в Охоцкую де канцелярию послан из оной канцелярии указ, и велено упомянутых коряк до получения из Сибирского приказа указу по особливо имеющемуся в Ыркуцке Сибирского приказа декабря от 12 числа 1751 году указу ж сослать за безопасным караулом к якуцкой горной работе при письменном известии с таковою предосторожностью, как о ссылке таковых означенных из Сибирского приказа и во исполнение одного посланным из Ыркуцкой провинциальной канцелярии указами повелено.

А по справке в Сибирском приказе по состоявшимся указом повелено. По 1-му: 1744 мая 18 из правительствующаго Сената для лутчаго усмотрения изо всех коллегей и канцелярей губерней и провинцей и команд о таких осуждённых к смертой казни или политической смерти колодниках, за что оные осуждены, ныне прислать в Сенат обстоятельные и перечневые выписки, а до получения на то указов экзекуции тем колодникам не чинить, тако ж и впредь, которые колодники на смертную казнь или политическую смерть осуждены будут, о тех прислать в Сенат о винах их обстоятельные и перечневые выписки, а до получения на то указов экзекуции не чинить же.

По 2-му: 1751 годов сентября 6 чисел из правительствующаго ж Сената содержащихся в Сибирской, Оренбургской и Астраханской губерниях и на Екатеринбургских заводах осуждённых к смертной казни и политической смерти и к вечной ссылке на каторгу колодников, которым ту смертную казнь и политическую смерть и вечную ссылку на каторгу по конфермациям Берг-Колегии из

Сибирского приказу и по приговорам и по конфермациям же губернских канцелярей учинить присуждено, до будущего об них разсмотрения изо всех тех губерней, городов собрав, заковав в твёрдые поясные кандалы, ныне определить и, впредь буде таковые ж явятся, определять в тежчайшие казённые работы и на казённые ж заводы, где оные есть под присмотром надлежащаго и безопасного караула, дабы из них никто не мог учинить утечки, а кормовые им деньги при той работе производить по указом от казённых заводов и с какой суммы на казённые работы производятся, и о том в Берг-Коллегию, в Сибирскую, Оренбургскую и Астраханскую губернские канцелярии указы из Сената посланы, о чём из Сибирского приказу в Сибирскую губернскую и в Ыркуцкую провинциальные канцелярии указами ж подтверждено.

Того ради правительствующему Сенату Сибирской приказ о вышеписанном сим доносит, а с вышепоказанных присланных при доношении из Ыркуцкой провинциальной канцелярии выписки и краткого экстракта и мнения маэора Зыбина по силе вышеобъявленного ея императорского величества правительствующаго Сената 1744 мая 18 дня указу сообщаются при сем точные копии, и при сем же Сибирской приказ объявляет, что оной приказ за вышеобъявленным, состоявшимся 1751 году сентября 6 числа указом, мнения своего представить не может, а представляет о том в главное рассмотрение правительствующему Сенату.

Николай Салтыков. Александр Коротяев. Фёдор Радилов
Октября 8 дня 1752 году.

Сенат, 1-й департ., д. № 567, л. 207—208

VI. МИССИОНЕРСТВО И АКТИВНАЯ РУСИФИКАЦИЯ КРАЯ

И. Козыревский и его «миссионерская деятельность»

49. Прошение монаха Козыревского Анне Иоанновне, март 1730 г.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Анна Иоанновна самодержица всероссийская.

В прошлом 1715 году до монашества моего, нижайшаго богомольца вашего, по многократном прошении бедных и беспомошных людей, которые сначала на Камчатке, так же и на море проводыванием Апонского государства и новых земель и морских островов и всяких народов вкупе со мною нижайшим служили блаженные

и вечно достойныя памяти его величеству Петру Великому Первому, императору и самодержцу всероссийскому, и в той службе пользу и прибыток вновь государственному интересу учинили, в том числе и иные и преж Камчатки в других местах служили ж, которые службы и о посылке моей из Тобольска в посланную партию с якуцким казачьим головою Шестаковым для показания вышеписанных островов и протчего без жалованья дачи, того ради и протчего и других нужд прошения прибыл в Москву и о том и о протчем, как в святейшем Синоде, так и в правительствующем Сенате объявлено.

(Во время приготовлений в Тобольске к экспедиции Шестакова, отправляемой «для открытия новых земель», Козыревский заявил в Сибирской канцелярии о якобы виденных им у устья Лены островах. В 1728 г. на построенном им судне «Эверс» Козыревский отправился вниз по Лене. Но так как на зимовье около Жиган судно было затёрто льдами, Козыревский вернулся обратно в Якутск.)

И оные люди за старостями и болезнями и ранами от службы отставлены. На Камчатке реке поставил я, низжайший, на свободном месте вновь молитвенный дом, часовню во имя пресвятыя богородицы и при той часовне для пребывания оных людей построил и кельи своим коштом и положил в казну вашего императорского величества пожитку своего 31 сорок, 20 соболей, 100 лисиц красных, одну лисицу бурую, 12 бобров камчатских, одного кошлока в такую силу, чтоб пожалован был из казны вашего императорского величества книгами, колоколами, сосудами церковными и протчими церковными требами во оную пустыню и быть церкви во имя Успения пресвятыя богородицы. И оные мои положенные в казну пожитки вывезены с Камчатки в Якуцк и в Якуцку грацкими жителями ценены, и по оценке на три тысячи рублёв без малого числа кроме попков, и оные соболи и лисицы до прибытия моего с Камчатки отосланы из Якуцка в 720 году в Тобольск с якуцким сыном боярским Семёном Харитоновым с товарищи с распискою в губернскую канцелярию, а бобры и кошлок с якуцким же сыном боярским Иваном Шангиным с товарищи с распискою ж в иркуцкую провинцию для отдачи в китайской отпуск. И за оные мои положенные в казну пожитки ничего во оную пустыню не прислано, в чём имеетца в такой дальней стороне и в диком народе самая крайняя нужда, понеже из оных камчадалских народов, смотря на нашу христианскую веру и на рачение в строении божия дому, желают многие воспринять нашу христианскую веру

греческого исповедывания, но токмо и в священниках тамо имеетца нужда, понеже на Камчатке и на Большой реках в трёх острогах и во оной пустыне только один священник, переходя чрез долгое время, исправляет потребности с самую нуждою, и затем многие православные христиане, мирские и монахи, без покаяния помирают.

(Первым духовным лицом, прибывшим на Камчатку, был архимандрит Мартиниан, отправленный туда в 1705 г. Как сообщает Словцов, деятельность его была «неуспешна». Зимой 1717 г. Мартиниан был задушен крещёными туземцами. Затем в течение ряда лет на Камчатку отправляется одиночками ряд священников — Лазарев и другие. С 1717 г. начинается деятельность Козыревского. В 1732 г., после подавления выступления камчадалов, на Камчатку приехал священник Ермолай Иванов, которому удалось окрестить с 1732 г. по 1741 г. уже 878 душ. В 1742 г. было решено отправить на Камчатку духовную миссию, которая и прибыла на полуостров в 1745 г.)

И не токмо на Камчатке, но в других местах на Анадыре и на Колыме и по другим поморским рекам служилые и других чинов люди без покаяния ж умирают, понеже в тамошние края из Якуцка посылаютца священник ради исповеди и крещения младенцов и венчания и погребения умерших и других христианских нужд прошедчи годов пять и больши, и оные места обходит года в два и в три и паки возвращаетца в Якуцк.

Того ради по принятии монашества из оной пустыни пошёл я, низайший, ради вышписанных церковных и других нужд прощения и, будучи в Якуцку, получил из казны вашего императорского величества во оную пустыню в церковь святыя церковные иконы, которые вместо милостыни пожалованы против прощения вышепомянутых отставных служилых людей и писаны на полотнах, также и малое число книг общей службы. А по присланным из святейшаго правительствующаго Синода указом 725 году в Тобольск в архирейской приказ, также и в губернскую канцелярию, велено во оной пустыне быть двум церквам, но токмо оную пустыню учинить приходскою церковью, а не монастырём и определить священника с причетники, а строителю монаху, мне низайшему богомольцу вашему, быть в монастыре, в котором пристойно. И против оных указов нигде в монастырь не пожалован и скитаюсь, яко иностранный меж двор и питаюсь христовым именем, и поныне оная пустыня приходскою церковью не учинена, понеже стоит на пустом месте и никаких приходских дворов не иметца, но токмо в оной

пустыне монахи и вкладчики и которые за старостями и болезными и ранами отставлены от службы имеются и питаются своими трудами.

А в 729-м году из Тобольской губернской канцелярии объявлено в Тобольскую ж в архиерейской приказ промеморию и требовано по силе присланного из святейшаго Синода вышеписанного указа, чтоб быть на Камчатке церкви во имя Успения пресвятыя богородицы во оной пустыне ради показанных престарелых и больных и раненых людей, отставных от службы и священнику и причетником и церковное определено годовое жалование и о церковном строении и о протчем по преждепосланному указу исполнять и о неисполнении против указа и о продерзости Якуцкого Спаского монастыря на архимандрита Феофана, также и о посылке со мною, низайшим, священника с подвижным антиминсом и с протчими церковными требами в выше показанную посланную партию ко оному Шестакову. И оному священнику тако ж определено и жалование, и о том явно в правительствующем Сенате в присланном экстракте из Тобольска 729 году, и против оной промемории из оного архиерейского приказа, также и моих трёх доношений за всеконечную мою скудость и нищетою никакой резолюции не мог получить в Тобольску.

Всемиловитивейшая государыня императрица, прошу вашего императорского величества, да повелит ваше державство об отпуске моём на Камчатку во оную пустыню или в Якуцк на Лене реке в Покровской монастырь и о совершении камчадальской пустыне новозаведённой и о награждении за оные мои положенные пожитки во оную пустыню церковных треб, книг и колоколов и протчего и о строении тамо церкви в начале — престола во имя Успения пресвятыя богородицы, второго престола во имя Симеона богоприимца и Анны пророчицы и о посылке со мною священника из Ыркуцкой провинции к оной церкви на Камчатку и диякона с причетники, пожаловать повелено было в такой отдалённой стороне быть проповеди апостольской, не токмо на Камчатке, но и в других местах ради прославления имени божия и вечнаго богомолия за ваше императорское величество и за всю вашу императорского величества фамилию, также и для крещения тамошних камчадальских народов во умножение христианския веры, которые пожелают, свой милостивый указ учинить.

Вашего императорского величества низайший богомолец выше помянутой камчадальской пустыни строитель монах *Игнатий Козыревский*.

1730 году марта ___ дня сие доношение к поданию в святейший Синод писал я, строитель монах *Игнатий Козыревский* и руку приложил

Слушано апреля 8 дня 1730 года.

Синод, канцелярия, д. № 81. 1730 г., л. 2—3

50. «Ведение» из Сената в Синод от 22 декабря 1730 г.

В прошении в Сенат синодальной области камчадальской Успенской пустыни строителя иеромонаха Игнатия Козыревского написано. Дед де ево Фёдор Козыревский был из шляхетства, родом поляк, и во время войны с поляки под Смоленским взят в Россию в плен и пожалован по городу Якуцку в дети боярские, и в 700-м году по указу блаженный и вечнодостоинья памяти его императорского величества Петра Великого посланы из Якуцка дети боярские и протчие служивые и других чинов люди в Камчадальскую и другие земли для умирения и призыву в подданство Российской империи и в ясашной платёж немирных народов, а в том числе и он, Козыревский, до монашества с отцом своим и с родственниками посланы ж. И в той камчадальской службе отец ево убит, а он де, Козыревский, в тех краях, не получая жалаванья, служил и со служилыми в равенстве был и завоевал многия народы и привёл их в подданство, с которых ясак в казну и поныне собирается. А в 702-м де и в 703-м годах для оберегательства построил он две крепости, да в 711-м году на Большой реке построил же крепость, к которой и имеется ныне морским судам пристань, а в 713-м году был де он на окиане море и на морских островах для проведывания Апонского государства и для ходу делал своим коштом многия воинския суды и на тех де островах самовластные народы завоевал и привёл под платёж же ясачной. Да в 728 и 729-м годах он же де, Козыревский, строил судно «Эверс» своим же коштом, которое взял в казну якуцкой казачей голова Афанасей Шестаков и приплавил на нём в Якуцк несколько провианта. А денег де ему как за вышеписанные суды, так и за оное не выдано. И положил де в казну пожитка своего мяжкой рухляди на многое число. Также де камчадальской прикащик Петриловский вымучил у него пожитков на несколько тысяч, от чего де пришёл он в разорение и скудость.

А по справке в Сенате за вышепоказанные многия оного Козыревского службы и за проведывание многих земель, всяких народов и Апонского государства по определению Тобольской губернской

канцелярии, выдано ему в награждение только десять рублёв и велено ему жить в Якуцку в Спаском монастыре свободно и утеснения ему за ево службу не чинить, но показывать всякое благодеяние. И против оного определения того Спаского монастыря архимандрит Феофан не токмо ему, Козыревскому, что благодеяние показал, но и бил его безвинно, которой ево бой в Якуцке свидетельствован.

И по указу ея императорского величества правительствующий Сенат приказали:

Первое. Оному иеромонаху за ево службу, как он был на Камчатке бельцом с отцом своим и после отца своего один, также и в награждение вместо принятой от него в казну мяхкой рухляди, выдать ему ныне из Сибирской канцелярии пятьсот рублёв, из которых денег ему и строение Успенской оной пустыни исправлять по возможности, а что он просил за отобранные у него ж на несколько тысячи приказчиком Петриловским пожитки ево, ему отказать, понеже оные пожитки, также и прежняя ево мяхкая рухлядь взята в казну и употреблена в расход, а он, Козыревский, ныне в монашестве, и многова имения монаху содержать не надлежит. А что он же, Козыревский, показал о строении некоторых казённых судов на свои деньги и о выдаче за те суды денег учинить по определению сибирского губернатора.

Второе. На Камчатке в Нижнем Камчадальском остроге в Успенскую церковь, которой велено быть в помянутой пустыне, и в предел священникам дву, дьякону и причетнику ругу по определению сибирского губернатора, также на вино церковное, на свечи и на ладан против других таких же в Сибири ружных церквей давать из Якуцких доходов, а в протчие остроги в Верхней Камчадальской, в Большерецкой, в Анадырской, в каждой по одному священнику и с ними пристойное число причетников определить и о строении в тех острогах церквей рассмотрение учинить в святейшем Синоде, а ругу в те новые церкви давать против вышеписанного и написать ту дачу в штат.

Третье. В те ж новыя церкви сосуды, утварь церковную отправить, ежели есть под ведомством святейшаго Синода свободный, а буде нет, то купить сибирскому губернатору, а книги новыя отпустить с печатного двора безденежно.

Четвёртое. Понеже тамошней народ, как известно чинитца, никакого закона и веры не имеет, того ради каким образом оных к приятию христианского кафолическаго закона и к крещению приводить, о том определение учинить в святейшем же Синоде, а для придания к тому охоты тем иноверцам, кои крестьяца, в платеже

ясаку давать льготы на десять лет, а которые из них новокрещёных в службе быть пожелают, таких определять обще с казаками и давать им равное жалованье с казаками, дабы чрез такие случаи могли тамошние отдалённые остроги людьми наполнены и содержаны быть без трудных посылок служилых людей, кои ежегодно из Якуцка чинятца.

Пятое. Японца Адсея, о котором вышепомянутой монах Козыревской показал, что в Якуцке принял крещение и положен в подушной оклад, буде подлинно оной японец, то его с подушного окладу выключить и написать в службу по Якуцку, и святейший правительствующий Синод да благоволит о том ведать и учинить по ея императорского величества указу, а к сибирскому губернатору и в Сибирскую канцелярию указы из Сената посланы.

(Какого японца имеет в виду Козыревский, установить не удалось. В июле 1729 г. к берегу Камчатки вновь было занесено японское судно, на котором было 17 человек, 15 из них были убиты русскими и камчадалами по приказу казачьего пятидесятника Штинникова и лишь двое остались живы. Однако в Якутск они были привезены лишь в 1731 г., то есть в то время, когда Козыревского уже там не было.)

Декабря 22 дня 1730 году.

Обер-секретарь *Матвей Козмин.*

Канцелярист *Степан Маслов*

Слушано февраля 8 дня 1731 года.

Синод, канцелярия, д. № 81. 1730 г., л. 14—15

51. «Доношение» митрополита тобольского Антония
в Синод от 1 октября 1731 г.

В указе ея императорского величества, каков от святейшаго правительствующаго Синода сего 1731 года июля 17 отправлен, а в Тобольску сентября 1 числа получен, ко мне нижеимянованному написано. По ея де императорского величества указу и по определению святейшаго правительствующаго Синода, велено о пришедшем в прошлом 1730 году в Москву из Камчадальской земли монахе Игнатии Козыревском в доме моём справится, не имеется ль до него, Козыревского, каких подозрительных дел и по тем не учинено ль ему когда какого публично на теле наказания, и в Москву он отпущен ли, и буде отпущен, откуда и зачем, и пашпорта он для проезда в Москву от мене требовал ли, и ему тот пашпорт дан ли, и в котором году месяце и числе, и какова тот Козыревской

состояния человек, и где и в котором году пострижен, и кем и по какому указу, и учиня б оную справку прислать в святейший правительствующий Синод при доношении немедленно. И на означенной ея императорского величества указ благопочтенне ответствую.

На вопрос 1. В прошлом 1724-м году по учинённым в Москве в бывшем Преображенском приказе привезённому в тот приказ из Якутска Троицкой церкви попу Семёну Климовскому в важных делах роспросах он, поп Климовский (как о том из того приказу марта 11 дня оногo 1724 году в московскую синодального правления канцелярию доношением, а из той канцелярии того ж году от апреля 2 дня отправленным ко мне его блаженныя и вечно достойныя памяти императорского величества указом объявлено), во втором роспросе показал, знает де он неисправные церковные дела города Якутска Спаского монастыря за архимандритом Феофаном и за заказчиком того ж монастыря монахом Игнатием Козыревским и о том де донесёт он святейшему правительствующему Синоду. А в третьем роспросе во оном же приказе на означенного Козыревского между других дел показании объявил: как де он, Козыревский, был в казаческой службе и послан был из Якутска на Камчатские остроги и в тех де острогах якутския казаки, в том де числе и оной Козыревской, побили до смерти трёх человек прикащиков, которые де посланы были из Якутска для сбора ясаков, а имянно: Осипа Миронова, Петра Чирикова, Володимера Отласова.

И по оному присланному ко мне его императорского величества указу велено, как о вышепомянутом архимандрите, что он, Климовской, на него во означенной московской синодального правления канцелярии, так и в Преображенском приказе на оногo Козыревского роспросами неисправных дел показал, исследовать, о чём в прошлом 725 году по посланному от мене Киренского Троицкого монастыря к строителю иеромонаху Иову указу им, Иовом и следовано.

А при следственном деле прислал он, Иов, сообщённые к тому его следствию из Якуцкой воеводской канцелярии, с присланных в тое канцелярию в прошлом 1711 году с Камчатки от тамо бывших на службе казаков Данила Анцыферова и помянутого Козыревского с товарищи повинных дву челобитен, да с третие тамошних же казаков, которые ко оному бунту не пристали, челобитной ж копии, в которых повинных челобитных оные Анцыферов и Козыревской с товарищи сами на себя показали, что они помянутых для ясачного сбора на Камчатку из Якутска посланных прикащиков, голову казачья и дворянина Володимера Отласова, сына боярского Петра Чирикова, пятидесятника казачья Осипа Липина по-

били до смерти, принося во извинение себе некакие выправки, якобы те прикащики чинили им великия раззорении. А в челобитной прочих казаков, которые в думе с оными Анцыферовым и Козыревским не пошли и к бунту их не пристали, доказывается, что оне тех прикащиков убили нарядным делом и пожитки их все побрали и по себе разделили, а назывались де Анцыферов атаманом, а Козыревской ясаулом. А тех убитых прикащиков оные, к бунту не приставшие, не токмо никаким неисправлением и раззорением их не порекли, но и одобрили, что он в сборе в казну императорского величества ясаку и во всём деле своём были исправны и радетельны.

Да оне ж де, бунтовщики, и у них служилых, которые к бунту их не пристали, наготовленные себе в путь для отвезения собранной императорского величества ясачной казны в Якутск кормовые припасы все пограбили, а судовые припасы, парусы и снасти драли и резали. И таким де своим бунтовством оную ясачную казну на Камчатке остановили. И со оных их челобитен да с челобитных же, каковы на оного ж Козыревского от якутского сына боярского, а помянутого дворянина Володимера Отласова сына ево Ивана, в Якутской воеводской канцелярии, да от монаха Нила Юрганова мне поданы, при сем приобщаются копии ж. А по оному убийственному делу помянутой Козыревской (как он сам при вышеозначенном киренского строителя иероманаха Иова следствии своеручном в допросе подписанием объявил) наказан был, а публично ль и каким наказанием, о том имянно не означено, а смертью ево, Козыревского, с товарищи, по отправленному в прошлом 712 году от бывшего сибирского губернатора князя Гагарина в Якутск к воеводе Елчину указу, казнить не велено, а велено им за то заслуживать тамо своею службою, в како и какую имянно службою, о том в означенном указе (с коего при сем приобщена копия ж) имянно не означено.

На вопрос 2. В Москву оной Козыревской от мене никогда отпущен не бывал и пашпорту себе в Москву от мене не требовал и не дано, а дан ему был пашпорт в 729 году из Тобольской губернской канцелярии ехать в Якутск и быть тамо ему в партии бывшего якутского казачья головы Афонасия Пятакова, понеже де (как о том из одной губернской канцелярии показано к нам ныне промеморию) определён был он, Козыревской, быть в команде оного Шестакова для показывания новых земель и морских островов и народов.

На вопрос 3. Какова он, Козыревской, состояния человек, отчасти о том выше показано, да при сем же из присланных ко мне от

помянутого Якутского архимандрита Феофана отписок доношу. Объявляет оной архимандрит.

Первое. Как де он, архимандрит, в 723 году отбыл из Якутска в Тобольск, оставил его Козыревского в Спаском якутском монастыре для управления заказных дел и в пути де получил он, архимандрит, от мене из Тобольска в 724 году указы и таинственные печатные для раздачи священникам присяги, которые де велено священникам содержать при себе в тайности, с каковым де повелением те присяги и отослал он в Якутск к нему, Козыревскому, а он де, незнаемо чего ради, с тех присяг якутскому воеводской канцелярии подъячему Лариону Судницину давал списывать копии, в чём де он и винулся.

Второе. Сборных де вечных пошлинных денег сбору своего изворовал он, Козыревский, пять рублёв двадцать два алтына две деньги, которые де он, архимандрит, и заплатил своими келейными деньгами.

Третье. Во означенном же де 724 году он же, Козыревский, изворовал из монастырской казны: якутского Спаского монастыря рублёв на сто и больше (да якутского Покровского монастыря рублев на триста, чему приобщён и реестр с показанием каждой вещи порознь).

Четвёртое. В бытность де свою оной архимандрит в Якутску до поезду своего в Тобольск послал в камчадальские остроги ко иеромонаху Иосифу указ о бытии ему в тамошних острогах у духовных дел и у сбору вечных пошлин заказщиком, и по отбытии де его, архимандрита, из Якутска в Тобольск, он Козыревской в 723 году послал в камчадальские остроги якутского служилого человека Козьму Вежливцова и велел ему, Козьме в тех острогах быть заказщиком духовных дел и ведать иеромонахов и причётников судом и росправою, а старост церковных и часовенных велел ему, Вежливцову, по книгам счесть и, что начтено будет, с них доправить.

И хотя по означенным показаниям он, Козыревский, своеручно написанным ответствием своим приносил некакие и выправки, обаче без совершенного наследования, верить ему в том невозможно, а совершенно изследовать недопустил нижеявленный случай; понеже он, Козыревской, указом ея императорского величества от Тобольской губернской канцелярии обязан в партии быть при вышепоказанном Шестакове показания ради новых земель и морских островов и народов. А откуда тот Козыревской, и како и когда в Якутску в службе быть определился, и каково прежде до якутской службы бывал состояния, и в котором году и где и кем и по

каким указом пострижен он в монахи, о том дому моего у канцелярских дел известия не имеется, и спрашивать его о том никогда не случалось, а в ведомостях из Якутского монастыря, в 723 году ко мне присланных, имени ево, Козыревского, между тамошними монахи не обретается. А от других слышно о нём, что он, Козыревской, с отцом своим Петром в прошлых давних годах с Москвы сослан в Якутск в ссылку, и якобы чернил и бумаги им давать не велено, и о всем вышепоказанном святейшему правительствующему Синоду благопочтенне донесше пребываю.

(Помещая материалы, касающиеся биографии Игнатия Козыревского, мы имели в виду не только показать его деятельность в качестве «строителя» камчадальской пустыни, но в первую очередь дать материал для биографии одного из выдающихся рыцарей «первоначального накопления». Дальнейшая судьба Козыревского неизвестна. В 1732 г. юстиц-коллегия определила предать его казни и одновременно постановила передать дело в Сенат, и на этом сведения о Козыревском обрываются.)

Святейшества вашего всегдашней богомолец и слуга...

(в оригинале одно слово не разобрано)

недостойный митрополит Тобольский *Антоний*

1731 октоврия 1.

Синод, канцелярия, д. № 81 1730 г., л. 207—209

Деятельность Камчатской духовной миссии

52. «Доношение» камчатского архимандрита Хотунцевского в Синод от 18 февраля 1745 г.

Прешедшаго 1744 года маиа 15 дня святейшему правительствующему Синоду доносил я низжайший, как ея императорскаго величества указом и инструкциею мне повелено и как послушническая моя к святейшеству вашему должность есть, об отправлении моём из Якуцка обстоятельно. Что же каковой конец оное моё отправление уллучило, и как мы в Охоцк стали, и что здесь нами учинено, о том всепокорнейше ниже предложенными пунктами, тако ж де с достодолжным почтением доношу.

(Духовная миссия на Камчатку была послана в 1743 г. Усиление христианизации, которое замечается на Камчатке в этот период, означало, прежде всего, поражение туземцев, в частности камчадалов в их освободительной борьбе. Это обстоятельство отмечает в цитированной выше (см. вводную статью) диссертации студент

Петербургской духовной академии Дегтярёв. «Пока они, так или иначе, отстаивали свою национальную самостоятельность, — пишет он о туземцах, — они были упорными врагами христианства и принимали его только в исключительных случаях. По мере же того, как их национальное самосознание подавлялось и у них являлось стремление обрусеть, они начинали относиться к перемене религии индифферентно».)

Онаго ж маиа 16 дня из Якуцка в путь до Охоцка с малым числом священно и церковнослужителей, студентов и солдат отправился я на легкой на одиннадцати токмо подводках, а в Охоцк июня 30 дня во всяком добром порядке благополучно стал, где, понеже прежде моего сюда приезда бывшая д[е]ревянная церковь в феврале месяце того ж 1744 года сгорела. Новую церковь июля 10 дня обложил, которая тщанием охоцкого командира господина пример маэора Афанасья Зыбина в совершенство незадолгое время пришла, ибо октября 22 дня (понеже освящённый антиминс и святые иконы и церковная утварь от огня сохранены были) по обычному чиноположению мною со священнослужителем освящена во имя Преображения господня, как и прежде была. К сему требовано мною от канцелярии Охоцкого порта, дабы соблаговолено было малых отроков российских, собрав всех, ко мне для научения российской грамоте и протчаго прислать, и хотя со удивительными отговорками и тройственными переписками, однако ж прислано их двадцать человек, к которым для обучения определил я единого из студентов философии, и ныне оный и малое число тунгусов обучаются.

Между сим, по малом отдохновении от путного труда, того ж июля 18 дня имел я свой отъезд на имеющихся при здешнем остроге осьми лошадях для проповеди слова божия вёрст со двести и был в том проезде до сентября месяца, и еликих пеших и оленных тунгусов в здешней пустоте обрести мог, оных по научению, елико им, яко диким людям, вместительно, во имя святых троицы окрестил, ибо по первом и втором увещании все с радостью слово божие приняли и крещения потребовали, всего сто пятьдесят один человек обоего пола и различных возрастов (о которых к его преосвященству в Сибирскую губернию и в Ыркуцкую провинцию имянные ведомости посланы), с «которыми и якуты для поселения из Якуцка сюда переведены, и две семьи того ж де дара божия востребовали и так верно христианство возлюбили, что не токмо я и протчия от меня к ним для наставления посылаемый священно и церковнослужители, но и пребывающий с ними российского на-

рода пашенные обыватели и служилые люди скорому их от тьмы во свет пременению и доброму христианских обычаев исканию удивляются. А помышляется мне, аще все якуты (которых в Якуцком ведомстве не меньше сорока тысяч ясак платящих находится) таковой же простоты и благосклонности суть, бесполезно, аще бы святейший правительствующий Синод и об оных, яко и о камчадалах, пастырское и отческое попечение приложить соблаговолил, ибо и житие их не скитающееся, и ездить к ним свободно на конях верхи, или водою ходить в судне.

Что же здесь в камчатской земле людей весьма малое число, ибо по требованию моему для достоюжного вашему святейшему доношения Охоцкого порта канцелярия объявила, что по справке во оной ясадного сбора с книгами надлежит быть ясадных людей крещённых и некрещённых, а имянно в Охоцке шесть сот двадцать четыре, в Тауйском и Ямском острогах триста сорок восемь, в Уцком восемьдесят четыре, в Акланском сто пятьдесят два, в камчатских в Большерецком четыреста тридцать три, в Верхнем девятьсот семьдесят девять, в Нижнем тысяча сто восемьдесят два, на Курильских островах девяносто три, итого в показанных во всех острогах и на Курильских островах три тысячи восемь сот девяносто пять человек. Сколько ж из оных прежде окрещено, тому явствует присланная ко мне от канцелярии Охоцкого порта ведомость, а имянно: в Охоцке семьдесят три, а по нынешнему благополучному случаю (каков мы в проповеди слова божия имеем) разве малое число неокрещённых останется, да и те в предбудущую зиму за помощию божиею от здешняго священника могут окрещены быть, в Тауйском два человека, в Ямском два человека и во оных острогах от имеющейся быть от посланнаго от мене во Анадырский острог иеромонаха проповеди в нынешней зиме (уповаю с помощию божиею) не без крещённых обряцется, ибо некоторые из тамошних иноземцов, и в Охоцк за своими нуждами приходят, по проповеди от мене благоохотно крестились; в Уцком пять человек, в камчатских острогах в Большерецку и в присутствующих ко оному острожках и реках двести семьдесят шесть человек в Верхнем Камчатском остроге и в прилежащих к оному острожках и реках пятьсот двадцать три человека, в Нижнем Камчатском остроге и в прилежащих ко оному острожках и реках сто девять человек, в Курильских островах восемьдесят семь человек.

А понеже оная ведомость о камчатских острогах на прешедшие годы до минувшаго 1743 года токмо сочинена, для чего я примечаю, что может быть и ещё на Камчатке их новокрещённых прибавилось,

ибо аще прежде 743 года, когда священников скудость была, охотно на Камчатке иноземцы ко святому крещению приходили, то кольми паче от онаго (когда его преосвященство Иннокентий, епископ Иркутский и Нерчинский, два острога и порт святых апостол Петра и Павла, кроме Верхняго, тремя священниками исполнил) до сего 745 года могли охотнее приходить, и потому мнится мне, что не весьма велика в нас на Камчатке нужда зависит, разве что новокрещённых в вере утвердить и оставшихся ещё некрещённых окрестить, и для того более дву годов с прибытия в камчатския остроги да не повелит святейший правительствующий Синод, всепокорнейше прошу, нам во оной земле жить, аще же что за неспособностию путей и за скудостью нужных к проповеди подвод в совершенство привести во оное дволетное время и не возможем, по такой нужде могут оное имеющиеся быть тамо полное число священников довершить, или аще нужда позовёт и святейшей правительствующий Синод соблаговолит одного токмо из нас там для исполнения оставить, а нас куда соблаговолит во иное послушание употребить.

К сему и о сем святейшему правительствующему Синоду (архипастырей моих упоая на милость) донести дерзновение возымел, каково между всеми острогами разстояние лежит и каковы к ним пути, ибо от канцелярии Охоцкаго порта с промемории известно мне, что от Охоцка до Тауйска триста девяносто девять, от Тауйска до Ямского острогу триста семьдесят девять, от Ямска до Акланска семьсот вёрст, а от Акланска до Анадырска шестьсот вёрст и то по мнению, а дороги собачьи, ибо оными токмо здесь в дороге действуют, а пути безпутные и безлюдные, от острога до острога где переночевать и юрты пустой найти невозможно, по целому снегу, также и через высокие горы прежде лыжами отоптовают и по тому отплатанию нартами подвигаются, а ездят куда глаза повелят, понеже дороги подлинной не имеется. Что же о разстоянии сих острогов от Охоцка до Анадырска я, нижайший послушник, вашему святейшеству донёс, тожде и по Камчатке о лежащих острогах до того ж Анадырска мнится мне донести можно; а до Уцкога острога от Охоцка чрез Якуцк дорога лежит с две тысячи вёрст.

Что же в данном мне от святейшества вашего ея императорского величества указе в 7-м пункте написано, с приобцённой де из Сибирского приказа при доношении о восприявших во Охоцку и в Камчатской земле из ясашных иноверцов святое крещение ведомости посылается к тебе для ведома копия, по которой де тебе, архимандриту, по прибытии в Охоцк востребовав оным новокре-

щённым, коих они улусов и какой нации и как им иноверческия имена с прозвании, и кому какое по святом крещении имя дано, от охоцкаго командира обстоятельной ведомости и получая оную, всех тех новокрещённых налично пересмотря и переписав, что кому от роду лет, и в содержании православный веры, объясни им оную довольными от священного писания показания, утвердить, как долг звания де вашего требует, по которому ея императорского величества указу подлинное известие от Охоцкой канцелярии я получил, в котором показано, что оные новокрещённые живут в вышеобъявленных острогах и по вышеобъявленному числу.

И хотя бы я не обленился всех их в жилищах посетить и что мне повелено о учении исполнить, однако ж за скупостию здешних господ командиров, ибо они не токмо на такия дальняя пути, но и на малое число вёрст и для самага нужнейшаго дела подвод давать мне не соблаговоляют, понеже прешедшаго генваря 31 дня сего года требовал я от Охоцкой канцелярии трёх токмо подвод для поездки на проповедь на Урак к якутам и ко оленным тунгусам, которые всегдашней обычай имеют к Охоцкому острогу для ясашнаго платежа приезжать и верстах в пяти и в десяти около острога генваря с первых чисел марта до последних кочевать, а она, канцелярия, во-первых, слабыми своими резонами, а потом и угрозами намерение имела мене от такой проповеди отвесьть. Однако ж уповая на бога и смотря на проповедническую правду и на то не взирая, по нехотению оной канцелярии, на данных мне от нея подводах поехал и, слава господу богу, что труд мой суетен не явился, а их резоны, конечно, не основательнейшии явились, ибо оныи тунгусы (а о оленях напрасно буду я и упоминать) не токмо от меня не побежали, но и как реки во океан благодати божия отвсюду стекались, и со всяким благим усердием слово божие прияли, и святаго крещения востребовали триста шестьдесят пять человек и имена себе христианския восприяли, и обучаются ныне христианского знания. А которые прежде мене в прошлых годах крещённые, оных я по данному мне от Охоцкой канцелярии известию пересмотрел и, как от святейшества вашего инструкциею повелено, всё исправил, токмо кому сколько от роду лет, того в здешней стороне иноземцы не знают.

Что же каковы мои о сем малом деле требования были и каковы ответы от оной Охоцкой канцелярии я получил, со оных точные копии (ибо подлинныя послать опасение имею, чтоб за такую дальностию по какому случаю не утратились) при сем моём покорнейшем доношении для подлиннейшаго известия приобщаю,

всеуниженно прося: дабы святейшество ваше соблаговолили пастырским милостивым оком на наши нужды и обстояния призреть и от таких излишних переписок и затруднения нас свободить, ибо мне в приказных порядках неискусному и в таких переписках необыклову весьма не без скуки, и в духовном упражнении не без помешательства, а канцелярия Охоцкого порта всегда нам сим (хотя мы излишняго никогда ничего не затеваем, но требуем всякой вещи в силу указа) стужает и малого дела отправлять без излишних переписок не соблаговоляет. Велико ль то дело, церковную утварь, иеродиаконном Гавриилом привезённую и под охранение охоцкому служилому под расписку отданную, по которой расписке (ибо он Гавриил по указу преосвященнаго нам отдал), оную я требовал мне отдать, и того без трёх переписок не мог я получить, аще и явственно указом ея императорского величества от святейшества вашего велено мне отыскивать оную. Велико ль то дело бедным при мне имеющимся солдатам, меньше копейки на день жалования имущим, по данному им аттестату и по требованию моему заслуженной провиант выдать, и того она по милости своей по первой промемории выдать не соблаговолила, представляя резоны, будто бы в охоцких магазейнах провианта не было.

Милостивый ея императорского величества указ от святейшества вашего получил я декабря 18 дня 1744 года, которым велено мне со всею свитою всего на одиннадцать человек ко определённому нам денежному жалованию для удовольствия нас из Иркутца или из Якуцка отпускать провианта муки ржаной по три четверти и круп по препорции. Таковою высокою ея императорского величества милостию мы, в таком бесхлебии будучи, попремногу возрадовалися и уповали, что Охоцкая канцелярия от своих избытков нам на один год провианта (понеже из Иркутца или Якуцка аще и в самой скорости наступающею весною оный отпустится, токмо не прежде как 746 года во окончании на Камчатку к нам дойдёт), муки ржаной по три четверти и круп по препорции заимобразно отпустит, и в такой надежде оную своим требованием утрудить дерзнули, и хотя мы, конечно, без хлеба страждем, однако ж она, на то не смотря, ответ нам политичный дала, объявляя, что в охоцких магазейнах имеется ныне провианта муки ржаной весьма малое число, которым де провиантом до приплыву сего 1745 года летом с Урацкого плодбища провианта обретающихся ныне при Охоцке команды Охоцкого порта служителей едва крайнею нуждою пропитать будет. Однако ж де, когда, за помощью божию, провиант с Урацкого плодбища приплывится сюда во благополу-

чи, при отправлении де вас в Камчатку по тогдашним случаям и к надежде полученным известиям может де быть коликое число провианта по тогдашнему ж усмотрению заимообразно отпущено к вам быть имеет, токмо де и в том канцелярия Охоцкаго порта ныне твёрдо обнадёжить вас не может, и о том де вы благоволите быть известны.

Оставшаяся моя при Якуцке свита отправление имела июня 13 дня также благополучно, токмо Якуцкая воевоцкая канцелярия весьма немалы[й] труд ей придала своим слабым отправлением, ибо хотя по промемории моей, которою я требовал судна добраго и работных людей до тридцати человек, обнадёжила мене, токмо того учинить не восхотела, а дать соблаговолила судно утлое и работных людей ссылочных токмо двадцать человек, да над ними для смотрения солдата да служилого и из оных много без провианта; тако ж и снасти гнилыя. Того ради не более трёхсот вёрст отшед, бечевная у них порвалась, и судно бросило в замёт, с котораго, позади шедши неделю спустя, камчатский командир господин капитан Лебедев, который мене своею промемориею по требованию моему в Якуцке обнадёжил, оной моей свиты обещааясь при нуждах в пути не оставлять, едва стащил, а стаща, пошёл прямо и более никакой помощи не восхотел подать, что видя, моей оной свиты старейший иеромонах Пахомий далее иттить судном не посмел, но требовал от Якуцкой воевоцкой канцелярии обещанных послатися для перевозки от Креста до Охоцка церковных утварей и протчаго подвод, дабы не от Креста, но от Бельской переправы (которая на самой дороге), до Охоцка соблаговолено было подводами иттить. Однако ж того она не соблаговолила в скорости учинить, но обычными своими отговорками к тому привела, что ни сухим путём, ни водою лъзя было поступать, ибо августа в 21-м числе, когда великия слякоти и дожди сверху падают, а под ногами пропасти грязей бывают, изволила лошадей прислать, на которых хотя они и поднялись, но вёрст с двесте отшед снегом великим павшим воспятились и на реке Анче озимовали от Охоцка за четыреста вёрст на таком пустом месте, что со обоих сторон пути по двести вёрст и един человек не живёт. Того ради я, уведомляясь о таком их горестном изнурении, от Охоцкой канцелярии требовал нарт с тунгусами, которых и послано было пятьдесят един человек с нартами на собаках, а дано им за прогон всякому по рублю. И слава господу богу, что хотя с таким несказанным трудом, какова я подлинно святейшеству вашему донести и обстоятельно описать не могу, однако ж все в добром здравии пешие

(для того что им приседать на нарты было возбранено, дабы на приседания их тунгусы, по промемории Охоцкой канцелярии, оный дикий народ не разгневались и не разбежались, оставя их) по великому здешнему голому снегу бродя, пришли (ибо здесь дороги нет санной) и церковные утвари в целости сохранно приволокли прешедшаго декабря 25 дня 1744 года.

Святейшества вашего низжайший послушник камчатский архимандрит *Иоасаф Хотунцевский* о всём вышеписанном со всякою покорностию рабски доношу Февраля 18 дня 1745 года.

Синод, канцелярия, д. № 84, т. I, 1746 г., л. 572—577

53. «Доношение» камчатского архимандрита Хотунцевского в Синод от 29 марта 1749 г.

Ея императорскаго величества указ о строении вновь на Камчатке трёх церквей и о прочем, из святейшаго правительствующаго Синода декабря от 16-го 1747 года под № 1725 посланный, получил я, низжайший, исправно, прешедшаго 748 года ноября 30 дня, по которому показанныя церкви быть в строении уже зачинаются и, мною по божию благословиению, не в долгом времени созиждутся, ибо новокрещённые камчадалы о вырубке угоднаго леса охотное старание имеют, а о даче плотников к каждой церкви по пяти человек из служилых здешний господин командир Якутского полку капитан Максим Лебедев особенно, яко добрый божьих церквей рачитель, тщится. И Большерецкая канцелярия всё принадлежащее к строению на требование моё своею промемориею исполнити обязалася. О иконостасах и протчей церковной утвари, дабы она сооружением не продолжилася, в Иркутскую провинциальную канцелярию промемория ныне ж отпущена, антимины и книги от московской синодальной конторы благонадёжно ожидаются. Что же касается до священно и церковнослужителей, вещь является сумнительна, могут ли они из Иркутской епархии прислатся в скорости, дабы построенныя церкви не пустовали, и новокрещённые камчадалы не были без настоящей духовной пользы, недоумеваюся.

Мнение же сие во мне рождается от того, понеже Камчатская земля очень в далёком положении от Иркутка обретается, и невозможно меньше как в два, случаем же в три и в четыре года оттуда резолюцию получать, что же бы тамошнему архиерею самоперсонально здешния страны отдалённые когда посетити и очевидно подлинная в них нужды осмотрети и настоящее устройство церк-

вам подати, то зело видится неудобно, ово за превеликою дальностию, ово за несказанно трудным путём.

В чём же наивящее неудобство к нашему делу усматривается? Иркутская епархия священно и церковнослужителями пред прочими епархиями попремногу скудна, как и его преосвященство покойный Иннокентий, епископ иркутский и нерчинский, святейшему правительствующему Синоду свидетельствовал, представляя в своём доношении, что у него и к готовым церквам посвятить некого.

А здесь покорнейше доношу, и кроме ныне вновь устроаемых трёх церквей ещё имеются празды священнические места, имянно же: в Анадырском и Верхнем и Нижнем Камчатских острогах, ибо посланный от мене в Анадырск для священнослужения иеромонах Флавиан с причетники изменниками убит, как и святейшему правительствующему Синоду давно известно, а определённый мною в Верхнем священник Симеон Василиев, по воли божией, прешедшаго 748 года преставился, в Нижнем Камчатском остроге священник Ермолай Иванов сего марта 28, яко древний человек, умре.

К сим Охоцкой острог, одного священника имущий (ибо бывший тамо другой священник Черниговской епархии Филипп Енко по указу святейшаго правительствующаго Синода в Россию отпущен), требует непременно другаго, дабы одному быть при остроге, а другому в проездах, как я напредь сего из Охоцка вашему святейшеству доносил, ибо под ведением Охоцкаго острога, имеются другие четыре острога с рускими обывателями и новокрещёнными тунгусами, якутами и коряками, имянно: Удской, Тауйской, Ямской, Акланской в дальнем разстоянии, которыя должно посещать и святыми тайнами снабдевать. К сим ещё святейшим правительствующим Синодом определено здесь быть двум диаконам, а мы только имеем одного иеродиакона, в Тобольске взятого, да и о том святейшаго правительствующаго Синода просил я с покорностию прешедшаго 748 года, дабы он был к нашей свите причислен, со определением ея императорскаго величества жалования двухсот рублёв и хлеба противо его товарища, в Москве взятого, о чём и ныне всеижайше прошу, понеже без двух диаконов нам при свите в священнослужении, а паче в проездах, обойтись нельзя.

И таких ради сумнительных вин, дабы зачатое богоугодное дело в безконечную долготу не протягалось и во многовременныя переписки (от которых и святейшему правительствующему Синоду излишнее затруднение и Камчатской землице в духовности недостаток произойти может) не уклонилось, ускорив со всяким раболепным усердием, дерзновение возымел донести и покорнейше попросити следующее:

1) Не соблаговолит ли святейший правительствующий Синод к здешним церквам, где ныне есть потребно и впредь будет нужно, определять в церковнослужители, то есть во дьячки и пономари из обучившихся от нас детей русских и камчадалов, а таковых мы имеем довольное уже число, не гнусно чтением и пением церковные службы исполнять могущих. А отсюда может ещё и польза воспоследовать такая, что протчии их сверстники, смотря к товарищам своим вашего святейшества призрение и милость, охотнее ко учению прилогаться будут, да и мы нелживы пред их родителями покажемся, яко то им при увещании учительским словом обещаши. И буде святейший правительствующий Синод утвердит тому быть по моему доношению, благоволено ж бы было в здешния места, откуда пристойно ея императорскаго величества указы послать, дабы с командирами о том словопрению и перепискам лишним места не осталось.

2) О священнослужителях, каковых ныне требуется девять как выше донесено, имянно же священников семь, а диаконов два, к его преосвященству, кто на престолоправление Иркутской епархии произведён будет или уже и произвёлся, прошу милостивой ея императорскаго величества указ послать с таким повелением: чтоб его преосвященство, ведая камчатская в христианских потребах нужды, нимало медлил, в скорости показанное число священнослужителей избрав, определил, и на показанные места благоволил отпустить. Аще же толикое число священнослужителей в Иркутской епархии не обрящется и посвятить их не из кого, неукоснительно бы святейшему правительствующему Синоду, яко обычно есть, репортовал, по которому его преосвященства репортованию, не соблаговолит ли святейший правительствующий Синод, тех священнослужителей, избрав достойнейших в Москве, сюда прислать. Ибо здесь хотя и являются из дьячков и пономарей и из учеников некии в возраст приходящие к священству и диаконству способны, да ехать для посвящения в Иркутск отваживаться не смеют: 1) за дальным путём, что не отменно три года в проезде коштуются надобно; 2) за опасением преждевременной смерти, что здешний народ иркуцкаго воздуха нести не может, а умирает больше оспою, и сего имеют в пример посланнаго от нас ещё из Охотска Верхняго Камчатскаго острога служилого для посвящения во диакона, которой в Иркутске по посвящении, как сказывают, оспою кончался; 3) и в том имеют опасение, чтоб, толикую трудность дорожную подъявши и без остатка свой капитал истративши и многим у людей одолживши себе, не возвратится тщим, занеже не всякой человек является пред архиереем в священство угоден и достоин.

Я, низжайший вашего святейшества послушник, что усматриваю здешним странам полезное, не могу молчать. Мне видится невозможно Камчатке, яко отдалённой весьма стране, в божьих церквах и во всём благочестии доброе и порядочное иметь исправление до того времени, до коего к ней особенной на наше место пастырь не пришлётся со властью архиерейскою, и того ради не соблаговолит ли святейший правительствующий Синод особенное о Камчатке возыметь разсуждение, ибо она, аще и малолюдна зрится ныне, однако ж изволяющу всещедрому богу щастием ея императорскаго величества не в долгом времени, как уповаеця, многолюдна и пространна покажется, понеже у ней, кроме пространства земного, целый океан со многими островами, людьми наполненными, вокруг отворён, и умножающимся помалу мореходным с промышленными людьми судам умножатся и пределы здешних мест без сомнения.

Разсуждение же то, аще благоволит святейший правительствующий Синод моему убогому дерзновению подавая милостиво богато пастырское прощение, положити на таком основании, чтоб 1) прислать сюда персону, человека достойнаго и мудраго, чрез котораго бы уста и руки благодать божия непосредственно церковь свою правила и немощная врачевала, оскудевающая же восполняла, и, придав к нему потребное число причта, укомплектовать ея императорскаго величества денежным и хлебным жалованием, каково святейшим правительствующим Синодом разсудится быть неоскудно; 2) для житья его с причтом и для престарелых и сирот прибежища и для удобнейшаго детей училища позволить ему вместо бывшей здесь разорённой пустыни, в угодном месте, каково при Нижнем Камчатском остроге зрится, построить монастырь, во имя живоначальных троицы и дать пастырское благословение в братство принимать и постригать людей свободных, например камчадалов и русских, который делами государственными не обязаны и не суть люди боярские, аще и в подушной оклад написаны, ибо могут они и в монашестве до будущей ревизии подушное платить, аще инако о том не разсудится.

Что же бы монастырь тот построился без утраты ея императорскаго величества казны, думается не худо, и аще по представлению моему учинится, всё дело помалу в совершенство приидет, да ещё с немалым государству плодом. Имеются здесь на Камчатке при острогах и при Охоцком порте пашенныя мужики семей до тридцати, а живут они праздны, только скот казённый держат, котораго малое число, оных приписать к монастырю вечно, со всем при них сущим немногим скотом рогатым и лошадьми (за которой

скот, хотя и деньги в казну, из монастыря возвратить по исправности) и поселить их всех при Нижнем Камчатском остроге на удобнейших местах. И того ради повелено б было из Охоцка тамо сущих пашенных перевести на Камчатку со скотом мореходным судном безденежно, а от сего не токмо монастырю в поделках, но и всей здешней безхлебной стране может по времени произрасти польза, ибо они мужики, будучи во всегдашнем монастырском смотре, природную свою леность отбросят и дело своё тщательно исполнять, то есть землю пахати, понудятся. И так уповая, не долгим весьма временем хлебные на Камчатке отрасли покажутся, как то и прежде было, когда пустыня неразорённо стояла.

К тем пашенным придать ещё камчадалов, хотя два острожка, который стоят при Нижнем не в дальности, один вверх по Камчатке сорок, а другой вниз тридцать вёрст, имянно Камаков и Ламаха-ручев. А оттуда как во интересе не будет ущерба, ибо ясак с них по-прежнему пойдёт, так и камчадалам не покажется обидно, понеже они, вместо монастырских поделок, в каюры и во всякие острожные поделки не возьмутся, и собираемая на нужды острожные юкола при них останется. Обретается же здесь малое число в подушной оклад положенных камчадалов, а шатаются они по всей Камчатке, как овцы в лесе без пастыря своевольно и бездельно и мало что домашнее не промышляют, от чего приходят в некупные долги: тем прошу благовременное дать руководство и определить их, собрав всех до единого, монастырю ж в смотрение и власть, чтоб научились жити по домашнему и себе суетно не тратили.

Сверх вышеписанного имеются в мори, расстоянием трёх дней морского бегу, от Камчатского устья, два пустыя острова, к промыслу морских зверей, бобров и прочих способные: один, на котором господин-командор Беринг кончался, другой близь того ж лежащий. Оные острова, аще припишутся к монастырю во владение и позволится тому на построенных своих судах отпускать людей, уповаю крепко от тех и интересу ея императорского величества немалому быть приращению, ибо от промысла всяких зверей десятого отдавать в казну будет указано. К тому ж между морскими от монастыря вояжами, за помощию божию, могут и другии острова находиться, уже не пустыи, но людьми наполненны, которые и под высокодержавную ея императорского величества руку приведутся и ко общению христианской веры приступят.

Что же до зачатия того монастыря, на каком бы его коште сперва заводити, касается, то благословил бы святейший правительствующий Синод учинити сицевым (таковым) способом.

Имеются здесь при Нижнем Камчатском остроге к нашему приезду построенны покои, а стоят они недалеко от церкви, те отдать монастырю вовсе, и тут будет гнездо, в котором церковныя птенцы возрастати начнут а после умножающуся братству и келии умножатся и всё помалу, поступая в совершенство, приведётся и церковь особенная монастырская, ово из остатков разорённой пустыни, ово же из собственных доходов созиждется во имя, в какое святейший правительствующий Синод благословит и монастырь основать. Не будет же монастырь и без вкладчиков, ибо здешнии обыватели его вседушно желают.

К сему потребно есть святейшаго правительствующаго Синода просити о мастеровых людех, дабы соблаговолено было из Иркутка прислать сюда двух живописцов, двух столяров, двух искусных плотников и двух кузнецов на определённом ея императорскаго величества жаловании, с пристойными к их мастерству инструментами и материалами на время, покаместь данных к ним в научение от монастыря людей совершенно своему художеству наставят и всегдашний плод того рукоделия камчатским странам оставят, ибо в таких людех здесь превеликая имеется нужда, вяще же того ради сие учинить, понеже в здешних странах, не только впредь церковей понадобится, сколько есть ныне, и не всегда иконостасы например требовать из Иркутка и возить такую дальность с немалым коштом. А на сколько чего с ними материалов, железа же хотя до ста пудов отпустится, оное всё на счёт монастырской поставитъ. Зело ж бы много святейший правительствующий Синод оный монастырь своею милостию наградил, аще бы присланы были к нему из Санкт-Петербурга на первой случай хотя шесть морских компасов (за которыя и деньги по указу, куда надлежит, возвратятся), ибо здесь их взять негде.

Ещё ж святейшему правительствующему Синоду доношу покорнейше. При здешних острожных церквах имеется в казне от прикладов денег рублёв до тысячи, а в новоустрояемые церкви ко окнам слюду откуда получить не написано, и о колоколах умолчано, взять же здесь их негде, а церквам без тех обойтись невозможно кажется. Я из показанной церковных денег суммы порядил купцов привести сюда потребное число слюды и на оковку железа белого, а колокола не повелено ль будет купить в Москве по цене на счёт тех же денег и прислать на Камчатку, как возможнее покажется, весом в двадцать пудов с одною четвертью, имянно же: три колокола по три пуда, три по два, три по одному, три по половине, три же по четверти пуда.

Зело же полезно усматривается, аще бы благоволено было при церквах между новокрещёнными поселять человека по три добросовестных служилых по усмотрению духовности: 1) для охранения церквей, 2) чтоб иноземцы от них в поступках христианских имели очезрительный пример, 3) чтобы руским обычаем и поселяться и жити домами обучилися.

Что же касается до учеников, понеже о них особенное святейший правительствующий Синод разсуждение имеет, как от присланного ко мне ея императорскаго величества указа видно, да и зело на Камчатке быть школам нужно 1) для твёрдости веры, чтоб юность углубила в себе догматы благочестия и своевольством златаго времени не тратила; 2) для необходимых церковных потреб, о каких выше донесено; 3) для уничтожения совершеннейшаго грубых обычаев, в которых до сего времени здешная страна погружена была.

(Одним из важнейших элементов насильственной русификации туземцев на Камчатке являлись школы, организованные во второй половине 1740-х гг. миссией Хотунцевского. Школы организовывались преимущественно для детей камчадалов. В 1745 г. были открыты школы в Большерецке, Верхнекамчатске и Нижнекамчатске. Затем школы начинают проникать и в более мелкие острожки. В 1746 г. открывается школа в Шемячинском острожке, в 1748 г. — в Тигильской крепости, Ичинском острожке и в порту Петра и Павла. В этот период активной русификации камчадалов на полуострове было такое количество школ, какого там не было до последних лет господства самодержавия. Но с окончательным усмирением камчадалов правительство перестаёт субсидировать школы и присылать учителей. Число их начинает падать, и к 1763 г. на Камчатке не было уже ни одной школы.)

А они, ученики от русских отцов, аще и от служилых происшедший, все ныне в подушной оклад записаны и камчадальский же дети записываются в ясак прежде совершеннаго возраста, ещё во отрочестве и младенчестве, от чего происходит учению явное препятствие. Я ныне за сирот в подлинник нищих учеников, чтоб они в вечное холопство не попали и учения не утратили и от школы вовсе не отнялись, из своего жалованного кошту, отдал деньги подушныя и впредь обязался отдавать вашего святейшества до резолюции. А о камчадальских детех от Большерецкой канцелярии давно уже требовано, чтоб не благоволено было класть их в ясак до возраста осмнадцатилетнаго, понеже им до того времени зверь ловить собою невозможно, и от того является учению препятствие, токмо никакой о том резолюции не получил. Того ради святейшаго

правительствующаго Синода с покорностию прошу, дабы благоволено было в здешней стране учредить школу непреложную и укрепить комплектом до пятидесяти человек, со определением пропитания и на одежду денег и повелеть Якуцкой воевоцкой канцелярии повсягодно присылать пицей бумаги по пяти стоп, а Большерецкой канцелярии указать построить избы ко учению способныя и всех того комплекта учеников как от подушнаго, так и от ясашнаго платежа выключить и, чтоб их никто от школы своевольно брать не дерзал, запретить. А по изучении совершенном определять на праздныя места в священно и церковнослужители и по требованию команд, кто удобен окажется, в канцелярския писцы и ея императорскаго величества в честныя службы отпущать с письменным известием, дабы дело шло порядочно, не благоволит же ли святейший правительствующий Синод отпустить сюда элементарей и алваров несколько на первый случай.

Каково же бы им, ученикам, пропитание святейший правительствующий Синод благоволил определить, здесь усматривается, и не повелено ль будет с камчатских отдалённых, в стороне стоящих острожков, в которых подлинная празность живёт и частые шатости и противности от грубости и дикости случаются, взять по два и по три человека (смотря по многолюдству) и, собрав таких пятьдесят человек, поселить неподалёку и указать, чтоб они как про себе, так и про школьников корм припасали и школы топили, а то им будет в научение и дикости отсечение, обиды же малой не окажется: 1) что рыбу здесь промышлять им немудро; 2) что дети их тут же обучаются; 3) что они вместо того труда от каюр и острожных поделок и всяких юкольных поборов отставятся, в промысле же ясашном, как в своих местах, так и здесь равномерно осенью и зимою исправятся.

На одежду же показанному комплекту учеников, рассуждая в здешних странах превеликую во всём дороговизну, прошу дабы благоволено было определить суммою до пяти сот рублёв, чтоб всякому шло по десяти рублёв на год, а ту сумму получать от Большерецкой канцелярии из сборов винной продажи, при зачати всякаго года. О прочих же учениках, паче же камчадалских детех, который обучатся будут на коште родителей своих, святейшаго правительствующаго Синода всеуниженно молю, для вечной пользы сделать с ними такую милость, чтоб они до осмнадесятого лета возраста своего в ясак не записавалися.

А каково о всём моём вышеписанном доношении возымеет святейший правительствующий Синод рассуждение и наконец

какая тому воспоследует резолюция, всеуниженно прошу и сердечно желаю о том милостивый ея императорскаго величества слышать указ.

Что же святейшему правительствующему Синоду напредь сего доносил я с покорностию, не повелится ли мне со свитою выехать в Якуцк для обращения якутов или не благоволено ль будет возвратить нас в Россию, о том архипастырской резолюции ожидая, понеже нам крестить кого и от язычества в христианство обращать здесь не обретается, и потому дело проповеди, на нас положенное, кончилось, ибо камчадалы все до единого за помощью божиею крестились и поучены, стоят в вере, как благодать Христова их утверждает, к тому же уречённое время, семь лет мы уже при проповеди слова божия кончим, которые лета и окончатся непременно, покаместь на сие моё покорнейшее доношение конечную резолюцию получить удостоюся.

(Правильность положения о том, что христианизация являлась лишь следствием вооружённой победы над туземцами, прекрасно иллюстрируется на примере Камчатки. Окончательная христианизация камчадалов полностью совпадает с разгромом последних их попыток выступить совместно с коряками против русских. Иначе в это время обстояло дело с коряками и чукчами, которые в этот период ещё окончательно разгромлены не были. Даже сами миссионеры отмечают резкое противодействие коряков и чукчей крещению. На предложение миссионеров креститься коряки обычно отвечали, что «боятся с принятием русской веры сделаться такими же злыми и нечестными, как тигильские казаки, которые нас обманывают, обмеривают и обвешивают» [«Иркутская старина», 1879, № 29].)

Вашего святейшества низжайший послушник,
камчатский архимандрит *Иоасаф Хотунцевский*
Марта 29 дня 1749 года.

Синод, канцелярия, д. № 84, т. II, 1746 г., л. 69—76

54. Ведомость протопопа Никифорова в Иркутскую духовную консисторию, 1766 г.

Ведомость в коликом разстоянии которая церковь от которой церкви и при которых церквах острожков колико и приходских обывателей обоого пола людей.

Нижняго Камчатского острога при церкви Успения пресвятыя богородицы в приходе 4 камчадальския острожка разстоянием и вниз

по реке Камчатке по 40 вёрст, а всего в две стороны на 80 вёрст, при ней приходских обывателей в 5 камчадальских острожках 1 033 обоего пола людей.

Ключевская Троицкая при Камчатке от Нижняго в разстоянии 86 вёрст.

При ней парохии вверх по Камчатке разстоянием 140 вёрст да чрез Еловку реку по Укинскому берегу, до алюторских острожков 1 100 верст, при ней приходских обывателей в двадцати камчадальских острожках 1 255 обоего пола людей.

От Ключевской до Верхней Богоявленской церкви разстоянием 402 версты.

При ней парохиа вниз по Камчатке реке на 292 версты, а [в]верх но Камчатке ж реке на 160 вёрст, всего в две стороны 562 версты, при ней приходских обывателей в осьми камчадальских острожках 1 376 человек обоего пола людей.

От Верхней до большеретской Успенской расстояния 325 вёрст.

При ней парохиа вверх по Большой реке 115 вёрст, вниз по той же реке и до Курильской лопатки 202 версты, да по берегу Пенженскому 70 вёрст, всего в три стороны на 387 вёрст. При ней приходских обывателей в девяти камчадальских острожках 1 923 человека обоего пола людей.

От Верхняго до святой петропавловской Рождественской богородицкой церкви разстоянием прямым трактом 325 вёрст, а от большеретской прямым же путём 185 вёрст.

При ней парохии по берегу моря Бобрового 307 вёрст, приходских людей в десяти камчадальских острожках обоего пола душ 1 291 человек.

От Большеретска до ичинской Вознесенской церкви разстояния по Пенженскому берегу 235 вёрст, от ичинской до тигильского приходу 206 всего в две стороны разстояния на 441 версту.

А при ней парохии в одиннадцати камчадальских острожках приходских людей обоего пола 1 786 человек.

От ичинской же до тигильской Христорождественской церкви разстояния 345 вёрст, а от Нижняго Камчатского острога до тигильской церкви 403 версты.

При тигильской парохии разстояния по берегу Пенженскому губе на 520 вёрст, обывателей при тигильском приходе в тринадцати камчадальских острожках обоего пола 1 295 человек.

Заказщик протопоп *Стефан Никифоров*

VII. ЯСАЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ

Сведения о количестве ясачного населения

55. Из «Краткой ведомости о ясашных народах, в Иркутской губернии

Звание народов и родов	По 3-й ревизии		Сосредотачиваясь с 4-й ревизией по приращенным ныне для переписки вновь ясака ведомостям оказавлось		В том числе крепостных	Против 3-й ревизии по нынешним ведомостям		На них оклад по прежней переписи положено		Какой еще по составленным ныне ведомостям по собственному желанию податочные обязаны	
	состояло					В прибыло	Убыло	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
	Число родов	В них душ	Число родов	В них душ							
Охотской области											
Охотской округи якутов	3	116	2	179	131	13	—	58	352 ⁴	60	382 ⁴
Тунгусов	26	1251	26	1420	1208	169	—	2004	50	2155	50
Итого	28	1367	28	1599	1350	232	—	2062	882 ⁴	2215	882 ⁴
Гижигинской округи тунгусов оленных											
Пеших коряк	6	207	6	282	158	75	—	181	—	185	50
Оленных коряк	16	563	16	302	00	—	261	533	—	342	—
Итого	16	545	16	521	4	—	24	303	—	540	392 ⁴
Итого	53	1315	38	1105	222	75	285	877	—	1087	892 ⁴
Акланской округи камчадал											
Камчадал	16	959	16	356	556	—	383	632	—	616	—
Нижнекамчатской округи											
Камчадал	39	2219	39	981	981	—	1238	2273	—	1720	—
Алаторов	6	279	6	215	215	—	64	156	—	188	—
Курильцов	2	168	2	132	132	—	36	496	—	386	—
Вымерших в 768 и 769 годах от осеннего поветрия											
Камчадал	16	539	—	—	—	—	539	594	—	—	—
Алаторов	2	48	—	—	—	—	48	34	—	—	—
Итого	65	3253	47	1528	1528	—	1825	3550	—	2294	—
Всего по Охотской области	147	6874	120	4588	3445	507	2593	7321	882 ⁴	6193	782 ⁴

(Данная таблица составлена по материалам третьей (1761—1767 гг.) здесь убыль в количестве ясачного населения

Б. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЧУКОТКЕ
в XVIII в.

I. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ
К ЧУКЧАМ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII в.

Походы против чукчей в 1701 г.

56. «Распросные речи» сына боярского Игнатьева и казака Ильиных с «товарищи» от 14 марта 1710 г.

1710 году, марта в 14 день, в Якуцком в приказной полате перед стольником и воеводою Дорофеем Афонасьевичем Траурнихтом да перед подьячим с приписью Иваном Татариновым, якуцкие сын боярской Василей Игнатьев, казаки Степан Ильиных с товарищи, по допросу про Анандырских чюхоч сказали.

Сын боярской Василей Игнатьев, казаки Степан да Максим Ильиных, Матвей Скребыкин, Иван Блохин, Алексей Поротой сказали: в прошлых де разных годех, посыланы они были Василей с товарищи в Анандырской острог для ясачного сбору; и из того де Анандырского острогу служилые люди и ясачные юкагири плавают по Анадырю вниз для промыслу оленей; и тех де служилых людей и ясачных юкагирей немирные чюкчи побивают и жён и детей берут в полон. И ныне де у тех чюхоч в полону казачьи дети есть, в разные годы те чюкчи под Анандырской острог подходили во многолюдстве, Анандырской острог хотели взять и служилых людей побить, а по вся годы острог разорить хвалятца и от тех де чюхоч Анандырским служилым людям и ясачным юкагирям жить вельми опасно. А сказывают им, служилым людям, Анандырские жители, которые в походах на тех чюхоч бывали, что их, чюхоч, в Анандырском Носу многолюдство великое, а бой де у них лучной, питаютца оленные оленьми, а пешие морскими китами и моржами и рыбою; а в промыслу де у них бывают лисицы красные и кость рыба, а соболя нет. К сему допросу вместо сына боярского Василья Игнатьева, по его велению, Иван Стыжнов руку приложил. Вместо Стефана и Максима и иных и за себя Иван Блохин руку приложил.

Казак Тимофей Даурцов да Фёдор Порной, Пётр Мунгал сказали. В прошлом де 701 году били челом великому государю, а в Анандырском прикацику сын боярскому Семёну Чернышевскому анан-

дырские ясачные юкагири ходынского роду Некраско с родниками подали челобитную, чтоб с ними послать из Анандырского служилых людей на немирных чухоч в Анандырской Нос, которые им, юкагирям, чинят в промыслу оленей смертные убивства и грабёж. И по тому их челобитью он, Семён, послал их, Тимофея с товарищи, с анандырскими жители и с промышленными людьми в двадцати четырёх человеках, да Анандырских юкагирей и коряк было в походе 110 человек. И пошли де они в тот поход в апреле месяце и ходили 28 недель. И в том де походе в Анандырском Носу нашли подле Анандырское море пеших чухоч юрт с тринадцать и великого государя под царскую высокую руку их в ясачной платёж призывали и ясак просили; и те чукчи им ясаку не дали и засели в юрты. И прикащик де их Алексей Чудинов велел к тем юртам приступать, и на том приступе в тех юртах мужеска полу человек с 10 убили и жён их и детей в полон взяли и многие полонённые у них сами давились и друг друга кололи до смерти.

А иные де чукчи, подсмотря их, служилых людей, из тех юрт ушли и учали в Носу сбиратца в одно место. И идучи де они, служилые люди, с вышеписанного побоища, нашли их, чухоч, ста с три и учинили с ними бой и убили их человек с двесте и больши, а иные ушли на побег. И на другой день стретили их, служилых людей, они, чукчи, во многолюдстве, оленные и пешие, а было де их в то время в сборе человек тысячи с три и больши, и бились с ними с утра до вечера, и многих людей побили, а их, служилых людей, и ясачных юкагирей они, чукчи, человек 70 переранили, и от них отошли те чукчи и стояли близь их. И от тех де чухоч сидели они, служилые люди, в осаде 5 дней и пошли от них на побег в Анандырской. А бой де у тех чухоч лучшей. Лесу в том Носу нет, питаютца оленные оленьми, а пешие — морскими китами и моржами и рыбою. Средь того Носу по камению живут оленные чукчи. А подле Анандырского и Олюторского моря, по обоим сторонам, живут чукчи пешие, а в промыслу де у них бывают лисицы красные, а соболей и иного зверя, кроме оленя нет; а кости рыбьи зуба по морским губам множество, а сказывают полонные люди, что в той земле людей есть многое число.

Вместо служилых людей Тимофея Даурцова, Фёдора Порнова да Петра Мунгала, по их велению десятник казачей *Лев Воротимесов* руку приложил.

Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, с. 523—526

Походы против чукчей в 1711 г.

57. Показания якутского служилого человека Попова и других от 2 сентября 1711 г.

1711 году, сентября в 2-й день, в Анандырском остроге, в судной избе, пред прикащиком, якуцким пятидесятником казачьим Матвеем Скребыкиным, якуцкой служилой человек Пётр Ильин сын Попов да Анандырские промышленные Егор Васильев Толдин, новокрещен юагаир Иван Васильев сын Терёшкин сказали.

В нынешнем де 711 году, генваря в 13 день, по указу великого государя и по памяти прежнего Анандырского острогу прикащика Фёдора Котковского, велено де ему, Петру с товарищи, идти из Анандырского острогу вниз по Анадырю реке и собрать в казну великого государя ясак с решных чюкоч, с Нокона с родниками, с 5 человек, которые платили в казну великого государя ясак в Анандырском остроге в прошлом 710 году; а от устья Анадыря реки велено де ему, Петру с товарищи, идти в Нос и проведывать немирных чюкоч, а проведав их, призывать царского величества под его высокосамодержавную руку в вечной ясачной платёж ласкою и приветом, чтоб они, чюкчи, платили в казну великого государя ясак соболи и всякие лисицы и кость моржеваго зубья и просить с них аманатов.

Да ему ж де, Петру, с товарищем велено присматриваться подлинно: на чём у тех чюкоч меж собою по их вере в подлинном договоре верная твёрдость, и по каким они местам живут, по камням или подле моря, оленные или пешие, и чем они кормятся, и не значатся ли из того Носу какие в море острова; и если какие острова значатся, и про те острова спрашивать у тех носовых чюкоч: есть ли какие на тех островах люди и звери, и какое они у себя имеют богатство. И присмотря и проведая о всём, велено ему, Петру, записывать в книгу имянно, и той их Чюкоцкой земле написать чертёж, и тот чертёж за рукою подать в Анандырском остроге в судной избе.

И по вышеписанному великого государя указу и памяти, он, Пётр, с товарищи своими, с толмачами Егором Толдиным, с Иваном Терёшкиным, с устья Анадыря реки в Нос ходили, и за морскою губою немирных чюкоч проведали, и царского величества под его высокосамодержавную руку в вечной ясачной платёж со всяким усердным радением призывали. И они, немирные чюкчи, ему, Петру с товарищи, сказали: и прежде сего руские люди у них, чюкоч,

кочами морем бывали, и в то де время они, чюкчи, им, русским людем, никакова ясаку не платили, и ныне де платить не будем, и детей своих в аманаты не дадим.

(«Чукотская земля» была известна русским задолго до Камчатки. Первое знакомство русских с чукчами относится к 1642 г., когда на реке Алазее Ерастовы встретили юкагиров, а «с ними были с тундры чюкчи». В 1644 г. казак Стадухин доставил известие о чукчах и об острове, расположенном против устья реки Колымы. Казаки, ехавшие на коче Анкудинова, спутника Семёна Дежнева, уже в 1648 г. дрались с чукчами.)

И с того Носу пришёл он, Пётр с товарищи, в реку Анадырь нынешняго ж 711 году, июля в 28 день, и с вышеписанных решеных чюкоч с Нокона с родниками, с 5 человек, по лисицы красной с человека в казну великого государя ясаку на нынешней 711 год с казачьим сыном Михаилом Щипуновым с товарищи собрали, да вновь призвали царского величества под его самодержавную руку в вечной ясачной платёж решного чюкчю Капочилу, Ноканова брата, и тот чюкча с ними, Петром с товарищи, с ясашным платежем пришел в Анадырской острог. А о иных всяких их иноземных обыкнотех писано ниже сего. По их вере, в подлинном договоре меж собою у них, чюкоч, твёрдость дают порукою солнце. Оленные чюкчи в Носу живут по камням, ради оленных своих табунов кочуют по разным местам. А пешие чюкчи по обе стороны Носу живут по коргам подле море, в земляных юртах, где коротает морж. А кормятца они, чюкчи, оленные и пешие, промышляют по камням и по рекам диких оленей и морскими китами, моржем, белугою, нерпами, корением и травую.

Против того Анандырского Носу с обеих сторон с Ковымского моря и с Анандырского есть де значитца остров, и про тот остров подлинно ему, Петру с товарищи, сказывали носовые чюкчи Макачкины с родниками: есть де на том острову люди зубатые, а веры де и иной всякой обыкноты и языку не их чюкоцкова, особой, и из давных де лет и поныне у них, носовых чюкоч, с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем; а бой де у тех островных людей лучной и у чюкоч такой же.

И он, Пётр с товарищи, тех островных людей, у них, чюкоч, взятых в полон, видал человек с 10. А зубы у тех людей, кроме природных, есть вставляваемые моржеваго зубья маленькие кости, подле природные, в щёках. А с того де Носу на тот остров летним временем в байдарах вёслами перебегают одним днём, а зимою на

оленях налегке переезжают одним же днём. И есть де на том острове всякой зверь, соболи и куницы, и лисицы всякие, и песцы, и волки, и розсомаки, и медведи белые, и морские бобры, и держат де у себя великия табуны оленей. А кормятца де они морскими зверями и ягодами и кореньем и травою. И всякой на том острове есть де лес: кедр, сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он, Пётр с товарищи, у них, чюкоч, в байдарах и в ветках и в юртах видели. А живут де они, островные люди, собою тако ж, что де и они, чюкчи, и начальных де людей никого у них нет. А в Носу зверя, кроме лисиц красных и волков, иного никакого нет, и того малое число, для того, что зверю быть в том Носу не у чего, лесу никакова нет. А по смете носовых оленных и пеших чюкоч лушников с 2 000 и больше, кроме Анадырских решных, а решных человек с 50 и больше.

Островных де людей, применяясь он же, Макачкин, и островные люди, которые у них, чюкоч, в полону, сказывали ему, Петру с товарищи, есть де их при них, чюкчах, втрое, и он де, Макачкин, на том острове бывал по многие годы в походах, и называют они, чюкчи, тот остров большею землёю. А из Анандырского острогу ход до самого Носу прямою землёю чрез Белую реку на Матколь аргышами на оленях недель с 10 и больше, если пурги нет; а Матколь чюкоцким названием камень есть, подле большую губу, в среднем Култуске.

Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I, с. 456—459

Походы против чукчей в 1730—1731 гг.

58. Из «доношения» Сената Анне Иоанновне от 9 мая 1733 г.

В прошлом 1727-м году по указом из Сената отправлены на Камчатку из Сибири казачей голова Шестаков да капитан Павлуцкой с партией для покорения немирных тамошних народов и изменников и сыскания вновь земель, и Шестаков от чюкоцкого народу убит (Афанасий Шестаков, потерпев крушение и отправившись к северу пешком, был убит чукчами в 1730 г.), а Павлуцкой в отписках в Тобольск в губернскую канцелярию писал, что он из Охотска на Камчатку и до Анадырского острогу и далее ходил и немирных тамошних народов разными партиями в подданство несколько привёл. И как в Нижнем Камчадальском остроге ясашные люди забунтовали и тот острог разорили, в таком случае от партии ево отправленные бунтовщиков взяли и усмирили, да вновь

четыре острова морских с людьми в подданство приняли и ясак по тамошнему обычаю взяли.

Ещё ж объявили бывшие в Чукоцком носу служилые люди, что приходили к носовым чукчам с морского острова 2 человека, которые имеют у себя в зубах моржевое зубьё, и сказывали тем посланным, что до жилища их от Чукоцкого большого носу день ходу, а от того де острова впредь до другога, что называется Большая земля, день же ходу, и на той де Большой земле есть всякой зверь: соболи, лисицы, бобры решные, росомаки, рыси и дикой олень, также есть всякой лес, а оленных де и пеших иноземцов довольное число. И за вышеписанные службы и за долговременное в таком дальном крае бытёе онаго капитана Павлуцкого веле-но военной коллегии определить маэором и послать к нему о том указ, чтоб он, видя вашего императорскаго величества милость, наипаче будучи там, имел в положенном на него деле старание...

(Опущенная часть «доношения» частично приведена в соответствующих местах, документ № 11. В других случаях имеющиеся там сведения печатаются по подлинным документам.)

Сенат, 1-й департ., д. № 576, л. 540

59. «Объявление» сотников анадырской команды Нижегородова, Попова, пятидесятника Русакова и других, 1763 г.

В бытность их в походе в 731 году в Чуюкоцкую землицу для искоренения бунтовщиков чюкчей, команды всей было пятидесятников и казаков двести тридцать шесть человек да коряк и юкагирей двести восемьдесят. Марта 2 ч[исла] из Анадырской крепости отправились болотами к северу, перешед прямо к Ковымскому морю, и подле онога шли на правую руку к востоку болотными ж, гористыми и безлесистыми местами.

И 9 ч[исла] мая дошед до первой сидячих около того моря чюкоч юрты, в коей бывших чюкоч побили, в полон взято было оленей сто, и от того места пошли подле того ж моря берегом до первой губы, коя не очень велика, а какое звание имеет, показать не знают, которую переходили по льду с вечера до солнечного восходу, а перешед остановились и тогда усмотрели от того места в недалнем разстоянии в море отпрядыш, на коем была тех сидячих одна юрта, и бывших в ней чюкоч побили. А потом пошли подле того ж моря берегом и, дошед до другой губы, коя противу прежней более, а какое звание имеет, не знают же, которую перешли одним днём по льду и следовали подле того ж моря и в тогдашнее

время встретили оленные чюкчи человек до тридцати. И как узнали их, то поворотились обратно, и никакой с ними баталии тогда не было. И после тех чюкоч шли дней с пять около моря же, где паки встретили их те чюкчи, которых уже было сот до семи, с коими и была учинена баталия, и убито тех чюкоч до четырёх сот пятидесяти, в полон мужеского и женского полу и малолетних взято было ста с полтора, оленей до пятисот, а затем достальные чюкчи ушли. С нашей стороны убито было до смерти: один пятидесятник да другой казак, да ранено лёгкими ранами человек до семидесят.

И дошед до их чюкоцкого острожку, которой был построен из их езжалых каргышных санок и моржевой кожи и обсыпан камнем, кочками и песком, кругом был увязан ремнями, и в том остроге было юрт до осьми, кои разорили и сожгли.

От того острожку, поворотя вправо, пошли через Чюкоцкой нос и шли тою землёю недели с три и никого не видали, и никаких выпадающих в море больших рек и никакова лесу не было, а как уже дошли они посреди того Чюкоцкого носу июня около 29 ч[исла], то упоминаемые чюкчи на оленях во первых незапно стали чинить на них нападение позади, а потом и спереди, в кое время до тысячи человек их было, и была с ними баталия с утра до обеда, и убито было их, например, сот до трёх, а в полон взято не более десяти человек, а достальные чюкчи ушли все. С нашей стороны никого убитого не было.

В то время чрез взятых в полон чюкоч разведывали о их оленных табунах, которых и взято езжалых и неезжалых больших и малых всего до сорока тысяч оленей, а после того тою же Чюкоцкого носу землёю шли к называемому камню Серцу, и недошед до того камня, паки выехало тех чюкоч навстречу человек до пятисот, и была с ними баталия, в которой побито их например до сорока человек, а достальные все ушли, оленей взято до тридцати, при котором случае убито было с нашей стороны казак один, а сколько ранено не упомянут. И от того места вышли к юкагирскому прежнему торговщику 1-го числа августа, где ночевав и пошли подле губы, коя лежит от устья Анадырского в море, а упоминаемой Камень-Серце, также и Анадырское устье остались влеве, и тою же дорогою следовали в Анадырск, коею шли вперёд. В Анадырск пришли ноября в первых числах.

В бытность же их в том чюкоцком походе, как вперёд, так и обратно, никакого лесу на всей той земли не видали, и вся та чюкоцкая земля болотная, кочковатая и мокрая, на оной земли и то редкими местами мелкия прутьики, вышиною от земли не боль-

ше четверти, а за неимением лесов варили себе еду с нуждою, набрав того прутья, где сколько найтись будет можно, и расклав огонь, раздували взятыми тогда с собою мехами, а где оного сыскать не могли, то набрав растущей на кочках мох, тем варили. Во время ж того походу летним временем шли сами пешком, а ружьё и прочее несли на себе, имеющейся же шкарб везли на вьюшных оленях; в том походе из команды с голоду никто не умер, а умирали от приключившихся болезней. А сколько всего числом умерло, также и более вышеписанного показать за много прошедшим временем не упомянут.

Экспедиция Беринга, д. № 77, л. 371—372

Политика России в борьбе с чукчами и сведения о них,
начало 40-х гг. XVIII в.

60. Из сенатской справки по материалам секретной экспедиции
[не ранее 1748 г.]

Присланным правительствующему Сенату из Сибирского приказа доношением от 29 апреля 1740 году объявлено, что в тот приказ из Иркутской провинциальной канцелярии писано, о находе в коряцкую землицу на Олюторскую реку военною рукою немирных носовых и речных чюкч во многолюдстве и о побитии коряк 25 человек и о взятыя жён их и детей в плен немалого числа с домовым скарбом и о отгоне оленных их одиннадцати табунов без остатку в свою Чюкоцкую землицу, и что похвалялись они вторично быть по весне 739 году по последнему пути во многолюдстве военною ж рукою для раззорения и опустошения коряцкой землицы и Анадырского острогу.

В 740 же году мая 21 в Сенате бригадир, что ныне генерал-маор и губернатор сибирской Сухарев и секретарь Козьма Баженов объявили, что в Сибирской губернии немирные чюкчи жительство имеют между Камчатки и между Якуцка в горах и на мысу ни под чьим владением, и когда посылан был для призывания немирных коряков и чюкч из Сената якуцкой казачей голова Шестаков в 726 или в 727-м годах, то он в их жилищах юрты их выжег, за что они озлобясь ево, Шестакова, и команды ево казаков побили до смерти.

И по тому доношению по общему бывших кабинет-министров с правительствующим Сенатом разсуждению посланы июня 4 дня 1740 году к иркутскому вице-губернатору Лангу к селенгинскому

коменданту и ко обретающимся в камчатской экспедиции офицерам указы: велено им, обще разведав подлинно, в каком людстве и силе те немирные носовые и речные чюкчи находятца и с каким числом людей можно на них итти, собрав из ближних к Якуцку городов и жилищ, тако ж из Якуцких и Анадырского острогов служилых людей и обывателей, сколько потребно, и определя к ним достойных командиров из гарнизонных офицеров с принадлежащим оружием, итти на тех чюкч военною рукою, всеми силами старатца, не токмо верноподданных коряк обидимое возвратить и отмстить, но и их, чюкч, самих в конец разорить и в подданство привести, и для того похода довольное число провианта заблаговременно заготовить в Якуцку и завезть в Анадырской острог.

Вице-губернатор Ланг августа от 29 дня того ж году на означенной указ между прочим доносил, что определил он о вышепоказанных чюкчах, в каком они разстоянии и силе имеютца, разведать в Якуцке маэору Павлуцкому со обретающимися в Камчатской экспедиции офицерами и отправить для искоренения их из Якуцка и Анадырска и из ближних острогов служилых людей с казацкою головою довольное число.

А Селенгинскому коменданту посланным указом велено командовать в поход на помянутых же чюкч из офицеров и солдат, сколько по разсуждению ево надлежит, и прислать в Иркутцк в самой скорости, только ещё от него ответствия не получено. А по табели де, присланной от него, коменданта, августа 26 дня того ж году, показано в разных нужнейших раскомандованиях штап, обер и ундер-офицеров и солдат 790 человек, а затем в Селенгинску имеетца при полку солдат только 362 человека и те обретаются в полковых и при пограничных работах и на караулах безменно.

А от Иркутцка до Селенгинска разстоянии 408 вёрст, а от Иркутцка ж до Якуцка 2 266 вёрст, а от Якуцка до Анадырского острогу и до чюкч сколько вёрст, о том в Иркутцкой канцелярии известия нет; токмо де Анадырского острогу казачей пятидесятник Бутусин да служилой Богачёв скаскою показали: ездят они от Якуцка до Анадырского острогу зимним путём на верховых лошадях на оленях и на нартах, кои возят собаки, и всего ходу 24 недели, и всем де тем путём пустота, и корм себе возят с собой от Анадырского острогу, а от оною острогу до жительства чюкч на оленях ходят по 10 недель.

А тех де чюкч, которые раззоряют коряк, будет военных людей человек до 2 000, а всех и с подростками тысяч до четырёх или

пяти, а подлинно ль столько, того они не знают, ибо де они, чюкчи, жительство имеют не в одном, но в разных местах.

И ноября 25 дня того ж 740 году по определению правительствующаго Сената подано в бывшей кабинет сообщении, коим представлено: понеже де из вышеписанного доношения усмотрено, что немирные чюкчи живут от Якуцка и от Анадырска в великом отдалении, езды к ним от Анадырска недель на 10, а от Якуцка и более 30 недель, к тому же путь самой трудной, и не везде лошаадьми, но инде на оленях, собаках, того ради Сенат мнение своё объявил, что по неудобности того пути и отдалению для раззорения их, немирных чюкч, команды посылать не надлежит, дабы в таком отдалённом и трудном пути, по которому потребного в пищу запасу возить с собою за неудобность признаваецца, напрасно людей не потерять и голодом не поморить, а чтоб впредь от тех чюкч нечаянного на коряк и Анадырской острог нападения и раззорения не было, то для предосторожности прибавить в Анадырской острог регулярных и нерегулярных лёхких людей, сколько и откуда способно по усмотрению иркуцкого вице-губернатора Ланга. Что же для предбудущаго усмотрения и определения надлежит, о том наведатца ему, Лангу, чрез кого надлежит обстоятельно, в каком они людстве и силе находятца, и сколь далеко, и есть ли к ним водяной путь, и откуда ближе можно к ним притти, и то известие прислать в Сенат немедленно, и о том требовано от кабинета общаго разсуждения.

(Решение прекратить борьбу с чукчами вызывалось тем, что то незначительное количество пушнины, при этом лишь лисицы и песцы, которое могли дать чукчи, ни в какой степени не компенсировало бы тех огромных затрат, которых эта борьба требовала. Это обстоятельство, в совокупности с неблагоприятными для походов условиями местности, на некоторое время приостановило дальнейшее продвижение русских. Однако потребность в оленях и необходимость обеспечить полное подчинение коряков заставляет русских в недалёком будущем вновь возобновить борьбу с чукчами.)

А генваря 14 дня 1741 году в резолюции кабинетской написано, чтоб в Чюкоцкую землицу для раззорения живущих тамо чюкч и возвращения от них забранных в полон из коряцкой землицы людей с пожитками за весьма дальним и неудобным путём оруженых людей не постлатъ, а для предосторожности впредь от тех чюкч прибавить в Анадырской острог регулярных и нерегулярных лёхких людей, сколько и откуда по усмотрению иркуцкого

вице-губернатора способно, в том кабинет с разсуждением правительствующаго Сената согласен.

Однако ж велеть иркуцкому вице-губернатору, чтоб он обстоятельно наведася, за что у помянутых народов между собою такая ссоры происходят, и чтоб старался их наипаче ласканием, нежели суровыми поступками, от того отвратить и усмирить и до дальнейших ссор не допустить.

Сверх же того для предбудущаго усмотрения и надлежащего потому предприятия велеть ему, вице-губернатору, подлинно наведатца и писать в Сенат, в которой стороне оные чюкчи жительство имеют, сколь далеко, по городам ли или по деревням или по юртам, переходя с места на место, и как они людны, и с каким именно российскими местами смежны, и есть ли к ним водяной путь, и откуда ближе к ним приттить, а в прочем что к лутчей предосторожности принадлежит, то полагается на рассмотрение вышешего вице-губернатора Ланга, которой может по близости тамошних мест надлежащее об оном определение учинить, а отсюда о всём подробно за неимением подлинного известия в резолюцию ему объявить невозможно, а ежели описыватца о всём, то за дальностию может происходить время.

Февраля 2 1741 году при доношении из Иркуцкой канцелярии прислана копия скаски, взятой в Селенгинске у присланных из Анадырского и прочих острогов в рекруты, в которой показано, что они сами в жилищах чюкоцких не бывали, а видали под острогами и слышали от бывающих тамо, что оные чюкчи — народ многолюдной и кочевой, имеют юрты лёхкие из кож и начальников по родам, а люди возрастом немалые и крепкие ружьё у себя имеют: луки костяные и копьё и камень мечут из ремней, и то у них наилутчей бой копьёми и камнем (а из луков хотя и стреляют, токмо не весьма искусно, да и стрелы плохи), а огненного никакого ружья не имеют, а на бой ходят пеши, а на промыслы на оленях, а водяным путём на море и на реках ездят в лодках кожаных. И приходят они в осень из Шалацкого носу на устье реки Ковымы до Нижнековымскому острогу, тако ж и на другие реки многолюдством и в лутчих местах промышляют всякаго зверя, а воспретить за малолюдством русских никто не могут и всегда от них в страхе, и где сойдутца с рускими и с ясашными, то оных побивают и в полон берут, а к Анадырскому острогу приходят и по реке Анадыру и чинят тож.

Да от той же канцелярии в 743-м году прислано ж при доношении географическое описание о жилищах помянутых же чюкч

и Большой земле, смежной с ними. И о том из Сената к нему, вице-губернатору Лангу, селенгинскому коменданту и ко обретающимся в камчатской экспедиции офицерам посланы указы того ж генваря 29 дня.

А из Иркутской канцелярии в присланном в Сенат доношении от 9 июня 741 ж году написано, что по означенному указу для предосторожности от немирных чюкч и о протчем велено отправить из Якуцка Якуцкого полку капитана Максима Лебедева с командою и, как в порученном деле ему поступать, послана инструкция...

(В справке сведения, доведённые до 1748 г., опущены, так как печатаются в соответствующих местах и по подлинным документам.)

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 147—149

II. АКТИВИЗАЦИЯ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА ПРОТИВ ЧУКЧЕЙ (40-е и 50-е гг. XVIII в.)

Решение Сената об окончательном истреблении «немирных чюкч»

61. Журнал собрания Сената от 3 февраля 1742 г.

1742 года февраля 3 дня в собрании правительствующаго Сената докладывано.

По доношению Иркутской провинциальной канцелярии октября от 15 дня 1741 году о требовании указа о немирных чюкчах и о протчем приказал для искоренения оных чюкч показанное в том доношении требование маэором Павлуцким регулярных людей число отправить без всякого отрицания из стоящих в Иркутске полковых солдат, а вместо оных для караулов и протчей предосторожности в Иркутской провинции употребить имеющих в той провинции собранных вновь и оставших за комплектом к отсылке в Тобольск рекрут 84 человека, а когда отправленные из Иркутска полковые солдаты по-прежнему возвратятца, тогда оставших вместо их рекрут отослать в указанное место.

Во искоренении ж оных немирных чюкч поступать по мнению, объявленному в том же доношении статского советника Ланга, а имянно на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе, точию который из них пойдут в подданство ея императорского величества, оных, так же жён их и детей взять в плен и из их жилищ вывезть и впредь для безопасности распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам и местом между живущих

верноподданных, где пристойно, которые, усмотря протчих ясашных иноверцов под державою ея императорского величества верноподданными живущих в добром состоянии, могут прежнее своё непостоянное житие забыть и верноподданными быть, а протчие принять и христианскую веру. И о том в Иркутскую провинциальную канцелярию послать указ. Подлинной за подписанием правительствующаго сената.

По оному журналу в Иркутскую провинциальную канцелярию указ послан февраля 18 1742 за скрепами господина обер-секретаря Севергина, секретаря Семёна Орлова, за справою канцеляриста Фёдорова.

Подлинной журнал сообщён с протчими секретными подлинными журналами в повытче.

Сенат, 1-й департ., д. № 71, л. 543

Походы майора Павлуцкого против Чукчей в 1744—1747 гг.

62. «Объявление» сотников анадырской команды Попова, Нижегородова, Павлова, пятидесятников Русанова и других, 1763 г.

1763 года по объявлению анадырской команды казачьих сотников Ивана Попова, Осипа Нижегородова, Степана Павлова, пятидесятников Алексея Русанова, Фёдора Курбатова, казаков Ивана Исакова с товарищи пяти человек.

В 741-м году февраля 4-го числа выступили они из Анадырской крепости в поход для поиску и искоренения немирных чюкоч с бывшим майором Павлуцким, то всего было тогда регулярных и нерегулярных служителей 400 человек.

Отправились из Анадырска на оленях в сайках чрез реку Анадырь против крепости и ехали по болоту на восток до реки Майна, куда и приехали в шестой день и перешли Майн но льду, оттуда чрез каменья мимо вострой сопки, и вышед повыше Чекаева урочища к устью протоки Кривой, от которой переехали Анадырь и шли болотом ровным местом и безлесным и вышли на реку Чёрную, и перешед оную, шли болотом же, а сколько дней, того не упомнят, потому же безлесными местами чрез реки Алгинку и Чёрную вышли на реку Нерпечью, где и нашли след кочующих чюкоч, вниз по рече Нерпечей, за которыми в то ж время был командирован сотник Кривогорницын с казаками с небольшою командою. Из оных чюкоч мужеского полу трёх да жен-

ского двух побили, из них взят был один для показывания их жилых мест.

А потом, отошед от той реки Нерпечей по таковому ж болоту до реки Поперешной, перешли в шесть дней к губе Ночен, кою переехали в одну ночь по льду и нашли у камня, называемого Серце, живущих тут чюкоч в десяти юртах, например, человек со сто, которые чюкчи были побиты, точию из оных один ушёл пешком, где и уведомились чрез взятых тогда пленников о живущих подле того ж каменю Серца чюкчах в трёх юртах, куда и командирован был вышеписанной же сотник Кривогорницын в тридцати человеках, коим бывших в тех юртах чюкоч мужиков четырёх да женского полу шесть человек побито, но из них один ушёл на оленях. Откуда оной Кривогорницын с тою командою и возвратился обратно, где для ожидания оставшаго назади обоза стояли недели две, откуда по пришествии того обоза поехали ж промежду гористыми и каменистыми местами до реки Епочио, кою переехав, пошли такими ж гористыми и каменистыми до рек Чимгана, Курупку и до губы Юрупку, где стояли три дни, при коем месте и пойман из чюкоч один. А после онаго на другой день тех же чюкоч наехало немалое число для недопущения их в свою землицу и, когда усмотри их те чюкчи в довольном числе людей, то уехали обратно. Оттуда означенную губу Юрупку переехали по льду в одну ночь, с которой выехали на реку Гизянг, а от оной и к другой губе Силеге и по край моря к губе ж Мечинг и к камню Меченгу, которой протянулся в море мысом, а сколько дней по оному ехали, того не упомянут.

И приехали к губе ж, называемой Тенях, от которой шли до губы ж Хуматам, где и остановились лагерем и стояли за обожданием командированных за поиском чюкоч сотника Бутусина и толмача Якова Осипова с командами и, обождав от оных известия, следовали до речки Ночана и по ней шли вверх, от коей, отворотя следованием вправо до речек Покоечи, Иттей и отворотя вправо, шли до речки ж Ставы, подле которой вправо стоит каменная сопка, названием Метевин, и оттуда чрез речки Итыночан до Начелты, оттуда чрез речку ж Аванды, кои течение имеют в губу Хуматан, а от той губы дошли до губы ж Анахья, то есть Белое море, с коего места уже команда оскудела пищею, подле которую губу по левую сторону шли чрез речки Апаха, Ехони, Пехеткина и чрез речки Нуттен, Чагнум, Ечу, оттуду чрез же вышеписанную речку Епочу по вершине и оттоль до речки Кукуна, от коей шли вверх и перешли по вершине ж и оттоль чрез хрепты и дошли до вершины

Чёрной реки и по оной вниз до Виски, называемой юкагирской, где и остановились лагерем для лову сетью рыбы и отправления по той реке Чёрной к сплаву на реку Анадырь в коженных байдарках сотника Бутусина с половиной утрудившейся от голоду командой, коя была и отправлена.

А от той Чёрной чрез болотныя и гористыя места вышли на реку Анадырь, на урочище, называемое Родионово, куда и прибыл посланной в Анадырск для приплаву судов ясаул Пётр, один с командою на пяти судах, из коих отправлено на Чекаево для подъёму бывшей там при сотнике команды три судна, при котором урочище Родионове стояли за обожданием у урочища Чекаева от помянутого командированного по Чёрной реке сотника Бутусина о состоянии команды известия осмнадцать дней и, по получении известия, следовали вверх по реке Анадырю на двух судах и прибыли в Анадырскую крепость 28 ч[исла] сентября того ж 744 году.

Предъявленная же Чюкоцкая земля вся болотная, каменистая и весьма кочковатая и мокрая, никакого лесу и травы, кроме моху, нету. И те оленные чюкчи имеют жительство с места на место кочевное на оленях и живут в чюмовых оленьих коженных юртах, а огонь зимою во оных бываит посредине таким подобием: кладут мелкой тальник, также оленье сухие рога и кости и облевают нерпичьим, китовым и моржовым жиром да и кроме того имеют в пологах. А за неимением во всей той их земле упоминаемого лесу, едят мясо оленье и рыбу, также нерпу и протчих морских зверей, сырое и мёрзлое и всякое из земли коренье, которую нерпу и морских зверей получают те оленные чюкчи от сидячих около моря чюкоч, и то их, чюкоцкое, между самыми узкими камнями житие за неимением лесу самое уже бедное, коего едва ль в свете где хужее быть может.

Что же принадлежит до сидячих около моря и вокруг тех оленных живущих чюкоч, то у оных есть юрты, выкопанные в земли, деревянные, а лес на строение берут из наносу с моря на берегу на припайках и ездят на собаках.

А во всю их в той Чюкоцкой землице бытность, за неимением никаких лесов, крайнюю от великих морозов претерпевали нужду, а где около речек упоминаемой мелкой тальничек, которого вышиною не более одной четверти, найден бывал, то оной, также и растущей по камням мох собирали и мехами роздували и тем себе пищу варили, а наконец по недостатку съестных припасов крайней голод претерпевали, также что и в здешнюю Анадыр-

скую крепость они с предписанною командою едва вытти могли, а вся та земля Чюкоцкая в округлость не более полторы тысячи вёрст.

Экспедиции Беринга, д. № 77, л. 372об.—375

63. «Репорт» майора Павлуцкого в Иркутскую провинциальную канцелярию от 10 октября 1745 г.

Сего 1745 году минувшей весны по отбытии от Анадырского острогу ясашных коряк со своими оленьми на свои жилища, а паче для ясашных промыслов, команды моей солдаты и служилые пришли в пропитании великую нужду и голод, от чего уже и видеть жалосно. Того ради определил я сделать двенадцать судов, которые с великою нуждою от бескормицы и сделали, лисвинишные щиты прутьями конопачены мхом, и для прекормления промыслов рыбных и оленной плавии из Анадырского острогу следовал по вскрытии реки Анадыря июня 4 дня вниз по реке Анадыря. И того ж июня 8 дня прибыл на урочище Родионова, стал лагерям для промыслу с солдаты и со служилыми рыбного и оленной плавии, и будучи на промыслах рыбы и оленей малое число, паки с ревностью к службе ея императорского величества следовал до моря июля со 12 числа для поиску неприятелей чюкоч, понеже они в прежних годех на усть реки Анадыря бывають для промыслу рыбы и оленной плавии. И прибыл к морю июля 22 дня с устья реки Анадыря и на левую сторону командровал команды своей сотника Семёна Кривогорницына и с ним солдат и служилых 126 человек и велел ему итти через землю до моря и осматривать неприятелей чюкоч и их тогдашних признаков.

И того ж июля 25 дня означенной сотник Кривогорницын, прибыв обратно все благополучно, и объявил репортом, идучи к морю чрез хребты, 23 числа того ж июля усмотрели идущих неприятелей в нашу сторону для подсмотру ж нас двух человек чюкоч, которые, усмотря наших, побежали обратно на побег, и за оными побежали наши лёхкие служилые люди, одного настигли, которой стал противитца, и того убили, а другой убежал к их войску, за которым убежшим следовали и усмотрели наши неприятелей чюкоч, стоящих у моря на кошке многое число юртами, и завидя неприятели наше войско, юрты розломали, собрали в байдары и ушли в море, например байдар тридцать, токмо из оных байдар на одной байдаре пригребали к нашим и стояли в море, как можно было голос слышать, и имели переговоры. На той байдаре было

восемь человек, и из них один назывался лутчим тоёном Кеин брат Теврюн. И говорил помянутой сотник Кривогорницын чрез толмачей, дабы пришли они в склонение в подданство под ея императорского величества высокосамодержавную руку и платили ясак и дали б от себя аманатов, на которое оне, неприятели чюкчи, сказали, аманатов де дать грех. Оной же сотник Кривогорницын призывал их, неприятелей чюкоч, до меня, и оные не пошли, токмо сказали, что вы де в нашу землю ходили, а ныне де мы к вам будем в гости, и на другие ни на какие разговоры не сдаютца и ушли в море. Того ради от моря с устья реки Анадыря пошёл я обратно вверх по реке Анадырю июля 30 дня с командою благополучно.

Августа 3 числа прибыл с командою к урочищу Чекаеву и стояли лагерем в скрытном месте в Кривой протоке, ожидая по вышереченным их словам, что за нами скрадом будут домогатца, того ради приказал заготовить — снять с четырёх судов крышки для лёгости и сделать на сторону по четыре и по пяти гребей да два судна лёхких же с крышки.

4 числа откомандровал для караулу неприятелей чюкоч сержанта Алексея Мокрошубова и при нём солдат и служилых шестьдесят человек ниже лагеря на остров версты за три на чюкоцкое прежнее ж жилище.

13 дня августа от помянутого сержанта Мокрошубова получил словесной репорт. Подошли де неприятели чюкчи в байдарах и в ветках к острову воровски, на котором оной Мокрошубов был поставлен с караулом, и хотели де оные неприятели чюкчи скрасть караул и, видя осторожность и крепкой караул, сели в свои байдары и ветки, уплыли обратно на побег. Того ж числа, взяв команды своей солдат и служилых людей, немедленно на вышписанных лёхких судах следовал за помянутыми неприятели в погоню вниз по реке Анадырю (а в лагере оставил солдат и служилых 60 человек для караулу других судов и протчаго).

Следуючи за ними, присмотрели неприятелей ввечеру, идущих от нас у реки Красной с великою торопостию на побег, за которыми чюкчами в тех четырёх лёхких судах и гнались сутки целые и ночь всее гребли без покою, и видя наше приближение за ними, той ночи неприятели бросили свои ветки, посуду и гарно.

14 дня постигли, которые поступили противо нас с боем, и помощью всемогущаго бога и счастием ея императорского величества их, неприятелей чюкоч, побили немалое число, как на реке, так и по берегам; при том бою отбили неприятельских 17 байдар да взято в полон женского полу и малых робят 22 души и розданы

служилым людям, при сем же взяли оружие винтовку бывшего убитого партии служилого, который побит был чюкчами в прошлом 1744 году на урочище Родионове.

При вышеозначенном бою с нашей стороны ранено один сотник, один солдат, трое служилых.

17 числа к уреченному месту на урочище Чекаева в лагерь прибыли все благополучно.

24 числа с половина дни следовал с Чекаева со всею командою на судах обратно в Анадырской острог, а прибыл сентября 4 дня все благополучно.

Во время взятъя в полон неприятельские чюкоцкие жёнки чрез толмача служилого Семёна Рыпачева сказали, что де неприятели чюкчи после походу нашего в 1744 году исправлялись и миновавшей весны сего 1745 году совокуплялись и пошли де к нам в поход на байдарах и говорили, сколько де можем обманом и скрадом уловить да и ещё ж намерены были, все совокупясь в немалом числе людех, по самому первому пути сей осени собратца на усть реки Анадыря на урочище Копейкиной корге, итти в поход к Анадырскому острогу на нас или в Коряцкую землицу, того они знать не могут.

И вышеозначенная неприятелем исправа, а нам в партии в поход остановка и продолжению чинитца от Якуцкой воеводской канцелярии за непресылкой денежного и хлебного жалования не токмо на настоящей, но и на заслуженные прошедшие 1744 год хлебного, а на сей 1745 год денежного и хлебного жалованья. Команды моей солдаты и служилые принимают великую нужду и голод, от чего и видеть жалосно.

И ежели б на прошедшей 1744 и на сей 1745 годы солдатом и служилым денежное и хлебное жалование от Якуцкой воеводской канцелярии заблаговременно прислано было и поставлено в Анадырск и прошедшей весны сего 1745 года в поход к неприятелям вступлено было, то б помощью всемогущаго бога чаятельно, что партия окончана б была и дального казённого интересу траты не было б, ибо хоша от Якуцкой воеводской канцелярии ея императорского величества жалованья солдатом и служилым провианта на 1744 год тысяча пуд и прислан был, которой в Анадырск и поныне не поставлен положен на урочище Бане, за малой водой по реке Анюе протти было невозможно, а по присланной промемории из Якуцкой воеводской канцелярии велено показанной провиант поставить в Анадырск ковымскими служилыми и ясашными иноземцами, токмо и поныне не поставлен.

А что же по предложению Якуцкой воеводской канцелярии, якобы в прежней партии служилые, не требуя от Якуцка хлебного жалованья, питались рыбой и оленьим промыслом, оное предложено не справясь, понеже в прежней партии при отправлении моём в поход в Чюкоцкую землицу тогда Анадырского острогу иноземцы коряки команды моей служилых подымали своим коштом и кормили своими каргинными оленьми, понеже тогда те коряки оленьми довольны и от чюкоч не раззорены, а как запрещено было на них чюкоч в поход не ходить, тогда служилые живучи в Анадырску и завсегда были при остроге у промыслов рыбной и оленьей плавии и тем питались, тако ж и от Якуцкой воеводской канцелярии денежное и за хлеб деньгами получали за все годы, а ныне команды моей солдаты и служилые в летнее время и имели б на пропитание промыслять рыбы, токмо завести себе заводу неводного и сетей не на што и купить нечем, принимают нужду и голод, а паче наги и босы, по здешнему месту без тёплого платья и пробыть невозможно, понеже самое место студёное.

По вышеписанной скаске о взятых в полон неприятельских чюкоцких жёнок командовал сего октября 7 дня лёхких команды своей людей управляющаго за обер-офицера каптенармуса Петра Трошина и с ним солдат и служилых 60 человек к вышеупомянутой выше устья реки Анадыря на урочище Копейкиной корге для лутчаго присмотру неприятелей чюкоч, и велено ему, прибыв на означенное место, осмотреть у того урочища, и ежели сыщутся и пойдут на окорт, таковых привести к Анадырскому острогу, чтоб они шли без всякого опасения, а ежели на окорт не сдадутца и будут противитца боем, то присмотря ежели в малолюдстве, прося у всемогущаго бога помощи, поступить с ними военною рукою, а ежели многолюдство, то от них ретироватца и ко мне немедленно репортовать.

Того ради Иркутскую провинциальную канцелярию сим и по прежде посланными репортами предлагаю, ежели на партию солдатом и служилым на прошлой 1744 год хлебное или за хлеб деньгами, тако ж и на сей 1745 и в наступающей 1746 годы денежное и хлебное жалованье прислано не будет, то всеконечно партии солдаты и служилые в таком отдаленном краю и многотрудном ходу понесут от наготы и босоты нужду, а паче и голод (от чего, боже сохрани, помрут) и в том произойдёт вред и воследует ея императорского величества интересу упущение и людем трата, и о том я отвечать не повинен. А за неимением провианта в поход итти нечем, и Анадырского острогу на ясашных коряк

в каргинных от них оленях для пропитания впредь надежды не имею, понеже они преж раззорены от неприятелей чюкоч, тако ж и прошедшей зимы команды моей солдат и служилых пропитали и били своих каргинных оленей многое число, о чём и прежде от меня в Иркутскую провинциальную канцелярию репортовано. А в Якуцкую воеводскую канцелярию послана промемория апреля от 22 числа сего 1745 году о поставке партии солдатом и служилым денежного и хлебного жалованья, от Якуцкой воеводской канцелярии старание и радение не имеет, от чего неприятели за непоходом нашим имеют исправу, а нам в партии в поход чинитца остановка, и о вышеописанном Иркутская провинциальная канцелярия указом ея императорского величества что повелит. Октября 10 дня 1745 году.

На подлинном пишут тако маэор *Павлуцкой*.

Подканцелярист *Афанасий Скребыкин*

(Листы документа скреплены: «*Григорей Березовской*».)

Сенат, 1-й департ., д. 1552, л. 32—36

64. Из «репорта» майора Павлуцкого в Иркутскую провинциальную канцелярию от 20 июня 1746 г.

Сего 1746 году марта 18 дня из Анадырского острогу, взяв команды своей регулярных солдат и служилых людей, возымел марш в поход на немирных чюкоч на Колымское море и следовал со всевозможным поспешением с конвоем.

Апреля 15 дня, взяв из команды солдат и служилых 141 человека и иноземцов юкагирей и коряк, от обозу следовал наперёд налегки к морю для обыску неприятелей чюкоч, а в обозе оставил Якуцкого полку капрала Фёдора Такшеева с командою, которому велено, чтоб следовал с обозом назаде осторожно и опасно и о протчем.

Того ж апреля, 17 дня маршировал по обоим сторонам вперёд себя лёхких иноземцов юкагирей для присмотру неприятельских приличных признаков.

И на правой стороне нашей дороги юкагири обыскали неприятелей чюкоч дорогу, по которой следовал я наскоре.

18 числа на солноходе наехали на чюкочкие на пять юрт, которые стояли по край реки, называема Чауна, наехав и отаковали, из которых выходило неприятелей чюкоч на бой человек шестнадцать, и помощью всемогущаго бога оных всех побили (при том бою с нашей стороны ранили одного иноземца луччаго коряку), а другие неприятели чюкчи сами себя в юртах исприрезались, не хотя

итти в покорность, тако ж де жён и детей своих прикололи ж и привешали, токмо в плен взято два подростка мужеска полу, две жёнки да коряцкого прежнего полонённых ими чюкчами мужик да жёнка, которые отданы родникам их корякам. При том же взято пять табунов езжалых и неезжалых оленей, например сот с шесть, которые олени отданы служилым, езжалые на езду, каргины на пропитания.

19 числа откомандровал сотника Семёна Кривогорницына с командою в штидесяти человеках и иноземцов юкагирей и коряк 17 человек подле моря для обыску неприятелей чюкоч.

27 числа означенной сотник Кривогорницын с командою прибыл в лагерь благополучно и объявил он, сотник: неприятели чюкчи, завидя их, ушли на побег из одной юрты, людей малое число на лёхких своих стоялых оленях, за которыми де гнались трои сутки, постичь не могли, к тому ж и олени за дальным ходом пристали, токмо отбили оленей неезжалых с пятьдесят, а юрту и гарно они, чюкчи, сбросали и детей своих они, неприятели, прикололи. Тогда за показанными неприятели чюкчами в погоню за малолюдством в команде людей, а паче у солдат и у служилых за неимением харчевых припасов, тако ж и за присталью оленей далее итти было невозможно...

(В опущенной части «репорта» Павлуцкий просит о присылке ему провианта, повторяя «репорт» от 10 октября 1745 г.)

Маэор Павлуцкой

Июня 20 дня 1746 году.

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 49—50

65. «Доношение» ясачных коряков и «скаска» казака Артемьева и других от 17 марта 1747 г.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая.

Доносят Анадырского острогу ясашные и оленные коряки кнесцы Шадра Ахынтыкив, Веем Ипекин, Яллах Тинивгин, Авулан Амьятов, Умьевы Ялахив, Нанылан Тыгавгин, Яхыик Итчалин, Тепега Эвелин, Ивака да Энгилей Лехтелевы, Гачигил да Елвач Овлоховы, Ахыя, Калда, Откувья Логоповы, Нокок Яхыков, Агыкева Иттчалин, Ивтигилян Амунов, Гачигыл Авуявин, Ичика Тамалин, Ивака Верхоглядов с родниками своими, а в чём наше доношение, тому следуют пункты.

(Привлекая на свою сторону и всячески используя в своих интересах коряцких родовых старшин, русские часто прибегали к их услугам для борьбы с чукчами, используя часто вспыхивающие между ними междоусобицы из-за оленных пастбищ. Однако отдельные из родовых старшин впоследствии, при усилении русской эксплуатации, становились активными участниками борьбы с русскими. Таков, например, Авулан Амьятов, который, будучи в 1751 г. аманатом в Анадырске, поднял там восстание, бежал и в 1753 г. был убит русскими.)

1. Понеже мы, раби вашего императорскаго величества, готовы служить с ревностною своею охотою и надлежало иттить в погоню за неприятелями чукчами, токмо войска партии солдат и служилых, за всеконечную нашу скудость езжалых оленей, поднять не на чем, для того что сего марта 12 числа 1747 году неприятели чукчи, собрався во многом людей, пришед из своей землицы на наши жилища близ Анадырскаго острога на урочище на усть речки Орловой, внезапно напали на нас и отбили езжалых и неезжалых оленей всего семь табунов, в которых было казачьих езжалых оленей немалое число.

2. А достальных оленей, кои ещё у нас за взятьем были, и тогда, кои от нас получил партии маэор господин Павлуцкой ведомость о приходе к нам неприятелей чюкоч, собрався с командою своею солдаты и служилыми, кои были лёхкие люди, тех оленей обрал под себя и под команду свою и следовал по их неприятельской дороге належке наперёд и сего ж марта 14 числа поутру, догнав их, неприятелей, на означенной речке Орловой, и отаковал, причём и мы, раби вашего императорскаго величества, в то время при нём, маэоре господине Павлуцком, были и учиня с неприятельми баталию. Между тем временем по несчастью ево, господина маэора Павлуцкого, и при нём будущих служилых и солдат также и наших ясашных оленных коряк побили и оленей отогнали, понеже он, господин маэор Павлуцкой, был в малолюдстве, всего и с нами, коряками, войска находилось человек сто с несбольшим, а достальной команды своей солдат и служилых не дождался и с теми малыми людьми на неприятелей вступил в бой и то очунь чрезвычай не в способном месте, для того что они, неприятели, стояли на горе, а наш приступ был из-под горы. И как они, неприятели, рассмотрели, что малолюдно, едва чрез великую возможность дали выпалить из ружей один раз и то не всем, бросились вдруг на копьях и не дали никакой исправы, стали побивать наше войско и много ружей отбили. И за потребно признаваем мы, что их,

чюкоч, по крайней мере было в той батали ста с четыре или пять сот человек, и просили ево, господина маэора Павлуцкого, чтобы нашего войска всего сзади дождаются да тогда на них, неприятелей, наступить на бой, только он нашу прозбу ни во что вменил.

3. И видя мы, что уже нашего войска побито много, и тогда достальные служилые, также и мы, стали отбиватца отходным боем и тогда с нашей стороны много ранено служилых и до смерти побито, также и коряк много ж побито, затем что по вступлении с неприятелями в баталию отбито у служилых ружей, а у коряк луков, и отбивались тем отходным боем с оставшими с нами служилыми до своего осадного коряцкого острогу, которой сделан был из наших возовых санок, с великим трудом. И они, неприятели чюкчи, гнались до последку до нашего коряцкого острогу, а по счастью нашему в то время подоспело к нам войска человек с пятьдесят, то уже они, неприятели чюкчи, усмотрели, что к нам войска на выручку пошло, возвратились в свою землю. А ежели б в те поры к нам нашего войска не подошло, то б нам всем в своём остроге не знамо бы как было отсидеться.

4. А у кого имяны неприятели чюкчи у нас, коряк, отбили табуны и сколько при баталие побито и ранено и взято в полон, о том объявляем при сем доношении имянным реестром, а что же с господином маэором Павлуцким при означенной баталии солдат и служилых ранено и побито и с нами сколько от неприятелей отбивались отходным боем и кто имянно, о том подлинно сказать за иноземчеством своим не знаем.

5. И дабы высочайшим вашего императорскаго величества указом повелено было за вышеписанною нашею оленною всеконечною скудостью в погоню за неприятелями чюкчами не гнатца, ибо ко предкам вседушевно будем готовится со всяким прилежно тщательным радением и обучать из достальных своих каргинных табунов оленей на нужное время или когда востребуется на выезд в поход на неприятелей чюкоч, а хотя у нас по малому числу езжалых оленей есть, только те олени в путь негодны и ненадёжны, для того что, когда кочевали юртами своими из своей земли под Анадырской острог, тогда ещё измучилась под санками, а ныне мы до будущей осени от неприятелей чюкоч опасности не имеем, а в наступающую осень будем сами просить для обережи служилых, сколько нам будет нужно, и поднимем к себе на своём коште и об оном обо всём куды надлежит писать.

Всемиловитейшая государыня, просим вашего императорскаго величества о сем нашем доношении решение учинить. Марта дня

1747 году к поданию надлежит партии казачью сотнику Алексею Котковскому.

Подлинное доношение писал также парти за ротного писаря служилой Никита Куркин.

Реестр взятым табунам от коряк неприятелями чюкчами, а имянно:

У Аивулана один табун, у Шадры один табун, у Иваки два табуна, у Эгилии два табуна, у Омата Инмахачева один табун.

Взято в плен восемь жёнок, в том числе один мужеска полу подросток парень.

Побито с маэром при баталии:

Итчал Яхынков, Ахамя Холопов, Ивикка Эвлохов, Бритва Эвлохов, Теневья Третьяков, Нылат Кылыянов, Умьевы Халеопов, Петеня Вакочин, Хегаят Етогов, Ивигин Теневин, Яхинто, на подлинном пишет тако:

Знамя Шадрино. Знамя Яхоллово. Знамя Увиевино. Знамя Яхыпково. Знамя Ивакино. Знамя Гачигиново. Знамя Ахыяково. Знамя Нококово. Знамя Ивтилиниково. Знамя Куиново. Знамя Веимово. Знамя Авуланова. Знамя Напыпанова. Знамя Тепегино. Знамя Этгилино. Знамя Елчагово. Знамя Аткувьено. Знамя Эгевевино. Знамя Гачигылово. Знамя Ивагеину. (Знамя в оригинале изображает рисунок лука и стрелы.)

Иноземческие речи переводили и знамёна подписали за толмачей служилые Иван Павлов, Алексей Шипунов, Иван Пурга прощением вместо их той же партии за ротного писаря Алексей Мельников руку приложил.

Того ж числа о побитии партии маэора господина Павлуцкого и протчих команды ево служителей при баталии немирными чюкчами и о протчем ведомства Анадырского острогу казачей сын Никита Иванов Артемьевых скаскою объявил.

Сего де марта 14 числа поутру на солноскоде с маэром господином Павлуцким на урочище речке Орловой против неприятелей чюкоч и на батали был и по несчастию де ево, господина маэора Павлуцкого, и протчих команды ево служителей неприятели чюкчи побили, затем что их было, чюкч, многонародно, например сот с пять иль больши, и, видя они, что с нашей стороны войска много побито и ранено, стали отходить отходным боем с протчими тогда будущими в той баталии солдаты и служилыми людьми и с ясашными коряками до их коряцкого острогу с великою трудностию, а коликое число солдат и служилых и коряк было при батали с маэром господином Павлуцким и сколько ранено и побито, того подлинно сказать не знает и в сей де своей

скаске сказал самую истинную свою правду без утайки под опасением смертной казни.

На подлинной пишет тако: к сей скаске казачей сын Никита Артемьевых руку приложил.

Того ж числа казачьи дети Никита Попов, Иван Попов скаскою объявили то ж, что выше сего и Никита Артемьевых скаскою объявил.

На подлинной пишет тако: к сей скаске вместо Никиты Попова, Ивана Попова их прошением служилой Никита Куркин руку приложил.

Того ж числа Нижно[ко]вымского зимовья служилой Агафон Селиванов то ж показал скаскою, как выше сего и Никита Попов с товарищи скаскою объявили.

На подлинной пишет тако: к сей скаске вместо Агафона Селиванова ево прошением служилой Никита Куркин руку приложил.

Того ж числа Нижноковымского ж зимовья ясашной плательщик Сергей Кузьмин сын Насонов то ж сказал, что выше сего Агафон Селиванов объявил.

На подлинной пишет тако: к сей скаске вместо Сергея Насонова ево прошением Никита Куркин руку приложил.

Того ж числа Анадырские посацкие Григорей Щипунов, Лука Ворыпаев объявили против того ж, как за подпрапорщика служилой Василей Антипин, пятидесятник Ефрем Котельников выше сего сказали ж.

На подлинной пишет тако: к сей сказке вместо Григория Шипунова ево прошением служилой Никита Куркин руку приложил.

Того ж числа Анадырской казачей сын Василей Серебренников против того ж показал, как выше сего казачей сын Никита Артемьевых скаскою объявил.

На подлинной писано тако: к сей сказке вместо Василья Серебренникова ево прошением служилой Никита Куркин руку приложил.

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 238—242

66. «Репорт» сотника Котковского в Иркутскую провинциальную канцелярию от 3 апреля 1747 г.

Понеже сего марта против 12 числа около полуночи 1747 году приехал от оленных ясашных коряк лутчего коряки Веема Ипекина работник ево мимо и объявил словесно, яко неприятели чюкчи пришли под Анадырской острог на усть речки Орловой на их жилища и разбивают их оленных ясашных коряк.

И того ж числа в ночи партии маэор господин Павлуцкой собрався с лёхкими людьми с солдаты и служилыми всего в девяносте семи человеках, в том числе камисарского ведомства казачьих детей четыре, да ясашной один, посацких двое, колымской служивой один да с собою взял ясашных оленных коряк 35 человек и отправился наперёд на оленях и на собаках, а позади себя оставил войска солдат и служивых всего двести два человека.

И приказано было от него, маэора господина Павлуцкого, чтоб оному войску следовать за ним пешком, а хотел навстречу послать оленей, с которыми я той же ночи следовал со всяким поспешением, а санки тащили и ружья несли на себе и шли пешие, а оленей от него было навстречу не прислано. А в Анадырску при остроге на караулах больных и под арестом оставалось солдат и служивых 53 человека.

А марта 14 числа после полудни прибыл я в оленные ясашные коряки с означенною посланною со мною командою и получил словесной репорт чрез служивых и ясашных оленных коряк, что господин маэор Павлуцкой марта ж против 13 числа в ночи перед утром присмотрел неприятелей чюкоч стоячих на горе на усть речки Орловой, а 14 числа поутру на зоре отаковал, а на восходе солнца, не дождався меня за собой с достальной всею командою, с теми малыми людьми, кои с ним наперёд ушли, поступил с ними, неприятелями чюкчами, военною рукою и по несчастию де ево господина маэора Павлуцкого и при нём будущих в той батали солдат и служивых немалое число неприятели чюкчи побили. И того ради с ревностною охотою имел как я, также парти солдаты и служилые намерение для отмщения христианские кровь и искоренение их, неприятелей чюкоч, итти за ними в погоню, токмо за всеконечно оленных ясашных коряк езжалых оленей скудостью поднятася было не на чем, чего ради как ещё и сперва о приходе неприятелей чюкоч под Анадырской острог на коряцкие жилища ведомость получилась, но и тогда я с достальной командою следовал за ним, маэором господином Павлуцким, пешие.

А марта 17 дня, в поданном доношении анадырских оленных ясашных лутчих коряк Шадры Аханкива, Веема Ипекина, Яллача Танавеина с товарищи и с родниками между прочим написано: понеже де они ея императорскому величеству готовы служить с ревностною своею охотою и надлежало итти в погоню за неприятелями чюкчами, токмо войска партии солдат и служивых за всеконечную их скудостью езжалых оленей поднятася не на чем, для того что сего марта 12 числа 1747 году неприятели чюкчи, собрався

во многом числе людей, пришед из своей землицы на их жилища близ Анадырского острогу на границе на усть речки Орловой, внезапу напали на них и отбили езжалых и неезжалых оленей всего семь табунов, в которых было и казачьих езжалых оленей немалое число, и взяли в полон их, коряцких, семь жёнок да один парень подросток, а достальных де оленей, кои ещё у них за взятием чюкчами были, и тогда, как от них получил партии маэор господин Павлуцкой ведомость о приходе к ним неприятеле чюкоч, и тех оленей, при побитии де ево, господина маэора Павлуцкого, и команды ево солдат и служилых, также и их, коряк, неприятели чюкчи отогнали.

И просили они, коряки, Шадра Ахантыкив с товарищи, чтоб за всеконечную их скудостью езжалых оленей в погоню за неприятелями чюкчами не гнался, ибо ко предкам вседушевно будут готовитца со всяким прилежно тцательным радением и обучать из достальных своих каргинных табунов оленей на нужное время или когда востребуется на выезд в поход на неприятелей чюкоч. А хотя де у них по малому числу езжалых оленей есть, только те олени в путь негодны и ненадёжны, для того что, когда кочевали юртами из своей землицы под Анадырской острог, тогда ещё измучились под санками, а ныне де они до будущей осени от неприятелей чюкоч опасности не имеют, а в будущую осень сего 747 году будут сами просить для обережи служилых, сколько им будет потребно, поднимут тех служилых себе на своём коште, и о том де куды надлежит писать.

А в скасках о битии партии маэора господина Павлуцкого и протчих команды ево той же партии за подпрапорщика служилого Василья Антипина, Ефрема Котельникова с товарищи между протчим же написано.

Сего ж де марта 14 числа по утру на солносоходе с маэором господином Павлуцким против неприятелей чюкоч на усть речки Орловой на батальи были, токмо де по несчастью ево, господина маэора Павлуцкого, и при нём будущих с ними двух сотников, одного подканцеляриста, одного пятидесятника, одного ясаула и юкагирского толмача, Якуцкого полку капрала Фёдора Такшеева, за капрала солдата одного Ивана Кистинева, служилых тридцать двух, коряк одиннадцать человек неприятели чюкчи побили и ружья их в полон взяли, для того де что их, неприятелей чюкоч, было весьма многонародно, по крайней мере, например, с пятьсот или шестьсот человек, а их де солдат и служилых было с ним, маэором господином Павлуцким, 97 человек, коряк 35 человек.

Да к тому ж де и баталия была чрезвычайное дело не в способном месте, затем что неприятели стояли на горе, которая высокою разстоянием в немалой обширности обстоит, а их приступ был на них из-под горы, и рассмотрели они, неприятели, что их малоллюдно, бросилось вдруг на их с копьями и никакой свободной ко оборонению исправы не дали и едва чрез великую возможность из ружей дали выпалить один раз, а больше и ружей заправить было некогда, понеже пошли неприятели чюкчи на копьях, также и они насупротив их, неприятелей чюкоч, пошли на копьях же и бились с ними не малое время. Но однако ж они, неприятели чюкчи, весьма очюнь за малоллюдством их осилили, ибо их было многонародно и взяли ружей у 16-ти человек, и видя они, что уже нашего войска много побито и ранено, то стали от них, неприятелей чюкоч, отходить отходным боем и отбивались с великою нуждою. И тогда с нашей стороны ранено служилых 13 человек, коряк 15 человек, и гнались они, неприятели чюкчи, за ними до коряцкого острогу, которой сделан был из возовых санок. И в то ж время, по счастью их, подоспело к ним войска встречу к тому острогу служилых человек с 50, то они, неприятели, усмотрели, что к ним войска на выручку подходит, от того острогу отошли прочь и ушли в свою землицу, а ежели б и тогда войска к ним не подоспело, то бы незнамо, как было от них, неприятелей чюкоч, и в остроге отсидется.

А во время де той баталии взято в полон одно знаме, одна пушка маленькая железная, один барабан да одного служилого, и до того уже время допущало, что они, неприятели, у служилых и служилые у них друг друга отнимали из рук копья, а протчие служилые, у которых отбиты были ружья, оборонялись и ножами.

А с вышеозначенного доношения, тако ж и со скасок за подпрапорщика служилого Василья Антипина, пятидесятника Ефрема Котельникова с товарищи, приобщены при сем точныя копии.

А ныне при Анадырску состоит на лицо при парти Якуцкого полку один каптенармус, капрал один, гранодер шесть человек, солдат 21 человек, в том числе один Сибирского гарнизона Тобольского полку, служилых 290 человек, в том числе в дальних отлучках в Иркуцку и в Якуцку один сотник, пятидесятников двое, служилых пять, итого восемь человек. К тому ещё в полной комплект надлежит прислать в дополку гранодер 4, солдат 17 человек, служилых 110 человек, понеже впредь без полного комплекта солдат и служилых воровски приходу от неприятелей чюкоч под Анадырской острог нападения на ясашных коряк весьма опасно да и от изменников анадырских и охоцкого порта оленных и сидячих

коряк, хоша они и верноподданные, только весьма ненадёжны (и вперёд чего не дай боже) уже и так не без опасности.

И о присылке в партию для содержания команды и лутчаго порядку нового командира и в полной комплет вышеписанного числа гранодер, солдат и служилых и по прежде посланному октября от 13 числа 746 годы парти от маёра господина Павлуцкого и по сему репортам и обо всём вышеписанном Иркутская провинциальная канцелярия указом ея императорского величества что повелит, а о том же в Якуцкую воевоцкую канцелярию репортом писано ж.

На подлинном писано тако. Сотник *Алексей Котковский*.

За ротного писаря служилой *Алексей Мельников*
Апреля 3 дня 1747 году.

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 235—237

Походы капитана Шатилова против чукчей в 1751—1752 гг.

67. «Репорт» капитана Шатилова в Иркутскую провинциальную канцелярию от 11 марта 1752 г.

Августа 6 дня минувшаго 1751 года маршировал я из Анадырска водяною комуникациею для поиска неприятелей чюкоч на судах вниз по реке Анадырю до урочищ Чекаева и до Красного яру, в котором маршу было при мне солдат, казаков и прочих чинов двести человек, и прибыв на урочище Чекаеву 12 и оставя на оном порутчика Бельского с командою для промысла оленей двумя судами, при коих было солдат и казаков двадцать, и отсюда следовал я в восьми судах вперёд к Красному яру и прибыл того ж числа. А неприятель уже отсюда до прибытия моего утёк на побег с великою торопостью, за коим закомандирован был сотник Куркин с командою на одном судне, для того чтоб оныя чюкчи усмотрели, что к ним послано одно судно не для войны, и остановились бы на месте, а сотнику Куркину велено, ежели их где постигнет, то их уговаривать ласкою и приветом под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платёж, и буде по уговорам склонятся, то бы из них одного лутчаго до меня привести, а ежели они по уговорам добровольно не склонятся и усмотрено будет, что их малолюдно, то в таком случае ему, Куркину, призвав в помощь всемогущаго бога поступать военною рукою, а буде ж многолюдно, то отнюдь не поступать и в озард себя не отдавать, но как можно следовать в главную команду.

А достальными семью судами оставался я на том урочище у Красного яру затем, ежели б тогда всеми судами за ними следовать, то увидя оные чюкчи устрашатся и на побег пойдут, и в таком разсуждении лутче их умирать сперва ласкою и приветом, и хотел их видеть и от них слышать, какия разговоры иметь будет и от чего в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платёж не склоняются, которой сотник из той командировки прибыл того ж числа в ночи, репортовал словесно, что неприятель ввечеру к нему в восьми байдарах подъезжали, но весьма близко, с коими он имел переговоры и призывал в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в ясашной платёж, точию де они не склонились и говорили, что ясаку и прежде сего времени не платили да и ныне платить не будут, но никакого с ними сражения не было, и объявля ему, Куркину, умышленно, что пошли они в свою землицу и более уже не будут.

13, оттуда отошёл я с командою возвратно в удобное место пониже Красной реки и остановился для промыслу оленей и оттуда командировал для оленного ж промыслу на двух судах двух сотников, Котельникова и Куркина, с командами на урочище Чекаево, из коих показано быть Котельникову на Чекаеве, а порутчика Бельского ордировал, чтоб следовал двумя судами на Усть-Криву[ю] протоку, а Куркину быть пониже Чекаева на острову, именуемом Буяне.

14, например до вечера часа за три, они, чюкчи, пошли в семи байдарах, а другие в ветках, знатно что имели намерение наш караул скрасть и незапно учинить нападение, точию ж с караула наши их прежде усмотрели и того ж моменту с достальными за командированием шестью судами гнались за ними с великою ревностию и поспешением едва не до Копейкиной губы, но за весьма ночьюю темнотою и ветхостию наших судов они, чюкчи, утечкою ускорили, и затем постичь не могли и в таком случае той же ночи возвратился к Красному яру и ночевал.

15 числа следовал на то ж место, откудова за ними в погоню пошёл, и прибыл благополучно и на оном ещё для промыслу оленного продолжил время до 18 числа и, как всевышний бог даровал служителям на пропитание в путь до Анадырска оленного мяса, и тогда, отдав всемогущему богу благодарение, возвратился и по прибытии на Чекаево 21, взяв означенных сотников с командами, и 22 следовал же оттуда к Анадырскому острогу и по прибытии на Усть-Кривую протоку по вышеписанному ж порутчика Бельского с командою взял и оттуда паки следовал в Анадырск в таком разсуждении,

чтоб не пропустить в Анадырске удобного рыбного промыслу, дабы служители за безпромыслицею рыбного корму, а паче за неприсылкою от Якуцкой канцелярии никакова в Анадырске провианта не имеется, не претерпели нужды и голоду. И прибыл в Анадырскую крепость сентября 1 дня с великим трудом, для того что в Анадырске весьма вода была мала, и во многих местах чрез мели суда перетаскивали с садою с немалым же трудом и, недошед до Анадырска разстоянием, например, вёрст за десять, при урочище Кислой Вадеге с судов половину кормовых припасов сгруживали и оттоля почти простые суда едва до Анадырска довели с нуждою.

Сентября 3 упоминаемой же сотник Куркин с командою в тридцати человеках отправлен был на одном судне на урочище Усть-Прорву для предосторожности, чтоб неприятели чюкчи водяною камуникациею воровски не подошли под Анадырскую крепость и не учинили б оной какого б повреждения и высочайшему ея императорского величества интересу ущербу, и велено ему, Куркину, на том на урочище быть того ж сентября до 15, которой из той посылки в Анадырск прибыл 16 чисел и репортовал обо всём благополучно.

И о вышеписанном Иркутская провинциальная канцелярия да благоволит быть известна.

Марта 11 дня 1752 году.

На подлинном пишет тако. Капитан *Шатилов*.

Подканцелярист *Алексей Мельников*

Сенат, 1-й департ., д. № 1552, л. 422—422а

68. «Репорт» капитана Шатилова в Иркутскую провинциальную канцелярию от 22 октября 1752 г.

Прошедшаго августа 9 дня сего 1752 году маршировал я из Анадырской крепости с командою по течению реки Анадыря вниз на одиннадцати судах для поиску неприятелей чюкоч, в коей партии было разных чинов 180 человек.

12 прибыл на усть Маин реку и оставил пятидесятника Верхотурова в 18 человеках и одно судно, да того ж числа при урочище Панковом оставлен же пятидесятник Пётр Шатилов и при нём 10 человек рядовых и за негодностию одно, итого два судна для промыслу оленей.

14 на утренней зоре усмотрели неприятеля на двух байдарках повыше урочища Чекаева, из коих одну, помощью всемогущаго бога, военною рукою отаковал и побил в ней будущих чюкоч, токмо из

той байдары ушли на побег пять человек на берег в чащу, в том числе один раненой. И от того стражения услышали про у[ро]чище Чекаеве, где имелся чюкоцкой посад, и с коего неприятели чюкчи со всякой торопостью пошли на побег, а имеющимся на острове Буяне и на усть реки Красной и у Красного яру чюкчам же те ретировавшиеся на побег от Чекаева друг другу о поступлении моём на них военною рукою давали знать пальбою из ружья, которые чюкчи по тому знаку паки по вышеписанному от предписанных урочищ с торопостию пошли на побег, за которыми я гнался с великою ревностью, точию оне, чюкчи, на которых у них байдарах люди будут приставать, то тех людей возьмут на другие байдары, токмо три байдары, как я стал их постигать, тогда увидя они, что уже им утечкою не ускорить, погребли чрез ланду к берегу (то есть отмелое место) и вышли на берег, оставя в тех байдарах свой богаж, а сами ушли в реку весьма в неспособный и чащевитыя места, и обьяжав я ту ланду парусом и пристал ниже, ибо меня чрез ту ланду, куды они, чюкчи, байдарами прошли, судном не пропустило.

Однако ж я за ними командировал вслед солдат и казаков которые, помощью ж всемогущаго бога, хотя их, чюкоч, самих не могли постичь, однако ж взяли в плен мужеска полу парня одного, женска полу больших и малых шесть и предписанные три байдары. И между тем временем стали за мною и достальные суда, судно по судну, сбиратца и за оным продолжением они, неприятели чюкчи, в тридцати байдарах ушли в скорости на побег, ибо их байдары против наших судов легче и ходом мелки, и хотя с ревностью ж намерен я был ещё за ними вслед гнатца, но точию уже не в дальности были оттуда Прокопьевска, Онеменска и Нерпичья губы, чрез которые было следовать за ними, чюкчами, надлежало, однако ж за весьма дальностию чрез оныя губы за ними, чюкчами, далее не следовал, понеже суда наши не в скором времени собрались, к тому ж и военно служащие люди весьма притомились, ибо я за ними, чюкчами, одним своим судном гнался расстоянием больше 80 вёрст, а протчии суда оставались за тяжёлостию позади меня, и только из них за мною видно было одно судно.

И по возвращении оттуда Красному яру командированы были пятидесятник один и при нём рядовых двадцать для подсмотру неприятеля, которые паки взяли в плен одну жёнку с небольшою девкою, да по прибытии Красному яру взята ж в плен одна жёнка с парнем, при котором урочище остановился для отдыха военнотружущим людем и во время ночи, отошед всеми судами, и стал на якори чрез всю реку, для того что как я сперва за ними, чюкчами, от урочища Чекаева погнался судами, и тогда от военного страху несколько

байдар ушли в устье реки Красной, и один ветошник против устья той реки Красной на зарешную сторону ушёл на берег.

15 по утру, как росветало, пришед судами к берегу, ещё нашли одну жёнку, которая объявила, что за старостию от товарищей своих осталась и с ними иттить не могла и затем для проводывания пришла, что русские люди ушли или нет, и не осталось ли какой их чюкоцкой байдары или ветки, на коей бы де ей можно было до своих товарищей дойтить. И того ж моменту для поиску речённых её товарищей командированы были двое урядников и при них рядовых по двадцати по четыре на обе стороны того Красного яру, которые, пришед обратно, репортовали меня, что никого из неприятелей найти не могли.

А предъявленная чюкоцкая жёнка, сидя на судне, незапным случаем схватав копие, поколовши себя, кинулась в воду, которую вытащили, но она уже едва и дыхание имела, и для того велел ему заколоть и закласть каменьем. И во оном походе взято в плен мужеска полу робят двое, женского полубольших и малых десять, двадцать шесть лисиц красных, в том числе у трёх до половины хвосты оторваны, у двух по корень не имеютца, да четыре сиво-душки, в том же числе у одной половина хвоста оторвано ж, три парки куньи поношены, и один куяк железной, 15 байдар, 40 веток. И того ж числа, создав богу благодарение, учинил отвал, для того чтоб дойтить заблаговременно в Анадырскую партию и не пропустить удобного рыбного осеннего неводного и половодного езowego промыслу, дабы в наступающую нынешнюю зиму военнотружущия люди за непривозом провианта и за беспромыслицею рыбного корму не могли претерпеть крайней нужды и голоду, следовал к урочищу Чекаеву и по прибытии на устье реки Красной паки командировал двух урядников и при них рядовых по двадцати по четыре для поиску ж неприятелей чюкоч, которые от военного страху ушли в то устье реки Красной, и прибыв обратно, реченныя урядники репортовали меня, что неприятелей чюкоч найти не могли и никаких их признаков не видали.

И во время ночи паки я всеми судами вышел и постановился чрез всю реку на якоря и ночевал благополучно.

16, встав поутру, следовал к урочищу Чекаеву и в том следовании на острове Буяне оставил прапорщика Ковалёва с пятью судами (которой остров от Чекаева обстоит в недалнем расстоянии около десяти вёрст) для промыслу оленей, а я с достальными четырьмя судами прибыл того ж числа на Чекаево и остановился для промыслу ж оленей и продолжил время до 18, точию на оных урочи-

щах, как на Чекаеве, так и на Буяне острове, оленного промыслу не было, и для того приказано прапорщику Ковалёву прибыть со всемя при нём пятью судами к урочищу Чекаеву, которой того ж числа и прибыл благополучно. И по прибытии ево следовал я со всею командою к урочищу Панкову плёсу, где оставлено от меня было одно судно и пятидесятник один с десятью рядовых, на которое прибыл 22 ввечеру и продолжил на оном время по 26-е для промыслу оленей и оттуда следовал на урочище усть реки Маина, где имелся с одним судном пятидесятник и при нём восемнадцать рядовых, и того ж 26 на усть Маины прибыл, а 27 на том урочище продолжил, для того что промыслу оленей означенного пятидесятника, разделив солдатом и казакам, и приказал погрузить на суда и 28 по утру на зоре учинил отвал, следовал в Анадырск и прибыл сентября 2 числа за благодать всецедрого бога благополучно.

А 4-го числа того ж сентября командировал я из Анадырской крепости на предписанное устье реки Майна в предосторожность, чтоб извесныя неприятели чюкчи тогда водяною коммуникацию воровски не подошли к Анадырской крепости и не могли б оной учинить какого незапного повреждения на верноподданных ея императорского величества народов нападение и смертного убивства, на четырёх судах сотника казачья одного, при котором было урядников, капралов и рядовых 50 человек, коему сотнику велено тамо быть по 17 число, которой из той командировки в Анадырскую крепость прибыл обратно того ж сентября 22 дня и репортовал меня письменно, что как неприятелей чюкоч, так и их воровских никаких признаков нигде не видали.

А по справке в анадырской партии имеетца взятых порутчиком Кекеровым в плен в прошлом 750-м году от чюкоч две парки куньи ношены, а по присланному ея императорского величества указу из Ыркуцкой провинциальной канцелярии августа от 12 числа минувшаго 1751 году велено означенныя взятые от чюкоч в плен две парки и впредь какая от них мяхкая рухлядь помощью всемогущего бога получена будет в добычу, при способной оказии при доношениях отсылать в Ыркуцкую провинциальную канцелярию. И во исполнение оног ея императорского величества указу предъявленные взятые мною в плен в нынешнем 752 году от чюкоч три парки куньи, двадцать шесть лисиц красных, да четыре сиводущетые тако ж и взятые в 750-м году порутчиком Кекеровым от чюкоч в плен две парки куньи и того пять парок куньих, 30 лисиц красных, в том числе четыре сиводушки с лапы и с хвосты, которые положены в одной сыромятной суме и запечатаны собственною моею

печатью и посланы из Анадырска в Ыркуцкую провинциальную канцелярию при сем доношении с нарочным команды моей казаком Фёдором Лобашковым, коему велено следовать со всяким пути поспешением, и по прибытии в Ыркуцкую провинциальную канцелярию означенныя парки и лисицы и посланныя отсель доношении и репорты отдать с роспискою и следовать обратно в Якуцк и по прибытии, истребовав от Якуцкой воевоцкой канцелярии по посланной отсель промемории для необходимых при партии надобностей на починку ружей железа полосового десять, стали одного укладу четырёх пудов и по приёме оного по вышеписанному ж следовать в Анадырскую партию с поспешением же.

И для проезду ему от Анадырска до Якуцка определена одна треть подводы и подорожная, токмо за неимением при партии денежной казны поверстных денег не дано, и об отправлении ево из Якуцка в Ыркуцк, удовольствовав, чем к тому пути по указом надлежит, в самоскорейшем времени в Якуцкую воевоцкую канцелярию сообщено промеморию. А предъявленный чюкоцкие пленники, жёнки и робята, с публичного торгу проданы и из продажи деньги, а байдары и ветки без продажи солдатам и казакам за многопонесённые ими во означенном походе труды и за верную и весьма радетьельную ея императорскому величеству их службу отданы в награждение.

И того ради Ыркуцкую провинциальную канцелярию покорно прошу, чтоб повелено было по прибытии в Ыркуцк у предъявленного команды моей казака Лобашкова частореченныя парки куньи и лисицы также и посланный отсель пакеты за печатями принять с роспискою. И по приёме паки при способной оказии обратно ево, Лобашкова, отправить в Якуцк и об отпуске с ним в Анадырск требуемого железа, стали и укладу в самоскорейшем времени Якуцкую воевоцкую канцелярию подтвердить ея императорского величества указом, дабы при надобном случае в поисках над неприятелем в военнотружущих людях недостатка, а за неимением железа, стали и укладу в починке ружей остановки и от того б в военном действии против неприятелей помешательства быть не могло.

Октября 27 дня 1752 году.

На подлинном пишет тако. Капитан *Шатилов*.

Канцелярист *Алексей Мельников*

(Листы документа скреплены: «С подлинным читал подканцелярист *Гаврила Баженов*».)

Сенат., 1-й департ., д. № 1552, л. 497—500

Начало частичного покорения чукчей

69. Сенатская справка о «доношениях» Иркутской канцелярии в Военную коллегию от 26 и 29 ноября 1750 г.

756, ноября 26 и 29 чисел доношениями из Иркутской канцелярии в военную коллегию объявлено.

1. По репорту маеора Шмалева по описанию чюкоцкого народа состояния и что их до 10 000 находитца показано. В Анадырск прибывшие чюкчи объявили: присланы они ото всех чюкоцких народов со объявлением, что все чюкчи желают быть в российском подданстве и ясак платить вечно в год по одной лисице красной с человека, только без взятъя от них аманатов, и войны никакой и спор не чинить, а егда российским людям куда случитца в поход итти и им по требованиям их вспомогать и в поход ходить без всяких отговорок, а буде и на них, чюкоц, от кого какое нападение будет, а особливо от коряк, то б таким же образом и от подданных российских народов чинено им было вспоможение беспрепятственно, и в том они, чюкчи, весною, по собрании их на реке Анадыре тоёнов на Чекаеве по своему иноверческому обыкновению и присягу, чтоб им солнца не видать, учинят и обо всём твёрдое установление при том урочище сделают.

На что им от маеора с благосклонностию и порядочно обещано, что б они конечно ея императорскому величеству в подданство шли и ясак, что по указом на них положено будет, платили и взятых от российской стороны народов привезли в Анадырск, за что те тоёны, кои к тому усердие имеют и других к тому склоняют, награждением оставлены не будут. На что они паки тож ответствуя говорили, яко они только присланы от своих старшин ради разведывания, без взятъя от них аманатов в подданство с однем платежом ясака приняты и военные над ними поиски оставлены будут ли, на что от маеора объявлено, что из высочайшаго ея императорскаго величества монаршаго милосердия они в подданство приняты и вины им отпущены, тако ж и ясак от них принят быть имеет, а аманатов представлено будет к главной команде, почему они ево, маеора, и обнадёжили весною со всеми старшинами и с ясаком быть на реке Анадыре на Чекаево.

И во время их бытия в Анадырску, он, Шмалев, их как из казны табаком, корольками и протчим, так и собственным своим дарил и пищею, изыскивая лутчих способов, довольствовал, напротив чего и они ево дарили двумя куньими парками. Потом сержант и капрал да из разночинцов толмач с теми чюкчею в чюкотския жилища

отправлены и приказано всех их обстоятельства и порядки, и подлинно ль в подданстве быть и ясак платить намерены, примечать и по примечаниям о бытии в подданстве и в платеже ясака уговаривать, а более высматривать, сколько они людны и оленны, и какие там горы, и леса, и земля, и рыбные промыслы, и как промышленяют и чем довольствуютца, и можно ль и на каких судах ходить по морю, и есть ли отстой и пристани, и какие над ними к поиску лутче лежат способы и сухим путём или водою, и в строении в их жилищах крепостей и людям в пропитании какая надежда есть ли.

И егда де те чюкчи со старшинами на Чекаево будут и о бытии их в подданстве желание объявят, то положено им объявить, что из высочайшей ея императорскаго величества монаршей милости они приняты и вины их отпущены быть имеют, и ежели ясак платить станут, и оной приниматца и без взятъя аманатов будет, и об аманатах ожидаетца резолюции, что и требовано от иркутского вице-губернатора и при том представлено, что по последнему известию оказываетца тех чюкоч многолюдно, то скорым взятьем аманатов огорчить не надобно, чтоб от намеренья к подданству и платежу ясака, как народ лехкомысленной и командиров де неимеющей, не отлучить.

К тому ж ещё в надлежащих местах к пресечению их бунтов и в закрытие верноподданных народов и рыбных и звериных, чем бы за непровозом провианта, коего ныне в Анадырске ни единого фунта и в магазинех и у всех жителей нет, людей продовольствовать можно было, промыслов крепостьми незакрыто и неукреплено, и не токмо в других местах, но и в Анадырске до прибытия ево, маеора, жило ничем загорожено не было, чего ради, несмотря на морозы и голоды и людскую крайнюю трудность, принужден он то закрывать забором, дабы бунтовщики нечаянно напасть или воровски жила зажечь и убийства учинить не могли.

Сенат, 1-й департ., д. № 1556, л. 180—182

III. СВЕДЕНИЯ О ЧУКЧАХ И ЖИТЕЛЯХ ОСТРОВОВ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА, СОБРАННЫЕ в 50-х и 60-х гг. XVIII в.

Материалы о чукчах и жителях «Большой Земли», представленные сибирским губернатором Чичериным Екатерине II

Помещённые в этом разделе три документа были напечатаны в 1825 г. в «Северном архиве» (ч. XVIII). Помимо ряда описок (вместо «юрты зимние» — «юрты зелёные» и других), в «Северном

архиве» имеются и малозначительные пропуски отдельных слов. Кроме того, в показаниях Кузнецкого выпущена фраза: «и в сухих местах пешком и байдары переносят на руках».

70. «Показание о чюкоцкой земле» бывшего в плену у чукчей казака Кузнецкого [1756 г.]

В прошлом 754 году в марте месяце, в бытность тогда в Анадырску командиром капитана Шатилова, отпущен был он для звериных промыслов в шестнадцать человек, и едучи назад на вершине речки Налучи (до коей от Анадырской крепости не более расстояние 35 вёрст), на камню стояли ясашных юкагирских восемь юрт и в тех юртах за поздним временем ночевали, в которых юртах тех юкагирь одного мужескаго полу было человек до 50, а всего сколько с женским полом и малолетними показать не упомнит, и поутру рано поехали к Анадырской крепости.

И отъехав от тех юкагирей вёрст с пять и незапным случаем на дороге повстречались с нами немирные чюкчи (коих числом до 500 было) и учинили на нас нападение и розбили всех, а его поймавши связали, а товарищи, кои с ним были (кроме разночинца Бориса Унжакова, которого в то время тут убили), разбежались и по взятии на том юкагирском месте ночевав, поутру его развязали, и один из них лутчей мужик именем Мего спрашивал у него, что сын ево, взятой в плен, в крепости ли, жив ли, на что он, догадавшись и зная, что его в крепости нет, объявил, что есть и жив, за что они его и не убили.

И тот мужик, которой о сыне своём спрашивал, взял его к себе, и поехали в их чюкоцкие жилища обратно на имевшихся тогда у них оленях санками через хрепты, речки и болоты и доехали до их первых юрт.

Всего до их юрт имели проезду шесть недель всё пустыми и безлесными местами, а тех оленей у них, чюкоч, имелось более двутысяч, ибо они, по их обыкновению, ездят на оных следующим порядком: один олень запрегается в санку под называемой аргыш (то есть для съестных припасов и другаго борошню), а по два и по три оленя потому ж запрегают в санки ж, на которых они едут сами, а прочие олени всегда берутся заводными для перемены усталых, а у иных лутчих мужиков и более тех оленей бывает, а сколько числом, всего показать не упомнит. Во время того к их жилищам проезда были великие метели и с мокрым снегом, так что в случае на другой день морозу и копытами те олени корму себе добыть не

могут, отчего также и от пристали немалое число оных издохло. И во время того к их жилищам проезда тех же оленей по недостатку тогда взятого у них корму употребляли на еду, а где случится ночевать, то всегда останавливаются на таких по знаемости их местах, где можно тех оленей прокормить мохом, из табуна оных распускают для корму с одним или двумя караульщиками, а как едут, так и становятся не все вдруг, но порознь, кто куда едет или где ночевать место себе изберёт, только друг от друга в виду, и вместо юрт становятся шитые из оленьих тёплых кож полога, в коих спят по десяти человек и более.

По привозе его в их Чюкоцкую землю жил он у вышеписанного чюкчи Мего, которой по их обыкновению лутчей оленней мужик, два года и во всю ту его бытность имел он обо всех их обхождениях примечание, и какие у них между собою поступки и как их многолюдной и о протчем по достоверным и очевидным случаям следующее объяснение.

1) предписанные чюкчи главного командира над собою не имеют, а живёт всякой лутчей мужик своими родниками собою и тех лутчих мужиков яко старшин признавают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей, но и их вменяют ни во что, для того ежели хотя за малое что осердятся, то и убить их до смерти готовы;

2) в зимнее и летнее время на каждый день большими собраниями во-первых бегают пешие даже до последнего человека и друг друга перебегают до самого пристатку и расходятся по юртам;

3) нагие борются;

4) надев кюяки и взяв луки со стрелами, и делают друг против друга один только пример, натянувши лук, а стрелы из рук не выпускают, а потом берут копьё, такой же делают пример, как в сражении быть надобно, потому ж до устатку. Луки со стрелами и копьё имеют всегда при себе в чистоте и бережи. По окончании того также расходятся по юртам;

5) вышеобъявленная Чюкоцкая земля во-первых болотная, гористая и весьма кочковатая и мокрая, тако ж никакого лесу и трав, кроме оленьего корму, то есть моху, не имеется, и те оленные чюкчи имеют жительство с места на место кочевное на оленях и живут в чюмовых оленьих кожаных юртах, огонь зимою во оных бывает посредине (которой добывают из дерева) таким подобием: кладут мелкой гальник, то есть самой малой сланец, вышиною не более от земли четверти, да и того весьма около речек редко да и почти нет, также олени сухие рога и кости, и облевают нерпичьим кито-

вым и моржѣвым жиром, да кроме того имеют в пологах (кои шпиты из оленьих с шерстью кож) называемые жирники, в которых из вырастающего на кочках черного моху делают на подобие фитиля и кладут в те жирники, кои выдолбленные из камня и сделанные из глины на подобие плошки, а железных ни у кого не видал. И тот фитиль горит весьма ясно, от которого свету в тех их пологах имеется теплота, и хотя сколь великие бывают морозы, то они по большей части сидят нагие. А за неимением во всей той их земле упоминаемого лесу едят мясо оленье, рыбу, нерпу и протчих морских зверей, каких упромыслить могут, сырое и мѣрзлое и всякое из земли мяхкое коренье, а хотя со временем и варят себе еду в сделанных из глины горшках, но и то очень за неимением лесу редко. Нерпу и морских зверей получают те оленные от сидячих около моря чюкоч. Когда зимним временем бывает теплота и снег небольшою частию растает, а после того сделается стужа, то имеющиеся у них олени за недобычею из под снегу копытами корму многие гибнут;

6) называемые сидячие около моря чюкчи, то есть кои оленей не имеют, а ездят на собаках, у оных юрты выкопанные в земли деревянные, лес на строение берут из наносу с моря на берегу на припайках;

7) они же, чюкчи, хотя между собою временем бывают согласны и вместо присяги обязываются по их обыкновению солнцем (чтоб оно не видать), но только в бытности ево мог он видеть, что один сын отца родного, а потом и брат брата родные ж зарезали ножами, и то они почитают между собою ни во что. И когда у которого сына отец или мать придут в старость, то их у себя более не держат и в бывших морозы отвозят от своих жилищ вдаль и оставляют, где они и замерзают; мѣртвыя тела жгут на огне;

8) ещё ж они собирают на земли грибы, кои и составляют каким-то надобьем (которого он приметить и знать не мог), называемой мухомор, и едят и сделаются без ума: бегают и скачут, а сверх того как мужеской, так и женской полы умываются урином. Жѣн имеют каждой по две, по три, по четыре и по пяти; бабы живут ни в одних, но в разных пологах, кои столь же велики бывают, как и выше объявлено — человек по десяти и более спят. И то чюкоцкое между самыми каменьями житьѣ за неимением лесу самое уже последнее, а к тому и мерзкое, коего едва ль в свете для человеческого жития хужее быть может;

9) а когда он, Кузнецкой, разговоры признал и несколько говорить научился, и тогда многократно в тех их разговорах слышал,

что воюют они не только против российских и коряк, но ещё есть прямо их от Чюкоцкого носу в море остров, на коем живут чюкчи же, называемые зубатые, с коими напредь сего имели войну, а ныне живут в дружбе, а от того острова имеется остров же, которой называют Большою землёю, и так многолюдно почитают и применяют как песку, коих людей называют кыхмыщами. А сколь далеко от них тот остров, на коем живут зубатые, а от одного и называемая Большая земля, имеется и какое положение имеют, того они не знают, только сказывали, что на той Большой земли разных родов лесу множество и так крупен, что едва два человека одну лесину обнять могут, также и всякого зверя довольствие, и такие же земляные у них юрты, как и у них, сидячих. А солнце де бывает человеку в самое темя, и великие от того солнычного сияния бывают жары. На ту Большую землю для войны ездят они чрез губы в кожаных байдарах, не хватая того острова, где зубатые живут, а в сухих местах пешком и байдары переносят на руках, а зимою не ходят;

10) сверх же того, когда он у означенного хозяина жил, то ходил с ним к сидячим носовым чюкчам к морю летним временем подле одного берегам к его родникам, то в то время оных сидячих юрт по тому берегу довольно, и когда к тем его родникам пришли, то увидел он тут дву баб да одного мужика, кои между разговорами сказывали ему, что взяты они теми чюкчами с Большой земли в полон, а его, Кузнецкого, признав, что он такой же полоненник, весьма сожалели и сказывали, что они с той Большой земли увезены уже назад тому будет года четыре, и рассказывали про ту землю, что оная очень велика, народу и всяких лесов и зверей весьма предовольно, и солнце ходит человеку в темя и весьма жарко, так что они ходят нагие. А между теми разговорами, увидев он из них у одной бабы на вороту привязаны две плашки четвероугольные маленькие по краям незнаемыми словами подпись, которые им, Кузнецким, признаны золотыми, про кои он у них спрашивал, где они то получили, на что объявили, что те плашки ими увезены с той Большой земли, где они жительство имели. А от того их жилья есть де ещё далее по той же земле к тёплой стороне или полдне другие люди, а разговор имеют особой, к которым людям ездили их мужики для торгу и те плашки получили. У оных де дальных людей имеются избы все каменные и утёсы каменные ж, так белы, что беляя снегу, а посуда светлая (сребрена ль или какая другая, они де того не знают), коих людей весьма предовольно, и они с ними живут союзно и никакой драки не имеют. А сколько

до них разстояния, они не знают, и каким путём к тем дальним людям имеют переезд, выспросить за недовольно ещё чюкоцкого языку знанием, а к тому и за скорым от них хозяином его, Кузнецкого, уходом не успел;

11) в прошлом 755 году в осеннее время сказывали мне они чюкчи, что собиралось их многолюдно и пошли было в поход на коряк, и тогда хозяин его, Кузнецкого, ему объявил, что он с родниками своими на коряк не идёт, а пойдёт ради выкупу сына своего в Анадырскую крепость и его возьмет с собою и хотел отдать на выкуп, точию в самое то время пришли Анадырские ясашные юкагири шесть человек и объявили им, что их послал к ним, чюкчам, приехав в Анадырск, новой командир и привёз де указ и велено с ними мирится, а они, юкагири, пришли для выкупу взятых у них в плен жён и детей их, коих юкагир те чюкчи приняли честно и ничем не обидели, и те юкагири жён своих и детей у оных чюкоч выкупали, давая табаком, котлами, топорами, ножами, копьями, луками, стрелами и корольками, а выкупили всего мужеского и женского полов девять человек. Чюкчи тем юкагирям давали ж в подарок парки оленьи, пыжики белые, камосы белые, парки куньи и лисицы красные. Тогда ж приезжал из коряк один человек, а как ево зовут, не знает, и с собою привёз дву жёнок: одну полоненную чюкоцкую, а другую коряцкую с таким объявлением, что коряки желают с ними, чюкчами, между собою жить вместе и на российских ходить в поход обще, на что те чюкчи объявили, что они с коряками мирится не желают, а желают мирится с российскими людьми и ясак платить, токмо без взятия у них, чюкоч, аманатов, почему с вышеписанными юкагирями хозяин его, Кузнецкого, хотя другие и советывали, чтоб до лета его не отпускал, а летом вывести на Анадырь и разменятся на сына его, однако ж тот его хозяин их советов не послушал и послал жену свою и оленей ради провожанья ево отпустил. И сверх того по согласию всех чюкоч послали с ним чюкча лутчих мужиков, Харгитита да Амговгова, и при той посылке ему объявили, что послали они ево бутто для миру и приказывали быть возвратно, а хозяин и другие говорили, хотя де и сын его в даль услан, точию ему ничего не будет. А хотя их между разговорами намерение в подданстве ея императорскаго величества быть и ясак платить есть, только по их по древней лехкомысленности и непостоянству и что старшин своих не слушают, никакой надежды иметь не можно. Копья у них, тако ж и на стрелах копия ж железная, костяные и каменные из тёмного в горах находящаяся хрустало,

кои почитают за наилучшее, потому что ежели в человеческое тело то каменное копьё ранит, то всё во оном разсыплется. А к тому ж те стрелы со обеих сторон мажут из травы называемой лютика соком, от которой человек, получа стрелую язву, в скором времени опухнет и умрёт.

Сколько же всего тех оленных и сидячих чюкоч имеется, ибо они живут не в одном, но в разных местах, зачем точно всего он показать не может, а сказывали они на словах, что их многолюдно, только видно, что они тем открывали одну свою славу, а как во всю ту его, Кузнецкого, бытность было примечено, что их как оленных, так и сидячих, не более две тысяч человек будет и оленей (кроме сидячих) не по равному числу: у лутчих мужиков с родниками есть по тысяче и более, а у протчих и самое малое число, так что от десяти до двадцати оленей бывает. А хотя лисицы красные и есть, и то малое ж число, а соболей и ни одного нету; парки куньи получают они от островных чюкоч. В той же их Чюкоцкой землице есть река большая, коя впала по течению между севера и востока на самом Чюкоцком носу устьем в море, на которой промышляют оленей, а называют оную те чюкчи Омгаяном, шириною против того места, где он жил, сажень со 150, во оную ж реку Омгаяну немного повышее впала устьем из гор же река Тиркигей, шириною будет сажень со 100. А более вышеписанного показать ничего не может.

Экспедиция Беринга, д. № 77, л. 387—392

71. «Примечание о чюкоцкой земле», составленное со слов чукча Хехгитита от 5 августа 1763 г.

1763 года августа 5 дня во время подполковника Плениснера водяною комуникациею вниз по реке Анадырю следования, а в бытность у устья реки Красной, когда ко оной же реке Красной для промыслу оленей плавил сидячие чюкчи в байдарах пришли, то чрез отданной команды ево сотнику Никите Куркину письменной секретной приказ велено было из тех чюкоч у лутчих людей чрез разговоры (кои оной Куркин знает и толмачем употребляетца и тем чюкчам по всягодному ево у той реки Красной бытие весьма знаком), пристойным образом разведать о показанных при том приказе обстоятельствах, которой из тех чюкоч у лутчаго человека, имянем Хехгитита, что о тех обстоятельствах разведал, по самой истинной справедливости и присяжной должности оному подполковнику Плениснеру объявил нижеследующее, а имянно.

(В инструкции, данной сибирским губернатором Соймоновым подполковнику Плениснеру, назначенному анадырским главным командиром, предписывалось «стараться привести чукч в подданство». Конец 50-х и 60-е гг. характеризуются особым интересом, проявленным русскими к чукчам, и переходом в связи с банкротством активной наступательной политики к новому методу, к экономическому завоеванию чукчей. В связи с этим мы видим, что в эти годы собираются разнообразные материалы, касающиеся быта чукчей.)

1. От устья реки Анадыря морем подле берега до Серца-камня в шесть, или в семь, а от Серца-камня до Чюкоцкого носу в пятнадцать или в шестнадцать дней на байдарках в тихую погоду ходу бывает, и от устья реки Анадыря до Серца-камня никаких сидячих чюкоцких жилищ не имеется, а от Серца-камня до самого Чюкоцкого носу и вокруг того носу имеются сидячие чюкчи, которых жилищ весьма часто и в каждом жилище не менее как по три, по пяти и по шести юрт и более.

2. Против же Чюкоцкого носу в море имеются два острова: один малой, а другой большей, из которых на большем острове живут люди, только не их сидячих и оленных и протчих чюкоч породы, но другова роду и говорят особым языком, и самые лутчие их мужики и старшины имеют у себя для украшения их сделанные из моржовых зубов подле рта у нижней губы в прорезанных на обеих сторонах скважины по одной плоской кости круглой подобных запонкам, величиною как прежде бывшие пятикопеешники медные, а иногда и против нынешних гривенников и пятикопеешников серебряных. И те кости они вдевают в помянутые скважины во время своего друг к другу приезда в гости или во время их жертвы, посему и называются зубатые, а когда начнут есть, то те кости из прорезанных скважин вынимают, а как надеются, таки в теж скважины вставляивают, и живут те люди по неимению у них удобного лесу в поставленных из больших моржевых кож и осыпанных землёю юртах, а до тех островов как до малого, так и до большаго, от Чюкоцкого носу сидячие чюкчи в байдарках перегребают два дни.

3. От большого острова по морю не в дальном разстоянии есть называемая ими, чюкчами, «Большая земля», которую больше почитают, нежели та земля, на которой они живут. От оногo большаго острова до той Большой земли перегребают в байдарках одним днём, и на той де земле живут люди, называемые кыхмыщами, а язык де имеют от них, чюкоч, отменной, но сходственной с живущими на Большем острове зубатыми людьми; жён у себя имеют

по две, потри и по четыре; платье имеют мужеск[ой] и женск[ой] пол шито из оленьих кож, из куниц и лисиц красных, называемые парки, и как впереди, так и назади тех парок пришивают по их обыкновению разных зверей хвосты. А для шитья того платья имеют иглы из красной меди и медь берут в своей земле, только как они ту медь делают, он, Хехгитин, не знает, а железных де вещей они у себя никаких не имеют, а вместо железных топоров имеют топоры из яшмового камня, коими рубят лес, и что им надобно делают; огонь они высекают камень о камень, а вместо русского труту прикладывают для запаления огня сухой мох. Владельца у них никою нет, только между ими есть князцы, которых они против других иноверцов, а особливо как чюкчи, гораздо больше почитают и боятся. А живут в каменных гористых и утёсных местах, токмо в построенных ими деревянных и осыпанных вокруг землёю (по примеру, как и якутские) юртах.

4. Питаются де те люди оленьим мясом и рыбою и для того в летнее время ходят с жёнами и с детьми по рекам (которые очень велики и шириною ещё более Анадыря, а устьями впали в океан) для промыслов пловущих чрез те реки оленей, тако ж и рыбы красной и гольцов, а в зимнее все паки приходят в настоящие свои жилища к морю.

5. Лесу де у них берёзового, лисвеничного, а по большей части елового самого большого и крупного очень довольно, и по такому многолесью промышляют они разных зверей: лисиц красных и чёрных, песцов белых, голубых, волков и куниц, подобных головою и лапами соболу, и по рекам подобных русским бобров, тех де зверей по множеству у них промышляют они ямами таким порядком: когда они придут с летних оленных и рыбных промыслов в жилища свои, то в лесу копают глубокия ямы и те ямы покрывают лесом, только оставляют небольшой сверху выход, так как можно человеку пройти и в тех ямах кладут оленье мясо и рыбу, и как звери на те ямы найдут, то и к мясу или рыбе в те ямы и падают, из коих никакой зверь уже вытти не может, и как чрез несколько время те ямы зверьми наполнятца, то тех ям хозяева, надев на себя сделанное из зверей волчье или лисье платье с головы и до ног мохнатою в подобие зверю, и входят в те ямы и имевших в них зверей (которые уже противности против человека никакой не имеют) в темноте берут руками и вяжут ремнём и подают стоящим у тех ям прочим людям, кои теми ремнями тех зверей вынимают и бьют.

6. В зимнее ж де время промышляют они диких оленей в лесах, где те олени имеют переход, то рубят лес и делают в тех переход-

ных оленьих местах из того лесу загороды пли засеки, и как олени к тем местам придут, то де их они в те загороды загоняют несколько тысяч и для пищи себе колют не токмо мужеску, но и женск[ий] пол, сколько им надобно.

7. В вешнее ж де время, когда дикие ж оленные матки потелят-ся, то и оных в таковые ж (как выше упомянуто) загороды с их теляты заганивают, в которых загородах от духу человеческого и от крику, а по тесноте места, те матки телят всех притопчют, коих телят они берут и кожи с них снимают себе на платье, а маток из того загороду выпускают в лес.

8. Те же де называемые Большой земли люди с живущими у Чюкоцкого носу чюкчами и на вышепомяннутом большем острову с зубатыми людьми мало имеют согласия и боде оные чюкчи и зубатые люди временно ходят к ним походами и между собой с обеих сторон чинят бой и стреляют из луков стрелами и бьются на копьях, токмо из них Большой земли люди имеют луки еловаго кореня, а у некоторых из камышёваго дерева, и когда с чюкчами или с зубатыми людьми в бой вступят, то себя раздевают для облегчения к скорому укрывательству от стрел в наготу, а стрелы и копья со обеих сторон имеют костяные и каменные хрустальные, только те стрелы от обеих же сторон мажут из травы, называемой лютика соком, от которого человек, получа стрелою язву, в скором времени опухнет и умирает.

9. Веру де они имеют и жертву приносят солнцу, положи на блюдо или на что нибудь иное мясо или рыбу, и бросают на землю или в море с таким приговором: «я тебе приношу жертву от своих трудов, ты мне буди в моих нуждах помошник».

Экспедиция Беринга, д. № 77, л. 367—370

72. Допрос «чюкоцкой девки Иттени, по которому описание чюкоцких островов и Большой земли на карте положено»
[1763 г.]

Родом она Большой земли, на которую приезжали живущие на большем острову в море зубатые чюкчи по их несогласию для драки, и теми взята была в полон лет десяти и увезена, а ехали от той земли влево, и жила у оных чюкоч во услужении два года и теми зубатыми чюкчами продана была здешнему оленному чюкче, именем Харгыпену, которой дал за неё железное копьё и два белыя пыжики (в оригинале примечание: «молодых оленей кож»), жила у него один год, и оным привезена была в низ реки Анадыря

к урочищу Чекаево и подарена анадырскому казаку Алексею Шипунову, за что он, Шипунов, дал тому чукче котёл медной, и сюда им, Шипуновым, в 761-м году привезена и окрещена по крещении дано ей имя Татьяна.

Где она имела своё рождение, та земля называется Большая, а как оной Большой земли народы словут, о том показать не помнит, только знает, что оные народы никогда по чукоцки лиц своих не шьют, а у ней лицо уже было вышито, когда она жила в полону у зубатых чукчей. Переезду с той Большой земли на тот, где зубатые живут чукчи, остров зимою на собаках, ночевав две ночи на дороге, а летом в «байдарах столько же, и с той Большой земли народы к тем зубатым чукчам на остров не ездят, и та называемая Большая земля очень велика и народу так много, как песку, и живут не в одном месте, но порознь. А она, Татьяна, жила в вершине реки Куки, и на усть оной жилых юрт довольно, юрты у них зимние строены из лесу тополёваго, осиноваго и лисвянишного стойком круглые, вокруг обсыпаны землёю, огонь имеют посреди юрты на очаге, земля дресвяная. Летние юрты подле тех же зимних такие же круглые и крыты епалгиною, то есть моржёвою и оленьими кожами, погреба для клажи харчу выкопаны в земли.

Огонь достают, камень о камень, а железа и топоров у них на той Большой земле нет, а хотя железные ножи и есть, но и тех весьма мало, кои от здешних же чукоц получают. Топоры делают каменные, а меди, серебра и золота по тому же не имеют, платье мужской и женской пол носят зимою тёплое, из оленьих кож сделанное, на подобие чукоцкого, а летом из тех же оленьих кож холодное, короткое. Также пищу варят в сделанных глиняных горшках, а медных и железных котлов по тому же не имеют.

Веруют солнцу, так же как и протчие иноверцы, мужской и женской пол шаманят; когда весною и осенью оленья плавь бывает, оных колют и в жертву тех оленей рога кладут на высокие места, где прилучится.

Рыбу промышляют красную такую ж, какова здесь в реке Анадыре, щуки, карьюзы, налимы сетями, сделанными из оленьих жил.

Мужеской пол жён у себя имеют по одной и по две, а называемой калым даёт жених тестю только оленьих постель по три и по пяти, сколько у кого прилучится.

На той же Большой земли ловят песцов голубых и белых, лисиц красных и чёрных, также ушканов сетями, а птиц гусей, уток весьма довольно бывает, а камчатские бобры достают чрез других на той же земле живущих народов от камчадалов, кои живут от

них, чукок, далеко, и теми бобрами пушат платье. В юртах у богатых делаются широкие для клажи харчу подволоки, на коих и робята спят.

Князьков над собою имеют и мужиков за вины наказывают.

В юртах у каждого жирник с огнём, свой жир употребляют все китовой, коих, также и нерпу, промышляют на усть упоминаемой реки Куки.

Крепостей никаких от неприятелей не имеют, а как узнают о неприятеле, то защиту делают противу жила из нерпечьих кож.

На той же Большой земле горы и сопки каменные имеются великие, а где она жила, то называемая река Кука впала в море, а величиною в вершине не очень велика, так как например на пол версты, чрез которую реку и чукчи переезжают с ними драться; а других рек в той же Большой земле есть очень довольно и впали в море, а показать всех не знает, и по тем рекам народу живёт весьма много. К воеванию ж с чукчами ружей огненных не имеют, а хотя и есть железные копья, кои по тому же получают от чукок, но и тех весьма мало.

Женской пол носят называемые по здешнему с головками сшитые камлеи, волосы плетут в две косы и завязывают коротко и пушат камчатским пухом, а мужеской пол волосы оставляют напереди ровно с бровями, а назади с самого темя до затылка режут ножами, носят шапки, кладут наверх камчацких бобров кожу голову, а вокруг пушат теми ж бобрами, и те шапки делаются маленькие; платье такое ж носят, как и бабы, камлеи с головами; ещё делают из птичьих кож платье и пушат перьем; также и на голове большие стоячие перья носят.

А на острову том, на коем живут зубатые чукчи, лес имеется мелкой тальник, топольник и осинник, а лисвянишного сероватого лесу, такого, какой на той Большой земле есть, нету. На той же Большой земле народ мелкой и крупной, а про здешних русских людей им чукчи сказывали, и они знают.

Ещё ж бабы и девки носят на лбу кружки белые светлые, а какие — серебряны ль или оловянные, о том показать не знает, также на шее корольки. А всё то достают себе от упоминаемых чукок, а у них ничего того нет. Между собою никакой драки не имеют, а живут дружно и друг другу ездят в гости, выменивают на корольки и железные ножи камчацкие бобры; ясаку никакого не платят.

На той же Большой земле оленей езжалых нет, ездят на собаках, у нарт делают полозье долгие и толстые, а копыльё вставляют

частые и подкладывают под те полозья из ребров и щёк гладко сделанную китовую кость для нартенной катости.

От их Большой земли, как сюда ехать, на море пять островов: первой — большой, в левую сторону, на нём живут зубатые чукчи, и весьма их довольно, где она жила в полону, платье носят олень и птичье гагарье, на котором есть стоячей тальник, мелкой топольник и осинник крупной и мелкой, переезду с той Большой земли на тот остров собаками два дни; второй — малой, в левой руке, и на том такой же, как и на первом острове, стоячей лес есть, и те же живут зубатые чукчи, только не весьма много, переезду с того первого на тот другой остров на собаках один день; третьей — невеликой, в левой же руке, живут народ зубатой же и противу другаго поболее, и лес есть один мелкой тальник, а езды на собаках по тому же один день; четвёртой — третьяго больше, в левую ж сторону, такой же тальник мелкой есть, и живут люди уже не зубатые и носят платье по тому же птичье и олень и из китовых брюшин и весьма многолюдно, езды с третьева острова собаками один же день; пятой — в левую ж лежит сторону, невелик, лес такой же тальник мелкой, и народ живёт чукчи, коих очень мало, платье носят олень, а птичьего не носят, переезду по тому же один день, на том жила она у предписанного чукчи Харгышена.

С того пятого острова уже почитается Чюкоцкая земля, какую ехали в правую руку, а сколько времени — не упомнит. Между теми островами море и зимою становится, а вдаль от тех островов льдом никогда не покрывается.

У неё ж на упоминаемой Большой земли остался отец, которого зовут Какуляк, да брат малолетной Ахаин, а мать уже умерла, и больше всего вышеописанного показать не знает.

Экспедиция Беринга, д. № 77, л. 393—396

IV. ЧАСТИЧНОЕ ПОКОРЕНИЕ ЧУКЧЕЙ

Награждение чукотских тойнов

73. Рапорт зашиверского земского исправника Баннера якутскому коменданту полковнику Козлову-Угренину от 8 февраля 1791 г.

Вашему высокоблагородию сего года от 31-го генваря покорнейшим моим донесением объяснил о прибытии чукоч на урочище Ангарку, кои мною приняты были на основании вашего повеления и не бывшия прежде приведены были присяге и потому вер-

ноподданными остаются живущия по обе стороны до самого устья реки Чауна и от оной жительствующия подле берег северовосточного моря и Чукотскому мысу сидячими и беломорским оленным тоёнам со всеми их родами. При заключении того рапорта упомянул, что я получил сведение о прибытии ещё урочищах Ангарку чукотских народов, куда и отправился.

По приезде же туда виделся с теми февраля 7 дня благополучно, приезд состоял с самого чукотского мысу в 2-х тоёнах: 1-й Мангель, 2-й Амам и двадцати почётных людей для проводывания тракту и принятия присяги с истинным желанием быть российскими верноподданными, и те тоёны мною награждены из казны кортиками, а за неприсылкою сукон собственными моими кавтанами с вышивкою вензеля ея императорскаго величества и одарены табаком, а потом приведены как те тоёны, так и прочия к присяге со обязательством платить в казну ясака с каждого луком владеющего по одной лисице красной, а напоследок происходила мена с российскими верноподданными. По окончании ж, прожив пять дней, отправились обратно благополучно, обещав быть на предбудущий год в большем количестве.

По таковым обстоятельствам кажется уже нет никакого сомнения, что все те чукотския народы истинное желание возымели быть российскими верноподданными.

(Чукчи так и остались недопокорёнными. Свод законов Российской Империи содержал специальный раздел, относящийся к народам, «не вполне покорённым». «Они управляются и судятся, — читаем мы в статье 1254, — по собственным законам и обычаям и русскому закону подлежат только при убийстве или грабеже, совершённых на русской территории». Статья 1256 гласила: «Чукчи платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают». Эти статьи были исключены при издании Свода законов в 1876 г.)

И для того вашего высокоблагородия прошу награждённых мною ныне из казны кортиками вновь прибывших тоёнов Мангене Анасальмо (такое разночтение имён — в оригинале) истребовать от правительства указы о почитании их верноподданными Всероссийской империи и наградить их казёнными кавтанами, для чего я в прежнем моём донесении обременял просьбой вашего высокоблагородия о присылке сукна алого на четыре кавтана 20 аршин, из котораго по получении, будут шиты кавтаны и отданы быть имеют, также табаку 5 пуд и прочаго, что в том рапорте требовано. И ныне прошу приложить ваше старание оное истребовать, ибо награждение и подарки весьма для их лестны и казне неубыточны,

ибо таковыя малыя расходы совершенно впредь возвратится с приращением в казну знатных доходов. По истребовании ж всех указов и прочаго благоволите повелеть доставить ко мне, кои по получении персонально тем чукчам поднести имею. Сверх всего выпищенного доложить имею, что несколько времени по обязательству тех чукчей о платеже ясака дать льготы, ибо заранее должно их нечувствительно к тому ласкою неприметным образом доводить, а при том необходимо должно на первой случай награждать каждого за принесённую лисицу хотя небольшим количеством табаком, дабы им на первой улучай поваднее было вносить казённую подать.

(Для стимулирования уплаты чукчами ясака и тем самым для прекращения с ними войны правительство отпускало ежегодно определённую сумму на так называемые «чукотские подарки». Эта сумма отпускалась из фонда кабинета его императорского величества. Размеры ассигновки, как пишет Б. Г. Богораз в первом томе своей монографии «Чукчи», были довольно изменчивы. «Так, в 1761 г. она составляла 500 руб., а в следующем году только 75 руб. Столетием позднее, в 1861 г. и далее, она составляла 150 руб. Майдель упоминает о 143 руб. как сумме, потребной для 1869 г. На эти деньги покупался табак, котлы, ножи, которые брались на ярмарку и давались как бы в уплату чукчам за их ясак» [«Чукчи», 1934, с. 55].)

А сколько в приезд всех чукчей успел учинить их тоёнам и почётным людям детей одному мужскому полу краткую перепись, причём вашему высокоблагородию для ведения прилагаю ведомость и по незнанию, сколько лет им от роду, в той ведомости объяснить было бы не можно.

Подлинной подписал земской исправник
бергешворен *Иван Баннер*.

С подлинным свидетельствовал
коллежский секретарь *Иван Крюков*.

Регистратор *Иван Веригин*

Сенат, 1-й департ., д. № 638, л. 343—344

Ходатайство чукчей о возобновлении Анадырской крепости

74. Прошение тоёнов Мучиглинского и Улючинского селений
от 1 февраля 1792 г.

Его высокородию господину флота капитан перваго ранга Иосифу Иосифовичу Биллингсу от чукотских восточнаго моря Мучиглинского и Улючинского селения тоёнов Умляляnten Пограиче, Увалетке Ахачеивин с протчими народами.

В прошедшие годы небольшое количество наших чукотских народов возносили в казну в Анадырскую крепость ясак каждогодно лисицами красными и моржовой костью. По уничтожении ж оной протчия же по тогдашним временам хотя и опасались иметь знакомство с российскими людьми, но чрез тех же платёжных, о коих выше объяснено, получали чрез мену разныя нужныя нам вещи: котлы, топоры, корольки, бисер и протчее, чем были довольны, а когда оную крепость рушили, то мы и должны были изыскивать другие способы, где бы сыскать российских людей, и чрез великие трудности, несмотря на отдалённость, приходили небольшим числом в Ижигинскую крепость, доставая с великим трудом нужныя для нас вещи.

С другой же стороны реки Чауна, ближняя к реке Ковыме, нашли случаи с российскими людьми ознакомитца и вступили в российское подданство, кои уже знали, с казённой стороны приняли кавтаны и кортики и обязались платить ясак с каждого луком владеющаго по одной лисице.

А по прибытии вашего высокородия и по оказанной от вас для нас ласки изволили обнадёжить нас милостию монархини, с тем чтоб мы пошли в российское подданство, то мы, видя вашу к нам дружбу, почувствовали в сердцах своих непоколебимое желание быть вечно российскими верноподданными и, согласясь между собою, приемлем на себя платёж ясака, как и протчая иноверцы.

Для уверения нашего предприятия в доказательство нашей преданности препроводили вас с небольшою командою близ реки Ковыми на урочище Ангарку на своих оленях, в проезде ж усмотрели, и что нам по отдалённости наших жилищ ездить каждогодно для платежа ясака весьма отдалённо, а могут одне приходиться чаунские и малая часть беломорских народов, а притом и Ижигинская крепость в такой же отдалённости состоит.

А как вам известно, что нас немалое количество народов, и потому, сообразясь все народы согласно, и выбрали средственное место и желаем, чтоб уничтоженная крепость на реке Анадыре была паки возобновлена попрежнему, а притом, когда вы обнадёжили милостию ея императорского величества и мы обязались быть верноподданными, то на первой случай просим вашего высокородия вышепоказанную просьбу нашу удовлетворить, испрося высочайшее соизволение повелеть ту крепость устроить, куда и платёж ясака будем вносить безотговорочно и тому определя по разсмотрению вашему достойного начальника и прекращению впредь могущих быть несогласиев.

(Ходатайство чукчей о возобновлении уничтоженной на основании решения Сената 1764 г. Анадырской крепости находилось в тесной связи с той потребностью торговли с русскими, необходимость в которой очень остро ощущалась чукчами. Чукчи, как пишет Б. Г. Богораз, «нуждались в русских товарах; более всего в железе и табаке: вследствие этого русские и чукчи согласились встречаться ежегодно весной в целях торговли в местности к востоку от Колымы. Первое такое место было выбрано на Большом Анюе, у устья его притока реки Ангарки». Б. Г. Богораз у чукчей записал очень любопытный рассказ, рисующий их заинтересованность в обмене с русскими:

«Много лет спустя после убийства Якунина (Павлуцкого) была в первый раз открыта весенняя ярмарка на реке Анюе. Собралось множество народа — чукок, русских, чуванцев — и сразу желали начать обмен. Тогда явился офицер от царицы (Екатерины II) и заявил: «Сердце моё полно гнева. Вы убили очень много царицыных людей. Я не дозволю этой торговле». Чукчи стали отрицать обвинение. «Мы не делали этого. Это сделали анадырские люди». Четыре силача пробрались к русской крепости и стали смотреть через щёлку в дверь дома, где жил исправник. Он сидел одетый во всё красное, в красную шапку, в красный мундир, в красные сапоги. Один из силачей сказал: «Сломаем эту дверь и схватим его». Они сломали дверь, схватили красного человека и увезли его на стойбище. Офицер кричал, звал на помощь, но никто не слышал его голоса. На следующее утро русские подняли шум. Местный исправник требовал, чтобы царицын офицер был возвращён обратно. «Нет, — сказали чукчи, — вы должны сначала открыть торговлю». Четыре силача отпустили пленника и, чтобы утолить его гнев, дали ему две чёрных лисицы. Тогда люди сказали: «Мы не можем торговать без переводчика». Они нашли Куку, человека чуванского рода, жившего на реке Большой, и сделали его своим переводчиком» [*Чукчи*», 1934, с. 53—54].)

А как все наши народы с начала свидания с российскими людьми и весьма довольны ласкою и приёмом Завишерской округи земского исправника Баннера, то и просим все одинагласно ево от нас не отлучать.

К сему прошению вместо Пилирата Паграича, Увалетки Ахачеивина, Акинтова и чаунских тоёнов Гаргогкна, Пыкыля Хамахая их наличным прозьбою чукоцкой переводчик *Николай Дауркин* руку приложил.

При переводе вышеписанного был и подписуюсь сотник *Иван Кобелев*. При переводе был чукоцкого разговора переводчик коря-

ка крещен *Константин Петушков*. Подписал просьбою его сотник *Козьма Солдатов*
Февраля 21 дня 1792 г.

Экспедиция Биллингса, д. № 43, л. 3—4

75. Секретное письмо иркутского генерал-губернатора Пиля капитану Биллингсу от 20 ноября 1792 г.

Высокоблагородный и высокопочтенный господин флота капитан первого ранга, государь мой!

Получив донесение ваше с разными уведомлениями, приобретёнными во время вояжирования вашего по порученной комиссии и по случаю путешествия чрез Чукотскую землю, копию с прошения, поданного к вам от чукоч о возобновлении Анадырской крепости, и реестр о живущих от восточного носу к реке Чауну оленных чукчах, по довольном всего вами представленного обсуживании и соображении с имеющимся здесь по той части прежними делами, нужным нахожу предложить вашему высокоблагородию следующее.

Хотя вы, убеждаяся прошением чукоч, и полагайте со своей стороны полезным такое заведение крепости, признавая удобным доставление на команду провианта и прочаго из Охотска на морских судах к устью реки Анадыря, отголь по оной до крепости байдарами или малыми судами, и что сия комуникация откроет близкое сообщение с многолюдным народом острова Эйвугиен и с американцами, и чукчи чрез удержание в границах не будут иметь с последними столь грабительских обращений, каковые они с ними производят ныне, но как все таковые расположения, не говоря о потребной для приведения их в надлежащее устройство великотысячных казённых издержек, по мнению моему, не будут иметь той выгоды, каковой бы ожидать надлежало.

Ибо, во 1-х, самая Анадырская крепость, восприявшая своё существование для тех же предметов в прошедшем столетии, а доведённая в настоящей порядок около 710 годов, составляла существованием своим по 764 год казне расходу до 539 246 рублёв с копейками, да от доставки тягостей разным народам нанесено убытков до 841 760 рублей, следственно и выходило для её всех расходов с народным отягощением 1 381 007 рублей, а напротив того, с 710 по тот же 764 год поступило в приход с бывших в ведомстве оной разных ясашных народов мяжкой рухляди и прочаго на 29 152 рубли с копейками, из чего и не трудно рассудить, какие оставались тут для казны и общества выгоды, умалчивая о всех тех бедствиях, каковым были подвержены находящиеся в той крепости воинские служители,

из которых от недостатка провианта и за непромыслом рыбы и оленьей помирало голодною смертию знатное количество, имел всегдашнюю опасность от легкомысленного чукотского народа.

2-е, в разсуждении таковых обстоятельств по зрелому со стороны правительствующаго Сената о неспособности той крепости испытанию, в том же 764 году подносимы были со всеми обстоятельствами о уничтожении всеподданнейшия ея императорскому величеству доклады, на который тогда же и высочайшая последовала конфермация, следственно из за сего и нельзя мне подтвердить о возобновлении той крепости вашего мнения.

3-е, каким образом расположен ныне план к приведению чукоцкого народа в подданство к всероссийскому престолу и как в сем случае поступить мне следует, имею уже я высочайшее ея императорскаго величества повеление, и под руководством моим производятся чрез якутского коменданта и зашиверского земского копитана исправника сообразный высочайшему соизволению распоряжении.

А для сего 4-е, ежели бы и ещё случилось иметь вам с чукчами свидание, не извольте делать им никакого в постройке помянутой крепости обнадёживания, а отходите от сего приличными на тот раз средствами.

5-е, что ж принадлежит до тех представляемых вами выгод, кои вы от сообщения с американцами и другими народами находите, то как все сии проекты частью многими мореплавателями, особливо по первой части производятся почти в совершенную известность, в таком случае близкия и удобныя к тому пути, само по себе покажет время без дальних может быть казённых издержек.

Присланной от вас сотник Кобелев со всеми порученными ему делами отправлен от меня в Санктпетербург при случившейся оказии в прошедшем ещё сентябре месяце.

Впрочем имею честь быть с моим к вам почтением
вашего высокоблагородия покорный слуга *Иван Пиль*
Ноября 20 дня 1792. Иркутск.

Экспедиция Биллингса, д. № 43, л. 100—101

Словарь малоупотребительных слов, встречающихся в тексте

- Аманаты* — заложники.
Антиминс — служения.
Аргыш — оленный обоз в несколько нарт.
Барбора — жилище.
Беляк — сбор в пользу ясачных сборщиков.
Ветка — маленькая лодка, для одного человека.
Гарно — оленьи кожи, пушной товар.

<i>Зерьнь</i>	— игра в кости.
<i>Жило</i>	— жильё.
<i>Камка</i>	— ткань с разводами.
<i>Камосы</i>	— зимняя обувь из оленных шкур.
<i>Камус</i>	— шкурки с ног оленя.
<i>Камчюки</i>	— дети русских казаков и камчадалок.
<i>Каргышны</i>	— см. аргыш (санки).
<i>Карша</i>	— суковатый пень, каршить — бить по затылку.
<i>Каюра</i>	— собачья упряжка.
<i>Каюрицк</i>	— проводник при езде на собаках.
<i>Кипрей</i>	— трава, которую камчадалы употребляют в пищу.
<i>Концелиум</i>	— соевщание.
<i>Корга</i>	— взморье.
<i>Королёк</i>	— коралловый шарик.
<i>Кошлок</i>	— молодой бобёр.
<i>Кекурник</i>	— отдельно стоящий камень на берегу моря или в море.
<i>Куклянка</i>	— шуба из оленьего меха.
<i>Кулемы</i>	— ловушки.
<i>Куяк</i>	— кивер или латы из кованых пластинок.
<i>Лопоть</i>	— верхняя одежда.
<i>Мадан</i>	— площадь на возвышенности.
<i>Малахай</i>	— шапка с ушами.
<i>Наст</i>	— осенний, после оттепели замёрзший снег.
<i>Нопарья</i>	— бурав.
<i>Одекуй</i>	— лазоревый бисер.
<i>Окорт</i>	— направление в путь.
<i>Отпрядыш</i>	— отделившаяся от хребта скала.
<i>Палмы</i>	— ножи.
<i>Парка</i>	— платье.
<i>Парохия</i>	— приход.
<i>Нартовицк</i>	— работник промышленной партии.
<i>Подскор</i>	— подбитая мехом одежда.
<i>Правеж</i>	— взыскание по суду.
<i>Пупчетая</i>	— сделанная из брюшков шуба.
<i>Сарана</i>	— трава, употребляемая камчадалами в пищу.
<i>Сикурс</i>	— помощь.
<i>Сицевый</i>	— таковой.
<i>Стамовой</i>	— отвесней.
<i>Тапта</i>	— отбивание утренней или вечерней зари.
<i>Тобён</i>	— родовой старшина, князец.
<i>Торбосы</i>	— оленьи сапоги.
<i>Уполовник</i>	— черпак.
<i>Чащина</i>	— обор в пользу ясачных оборщиков.
<i>Чемеры</i>	— мех, снятый с хребта.
<i>Чюман</i>	— лукошко для мелочей.
<i>Шерлоны</i>	— утёсы, скалы.
<i>Шерть</i>	— присяга на подданство.
<i>Шкарбет</i>	— скорб.
<i>Шкота</i>	— шкода.
<i>Шуга</i>	— ход первого осеннего льда.
<i>Юкола</i>	— вяленая рыба.
<i>Ясырь</i>	— пленник.

ИЗВЕСТИЯ ИЗ ВОСТОЧНОГО, ИЛИ ТИХОГО ОКЕАНА (1852—1855 гг.)

В этом разделе собраны материалы, с разных сторон, иногда косвенно, касающиеся события, известного нам как «Петропавловская оборона 1854 г.». В их числе сообщения, донесённые до нас таким известным персонажем отечественной истории, как вице-адмирал Е. В. Путятин, а также рядовым участником обороны — гардемаринном, позже мичманом, Г. Н. Токаревым. Есть свидетельство происходившего и «с той стороны» — датского офицера на французской службе В. А. Карстенсена, непосредственного участника боевых действий. Особое место уделено отзывам об обороне, публиковавшимся в иностранных изданиях. Воспроизведены и малоизвестные документы о пребывании неприятеля в порту Аян, принадлежавшем знаменитой Российско-Американской компании. Основная часть приведённых материалов была в своё время впервые напечатана в авторитетном журнале «Морской сборник».

Всеподданнейший отчёт генерал-адъютанта графа Путятина
о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай,
1852—1855 гг.

Путятин Евфимий Васильевич (1804—1883), русский государственный деятель, мореплаватель и дипломат, генерал-адъютант (1849), граф (1855), адмирал (1858). В 1822 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в кругосветном плавании с заходом в Русскую Америку, в Наваринском сражении (1827) и военных действиях на Кавказском побережье (1838—1839). В 1842 г. посланник в Персии с миссией, добившейся отмены ограничений русской торговли и установления пароводного сообщения на Каспийском море. В 1852—1855 гг. возглавлял дипломатическую миссию в Японию, заключил русско-японский договор. Во время перехода из Японии на Филиппины и оттуда в Татарский пролив выполнена опись северо-восточных берегов Кореи, открыты заливы Посьета, Ольги, острова Римского-Корсакова. В 1855—1857 гг. был военно-морским представителем в Англии и Франции. В 1857—1858 гг. руководил второй миссией на Дальнем Востоке, заключил Тяньцзиньский договор с Китаем и новый русско-японский договор (1858). В 1858—1861 гг. — снова военно-морской представитель в Англии. С июня по декабрь 1861 г. — министр просвещения России, после студенческих волнений — в отставке. С 1861 г. член Государственного совета. В его честь назван остров в заливе Петра Великого.

Повергая на высочайшее его императорского величества воззрение всеподданнейшее донесение о принятых мною мерах к исполнению возложенных на меня в 1852 г. волею в бозе почивающего государя императора Николая Павловича поручений, имею счастье присовокупить, что в состав сего донесения входят: 1) краткое обозрение плавания фрегата «Паллада» и других, впоследствии присоединённых к нему судов, и 2) изложение хода и результатов поручений, данных мне от министерств морского и иностранных дел.

Получив от министерств этих некоторые особые, как относящиеся, так и не относящиеся до экспедиции поручения, и не дожидаясь окончания изготовления предназначавшегося для нашего плавания фрегата «Паллада», я отправился в августе 1852 г. на частном пароходе в Англию.

Первою моею заботою по прибытии туда было приискание и приобретение винтовой шхуны, которая назначалась в экспедицию для рассылок и других надобностей, что вполне увенчалось желаемым успехом.

Новая, имевшая все нужные для дальнего плавания качества шхуна, в 30 сил, названная «Восток», на покупку которой было ассигновано около пятидесяти тысяч рублей, была приобретена в Бристоле за 3375 фунтов стерлингов, а с преобразованием её в военное судно она обошлась в 5 380 фунтов, что составит на наши деньги 33 547 рублей 66 копеек. Командиром шхуны по представлению моему назначен был прибывший на фрегате «Паллада» лейтенант Римский-Корсаков.

Для совершенного уравнивания фрегата «Паллада» с военными иностранными судами того же ранга я счёл нужным с разрешения морского начальства поставить на фрегат четыре бомбовые 68-фунтовые орудия, которые и были приобретены мною, равно как и 60 штуцеров, взятых у двух лучших английских мастеров, Ланкастера и Вилькинсона. Образцы сих штуцеров тогда же были представлены в Санкт-Петербург. Сверх того на моей обязанности лежало озаботиться в Лондоне покупкою вещей, назначавшихся в подарок японцам, в дополнение к отпущенным из России на сей предмет вещам.

31 октября прибыл в Портсмут фрегат «Паллада», вышедший из Кронштадта 7-го числа того же месяца. На нём, кроме командира флигель-адъютанта Унковского, было 22 человека офицеров и 439 нижних чинов, из коих предназначались на шхуну шесть офицеров и 37 нижних чинов; сверх того прибыли также архимандрит Александро-Невской Лавры Аввакум, хорошо знающий китайский язык, и два чиновника министерств иностранных дел

и финансов; один назначен был для исправления должности переводчика китайского и манжурского языков, а другой — должности секретаря при мне. По донесению командира фрегата, флигель-адъютанта Унковского, плавание по Балтийскому морю сопровождалось бурною погодою и другими неблагоприятными обстоятельствами, между прочим потерю четырёх матросов: трёх от холеры, обнаружившейся на фрегате вскоре по выходе из Кронштадта и прекратившейся у берегов Дании, и одного упавшего в море, в Финском заливе, при авральной работе. К сожалению, последний, по случаю сильного волнения и большого хода фрегата, не мог быть спасён, несмотря на все принятые к тому меры. Сверх того в Зунде в туманную и дождливую погоду фрегат слегка приткнулся к мели у мыса Дрого, за неявкою по неоднократному вызову пушечными выстрелами лоцманов.

Дальнее предстоявшее нам плавание заставило меня обратить особенное внимание на это обстоятельство и ввести фрегат для осмотра в Портсмутский док, ибо малейшее повреждение в подводной части судна, один оторвавшийся медный лист обшивки и тому подобный, сам по себе незначительный, случай мог повести в двухгодичном плавании к важным последствиям, которых нельзя бы было отвратить, по неимению к тому средств в местах, куда направлялась экспедиция. Между тем я воспользовался введением в док фрегата для надёжнейшего на нём приспособления с разрешения морского начальства парового водоопреснительного аппарата, который принят на многих английских судах, как полезнейшее из новейших изобретений, что вполне оправдалось блистательными последствиями. Мы, кроме речной воды, которою запасались всюду, где был случай, опресняли ежедневно, посредством аппарата, до ста двадцати вёдер воды, превосходившей чистотою и вкусом речную.

Хотя по тщательном освидетельствовании фрегата в доке повреждений от стояния на мели не оказалось, но между тем при этом случае обнаружались явные признаки гнилости в надводной части судна, побудившие переменить большую часть конопатки и сделать местами новые вставки в деревянной обшивке. Таковое состояние фрегата, имевшего в прочем отличные качества, и в особенности скорость в ходу, но прослужившего уже более шести лет после тимбирования и совершавшего в это время значительные рейсы по Балтийскому, Немецкому морям и Атлантическому океану, заставило сомневаться насчёт благонадёжности его в течение продолжительного плавания.

Как переделки на фрегате и изготовление к плаванию шхуны «Восток», так и крепкие противные ветра продержали нас в Англии долее, нежели я предполагал, и именно до 6 января 1853 г. Вследствие этого я должен был изменить первоначальный план пути мимо мыса Горна, который пришлось бы огибать в самую неблагоприятную пору весеннего равноденствия и крепких ветров, и счёл более удобным направиться мимо мыса Доброй Надежды в Зондский пролив и Китайское море, где мог пользоваться попутным муссоном, о чём в своё время и предупредил министерства морское и иностранных дел.

В 6-й день января наступившего нового года по совершении архимандритом Аввакумом божественной литургии и молебна оба судна снялись с якоря и покинули Портсмут, а 11-го того же месяца вышли в океан, выдержав в Английском канале шторм, причём фрегат «Паллада», в полном грузу сильно бивший носом, потерял утлегарь (добавочное рангоутное дерево, продолжающее бушприт вперёд и вверх. — *Ред.*) Весь переход наш от Англии до острова Мадеры, совершённый в семь дней, сопровождался крепким, хотя и попутным северным ветром. У этого острова, к которому по моему приказанию должна была прийти отставшая от фрегата шхуна «Восток» для пополнения запасов, мы продержались 18 января около двенадцати часов под парусами и, взяв запас свежего мяса и зелени, отправились далее к югу. Так как некоторые из новейших мореплавателей признают более выгодным пересекать экватор в меньшей *W*-й долготе от гринвичского меридиана, чтобы потом *SO* пассат менее отводил от прямого курса, то я, сообразно сему, расположил пройти сквозь группу островов Зелёного Мыса, куда фрегат и прибыл благополучно 25 января, бросив якорь в Порто-Прайя, на острове Сант-Яго. Здесь оказалось нужным вытянуть стоячий такелаж, ослабевший от крепких ветров, что и было исполнено в сутки.

Если бы в нашем распоряжении было и более свободного времени, то печальный вид острова, состоящего из массы скал вулканического происхождения, в беспорядке брошенных в кучу, палимых солнцем и лишённых растительности, бедность города и чёрных жителей, вселяли мало охоты продлить там пребывание. Однодневной прогулки по острову и посещения редких цветущих оазисов с лесом пальм, апельсиновых и других деревьев, было слишком достаточно, чтобы развлечь пловцов новостью и оригинальностью предметов, невиданных на севере.

В Порто-Прайя мы застали американскую эскадру, назначенную для преследования торгового неграми, и захватившую незадолго

до нас судно с чёрными невольниками; здесь же получили мы первые известия, что другая эскадра, под начальством коммодора Перри, находилась уже у китайских берегов, направляясь к одной цели с нами.

Дальнейшее плавание по Атлантическому океану можно назвать продолжительною приятною прогулкою. Хотя по времени года в северном полушарии была зима, но вся разница от лета обозначалась только по временам облачностью горизонта; по температуре же, доходившей до двадцати слишком градусов в тени по Реомюру, тропическая зима равнялась самым жарким дням нашего лета.

Прекрасный колорит неба и воды, свежий воздух и ясные, тихие, один на другой похожие дни и великолепные ночи, — всё это поддерживало в офицерах и нижних чинах бодрость, весёлое состояние духа и охоту к дальнейшему пути.

В воскресные и праздничные дни на фрегате постоянно происходила божественная служба, как здесь, так и далее во всех местах нашего путешествия, от Англии до Японии включительно. Этим духовным утешением мы обязаны попечительности его императорского высочества генерал-адмирала об устройении подвижных церквей на военных судах.

В свободное от службы время офицеры постоянно занимались чтением и переводами разных сочинений по части путешествий, преимущественно же лоций и других относящихся до морского дела книг, и вообще с величайшим прилежанием и любознательностью спешили обогатить себя запасом сведений для дальнейшего пути, а гардемарины, сверх обязанностей службы, делали астрономические наблюдения, имея отличные купленные в Англии секстанты, и занимались при содействии офицеров и других участвовавших в экспедиции лиц предметами, входящими в курс, преподаваемый в Морском корпусе. Благодаря щедрости правительства, экспедиция была богато снабжена всеми учёными пособиями: отличными астрономическими и другими инструментами и книгами по всем частям знаний. Кроме книг, отпущенных морским ведомством, моей и общей офицерской библиотеки, офицеры и другие лица запаслись сочинениями, которые каждый считал для себя нужными. Команда по обыкновению ежедневно упражнялась в ученье пушками и абордажным оружием.

Излишним считаю упоминать, что особенные попечения приложены были со стороны казны к обеспечению судов продовольствием на многие месяцы вперёд. Некоторые статьи, и особенно

те, которые наименее подвергались порче, например, солонина, сухари и т. п., были заготовлены морским начальством в Кронштадте; всё же прочее забрано в Англии и возобновлялось, по мере потребления, всюду, где представлялась возможность. Между прочим, много взято было провизии в так называемых презервах, то есть приготовленной впрок и уложенной в герметически закупоренных сосудах. Таким образом, офицеры пользовались тем же столом на море, как и на берегу, а нижние чины, имея постоянно хорошего качества пищу, не подвергались опасности от скорбута (цинги. — *Ред.*), который и не обнаруживался во всё время нашего плавания.

NO пассат сопровождал нас до 4° *N* широты, то есть почти до южного предела штилевой полосы. Начала его мы не могли определить потому, что имели северный ветер от самого Английского канала. От 4° нас подвигало переменное маловетрие, до 1° *N*, где оно перешло в пассат, дувший сначала между *S* и *SO*, а потом, до 20° *S*, между *SO* и *O*. Экватор мы пересекли 3 февраля, в двадцать третий день плавания от мыса Лизарда, в долготе *W* $15^{\circ} 20'$.

С 13 февраля и с широты 20° в продолжение трёх недель мы имели штили и маловетрие и в течение всего этого времени среднее суточное плавание не превосходило 68 миль. Таким образом, и нашим плаванием подтвердилось существование штилевых полос на внешних границах тропиков, доказываемое известным Моррисом. В пределах тропиков мы имели случай и время любоваться всеми особенностями южного неба, богатого блестящими созвездиями, и моря с множеством летучей рыбы, акул и морских птиц.

В 31° *S* широты мы получили, наконец, ровный *SSN*, пользуясь которым увеличили широту до $35 \frac{1}{2}^{\circ}$, на градус южнее мыса, дабы господствующими у него ветрами и сильным течением не быть отнесёнными к северу.

10 марта фрегат бросил якорь в *SW* углублении Falzebay, против города Саймонстоуна, как более покойном месте, нежели Столовая бухта, для стоянки кораблей при ветрах, дующих в это время года. Мы совершили путь от Англии до сих мест, 6 000 миль, в 59 дней. На острове Мадера я оставил предписание шхуне «Восток» направиться в означенную бухту, куда она и прибыла благополучно 15-го числа того же месяца, не испытав никаких неблагоприятных случаев и употребив на сей переход 64 дня. По свидетельству командира шхуны, судно это оказалось совершенно годным и способным для дальнего плавания, оно отлично держалось при волнении и вполне соответствовало предназначенной цели.

Вообще после долгого перехода, по прибытии на место, всегда оказывается нужным делать более или менее исправлений на судах, и фрегат «Паллада», как более слабое судно, потребовал значительного времени для производства всех необходимых на нём работ.

Местные английские власти, между прочими, командир стоявшей там эскадры Тальбот, командовавший кораблём в Балтийском море в нынешнюю войну, много содействовали приготовлению судов к дальнейшему плаванию, к снабжению их каменным углём и другими предметами продовольствия из казённых запасов, сравнительно по сходным ценам, что было для нас немаловажным облегчением, ибо в вольной продаже этих предметов цены необыкновенно возвысились от множества приходящих на мыс судов по случаю усилившейся эмиграции в Австралию.

Так как помянутые исправления судов должны были задержать нас на несколько недель на мысе Доброй Надежды, то я избрал некоторых, более свободных от службы офицеров и гражданских лиц для совершения поездки внутрь Капской колонии с целью предоставить им случай обозреть этот любопытный во всех отношениях край и обогатить себя познаниями по части статистики и естественных наук, полагая, что подобная поездка, совершённая с пользою, послужит опытом для исследований подобного рода в местах, менее известных, которые предстояло нам посетить.

Между тем, в пребывание наше на мысе совершились два важные события, которые должны произвести важное влияние на колонию. Первое — заключение мира с каффрами, на прочность которого, впрочем, не слишком надеются люди, хорошо знающие нравы и обычаи этого дикого племени. (Каффы, кафры — название, данное европейскими колонизаторами южно-африканскому народу *коса*. — *Ред.*) Хотя условия мира сами по себе таковы, что могли бы надолго обеспечить спокойствие во всякой другой стране, но каффы, судя по предшествовавшим войнам с ними, обыкновенно соблюдают обязательства мира до тех пор, пока не оправятся от нанесённого им удара и не запасутся вновь нужным количеством оружия и пороха, которые при заключении мирного трактата от них отбираются, и снабжение их тем и другим строго запрещено. Несмотря, однако ж, на такое запрещение, английские же промышленники, считающие дозволенными все средства, когда дело идёт о торговых выгодах, не задумываются снабжать каффров чрез восточные приморские порты и порохом, и оружием для действия против своих соотечественников, что неоднократно было обнаружено в последнюю войну. Второе событие заключается в дарова-

нии колонии от английского правительства конституции, по которой законодательная власть переходит в руки колониального правления. Высшему и среднему классам предоставлено право избрания членов в две камеры, учреждаемые наподобие американского конгресса, и образующие, вместе с губернатором, назначаемым из Англии, главное управление. Вместе с тем большая часть расходов, производившихся от метрополии и, между прочим, издержки на войну с каффрами, должны будут падать уже на счёт колонии. Этим средством надеются удержать пограничных с каффрами поселенцев от частых раздоров со своими дикими соседями, каковые раздоры обыкновенно и служат началом и поводом продолжительных и разорительных войн с чёрными племенами.

Последние дни нашего пребывания на мысе ознаменовались печальным для нас происшествием: матрос 22-го флотского экипажа Карманов, самовольно отлучившись с посланной на берег шлюпки, по сделанному розыску не найден, а на другой день тело его выброшено было приливом моря на берег. Так как по медицинскому освидетельствованию никаких признаков насильственной смерти не оказалось, то надо предполагать, что возвращаясь вечером к шлюпке матрос этот оступился с пристани, далеко выдающейся в море, и утонул.

По совершенном изготовлении обоих судов к отплытию, я дал предписание командиру шхуны «Восток» сняться с якоря и идти в Гон-Конг, который избран был мною будущим местом остановки, как удобнейший пункт для якорной стоянки, снабжённый всеми корабельными и другими припасами, и для сообщения с Европою через Ост-Индию и Красное море; сам же остался с фрегатом «Паллада» на двое суток в ожидании предписаний из Санкт-Петербурга, которые и доставлены были с английским почтовым пароходом. Предписания эти заключали, между прочим, извещение о двух посланных от министерства иностранных дел через Америку курьерах с новыми дополнительными инструкциями касательно возложенного на меня поручения в Японии. Вследствие этого я немедленно сделал распоряжение о назначении курьерам местом соединения с нашим отрядом лежащие близ Японии острова Бонин-Сима, куда по моему извещению должны были прибыть и другие назначенные в состав отряда суда: корвет «Оливуца» из Камчатской флотилии и судно Американской компании «Князь Меншиков».

12 апреля, после месячного пребывания на мысе Доброй Надежды, я снялся с якоря и направился к Зондскому проливу. Намереваясь пользоваться на этом переходе господствующими в Индийском

океане западными ветрами до встречи с южными, дующими в это время года близ западного берега Австралии, я расположил плавание между мысом Доброй Надежды и точкою пересечения меридиана 105° с параллелью 30° , составляющее до 5 700 миль по дуге великого круга. Это тем более было удобно, что оба упомянутые пункта лежат близко одной параллели.

Отойдя около двухсот миль от мыса, мы выдержали 14 апреля один из тех сильных штормов, которые довольно обыкновенны в этом месте, при борьбе трёх океанов и свирепости дующих со всех сторон ветров, не задерживаемых на огромном чистом пространстве, начиная от самого Южного полюса, никакими препятствиями. Здесь слабость и неблагонадёжность нашего старого фрегата к продолжительному плаванию подтвердилась неопровержимым образом: он потёк всеми палубами, и сверх того обнаружилось движение в креплениях надводной части. Принимая в соображение предстоявшее нам продолжительное пребывание в жарких местах, переходы из одного климата в другой и плавание по бурным Китайскому и Японскому морям, что всё должно было способствовать к окончательному расслаблению судна, на котором предстояло возвращаться в Россию, я предположил довести об этих обстоятельствах до сведения высшего морского начальства и ходатайствовать о высылке на смену фрегата «Паллада» вновь построенного в Архангельске фрегата «Диана», с меньшим, против положения, числом людей и артиллерии, дабы судно это в видах сокращения расходов могло вместе с тем доставить в Камчатку полный груз разного рода припасов и военных снарядов, ежегодно посылаемых на военных транспортах. Тогда же я выразил предположение в случае возможности привести фрегат «Паллада» по снятии с него всей артиллерии под конвоем фрегата «Диана» обратно в Кронштадт. Для доставления моих представлений об этом в Санкт-Петербург я назначил отправить курьером через Ост-Индию и Египет старшего офицера фрегата, лейтенанта Бутакова и предположил для сей цели зайти на остров Яву в порт Батавия, имеющий почтовое пароходное сообщение с Ост-Индиею.

Дальнейшее плавание наше по Индийскому океану сопровождалось самыми благоприятными обстоятельствами, как относительно ветров, так и быстроты хода. Вместо ожидаемых сильных непогод от *W*, господствующих в это время года и разводящих огромное волнение на океане, мы постоянно имели умеренные ветры из четверти и совершили этот переход, составляющий около 7 000 миль, в 34 дня, что, как видно из журналов мореплавателей,

удавалось редким судам. Такое постоянство северо-западных ветров было противно обыкновенному порядку движения воздуха в этой части океана. *NW* ветры, господствующие в южном полушарии в продолжение всего почти года, как в северном юго-западные, в осенние и зимние месяцы обыкновенно уступают юго-западным.

Бросив якорь 17 мая для освежения команды и снабжения зеленью в Зондском проливе у малайского селения Анжер, имеющего голландский форт и лежащего недалеко от Батавии, я узнал, что почтовый голландский пароход, на котором предполагалось отправить господина Бутакова в Россию, нерегулярно делает рейсы в Ост-Индию, и потому, чтобы выиграть время, я расположил с фрегатом направиться в Сингапур, имеющий постоянные почтовые сообщения с Европою, так как это место мало отклоняло нас от прямого пути к китайским берегам.

В течение нескольких часов стоянки на Анжерском рейде я предоставил большей части моих спутников, в первый раз совершавших подобное плавание, сделать непродолжительную прогулку по цветущим берегам этого острова, поросшего густым, разнообразным лесом и являющего образец роскошной тропической природы во всём её блеске. Сюда при нас прибыл испанский военный транспорт с офицерами и отрядом нижних чинов, назначенными в Манилу.

Плавание от острова Явы до Сингапура сопровождалось тихими, умеренными ветрами и прекрасною погодою, которая однако нередко прерывалась сильными шквалами, и хотя мы здесь перешли через изотермический экватор — линию наибольшей теплоты, — но термометр ни разу не показывал в тени выше 24°. Из трёх каналов Гаспарского пролива я избрал так называемый Маклефильдский, как наиболее просторный. 21 мая фрегат вошёл этим каналом в Китайское море, встретив сильное попутное течение, доходившее до трёх миль в час. 23 мая мы вторично пересекли экватор, а 25-го того же месяца бросили якорь на Сингапурском рейде.

Остров Сингапур, отделённый от Малакского полуострова узким проливом, сделался обитаем с 1819 г., по занятии его англичанами, и с того времени постепенно приобретал громкую известность как складочное место. Здесь происходил огромный и живой обмен европейских товаров на произведения Индии, Китая, Австралии и Зондских островов. Мы, по возможности, осмотрели огромные склады товаров в пакгаузах и были свидетелями живого движения торгового мореплавания. На Сингапурском обширном и безопасном рейде теснятся во всякое время множество европейских и американских судов, китайских и сиамских джонок и других кораблей

со всех соседственных мест, а на самом острове стекаются со всех сторон разноплеменные торговцы, преимущественно с Индийского полуострова и из Китая. Китайцы составляют большую часть народонаселения и способствуют процветанию колонии. Число их простирается до тридцати тысяч человек, тогда как поселенцев других наций, более малайского племени, доходит только до двадцати тысяч. К сожалению, это торговое место посещается пиратами, которые, имея главный укрепленный притон на острове Минданао и меньшие на Борнео и Целебесе, грабят слабейшие купеческие суда, не трогая сильнейших, и являются под видом купцов сбывать награбленные товары в сингапурский порто-франко и запащаются необходимыми для себя военными запасами. Здесь учреждено также правильное сообщение пароходами с Европой, Востоком и Австралией. Это торговое место потеряло, однако же, часть своего значения со времени открытия англичанами для европейской торговли пяти китайских портов и учреждения английской колонии в Гон-Конге, снабжающей Китай европейскими произведениями. Природа этого островка, лежащего в 1°30' к северу от экватора, так же роскошна, как на Яве, и плователи вновь имели случай сделать несколько приятных прогулок по окрестностям города, густо поросшим пальмовым лесом. Зной здесь не так чувствителен, потому что умеряется влажностью моря и почти ежедневными дождями, а различие в переменах времён года вовсе незаметно.

Обеспечив отправление лейтенанта Бутакова на первом английском почтовом пароходе с донесениями в Санкт-Петербург и освежив запас фрегата, я 1 июня снялся с якоря и направился к китайским берегам, в Гон-Конг, куда вследствие оставленного мною предписания в Анжере должна была прибыть и шхуна «Восток».

Чрез двенадцать дней благополучного плавания я с фрегатом «Паллада» прибыл в Гон-Конг и нашёл там шхуну, прибывшую полутора сутками ранее фрегата. Здесь, как и в других английских колониях, со стороны местного начальства оказано было нам самое заботливое внимание и содействие к исправлению всех наших нужд. Английский губернатор, соединяющий это звание со званием полномочного в китайских портах, сэр Джорж Бонем, после официального взаимного визита, сопровождавшегося салютами в честь русского и английского флагов, оказал особенное гостеприимство и мне, и офицерам обоих судов.

Что касается до допущения наших военных судов в означенные порты, то кантонский генерал-губернатор в ответе своём на моё письмо к нему прошёл это обстоятельство молчанием, из чего

можно было заключить, что запрещение посещать китайские порты на военные суда не распространяется. Это заключение подтвердилось тем, что шхуна «Восток», на которой я прибыл из Гон-Конга в Кантон, остановилась против города и в ответ на салют с английского брига «Rapid» в честь моего звания отвечала пятнадцатю выстрелами. Следовательно, генерал-губернатор не мог не знать о прибытии в город военного судна, но протеста на это с его стороны не было.

Дальнейшее пребывание наше в Гон-Конге не представляет ничего замечательного. Город этот, называемый официально в честь английской королевы её именем, состоит из одной улицы с богатыми купеческими домами, пробитой в бесплодных скалах, и китайского квартала, имеющего двадцать тысяч жителей.

Место это занято было при начале англо-китайской войны англичанами, которые основали здесь обширные фактории в надежде сосредоточить в нём всю свою торговлю с Китаем. Но намерение это удалось не вполне, несмотря на употреблённые на сие огромные капиталы, и торговый перевес остаётся на стороне Кантона и Шанхая, как более обширных и удобных для торговли портов, лежащих притом на больших реках, которые соединяют их с самыми плодородными областями края. Сверх того, нестерпимый зной и местная климатическая болезнь заставляют европейцев искать по соседству других, более безопасных для жительства мест.

Здесь мы получили некоторые достоверные сведения о восстании в Китае и об успехах оружия инсургентов (повстанцев. — *Ред.*), распространившихся от запада к востоку, между прочим, по реке Янсе-кияngu (Ян-тсе-кианг, совр. Янцзы. — *Ред.*), и взявших города Нанкин и Амой.

В Кантоне я известился также, что командор Перри с эскадрой, состоявшею из шести судов, отправился уже от Ликейских островов к берегам Японии, что заставило и меня ускорить отплытие из Гон-Конга, который я и оставил с фрегатом «Паллада» 26 июня, предписав шхуне «Восток» идти на остров Бонин-Сима, в порт Ллойд.

Начало нашего плавания от Гона-Конга, вместо дующего в это время года западного муссона, сопровождалось противными ветрами и шквалами, замедлявшими наш путь. Проходя между островом Формозою и группой островов Баши, я предположил зайти на принадлежащий к этой группе остров Батан, чтобы запастись свежей провизией. Но за невозможностью пристать к берегу на шлюпках по причине сильного прибоя оставил это намерение и отправился

далее. В ночь с 8-го на 9-е июля ветер скрепчал до того, что надо было взять все рифы у марселей и закрепить крьюсель, на другой день ветер превратился в жестокий шторм, который должно отнести с числа свирепствующих иногда в летнее время в здешних местах тифонов, или вращающихся штормов, ибо ветер, согласно с описаниями оных, при быстром понижении барометра, переходил от одного румба к другому: задув от *NW*, постепенно перешёл до *OSO*. Фрегат во всё время бури, продолжавшейся около тридцати часов, имел ход свыше двенадцати узлов. Вечером 9 июля барометр перестал понижаться, а ветер достиг крайней степени силы и вырвал фок, грот и фор-марсель.

Руководствуясь правилами, изложенными в теории вращающихся штормов, я изменил при этом курс и вышел из круга разрушительного действия ветра, который к одиннадцати часам вечера стих.

При этом случае подтвердилось донесение моё о неблагонадёжности фрегата для дальнейшего продолжительного плавания. В верхней части судна обнаружилась сильная течь, так что две помпы постоянно качали воду. Сверх того мы были в опасности потерять грот-мачту по причине ослабевших от жестокой качки вант, в помощь которым однако же успели заложить сей-тали, а потом, когда буря стихла, перетянуть наскоро и самые ванты.

При тяге вант случилось следующее несчастное происшествие. Стоявшему на грот-путень-вантах матросу Яну Ларю разогнувшимся гаком ударило в голову и раздробило теменные и затылочную кости, отчего он через пять дней умер.

Остальное плавание наше до островов Бонин-Сима задерживалось до 25 июля наступившими штилями, а с сего числа подул попутный ветер, и на другой день фрегат «Паллада» бросил якорь на острове Пиль, в порте Ллойд, употребив на этот переход, который при попутном ветре можно сделать в две недели, ровно тридцать дней.

В этом порте я застал уже шхуну «Восток», вышедшую из Гон-Конга днём ранее фрегата, также корвет «Оливуца» и судно Американской компании «Князь Меншиков», на котором прибыли через Панаму и Сандвичевы острова курьеры лейтенант Кроун и коллежский секретарь Бодиско, привезшие между прочим дополнительные наставления к данной мне инструкции относительно предстоявших действий в Японии. На судне «Князь Меншиков» привезена была заготовленная в Гамбурге провизия для фрегата.

Не найдя на острове Пиль, на котором поселилось несколько английских и американских выходцев, никакой свежей провизии, забранной заходившею перед нами эскадрою командора Пери, а также

посещающими этот порт китоловными судами, я остался в нём самое короткое время, необходимое для исправления повреждений. Между тем я нашёл возможность доставить некоторым молодым офицерам и гардемаринам случай к практическим занятиям, для чего отправился на корвете «Оливуца» к неисследованной группе островов Бейли и сделал как главному острову, так и мелкой группе, лежащей у южной его оконечности, надлежащую опись. Карта этих островов представлена была мною главному морскому начальству.

4 августа при попутном ветре фрегат «Паллада» оставил порт Ллойд и, держась соединённо с прочими тремя судами, направился к Нагасаки.

С напряжённым вниманием и любопытством, которое постоянно поддерживалось в течение десятимесячного плавания, увидели мы берега Японии, как страны во многих отношениях загадочной и неисследованной. С этим вместе мы достигали главного предела нашего похода, и потому минута, когда 9 августа наши четыре судна бросили якорь на Нагасакском рейде, была одною из торжественных минут нашего плавания.

Ещё за несколько миль до Нагасакского порта высланы были навстречу нам чиновники с вопросами о том, к какой нации принадлежат суда, и с предостережением не входить на внутренний рейд, а остановиться у входа на оный. Но видно было по осторожности и опасениям, какими сопровождалась передача этих вопросов, что японцы исполняли этим только предписанный законом старинный обычай, соблюдаемый в отношении всех иностранных судов, и что вид четырёх вооружённых военных судов наводил на них страх и недоумение. Не успели суда наши войти на первый, открытый с моря рейд, как от нагасакского губернатора последовало приглашение стать и на второй рейд, ближе к городу. В этой поспешной присылке приглашения заключалось, кажется, опасение, чтобы военные суда не нарушали предписанное правило и тем не обнаружили в глазах народа слабости их правительства перед вооружённой иностранной силой. Это предположение подтвердилось неоднократно впоследствии подобными мерами со стороны нагасакского губернатора.

С этого начались и не прекращались наши живые ежедневные сношения с японцами, причём они употребляли всю изворотливость и хитрость, свойственные их характеру, чтобы удержать за собой старинные права и обычаи, установленные ими в сношениях с иностранцами. Не будучи приготовлены к появлению многих

военных судов в одно время в двух главных своих портах, они пытались в сношениях с нами и, как я узнал впоследствии, с американцами подчинить в начале нас и их тем же условиям и ограничениям, какие налагали прежде на иностранные суда, как-то: расставляли около судов свои караульные лодки, хотели ограничить прогулки наши по рейду на шлюпках и прочее. Но вскоре должны были ослабить этот надзор и окончательно совсем от него отказаться. В дальнейших сношениях они потеряли надежды разными проволочками и затруднениями, которые старались делать на каждом шагу (например, в отведении места на берегу), отбить у нас охоту обращаться к ним с какими-либо требованиями, и по-прежнему желали оставаться чуждыми миру. Они полагали, что, утомив наше терпение, успеют заставить нас отказаться совсем от намерения завязать с ними дела, или, по крайней мере, отложить последние на неопределённое время.

Соображаясь с высочайшей волею в бозе почившего государя императора и данной мне от министерства иностранных дел инструкцією, я начертал себе систему действий в сношениях с этим народом, в основание которой принял кроткое и дружеское с ним обращение, снисходительное исполнение тех законов и обычаев страны, которые не противны были достоинству нашей нации и моего звания, и твёрдую, спокойную настойчивость в переговорах по возложенному на меня поручению. Следуя неуклонно этой системе, по мудрому указанию монарха, до последнего дня моего пребывания в Японии, я имел счастье достигнуть желаемой цели, не только ни разу не нарушив доброго между мною и японскими властями согласия, но установил оное на прочных основаниях, смею думать и надолго вперёд.

Изложив ход и результаты моих переговоров с японским правительством в особой записке, которую имел счастье, вместе с сим всеподданнейше повергнуть на высочайшее его императорского величества воззрение, я продолжаю в последовательной связи настоящее обозрение плавания вверенного мне отряда судов, а также и главных обстоятельств пребывания оных в Японии.

Спустя некоторое время по прибытии в Нагасаки я решился послать транспорт «Князь Меншиков» в Шанхай за свежей провизией и вместе для передачи на почту моих донесений, а шхуну «Восток» — в Татарский пролив, к острову Сахалину и к берегам Амура для получения сведений о положении дел в нашем краю. Об этой посылке шхуны с особым поручением на север, определеннее изложено в помянутой особой записке.

Голландские суда до сих пор не имеют права оставлять рейда без разрешения местной власти, поэтому нагасакский губернатор, которого я предупредил о своём предположении послать шхуну и транспорт в разные места во избежание всякой таинственности в своих действиях и чтоб не возбудить каких-нибудь неосновательных опасений в подозрительных японцах, поспешил относительно посылки первой прислать своё разрешение, которого я не просил.

Он, без всякого сомнения, действовал так на основании старых, предписанных ему относительно иностранцев правил, от которых не смел отступить, не подвергаясь строжайшей ответственности пред своим правительством. Само же правительство, не ожидая, как я имел случай упоминать выше, появления нескольких военных судов у берегов Японии, не успело, конечно, снабдить губернатора новым руководством на счёт образа действий относительно нас. Впоследствии на основании полученных, без сомнения, новых предписаний из Едо, обращение губернатора с нами значительно изменилось. По прибытии же в последних числах декабря 1853 г. назначенных от правительства для переговоров со мной высших сановников японцы оказывали в сношениях с нами самое утончённое внимание и предупредительность, свойственные всем образованным народам.

Что касается до отправления транспорта «Князь Меншиков» в Шанхай за провизиею, то нагасакский губернатор, несмотря на всю свою осторожность, сделал при этом случае сильный промах, которого не в состоянии уже был потом исправить. Он просил не посылать транспорта за провизиею, предлагая снабжать наши суда оною через посредство голландской фактории, которая, имея право торговли в Японии, могла покупать от них припасы и перепродавать нам. Я поспешил принять это выгодное для нас предложение, и мы во всё время пребывания в Нагасаки благодаря посредству начальника голландской фактории, Донкера Курциуса, изъявившего полную готовность к оказанию нам означенной услуги, получали постоянно живность, рыбу и свежую зелень. Но как в Японии по религиозным понятиям, запрещающим бить скот, мяса достать нельзя, и притом я имел надобность в отпращивании на почту бумаг, то я и не мог исполнить просьбы губернатора не посылать транспорт в Шанхай, почему оба судна отправились по назначению. На транспорте «Князь Меншиков» отправлен был мною в то же время один из прибывших курьеров, коллежский секретарь Бодиско в Шанхай, для отъезда при первом удобном случае в Россию; а другого, лейтенанта Кроуна, я зачислил в число офицеров

отряда, с тем, однако же, чтобы при встретившейся надобности отправить и его курьером в Санкт-Петербург.

Ещё в начале прибытия моего в Нагасаки я просил губернатора о назначении мне свидания для вручения двух писем от господина государственного канцлера Российской Империи, графа Нессельроде: одного к нему, губернатору, другого в Японский Верховный Совет. Он отозвался, что, по неимению разрешения от своего правительства, назначить свидания мне не может, и просил передать ему адресованное на его имя письмо через старших его чиновников. Находя приведённую им причину уважительною, я не настаивал на свидании и вручил письмо присланным от него доверенным лицам. Что касается до второго письма, в Верховный Совет, то губернатор отвечал, что передача такого важного документа должна сопровождаться особым церемониалом, которого он сам определить не может, и просил снисходительно подождать, пока получится на это разрешение из Едо, куда со всевозможной поспешностью отправлен от него курьер.

Хотя я знал из истории всех предшествовавших посольств в Японию, как медленно производятся официальные дела в этом государстве, но счёл, однако же, нужным обнаруживать по временам некоторую настойчивость, чтобы японцы с своей стороны употребили в сношениях с нами более поспешности. Впрочем, одни мои настояния не могли бы повести к желаемому успеху, если б они не подкреплялись неоднократно изъявленной мною готовностью идти с судами в Едо, чтобы там непосредственными сношениями с высшими властями достигнуть как можно скорее цели моего прибытия. Опасение их видеть близ столицы ещё несколько военных судов, сверх американских, которые уже там находились, было так велико, что они при этом случае и во многих других спешили удовлетворить наши справедливые домогательства.

Долгом считаю присовокупить, что, изъявляя готовность идти в Едо, я имел в виду решиться на это только в крайней необходимости, как-то: в случае отказа с их стороны вступить в сношения со мною или если б японцы назначили слишком отдалённый срок ответа на привезённое мною письмо.

Приняв в соображение расстояние Нагасаки от Едо, составляющее около полутора тысяч вёрст, а также медленность существующих у них способов сообщения, я согласился ожидать ответа не долее тридцати дней.

В течение этих тридцати дней, а равно и следующих за тем двух месяцев, которые мы провели на Нагасакском рейде до отхо-

да в Китай, я старался поддерживать дружеские сношения с губернатором и его чиновниками, приглашая последних на фрегат, внушая им как можно более доверия к намерениям нашего правительства, что и удалось до значительной степени. Баниосы, или старшие после губернатора лица, с удовольствием и любопытством наблюдали наш быт, обычаи, слушали через переводчиков рассказы об устройстве европейских государств, образе жизни и обо всём, в чём они резко расходятся с нами. Переводчики не раз секретно обнаруживали желание покороче познакомиться с европейцами и вполне надеялись на успех в достижении нашей цели. В подтверждение своих надежд они между прочим приводили одно замечательное обстоятельство, именно, что во время посольства Резанова из шести членов японского Верховного Совета только двое объявили себя в пользу сношений с иностранцами, а остальные были против; тогда как ныне, по словам их, дело происходит совершенно наоборот, то есть двое только не соглашаются с общим мнением открыть японские порты для иностранных судов.

Во всё время пребывания нашего в Японии здоровье как офицеров, так и команд на судах было совершенно удовлетворительно, благодаря постоянно хорошей погоде и свежей провизии, которая в достаточном количестве доставляема была, частью вышесказанным образом, через голландцев с берега, частью же привозилась транспортом «Князь Меншиков» из Шанхая, отстоящего всего на трое суток хорошего плавания от Нагасакского порта. На обоих судах ежедневно производимо было ученье парусное и орудийми, также и абордажным оружием. К сожалению, 6-го числа сентября служебное занятие это ознаменовалось несчастным происшествием: матрос 23-го экипажа Борисов при поднятии брам-стенги и брам-рей упал от собственной неосторожности с фор-салинга на палубу и при падении получил переломы костей, с признаками сотрясения мозга, от чего через несколько часов умер.

Офицеры и гардемарины, отправляя обыкновенную морскую службу, продолжали заниматься чтением и переводами с иностранных языков, также описью Нагасакского порта (которому составлена карта) и укреплений берегов. Сверх того, катаясь ежедневно по обширному живописному и превосходному в морском отношении Нагасакскому заливу, совершенствовались в управлении гребными судами.

Попытки мои уговорить губернатора отвести нам место на берегу для проверки хронометров и для магнитных наблюдений, а также для освежения людей прогулками, не увенчались успехом: очевидно

было, что он сам собою не имел на то никакого права, как равно и на принятие подарков, которые я хотел сделать как ему самому, так и его подчинённым, ибо все прочие наши желания, как то доставку провизии на суда в требуемом количестве, расположение судов на рейде по моему указанию и размещение японских караульных лодок как можно далее от наших судов, словом, всё, что, по видимому, было в его власти, исполнялось им довольно охотно, хотя и не без возражений. Последние делаемы были, кажется, только для вида, чтобы в глазах правительства и народа не изъяслять слишком явной готовности отступить от старых японских обычаев, угождая иностранцам.

В начале сентября нагасакский губернатор уведомил меня, что из Едо получено разрешение на принятие от меня письма в Верховный Совет, а 9-го числа того же месяца, в день рождения его императорского высочества государя великого князя Константина Николаевича, было назначено для свидания с губернатором и вручения ему означенного письма.

Три или четыре предшествовавшие свиданию дни посвящены были определению церемониала, которым должно было сопровождаться самое свидание. Губернатор настаивал, чтобы соблюдены были те же условия церемониала, какими сопровождался приём Резанова, но я возразил, что настоящее посольство предпринято в больших против прежнего размерах, и предложил значительные изменения, которые и были приняты. Я счёл нужным действовать в этом случае с некоторою настойчивостию и выговорить сколько можно более прав, ибо по обычаю этого народа пример служит правилом на будущее время.

По совершении архимандритом Аввакумом божественной службы мы на девяти шлюпках двинулись к городу, при звуках музыки, игравшей наш народный гимн.

Следуя к городу мимо берегов залива, мы имели случай подробно осмотреть местность этого превосходного во всех отношениях порта. Приглубые берега его представляют отличные якорные места для судов всякого рода, а высоты — большие средства к защите города от неприятеля. В то же время, глядя на японские батареи, где пушки стояли на старых станках или лежали вовсе без станков, мы могли сделать безошибочное заключение о жалком состоянии военного искусства в Японии. Берега эти не выдержали бы нападения самой незначительной силы с моря.

На берегу, предшествуемый флагом и сопровождаемый почётным караулом из матросов, я со свитою из командиров судов и прочих

офицеров и гражданских лиц при звуках той же музыки прошёл пешком до губернаторского дома, отстоящего недалеко от пристани.

Навстречу мне высланы были почётные лица города, которые ввели меня и свиту в приёмную залу, а караул расположен был на дворе. После размена первых учтивостей я вручил губернатору письмо от господина государственного канцлера графа Нессельроде в Японский Верховный Совет, а губернатор прочёл мне полученное им из Едо повеление, в коем разрешалось ему принять письмо и вместе с тем уведомить меня, что ответ на оное в скором времени последовать не может. На мои возражения против такого решения, губернатор приводил разные причины, между прочим ссылаясь на значительность расстояния Нагасаки от Едо, медленность сообщений, а равно и то, что ответ на письмо, по важности и неожиданности дела, за коим я прибыл в Японию, вероятно потребует значительного времени для основательного обсуждения.

Тогда я спросил губернатора, не признает ли он за лучшее, если я, для ускорения дела, отправлюсь сам с судами прямо в Едо и буду сноситься непосредственно с Верховным Советом. Губернатор, сохранявший доселе в речах и приёмах важность своего сана, неожиданно изменился при моём вопросе и мягким тоном возразил, что «сколько правительству приятен был мой поступок то есть, что я прибыл не в Едо, а в Нагасаки, столько японскому глазу будет больно видеть иностранные суда в столице». Я воспользовался этим обстоятельством и заметил, что от японского правительства будет зависеть сообщением скорого ответа на привезённое мною письмо удержать меня в Нагасаки. Губернатор обещал представить об этом на благоусмотрение высшей власти и обнадёжил меня получением, по возможности, скорого ответа. Затем свидание кончилось, губернатор уклонился от дальнейших с моей стороны вопросов, на которые, вероятно, без разрешения из Едо затруднился бы ответами.

Между тем возвратившийся 14 сентября из Шанхая транспорт «Князь Меншиков» привёз первые известия об ожидаемом разрыве с Турцией, Францией и Англией. Это известие отчасти изменило мои планы насчёт будущего плавания вверенного мне отряда. Китайские порты, в которых я намеревался снабжаться провизиею и исправлять все наши нужды, в случае решительного разрыва были бы по превосходству военных сил Англии и Франции для нас недоступны, и потому я предположил избрать будущим местом нашего постоянного пребывания Сан-Франциско, как наиболее безопасный порт, в коем англичане не решились бы нарушить

нейтральных прав. Так как положение дел в Европе по полученным нами известиям не обещало ещё скорого наступления военных действий, то я счёл нужным вторично отправить транспорт в Шанхай за новыми известиями, намереваясь с прочими судами идти туда же для исправлений судов и за продовольствием на продолжительный переход до Калифорнии, тотчас по получении «какого-либо решительного ответа» из Едо и по прибытии из Татарского залива шхуны «Восток».

В октябре месяце нагасакский губернатор, уведомляя меня о доставлении привезённого мною письма по назначению, в то же время сообщил, что 14 августа скончался сиогун, наместник микадо, светский правитель Японии, и что одно это обстоятельство по необходимости должно повести за собой замедление ответа.

Изъявив ему в официальной записке прискорбие от имени российского правительства в понесённой Японией потере, я в другой записке возразил, что несмотря на важность этого печального события, ход дел в таком обширном государстве, как Япония, вероятно, остановиться не может, и что если это событие не помешало Верховному Совету определить церемониал принятия от меня письма, то конечно оно не воспрепятствует сообщить мне обстоятельный ответ. Вместе с тем я вновь дал понять губернатору, что если в предположенный мною шестинедельный срок со времени вручения письма не получу ответа, то буду действовать по своему усмотрению, сообразно с данными мне инструкциями.

Наконец 7 ноября явились губернаторские чиновники с письменным лаконическим извещением, что из Едо придут в Нагасаки для переговоров со мною два важные сановника. Так как прибытия этих лиц ранее месяца ожидать было нельзя, то я счёл бесполезным оставаться долее в Нагасаки и 11 ноября отправился в Шанхай. По привезённым вторично транспортом «Князь Меншиков» известиям о ходе политических обстоятельств в Европе, посещение этого порта не представляло ещё опасности, между прочим и потому, что находившиеся там морские неприятельские силы были не сильнее нашего отряда. Мне предстояло разменять там наши кредитивы, возобновить запас угля и других морских припасов, также провизии, и особенно исправить некоторые повреждения на шхуне «Восток», возвратившейся 3 ноября из Татарского пролива, по удовлетворительном исполнении возложенного на неё поручения.

По причине узкости фарватера реки Янсе-киянга, в которую большие суда могут входить только с помощью большого парохода, я после трёхдневного благополучного перехода от Нагасаки 14 нояб-

ря остановился с отрядом у расположенной в сорока милях от устья Янсе-киянга группы островов East-saddle, где останавливались во время англо-китайской войны английские военные суда, и в тот же день отправился на шхуне «Восток» с некоторыми офицерами по рекам Янсе-киянгу и Вусунг в Шанхай, чтобы сделать распоряжение о снабжении судов всем нужным, о введении шхуны в док для исправления повреждений, также и для собрания новых сведений о положении дел в Европе и Китае. Здесь я получил присланное с ост-индской почтой предписание морского министерства, извещавшее меня о том, что, с высочайшего разрешения, фрегат «Диана», назначенный на смену фрегата «Паллада», вышел из Кронштадта в октябре месяце и направляется кругом Америки на Сандвичевы острова. Получив вместе с тем известие о крейсирующей у западных берегов Америки английской эскадре, я должен был отказаться от намерения идти в Сан-Франциско и потому немедленно послал чрез американского консула в Шанхае предписание командиру фрегата «Диана» соединиться с отрядом в Татарском проливе, во вновь открытой на азиатском берегу гавани, куда располагал прийти весною, ко времени очищения пролива ото льда. Европейские газеты наполнены были известиями объявления Турцией войны России и об ожидаемом разрыве последней с Францией и Англией.

Что касается до междоусобной войны в Китае, то мы сами, находясь на театре военных действий, были отчасти очевидцами сражений между инсургентами, которые заперлись в стенах Шанхая, и богдыханскими войсками, расположившимися лагерем около города. Несмотря на то, что правитель Шанхайского округа, имея в своём распоряжении несколько военных, приобретённых у европейцев и американцев судов, также джонок, действовал в одно время с реки и с сухого пути, усилия его овладеть городом и вытеснить инсургентов не имели никакого успеха. При нас сделан был сильный приступ с реки, но инсургенты отразили противников с уроном, взорвав несколько джонок на воздух. Всякий день с утра до вечера происходила пальба с обеих сторон, впрочем, для той и другой стороны безвредная. Войска претендента были лучше, бодрее на вид и приличнее одеты, нежели богдыханские солдаты, состоявшие, сколько я мог видеть, из толпы худо дисциплинированной, жалкой сволочи. Лагерь их представлял картину шумного и пёстрого базара, а солдаты — толпу негодных бродяг, не имеющих вовсе военного вида. Инсургенты свободно выходили из города в европейский квартал и снабжались в изобилии

через городскую стену всеми предметами продовольствия без всякой помехи.

Европейская часть города, расположенная по реке Вусунгу, вне Шанхайской стены, была в то время неприкосновенна для обеих сторон, благодаря конечно присутствию английских, французских и американских военных судов. Впоследствии, однако же, я узнал, что после нашего ухода европейские негодянты вследствие неоднократных вторжений бродяг в город не считали уже себя в безопасности и должны были прибегнуть для защиты себя и своей собственности к оружию.

Французский полномочный в Китае Бурбулон во время нашего пребывания в Шанхае совершил на французском военном пароходе поездку по реке Янсе-кияngu в Нанкин, чтобы видетсья с претендентом Тайпин-Ваном и узнать его намерения в отношении к европейцам, в случае если ему удастся взять верх над манжурской партией. Тайпин-Ван предложил столь унижительный церемониал, которым должна была сопровождаться аудиенция, что Бурбулон уклонился от неё и предпочёл видетсья с его министром. Сей последний объявил, что Тайпин-Ван получил свыше призвание истребить манжуров и покорить «весь свет», разумея, вероятно, под этим земли, подвластные Китаю и лежащие за большой Китайскою стеною, и что до европейцев ему мало дела. К этому министр присовокупил, что инсургенты, как христиане, считают себя братьями европейцев. Между книгами действительно найдены были у инсургентов брошюры, изданные живущими в Китае протестантами, а также несколько христианских толкований, составленных в прежние времена иезуитами. Все эти смуты не могли не отразиться и на торговле, которая, как я имел случай упомянуть выше, достигла здесь колоссальных размеров. Многие китайские купцы удалились от театра военных действий, и торговля значительно упала.

Привоз и отвоз товаров, однако же, продолжался, хотя с меньшею живостию, причём европейские и американские купцы не считали нужным подчиняться таможенным правилам, установленным Нанкинским трактатом, несмотря на жалобы китайского правительства, лишившегося от этого значительных доходов. Разборы этих жалоб и удовлетворение по ним оставлены были консулами до окончания беспорядков, которым не предвиделось конца. Торговля опиумом шла своим чередом: в шестнадцати милях от Шанхая стоял целый флот английских и американских судов, содержащих склады этой отравы, которая тайно, в розницу перевозилась на берег и сбывалась на наличные деньги.

Европейские и американские купцы, пользуясь смутными обстоятельствами, производили весьма выгодные обороты звонкою монетою, которую сосредоточили в своих руках, и выдавали испанский таллер по 7 шиллингов 8 пенсов, тогда как в публичном обращении он стоил только 4 шиллинга 2 пенса. Во избежание значительных потерь от этого высокого курса звонкой монеты я разменял только небольшую часть наших лондонских кредитивов и взял самые необходимые запасы для судов. Между прочим, некоторое количество угля, продававшегося по 10 фунтов стерлингов за тонну, отпущено мне было по обязательности коммодора Перри из склада, назначенного для американских военных судов, по сходной цене, а именно по 16 таллеров за тонну.

Не предвидя на долгое время возможности сноситься с Санкт-Петербургом, я счёл за нужное отправить в начале декабря лейтенанта Кроуна курьером чрез Гон-Конг и Ост-Индию с донесениями, описями разных мест и картами, составленными трудами офицеров отряда, с образчиками некоторых китайских товаров и другими результатами нашего путешествия, а также и с извещением об открытии копей каменного угля на острове Сахалине.

По окончании исправлений на шхуне «Восток», произведённых отчасти нашими мастеровыми с фрегата «Паллада», окрашения подводной части и вывода её из дока, я прибыл вскоре к островам East-Saddle и 17 декабря со всеми четырьмя судами отправился обратно в Нагасаки, куда благополучно прибыл 22-го того же месяца.

Перед уходом из Японии я объявил нагасакскому губернатору, что если по возвращении в Нагасаки не застану там назначенных для переговоров со мною полномочных, то, не теряя времени, должен буду идти в Едо. Осведомившись же, что полномочных ещё не было, я отдал приказание готовиться к отплытию, и только когда уже подняты были гребные суда, и японцам не оставалось никаких сомнений насчёт действительности моих намерений, они объявили, что полномочные прибыли.

31 декабря назначено было первое свидание, которое сопровождалось большою с обеих сторон торжественностью, нежели свидание с губернатором. При мне был многочисленный караул и свита, сверх того, при съезде с фрегата произведено было с него и с корвета в честь нашего флага по двадцати одному пушечному выстрелу. Японцы приняли меня в самых нарядных одеждах, о которых дают верное понятие гравюры, приложенные к сочинению о Японии Зибольда. На пристани и у дома, где происходило свидание,

расставлены были солдаты, не имеющие по наружному виду ничего общего с тем, что мы привыкли понимать под этим именем.

В помощь двум главным полномочным присланы были ещё два сановника и значительная свита, по-видимому, для того, чтобы придать более важности делу, ибо в самых переговорах участвовали только два главные лица.

Всё первое свидание прошло в размене учтивостей и изъявлениях дружбы. Напрасно я пытался склонить разговор к цели моего прибытия. Японцы объявили, что, по обычаю их страны при первом свидании должно ограничиться личным знакомством и все речи о делах откладываются до другого времени. Затем они угостили нас обедом в японском вкусе, причём оба полномочные обедали вместе с нами, а другие два, и также оба губернатора, прежний и прибывший ему на смену новый, удалились в другие покои.

Старшие полномочные, по имени Тсу-Тсуи-Хизе-но и Ковадзи-Сойемон-но, в образе мыслей, выражениях, вежливости и внимании к нам мало чем отличались от образованных европейцев. Особенно второй из них, своим бойким здравым умом и искусной диалектикой был бы замечательным лицом во всяком европейском обществе; оба они, а за ними губернаторы и прочие чиновники, старались осыпать нас знаками утончённой вежливости, радушия и гостеприимства. Мы имели случай вполне удостовериться, что японцы по описаниям путешественников не напрасно считаются самой образованной нацией из всех народов крайнего востока. В остальные дни нашего пребывания в Нагасаки они не изменяли своего обхождения с нами, выражая тем, по их словам, искренность намерений японского правительства вступить в дружеские связи с нашим.

Из всего этого можно было заключить, что японцы решились уступить времени и обстоятельствам, убедившись в невозможности противиться влиянию иностранцев и, по-видимому, желали только отдалить время этого сближения.

Полномочные, однако же, уступали моим требованиям, большею частью после продолжительных возражений, и уступки эти нередко были сопряжены с отступлениями от старых обычаев, на что, конечно, эти лица имели разрешение от правительства. Так, например, они не только беспрекословно, но с видимым удовольствием приняли моё приглашение посетить фрегат. Судя по тому, что губернатор никак не решался отдать мне визит, это посещение важными сановниками иностранного судна должно отнести к весьма

замечательным и, сколько известно из описаний, небывалым событиям, по крайней мере, в новые времена.

Ещё до отъезда моего в Китай, губернатор получил из Едо позволение принять от меня подарки, которые и были сделаны: ему, старшим при нём чиновникам или баниосам, и всем тем из его подчинённых, которые несли какие-нибудь обязанности в сношениях с нами по снабжению судов провизией, водой и т. п. В свою очередь полномочные при вторичном свидании, угостив нас парадным обедом от имени своего государя, вручили мне и всем офицерам и гражданским чиновникам подарки от его же имени, состоящие из шёлковых материй, шёлковой ваты, фарфоровых чашек, а для команды отпущено было 100 мешков риса, 1 000 ящиков сои (подливка из бобов, употребляемая для приправы кушаньев, особенно рыбы. Ящик содержит шесть глиняных банок величиною с бутылку) и 20 свиней. Кроме этих обыкновенно делаемых сиогуном всем иностранцам подарков, полномочные, в день посещения фрегата привезли мне множество подарков от себя, конечно с разрешения правительства, состоявших из лакированных вещей с золотыми украшениями и, между прочим, из дорогой сабли, с отличным выделанным клинком (японские сабли испытываются при казни преступников. Эта имеет клеймо высокого достоинства — означающее, что она рубила три головы).

Полномочные заметили при этом, что подарок сабли, по их понятиям, служит выражением крайней приязни, и опять намекнули на то, что как подарок этот сделан по внушению их правительства, то мы можем заключить из этого об отношениях их правительства к нашему. Сохранившаяся часть подарков, за исключением сабли, представленной мною через курьера его императорскому высочеству государю великому князю Константину Николаевичу, оставлена мною на устье Амура для доставления при первом удобном случае в Санкт-Петербург. Я, в свою очередь отдарив приличным образом полномочных, передал им также подарки для поднесения сиогуну, или светскому правителю Японии, состоявшие из нескольких кусков богатой золотой парчи и газета, из больших зеркал, бронзовых столовых часов, цветных ваз и ковров.

Вскоре после первых двух свиданий начались между мною и полномочными совещания по возложенному на меня поручению, происходившие в Нагасаки, в том самом, так называемом «правительственном доме», в котором происходили мои свидания с губернаторами и полномочными. На эти совещания я ездил на одном катере, без церемониала, в сопровождении только четырёх необходимых

при переговорах лиц. Полномочные также принимали нас просто, в обыкновенной, ежедневной одежде, без многочисленной свиты. Результаты этих предварительных переговоров помещены в особой записке, представленной министру иностранных дел.

В конце января 1854 г., после прощальных обедов в Нагасаки и на фрегате и изъявлений взаимной дружбы, я расстался с полномочными, назначив им свидание весною для дальнейших переговоров в заливе Анива, на южной оконечности острова Сахалина.

Не имея возможности проникнуть в это время года на север, к нашим владениям и при том имея надобность пополнить запасы отряда, к чему не представлялось никаких средств на пустынных берегах Татарского пролива и Охотского моря, я предпринял намерение в течение оставшихся до весенней поры двух месяцев отправиться в Манилу, куда были также адресованы наши кредитивы.

21 января я с фрегатом «Паллада» и корветом «Оливуца» оставил Нагасаки и отправил шхуну «Восток» в Шанхай за известиями о положении дел в Европе, приказав ей соединиться с фрегатом на Ликейских островах, лежащих в 450 милях к югу от Японии.

1 февраля все три судна прибыли благополучно на остров Большой Лю-чу и бросили якорь на Напакянском рейде. 5 того же месяца прибыла и шхуна «Восток» и привезла нам известия из Европы от 7 декабря.

В Напакянге мы застали одного американского офицера и нескольких матросов из эскадры коммодора Перри, который за два дня до нашего прибытия заходил сюда на пути из Китая в Едо. Офицер предъявил мне бумагу, в которой сказано было, что Ликейские острова поступают в ведение Соединённых Штатов в возмездие за некоторые требования, не удовлетворённые японским правительством, под покровительством которого состоят эти острова, платя ему дань. Хотя прибывший вскоре после того на фрегат правитель города опровергал приписываемое Японии влияние над островами, говоря, что последние нисколько от неё не зависят, а платят некоторую дань Китаю, но живущий здесь протестантский миссионер подтвердил, однако же, что вся группа Ликейских островов состоит в зависимости князя сатсумского, одного из сильнейших вассалов сиогуна, который даже утверждает право наследственной власти за каждым новым правителем по достижении сим последним пятнадцатилетнего возраста.

Не имея возможности во время долгого пребывания на Нагасакском рейде съезжать на берег, мы с удовольствием ходили по цветущим и возделанным долинам острова, отличающегося пре-

красным умеренным климатом, плодородием и населённого мирными, кроткими жителями, имеющими некоторое общее сходство в чертах лица с японцами и корейцами. Ликейцы отправляют в Японию между прочими произведениями много риса, предпочитаемого туземному.

Разменявшись подарками с правителем города, я оставил ему бумагу, в которой просил оказывать русским судам, когда они придут в Напакяннг, гостеприимство и вступать с ними в случае надобности в торговые сношения. Он, однако же, боялся дать утвердительный ответ и отвечал на это предложение уклончиво, что надо приписать, по уверению миссионера, присутствию на острове и влиянию многочисленных японских шпионов.

9 февраля, снявшись с якоря, отряд совершил благополучно плавание до Манильского рейда, на который прибыл 16-го того же месяца. Шхуна «Восток» направлена мною из Напакяннга для описи открытого лейтенантом Понафидиным острова Бородино и прибыла на Манильский рейд 23 февраля, успешно окончив возложенное на неё поручение. Здесь я застал бывший в одно время с нами в Шанхае французский пароход «Кольбер», командир которого сделал мне обычный визит. Здесь же получили мы известие о Синопской битве и о неминуемом разрыве с Англиею и Франциею. Эти обстоятельства заставили меня сократить пребывание на здешнем рейде, тем более что новый, только что приехавший из Испании генерал-губернатор Филиппинских островов, судя по холодному сделанному им мне приёму, смотрел не совсем благосклонно на наше прибытие. Это, впрочем, не помешало мне доставить офицерам отряда случай осмотреть достопримечательности города и окрестности, отличающиеся красотой местоположения и богатою тропическою растительностью.

Здесь мы запаслись всем нужным на долгое время и 27 февраля пустились в обратный путь. Плавание в тропиках сопровождалось обыкновенными явлениями, то есть отличною, ясною погодою и, к сожалению, также продолжительными штилями.

На пути я зашёл с фрегатом «Паллада» на остров Батан, принадлежащий к группе островов Баши, чтобы запастись у живущих там испанцев свежеею зеленью.

Сомнительное состояние грот- и фок-мачт на фрегате «Паллада», обнаружившееся со времени выдержанного нами в Китайском море жестокого шторма, не позволило однако ж мне следовать к северу, требуя поправки, ибо в дальнейшем плавании в больших широтах мы могли встретить крепкие ветра и снова подвергнуться

опасности потерять мачты. Поэтому я принужден был отправить транспорт «Князь Меншиков» и шхуну «Восток» вперёд, к назначенному месту соединения, островку Гамильтон, лежащему у южной оконечности Кореи, и спуститься с двумя остальными судами («Паллада» и «Оливуца») обратно к югу, к лежащей в 19° N широты группе островов Бабуян, на острове Камигуин, в порт Сан-Пио-Квинто, удобный, как видно из описаний мореходцев, для якорной стоянки, чтобы принять возможные по нашим средствам меры к утверждению мачт. Намерение это, благодаря старанию командира фрегата, офицеров и усердию команды, было выполнено в восемь дней столь удачно, что впоследствии, несмотря на встреченные нами близ Японии и в Та-Тереком проливе непогоды, мачты оказались в удовлетворительном состоянии.

Отправив корвет «Оливуца» к берегам Сибири, и предписав ему, войдя в сношение с начальником Амурской экспедиции, следовать в Петропавловский порт для усиления средств обороны Камчатки, я 21 марта снялся с якоря. Задерживаемые частью штителями в тропиках, частью противными ветрами, по выходе из жаркого пояса мы достигли острова Гамильтона только 2 апреля. На сем острове мы застали шхуну «Восток», возвратившуюся от острова Лю-чу, куда ей предписано было зайти для собрания сведений о месте нахождения американской эскадры.

Транспорт «Князь Меншиков» через три дня присоединился к отряду, доставив нам бумаги и письма из Шанхая, подтверждавшие разрыв с Англиею и Францией. После сего я с шхуною «Восток» и транспортом ещё раз отправился в Нагасаки, куда все три судна прибыли менее нежели в двадцать четыре часа.

Здесь, взяв ещё некоторое количество провизии и вручив губернатору для передачи японским полномочным бумагу, в которой подтверждалось о свидании в Аниве, я с фрегатом «Паллада» направился на третий день святой недели (пасхальной. — *Ред.*) в Татарский пролив. Транспорт «Князь Меншиков» отправлен был мною прямо в гавань, назначенную общим местом соединения для всех судов отряда, чтобы сдать нагруженную на него провизию и прочие запасы назначенному мною офицеру для хранения на берегу. Командиру же шхуны «Восток» я предписал, описав, сколько позволит время, группу островов Гото, поспешить в Шанхай к прибытию следующей европейской почты, но с крайнею осторожностью, не обнаруживая своего прихода, остановиться в одном из рукавов Янсекиянга, и так, взяв китайскую лодку, пробраться в Шанхай и, получив от американского консула бумаги и письма, собрать последние

сведения о наших отношениях к Англии и Франции и спешить соединиться с отрядом также в назначенной гавани.

Опасаясь застать на севере льды, я предпринял воспользоваться оставшимся тогда месяцем времени до наступления весны для описи восточного берега Кореи и чтобы пополнить весьма неточную карту этих берегов. Погода нам благоприятствовала, и мы проследили весь восточный берег полуострова, в расстоянии от него от полумили до четырёх миль; сделанная при этом опись показала в карте атласа адмирала Крузенштерна, как равно в карте Английского адмиралтейства «The Peninsula of Korea», лучших из до сего имевшихся, значительные неверности, особенно в положении берега по долготе. При этом открыт нами в обширном заливе Броутона порт, названный мною именем покойного адмирала Лазарева. Карта и опись берегов Кореи представлены были мною на благоусмотрение его императорского высочества генерал-адмирала.

Доброе согласие наше с корейцами было прервано на короткое время следующим неприятным случаем: в бухте Лазарева, в одном из корейских местечек, на катер, приставший с офицерами и матросами фрегата «Паллада», напала толпа корейской черни, вследствие какого-то недоразумения, и осыпала наших градом камней и кусков свинца. В ответ на это с катера должны были выстрелить в толпу из охотничьих ружей, причём двое или трое корейцев были ранены, и только тогда прекратилось метание в катер камней, которыми три матроса уже получили значительные ушибы.

На другой день я отправился на место этого происшествия с вооружёнными людьми и потребовал от старших жителей деревни объяснения. Сии последние униженно просили прощения, объясняя это происшествие тем, что несколько негодяев без ведома их старшин возбудили толпу к этому неприязненному поступку, к которому со стороны наших не подано было никакого повода, ибо как офицеры, так и матросы при съезде на берег соблюдали предписанную им крайнюю осторожность и кротость в обхождении, и в этот разплыли мимо означенного местечка, но жители знаками просили их пристать к берегу.

Я счёл нужным оставить в другом местечке бумагу на китайском языке с описанием этого происшествия, как оно случилось, для отсылки в корейскую столицу, чтобы местные начальники не представили этого события в превратном виде, и тем не внушили невыгодного понятия о нашем народе, на случай могущих со временем возникнуть, по соседству наших пределов с этими местами, каких-либо сношений.

Восточный берег Кореи на всём его пространстве от 35° до $42\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты представляет с моря самый печальный вид. Песчаные берега уставлены часто высокими гранитными скалами, лишёнными от сильных морских ветров и туманов всякой растительности. Но за первым рядом красно-песчаных холмов, возведённых большею частью морем и ветром, подобно дюнам Голландии, картина изменяется. Обработанные поля сплошь покрывают всю внутреннюю волнистую местность, и весенний вид этих пространств, тогда ещё не покрытых зеленью, оживлялся только небольшими, но частыми кедровыми рощами, служащими местом погребения хозяев полей и их семейств. Жители прибрежных деревень снискивают себе пропитание, как мы видели, ловлею рыбы, трепангов и других слизняков и ракушек, также собиранием морской травы, которая, кажется, составляет один из главных предметов их продовольствия. (Различные морские травы, поросты, ракушки, слизняки и тому подобное составляют любимую пищу китайцев и служат предметом приморских промыслов для торговли.)

На требование наше продать нам мяса, живности или зелени, они отозвались, как первым их гостям и ожидать следовало, именем этих предметов. Хотя, по всей вероятности, корейцы касательно сношений с иностранцами подвержены тому же стеснению, как и все вообще народы крайнего востока, но как в посещённых нами местах иностранцы никогда не появлялись, то и не было принято достаточных со стороны правительства мер для воспрепятствования нашим сношениям с народом. Вследствие этой оплошности корейцы свободно приезжали на фрегат и не препятствовали ходить по берегам, а в разговорах откровенно высказали, что производят торг с японцами, и что на восточном берегу есть у них значительный город, вероятно Панх-Гай, производящий торговлю хлебом, металлами и другими предметами.

Я адресовал к их правительству также бумагу, в которой предлагал вступить в торговые сношения с российскими подданными и обещал прийти в течение лета за ответом. Политические события помешали мне впоследствии исполнить это намерение, но я полагаю, что было бы полезно возобновить переговоры при первом случае.

За наступившими в начале мая месяца густыми туманами я не мог довести опись корейского и манжурского берегов до того места, от которого начинаются исследования Лаперуза, и принужден был окончить оную заливом в $42^{\circ}34'$ *N* широты, названным мною заливом Посьета.

Лавируя для выхода из последней бухты, фрегат при мгновенно наступившем тумане коснулся камней у приглубого берега, с которых, впрочем, не теряя хода, сейчас же сошёл. От этого удара ежедневная прибыль воды в фрегате увеличилась, но через несколько дней пришла в прежнее состояние.

Продолжая плавание к северу при нескончаемых туманах, я 22 мая благополучно прибыл в одну из бухт восточного берега Сибири и застал там принадлежащий к отряду транспорт «Князь Меншиков».

Что касается до шхуны «Восток», то она случайно соединилась с фрегатом «Паллада», не доходя за несколько дней пути до упомянутой бухты, и привезла, между прочим, известие, хотя не официальное, о последовавшем разрыве Франции и Англии с Россией, а также высочайшее повеление на моё имя сосредоточить суда вверенного мне отряда в заливе де-Кастри и там ожидать дальнейших распоряжений от генерал-лейтенанта Муравьёва. Отрядив немедленно в сей залив шхуну «Восток», с тем, чтобы она, по прибытии господина генерал-губернатора Восточной Сибири, немедленно могла сообщить мне о распоряжениях насчёт дальнейших действий фрегата «Паллада», я остался с фрегатом в бухте до получения ответа.

Прибытие генерал-губернатора 22 июня к фрегату «Паллада» положило конец начатым было работам, и фрегат получил назначение следовать к северу Татарским проливом, причём предполагено было провести его в реку Амур и поставить в безопасном, укрытом ото льдов и неприятелей месте. Затем транспорт «Князь Меншиков» отпущен был мною в ведение местного начальства Российско-Американской компании, а прочие суда получили разные назначения от генерал-губернатора Восточной Сибири.

С этого времени, то есть с конца июня месяца, исключительное внимание и труды наши были посвящены проводке фрегата «Паллада» в реку Амур. До мыса Лазарева, отстоящего от устьев Амура на сорок миль, фрегат, хотя с затруднениями, шёл в полном грузу, но как с этого места Амурский лиман не был надлежащим образом исследован, то проводка встретила затруднения, которые впоследствии, в осеннее время года, оказались неодолимыми при всех неусыпных стараниях офицеров и команды.

Тотчас по прибытии к мысу Лазарева приступлено было к выгрузке фрегата, с чем вместе продолжалась опись лимана и его фарватеров. Как та, так и другая работа много замедлялись частыми крепкими ветрами и течением, которое в сизигии (при приливах наибольшей величины. — *Ред.*) и после продолжительного *NO*

доходило до четырёх миль в час. Во время этих работ я был извещён о прибытии фрегата «Диана» в залив де-Кастри, куда тотчас поехал сам и спустя три дня привёл фрегат к мысу Лазарева.

(Эту поездку, около пятидесяти миль, адмирал совершил на шестивёсельной гичке, большую часть на гребле, в продолжение четырнадцати или пятнадцати часов, употребив из этого времени часа четыре на отдых гребцов. Адмиралу сопутствовали мичманы Колокольцов и Пещуров, делавшие до того промер по фарватерам Амурского лимана. Впоследствии они служили лоцманами на переходе фрегата «Диана». — Примечание первоиздателя.)

Прибытие последнего дало возможность увеличить число рук фрегата «Паллада» взамен командированных с него в Николаевский пост для постройки там на зиму казарм и на мыс Лазарева для покрытия фрегатского груза сараями.

7 августа фрегат «Паллада» под фальшивым вооружением, без артиллерии, запасных канатов и некоторых других тяжестей снялся с якоря, чтобы следовать в Амур западным фарватером лимана. Подойдя к островам Хаземиф, он сгрузил на оные часть балласта; но как, несмотря на это, дифферент мало уменьшался, то прибегли к снятию юта и к подведению под корму водяных железных ящиков, хотя жестокое волнение, разводимое на фарватере осенними северными ветрами, делало последнюю работу почти невозможною. Наконец, убедившись, что все усилия недостаточны, чтобы поднять корму фрегата и уменьшить её восемнадцатифутовое углубление, и что на западном фарватере вода не поднимается выше пятнадцати футов, я изъявил согласие на представление командира фрегата «Паллада» испытать ещё проводку восточным, сахалинским фарватером, на который фрегат и перешёл 29 августа.

Приблизившись этим путём к так называемому северному рейду, где сахалинский фарватер выходит в Охотское море, фрегат 2 сентября выдержал шторм, при котором затопило и унесло десятивёсельный катер и значительно повредило бывшие на бакштове два баркаса, но, к счастью, без потери людей. В это же время разбило на упомянутом северном рейде два китоловных американских корабля.

Гребные суда, производившие промер того колена этого фарватера, которое ведёт с северного рейда в Амур, встретили в средней части этого колена, во всю его ширину, малую глубину. Это открытие, потеря и бездействие главных гребных судов, наступившее осеннее время, отняли последнюю надежду ввести фрегат в Амур,

и 14 сентября командир решился воротиться к мысу Лазарева, куда прибыл в тот же день.

4 августа я переехал на фрегат «Диана», взяв с собою состоящих при мне офицеров (мичманы Зеленый, Колокольцов и Пещуров) и заменив предварительно значительное число нижних чинов фрегата «Диана» таким же числом с фрегата «Паллада», с которыми я тогда уже совершил двухгодичное плавание, так что после этого перемещения вся команда первого состояла из 484 человек. Невозможность ввести фрегат в Амур и неимение во всём обширном лимане этой реки мест для укрытия судов от напора льда заставили меня решиться на отвод фрегата в одну из бухт восточного берега. Поэтому, отправив в Николаевский пост находившихся на фрегате «Паллада» офицеров и нижних чинов, и командировав на него только необходимую для отвода его команду с фрегата «Диана», я снялся 24 сентября с обоими фрегатами и, посетив на несколько часов порт де-Кастри, чтоб взять провизию, которую должен был там оставить приходивший из Петропавловска корвет «Оливуца», 26-го того же месяца прибыл в избранную бухту на зимовку фрегата «Паллада».

Разоружив здесь окончательно фрегат «Паллада» и оставив при нём на зиму караул из десяти человек, я снялся 3 октября с фрегатом «Диана» с намерением опять посетить Японию и окончить возложенное на меня поручение; после того располагал, смотря по обстоятельствам, направиться или к берегам Китая, или к одной из групп многочисленных архипелагов Восточного океана, чтобы наносить вред неприятельской торговле и иметь средства снабжать фрегат жизненными припасами.

Утром 9 октября при попутном ветре мы вошли в Сангарский пролив и, пройдя Матсмай, главный город на острове Ессо, в первом часу пополудни бросили якорь на рейде Хакодате, глубоко и закрытом от волнения. Я избрал Хакодате как порт, наиболее известный европейцам по содержанию в нём в плену капитана Головина (бывшего впоследствии вице-адмиралом и флота генерал-интендантом) и лежавший на нашем пути, чтобы чрез губернатора сего города скорее уведомить Японский Верховный Совет о намерении моём идти в город Осака, куда я и просил прислать полномочных для окончания начатых переговоров. В Хакодате я узнал, что в прошедшем мае месяце заходила сюда эскадра командора Пери, и что город этот вошёл в число портов, открытых американцам по недавно заключённому с Япониею трактату. Губернатор Хакодате объявил мне об этом и сообщил, между прочим, что

японское правительство уже писало к нашему, чрез голландцев, о присылке лица для продолжения начатых мною переговоров. Предполагая, что американцы во время своего пребывания в здешнем порте, конечно, не отказывали себе в удовольствии съезжать и ходить по берегу, я решился, не спрашивая разрешения губернатора, с первого же дня съехать на берег и требовать беспрепятственного доступа в город и его окрестности, но чтобы не подать повода к каким-нибудь неприятным столкновениям, предупредил об этом намерении приехавших на фрегат с поздравлением чиновников. Чиновники сделали некоторые возражения и просили подождать, пока дадут знать губернатору, но, видя нашу решимость, просили только пристать в указанном месте, оттуда не пускаться внутрь города без одного из них, что на первый раз и было нами исполнено.

Отправившись в сопровождении всех почти свободных от службы офицеров, мы встречены были на пристани ожидавшими нас чиновниками и немедленно пошли с ними по опрятным улицам города, посетили некоторые из его буддийских храмов и садов и поздно вечером с фонарями возвратились на пристань. На улицах нас окружила толпа народа, всегда скромная, хотя, по-видимому, и не стеснявшаяся присутствием своих чиновников.

Следующие дни восьмидневного пребывания в здешнем порте были посвящены описи рейда, измерению замечательной горы позади города и частым прогулкам во все сколько-нибудь интересные места обширного залива. Команду, занимавшуюся по утрам парусным и артиллерийским ученьями, после обеда свозили на берег партиями, причём японские власти не делали никаких возражений, а благодаря похвальному поведению нижних чинов не было повода ни к малейшим неприятным столкновениям с жителями.

Входя в Хакодате, я не предполагал оставаться в нём более двух или трёх дней, но система японских властей медлить исполнением самых пустых обычаев удержала меня сверх предположения. Первое затруднение состояло в условии о принятии платы за доставленную на фрегат провизию, а потом губернатор, основываясь на законе своей страны, по которому губернаторы Нагасаки ни разу не были на нашем фрегате, не решался приехать, чтобы принять письмо в Верховный Совет, хотя и сознавался, что мне, как полномочному, не приходится ехать к нему первому, и таким образом увёртывался от приёма письма. Наконец решено было, что письмо передаст губернатору капитан 2-го ранга Посвет.

Окончив таким образом главную цель, для которой я заходил в Хакодате, 16 октября я снялся с якоря, но встретив сильный

ветер и не будучи в состоянии выйти до наступления ночи в океан, предпочёл воротиться на рейд вместо того чтобы держаться в тёмную ночь под парусами в проливе, мало исследованном и не совершенно безопасном от быстроты и неправильности течений.

Во время этой последней ночи случилось, однако же, весьма неприятное для нас обстоятельство. Японский рыбак, который уже в одну из предшествовавших ночей приезжал на фрегат с намерением остаться, и которого я тогда же приказал, посадив на его лодку, отвезти от фрегата, при самом рассвете подплыл к фрегату, оттолкнул свою небольшую лодку и остался, таким образом, в наших руках. Чтобы избавиться от него, мне оставалось представить его японскому правительству на неминуемую казнь, потому что при наступившем дне скрытно высадить его с нашей шлюпки не было возможности. Принимая в соображение, что настоящий поступок японца был сделан им не вследствие какого-либо преступления, ибо иначе в промежуток времени между первым его приходом и настоящим он был бы непременно схвачен, а вероятно только из желания перебраться в Россию, которой нравы и обычаи ему более нравились, я решился не выдавать его правительству и приказал зачислить в число денщиков, приняв все возможные меры, чтоб присутствие его между русскими не было замечено. Благодаря благоразумию самого японца и принятым господином командиром фрегата (капитан-лейтенантом Лесовским) мерам, он не был открыт впоследствии окружавшими нас подозрительными чиновниками, несмотря на трёхмесячное жительство на берегу, и теперь находится на устье Амура.

Губернатор города Хакодате, как я уже имел счастье заметить выше, не делал никаких возражений на наши частые прогулки по берегу. Но 17 октября, когда фрегат вступил уже под паруса, послал вдогонку чиновников с бумагою, в которой выражал, что хотя он и не препятствовал нам съезжать на берег, но, тем не менее, мы поступали таким образом против законов страны, и что это отступление не может служить нам поводом сходить на берег в других портах. Я не считал нужным откладывать своё отправление чтобы отвечать на это пустое возражение, тем более, что оно было написано губернатором конечно с единственною целию — оправдаться перед своим правительством.

На пути из Хакодате в Осаки, имея в виду ознакомиться с берегами Японии, я держался по возможности ближе к ним, и нам удалось сделать несколько отрывочных очерков восточных берегов острова Нипона. 22 октября, после весьма бурной ночи, выдержанной

в чаще вулканических островов, на меридиане залива Едо, фрегат получил свежий попутный ветер и промчался в виду горы Фудзи, самой высокой из гор Японского архипелага.

26 октября фрегат достиг пролива Линсхотена, преддверия Осацкого залива. Противный ветер задерживал нас уже несколько дней, а потому, несмотря на узкость и малоизвестность пролива, я решился пройти его лавировкою, и к вечеру того же дня находился в северной половине залива, где наступивший с заходом солнца штиль продержал нас всю ночь и большую часть следующего затем утра.

На берегах Осацкого залива, в вершину которого вливается река Иедогава, одна из самых значительных рек в государстве, и в долине по обоим берегам реки сосредоточено главное народонаселение Японии, а потому во время нашего тихого плаванья по заливу мы были окружаемы сотнями джонок и меньших лодок всех величин. Эта флотилия сопровождала нас до самого рейда, где фрегат бросил якорь 27 октября в три часа пополудни.

Прибытие наше на здешний рейд было совершенно неожиданное, и потому я хотел воспользоваться оплошностию японцев, чтобы проникнуть, по возможности, далее к городу, будучи вполне уверен, что как скоро губернаторы получат уведомление о нашем приходе, то немедленно примут меры для заграждения нам выхода на берег. С этою целью отправлены были офицеры на двух гребных судах, которые беспрепятственно поднялись версты на две вверх по реке, в сопровождении большого числа торговых лодок, но там начал собираться во множестве народ, и явились чиновники верхами, показывая знаками, чтобы лодки наши пристали к берегу. Посредством бумаги на китайском языке офицеры дали знать чиновникам, что имеют надобность видеть губернатора и сообщить ему о цели нашего прибытия, но последние не принимали никаких объяснений, а только упрашивали воротиться на фрегат. Между тем поперёк реки, впереди наших шлюпок, японцы установили в несколько рядов большие лодки, так что без насилия невозможно бы было двинуться вперёд, а потому офицеры и воротились тем же путём на фрегат.

На другой день по берегу расположился лагерем отряд от пяти до десяти тысяч войска, а при устье реки — цепь сторожевых лодок. Разнообразные значки у палаток лагеря представляли живописную картину на однообразных окрестностях рейда.

Заметив эти неприятные приготовления, я перешёл с фрегатом ещё ближе к берегу и остановился на наименьшей глубине не

более как в одной с четвертью миле от устья реки. Вскоре после этого передвижения явились чиновники от губернаторов. Разъяснив их недоумения и уверив в дружеских отношениях нашего правительства, я объявил им, что буду ожидать на здешнем рейде приезда полномочных. Вследствие этого объявления из Осака немедленно был послан курьер в Едо, и дней через шесть я получил ответ от обоих губернаторов, в котором они объявляли, что порт Осака не открыт для иностранцев и потому в нём нельзя производить никаких переговоров, но что японское правительство отправит прежних полномочных в Симоду, куда приглашает и меня. Налившись водою и употребив ещё два или три дня на бесполезные переговоры о снабжении нас зеленью и провизиею, которую губернаторы, вероятно, опасались отпустить, чтобы тем не подать повода европейским судам заходить в этот порт для снабжения жизненными потребностями, я оставил Осацкий рейд 10 ноября, отрядив предварительно несколько гребных судов для осмотра и описи восточного берега залива и предписав им соединиться с фрегатом в проливе Линсхотена, у города Кадо. Западный берег Осацкого залива был описан с фрегата при обратном нашем следовании, а рейды Осака, Сакай и Амагасаки, — во время десятидневной стоянки на якоре; в продолжение этих десяти дней я постоянно рассылал гребные суда для промеров.

Хотя мне и не удалось склонить губернаторов к дружескому приёму и остаться для продолжения переговоров в самом промышленном городе империи, но, тем не менее, я смею надеяться, что посещение порта Осака нашим фрегатом принесло двоякую пользу. Во-первых, оно доказало японцам, что даже самые внутренние из их морских портов доступны для европейских больших судов, и во-вторых, опровергло мнение Зибольда о чрезвычайном мелководии рейдов Осака и Сакай, которые будто бы вследствие этого неудобства и были оставлены торговавшими в них португальцами.

11 ноября соединились с фрегатом отряженные для описи гребные суда, исполнив совершенно успешно возложенное на них поручение. Следуя вдоль берега не далее как в полумиле, шлюпки наши ни разу не были задерживаемы японскими властями, и только когда они останавливались для отдыха или ночлега, окружала их толпа любопытных рыбаков, у которых им удавалось выменивать свежую рыбу на разные малоценные в наших глазах вещицы.

Эта экспедиция подтвердила сказанное мною выше, то есть что берега Осацкого залива, в особенности восточные, покрыты

почти сплошным рядом селений, между которыми нередко встречаются города.

В проливе Линсхотена я узнал от посетившего фрегат одного из семи японцев, потерпевших крушение и возвращённых на родину на судне «Князь Меншиков», что английский отряд, состоящий из фрегата, корвета и двух пароходов, провёл в Нагасаки около шести недель, и ушёл оттуда в октябре месяце, получив, между прочим, позволение запастись водою и провизиею, как в Нагасаки, так и в Хакодате.

По прибытии 22 ноября в порт Симоду, я нашёл его весьма неудобным для стоянки, но, предвидя все промедления, которые могли произойти, ежели бы я решился, не дожидаясь здесь полномочных отправиться в другой какой-нибудь порт залива Едо, я должен был остаться в нём, и немедленно приступил, вследствие полученных в проливе Линсхотена сведений, к обеспечению фрегата от неприятельских покушений. С этою целью фрегат был ошвартовлен у приглубого берега бухты, имея два якоря на середине рейда, чтобы сдаваться на них при свежих ветрах, разводивших значительное волнение. Между тем на наиболее выдающемся мысу бухты устроен был для наблюдения за приближением неприятеля сигнальный пост, противу чего японцы сначала делали возражения, но окончательно согласились с необходимостью иметь оный.

В таком положении оставались мы в ожидании полномочных, которые, несмотря на двукратное извещение из городов Хакодате и Осака, прибыли не ранее 2 декабря, а 8-го того же месяца я имел первое свидание, которое, несмотря на все мои старания скорее приступить к делу, ограничилось передачею подарков от японского светского государя нашему правительству и в представлении некоторых новых лиц, сопровождавших старых наших знакомцев. Подарки состояли из двух книжных шкапов, стола, позолоченных ширм и настольных украшений; все вещи были самой изящной работы, крытые превосходным чёрным лаком, с золотыми и серебряными рельефными изображениями.

На следующий день полномочные отдали визит на фрегат, где и были приняты с тем же почётом, как и во время первого посещения ими фрегата «Паллада» в Нагасаки.

По съезде полномочных с фрегата морской ветер начал усиливаться и в ночи засвежел до силы шторма, так что по отдаче второго якоря я приказал спустить нижние реи и стеньги. К утру следующего дня ветер стих; но реев и стеньг не подымали, имея в виду исправление такелажа, и для этой работы я предполагал

перейти в северо-восточный угол бухты, более спокойный для якорной стоянки.

11 декабря при совершенном штиле и ясной погоде начали готовиться для перевода фрегата в означенную часть рейда и к отправлению на берег последних оставшихся у нас подарков. В десять часов утра произошло сотрясение во фрегате, которое сильнее отозвалось в нижних его частях и невольно вызвало наверх всех находившихся в палубах, как офицеров, так и нижних чинов. Причину этого содрогания я отнёс к действию подводного землетрясения, но так как оно не повторялось и всё вокруг нас оставалось покойно, то и производившиеся работы были продолжаемы по-прежнему.

Через четверть часа после первого удара я был вызван наверх командиром фрегата, заметившим необыкновенно быструю прибыль воды по берегам бухты и у самого города. Вышедши на палубу, я был поражён странными явлениями: за кормою фрегата, вокруг небольшого скалистого островка в центре залива, мутная и клокочущая вода распространялась концентрическими кругами, которые, постепенно увеличиваясь в диаметре, вскоре заняли всю поверхность рейда. Большие джонки в устье реки быстрым потоком прилива были несомы вверх по долине, а здания города постепенно погружались в мутные воды первого вала. Через несколько секунд сцена переменялась. Всё, что несло к городу и северному берегу, мгновенно повернуло назад. Фрегат оставался покойным, и плавно следуя за переменявшимся течением, натянул якорную цепь до такой степени, что я опасался, чтобы она не лопнула, и потому приказал отдать второй якорь. Мимо фрегата несло все стоявшие в верховье бухты суда и частию обломки зданий. Гребные суда, возвращавшиеся с завозом, были немедленно призваны к фрегату и достигли его благополучно, за исключением одного, которое, снова нахлынувшим морским валом, было унесено вверх бухты и выкинуто на скат одной из гор, где и оставалось на суше во всё время страшного переворота.

С этого времени прилив и отлив быстро сменялись: вода то подымалась сажени на три над обыкновенным уровнем, то настолько же понижалась от того же уровня. Между берегом и центральным островом Инубасири образовался водоворот, так что фрегат, увлекаемый стремлением его вод, делал неизменно быстрые обороты, и то приближался, то удалялся от скалистых берегов, которые не раз грозили ему разрушением. Во время этих кружений японские джонки часто садились на наши канаты и тем увеличивали напор течения до тех пор, пока их не разламывало и не топило. С одной

из таковых лодок мы сняли двух японцев, но третий не хотел расстаться с судном и погиб вместе с ним.

Для города Симоды второй вал был самый пагубный: поднявшись до высоты трёх сажень выше обыкновенного уровня воды, он затопил собою все здания и, отхлынув, унёс их в море или разбросал по всем уголкам бухты. За этим валом бухта наполнилась частями домов, соломенными крышами, домашнею утварью, человеческими трупами и спасавшимися на обломках людьми. С фрегата брошены были концы, но несчастных относило от бортов, и нам удалось спасти только одну, почти уже окостеневшую старуху.

В последующие за этим валом приливы и отливы фрегат ворочался медленнее, но с каждым оборотом приближался к северной, мелководной и наполненной подводными камнями части бухты. Средств удержать его не было, канаты трёх якорей, перепутанные между собою, не представляли более никакого препятствия, и фрегат свободно следовал за движением воды, пока в двенадцатом часу при быстрой убылой воде не наткнулся на камень и не стал стремительно валиться на бок.

Незадолго до этого случая приказано было прикрепить орудия по-походному, но команда не успела ещё окончить этого действия, как при наклонении фрегата просвистали «всех на верх!» Казалось, фрегат опрокидывается, команда спасалась на сетках правого борта и в этом положении исполнила ещё команду «закрывать люки». Затем воцарилась мёртвая тишина; фрегат страшно трещал во всех своих частях, а наверху слышались тихие слова молитв.

Это продолжалось около минуты. Потом с приливом воды фрегат выпрямился, но снизу послышались стоны: до начала землетрясения два орудия были поворочены вдоль борта, чтобы дать более простора для работ, необходимых при перемене места фрегата, и одно из них, оторвавшись при наклонении фрегата на бок, убило попавшего под него матроса Соболева, унтер-офицеру Терентьеву переломило ногу, а матросу Викторову оторвало ногу выше колена. Двум последним тотчас же были оказаны медицинские пособия, вполне удавшиеся. (При уходе из Японии я оставил унтер-офицера свободно владеющего ногою, а матроса Викторова — совершенно здоровым.)

Во фрегате от упомянутого наклонения оказалась сильная течь, так что немедленно приступили к действию всеми помпами.

При следующей за тем убыли воды фрегат, не имевший килля, кренило мало, — он только скользил по земле от сильного напора воды, несмотря на то, что виден был шток якоря.

Колебания моря продолжались до четырёх часов пополудни, и фрегат окончательно остановился на глубине 22 футов, не в дальнем расстоянии от надводных камней. В трюме прибывало воды до двух футов в час.

В это время бухта представляла самую печальную картину. На высоте до трёх сажень над обыкновенным уровнем были разбросаны обломки зданий и судов. В Симодэ из тысячи зданий разной величины едва уцелело до шестнадцати домов, и то преимущественно храмы, построенные на возвышениях. Часть разрушенных зданий была унесена в море, другая разбросана у подошв гор, окружающих Симодскую долину. Эти же горы остановили и немалое число судов, из которых некоторые были занесены на целую милю от берега.

По окончании опасных колебаний я отправил на берег доктора с предложением его помощи, на случай, ежели бы нашлись увечные. Японские чиновники, поблагодарив за это внимание, не хотели, однако же, воспользоваться предлагаемым им пособием. Всех погибших в городе они насчитывали 109 человек.

Часовые на сигнальном посту при входе в бухту чувствовали удары землетрясения, отзывавшиеся с такою силою, что некоторых из них подбрасывало вверх. По показанию тех же людей, и вода вне бухты возвышалась более. Это ясно доказывало, что, по малому объёму своему, Симодская бухта не могла вместить всего вала, который, будучи задерживаем входными мысами, стремился внутрь залива каскадами.

Таким образом, в самый лучший и тихий день фрегат был приведён одними колебаниями моря в бедственное положение. У него оторвало киль с частью дейдвуда и фальшкилем длиною в 90 футов, руль со старнпостом (элемент кормовой части корабля, к которому крепится руль. — *Ред.*) и со всеми петлями и часть фалстарнпоста, так что задние концы обшивки были открыты и, следовательно, допускали свободный проход воды внутрь фрегата. Для исправления этих повреждений необходимо было килевать фрегат, к чему в открытой Симодской бухте не представлялось никакой возможности, и потому нужно было приискать поблизости этого порта удобную и безопасную гавань. Об этой необходимости я сообщил японским полномочным, которые после некоторых возражений согласились на посылку для этой цели наших офицеров (лейтенант Шиллинг и мичман Колокольцев) в сопровождении их чиновников для осмотра местности по обоим берегам полуострова Идзу.

30 декабря посланные возвратились и донесли, что в тридцати пяти милях от Симода на западном берегу полуострова открыта ими удобная для килевания судов бухта Хеда и другая, ближайшая к нам, Арари, в одну из которых я намеревался перейти при первой возможности.

В промежуток времени, употреблённый на отыскание бухты, с фрегата свезена была на берег артиллерия со станками, подведён под кормовую часть прошпикованный парус и устроен на берегу временный руль, или потесь, по способу капитана Пеата.

Вследствие первых двух мер прибыль воды во фрегате уменьшилась до девяти дюймов в час, и мы ожидали только перемены свежих SW ветров, которые задерживали сначала производившиеся работы, а теперь и самое отправление. Между тем переговоры мои с японским правительством, прерванные на время описанными происшествиями, возобновились с 14 декабря и продолжались в селении Какисаки.

На другой день по возвращении офицеров, искавших бухту, при несколько затихшем ветре фрегат снялся с якоря, но несоразмерность углубления носовой части противу кормовой (кормовой дейдвуд был совершенно разбит, уничтожен) задерживала уклонение его под ветер, и мы принуждены были после двукратной попытки остаться на якоре до совершенной перемены ветра.

Наконец, по окончании перегрузки, для отвращения, хотя в некоторой степени, упомянутой несоразмерности, лишившей нас всякой возможности управлять фрегатом, мы оставили Симодскую бухту 2 января в восьмом часу утра при умеренном северном ветре, в сопровождении большой японской джонки, комплектованной командою фрегата «Диана», и взятой мною на случай спасения людей, ежели бы в море течь сильно увеличилась. (На джонке были назначены: лейтенант Энквист, мичман Михайлов и до двадцати матросов.)

Предполагая немедленно по приводе фрегата в назначенную для его исправления бухту возвратиться в Симоду для продолжения уже клонившихся к окончанию переговоров, я между тем оставил здесь капитана 2-го ранга Посьета и надворного советника Гошкевича с целью: во-первых, задержать отъезд полномочных в столицу по случаю наступавшего у них нового года, и во-вторых, чтоб подробнее разъяснить им те из наших требований, которые они не соглашались принимать.

Обогнув благополучно южную оконечность полуострова Идзу, при лёгком противном ветре мы стали подыматься к северу, и для

этого несколько раз поворачивали оверштаг (поворот парусника на другой галс (курс) носом против встречного ветра. — *Ред.*), причём фрегат хорошо слушался руля. В шестом часу вечера мы находились уже в виду ближайшего из открытых портов, Арари, но наступление сумерек и усилившийся противный ветер заставляли искать убежища на ночь в открытой бухте Матсусаки. С этою целью мы направились к берегу, но, не найдя глубины в близком от него расстоянии, я не считал безопасным в ней оставаться и привёл на правый галс, чтобы под малыми парусами продержаться ночь на просторе, в обширном заливе Тоутоми.

В восемь часов ветер перешел к *SWtW* и, постепенно свежая, развёл огромное волнение, вследствие которого течь во фрегате начала значительно увеличиваться. В десять часов, находясь по счислению от северного берега залива Тоутоми в десяти милях, стали поворачивать чрез фордевинд (поворот парусника, при котором он пересекает направление ветра кормой. — *Ред.*), причём фрегат весьма медленно спускался под ветер, а напором волнения сорвало с потеси найтов (снасть для крепления предметов оборудования и снабжения, деталей судовых устройств, штучных грузов в трюмах и на палубе. — *Ред.*) и выбило её из своего места. Немедленно приступили к исправлению руля и для большей силы действия и лучшего укрепления перенесли потесь в среднее окно кормовой каюты, а для уменьшения хода закрепили крьюсель и положили грот-марсель на стенгу.

По окончании работы, полагая, что фрегат должен находиться уже близко к берегу, стали снова пробовать поворотить чрез фордевинд, в чём, однако же, не успели, несмотря ни на какие усилия.

Видя близость берега, после всех этих неудачных попыток поворотить фрегат чрез фордевинд, я решился испытать поворот оверштаг, и с этою целью приказал поставить все три марселя и фок, но фрегат при спуске стакселей и положении руля к ветру не тронулся. Для спасения фрегата оставалось одно средство — идти к берегу малых ходом и, бросая беспрестанно лот, на умеренной глубине, ежели такая окажется, отдать якорь. Решившись на это последнее средство, мы долго не могли доставать глубины, несмотря на то, что уже виднелись рассыпавшиеся по берегу буруны. Наконец в три часа лотовые прокричали глубину двадцать сажень — и мы немедленно, отдав оба якоря, закрепили паруса и спустили в ростры брам-стенги.

В этом положении оставались до рассвета, который открыл нам, что фрегат находится в кабельтове от песчаного берега перед

подошвою горы Фудзи. (Самая высокая в Японии, отдельно стоящая конусообразная гора, до 12 000 футов высотой.) Утром, при усилившемся ветре и волнении, я приказал спустить реи и стеньги. На сопутствовавшей нам джонке ночью вырвало парус, и она принуждена была для спасения команды выброситься на песчаное побережье, тянувшееся к северу от фрегата.

От постоянной и жестокой качки вследствие прибоя к берегу, действовавшего не по направлению ветра, течь во фрегате постепенно усиливалась, так что 3 и 4 января были проведены в беспрерывном действии всеми помпами, несмотря на совершенное облегчение кормовой, пострадавшей части фрегата.

К вечеру 4-го числа помпы от непрерывного качания начали ломаться, и мы едва успевали удерживать воду в одном положении. Не предвидя перемены погоды, я решился начать перевозить команду на берег, для чего перед захождением солнца отправлен был десятивёрсельный катер с мичманами Колокольцовым и Пещуровым, который, взяв с фрегата тонкий конец, благополучно выбросился на берег под парусами и передал таким образом трос, обеспечивавший за нами сообщение с берегом. Для опыта в этот же вечер по концу была отправлена гичка с одними гребцами. Хотя бывшие на гичке люди и спасены, но гребное это судно разбило в бурунах, а потому предполагавшийся своз двух больных, пострадавших во время землетрясения и лежавших в койках, был отложен до следующего утра.

В продолжение ночи мы не могли более удерживать прибыль воды, которая увеличивалась по одному дюйму в час. Наутро ветер немного стих, и спустив гребные суда, я отправил один из катеров для отыскания где-нибудь поблизости закрытой бухты, чтобы переправить больных, но таковой к несчастью не оказалось. Тогда приступлено было к свозу команды по переданному концу (лееру) с фрегата на берег.

Первыми были отправлены священник с больными, медиком и церковною принадлежностью, а затем перевезена казённая сумма, шнуровые книги и шканечный журнал. Нижние чины отправлялись на баркасе партиями и, останавливаясь на конце в некотором расстоянии от берега, чтобы ударами волнения не разбило этого главного гребного судна, перетаскивались на берег посредством тонких концов через буруны.

К четырём часам пополудни перевоз людей был окончен благополучно, а баркас отправлен на фрегат, чтобы забрать часть багажа, предварительно вынесенного на верхнюю палубу. (С фрегата

свезена команда обыкновенным порядком, при офицерах. Последними съехали: адмирал, капитан фрегата, подполковник Лосев и лейтенант Шиллинг.) При этой последней поездке буруны и ветер усилились до такой степени, что с баркаса нельзя было снять людей на берег, и они проночевали на баркасе, державшемся на леере вне бурунов. Во всё время перевоза людей японские чиновники, собравшиеся к этому месту, оказывали нам все возможные пособия. Они собрали в разорённых после землетрясения окрестных деревнях большое количество соломенных матов, и к вечеру почти вся команда была прикрыта от пронзительного ветра и мороза, доходившего тогда до 3° по Реомюру.

6 января ветер утих, и этим временем воспользовались, чтобы свезти, по возможности, багаж команды, который не был ещё затоплен водою, поднявшемуся в то время почти до самого кубрика. Несмотря на такую значительную прибыль воды, фрегат, не имевший артиллерии, с весьма небольшим количеством запасов и провизии, осел менее, нежели можно было предполагать, и в этом-то положении я решился испытать предложение японцев, отбуксировать его в порт Хеда, отстоявший от нас не более как на пятнадцать миль. Японцы предлагали собрать для этого до ста своих лодок, что и исполнили 7 января часам к десяти утра. (Всего было 120 лодок; на каждой от четырёх до восьми гребцов. На некоторых лодках из команды фрегата находились: адмирал, командир фрегата, лейтенанты Можайский, Шиллинг, мичман Колокольцов и до двадцати матросов; прочие остались с командою в селении Миасимо.)

При наступившем к этому времени совершенном штиле японцы дружно повели фрегат и в продолжение первых трёх часов успели отбуксировать его на пять миль, так что я начинал уже надеяться, что нам удастся довести его до назначенного порта, поставить там на мель и, выкачав воду, приступить к килеванию. Надежды эти вскоре рушились: без малейшей видимой причины японцы бросили фрегат и рассыпались в разные стороны, торопясь добраться до селений. Остановить их не представлялось никакой возможности. Впрочем, вскоре открылась и причина их бегства: минут через десять настиг нас жестокий порыв ветра от SW, развёл быстро огромное волнение, и мы, находясь на одной из лодок, буксировавших фрегат, едва и с большим риском укрылись по ветру в бухте Еноре, в пятнадцати милях к ONO от Миасимо. (Японцы узнают приближение шторма, если гора Фудзи вдруг покроется облаками.)

Фрегат, оставленный на произвол ветра и волнения, вскоре был опрокинут и погрузился на дно на большой глубине.

Возвратившись на следующий день в Миасимо, к месту нашего крушения, я, по предложению японских чиновников, приступил немедленно к отправлению всего спасённого имущества в избранный для нашего жительства порт Хеда (несколько южнее губы Ейнора, почти прямо на восток от селения Миасимо, в пятнадцати милях от него), а команду решил перевести туда же берегом, чтобы не подвергать её ещё раз неверным переходам на японских лодках, и для этого разделил её на две партии.

Первая партия отправилась 11 января, вторая должна была выйти на следующее утро.

Первый день мы шли по главной дороге, пролегающей между обеими столицами государства, обстроенной почти сплошным рядом деревень с той и другой стороны. Деревни эти, вследствие недавнего землетрясения, были более или менее разрушены. На привалах для обеда и ночлега японское правительство озабочилось приготовлением пищи, как для офицеров, так и для нижних чинов, которые на ночь размещались в нескольких заранее очищенных домах.

Второй переход наш от Еноре до Хеда пролегал по горам, и потому был при знойном дне чрезвычайно утомителен.

На этом пространстве землетрясение оставило по себе ещё более неизгладимые следы. Не говоря уже о том, что встречавшиеся на берегах деревни были разрушены от сотрясения и наводнения, горные тропинки были во многих местах преграждены грудями обрушившихся камней, и у некоторых из прибрежных островов отвалились целые утёсы.

Добравшись поздно вечером до Хеда, мы расположились там в приготовленных заранее помещениях. Офицеры — в одном из буддийских храмов, а команда — в нарочно построенных из досок и матов весьма опрятных казармах.

На следующий вечер пришла и вторая партия.

Убедясь в удовлетворительном помещении команды и избрав место для постройки небольшого судна, с целью отправить оное в Камчатку с известием о нашем положении и для того, чтобы во время пребывания на берегу доставить офицерам и команде постоянные занятия, я 17 января отправился в Симодо для продолжения переговоров.

На пути я получил донесение капитана 2-го ранга Посьета о приходе в Симодо американского пароходо-фрегата «Паугатан», с комис-

саром Соединённых Штатов Адамсом, прибывшим с ратификацией трактата.

К вечеру 18-го мы достигли города Матсусаки, в котором и расположились на ночлег. Здесь в полночь явился ко мне надворный советник Гошкевич с известием, что вне Симодского рейда остановилось французское китобойное судно, которым представлялся нам случай завладеть на гребных судах.

По получении этого известия я в ту же ночь отправил одного из сопровождавших меня офицеров (мичмана Колокольцова) с приказанием капитан-лейтенанту Лесовскому вооружить со всевозможною поспешностью два гребных судна и, перейдя морем расстояние в 35 миль, до рассвета следующего дня стараться быть у означенного судна.

На другой день к полдню я был в Симодэ, но не застал уже там французского китобоя, который через несколько часов по отбытии господина Гошкевича, подозревая о нашем намерении, снялся с якоря и вышел в море. Таким образом, мы снова лишились средств к скорому возвращению в отечество. Гребные суда наши, обогнув в продолжение ночи полуостров Идзу, до рассвета 20 января были на рейде, совершив весьма удачный, хотя и напрасный переход.

В Симодо полномочные первые сделали мне визит, причём выразили от имени своего правительства душевное сожаление о постигшем нас бедствии и представили от сиюгуна многочисленные подарки, состоявшие в предметах одежды, посуды и вещей, наиболее необходимых в нашем положении.

Американский комиссар Адамс предполагал пробыть в Симодэ только самое короткое время, а потому я, желая воспользоваться этим случаем, чтобы вернее доставить трактат в Россию, должен был торопиться его заключением, и благодаря участию, которое принимало в нас после крушения японское правительство, трактат был подписан 26 января. Окончив краткие донесения в Санкт-Петербург, которые американский комиссар предложил доставить по назначению через Вену или Вашингтон, я возвратился в порт Хеда, чтобы споспешествовать постройке шхуны, а в Симодэ между тем оставил капитана 2-га ранга Посьета и несколько человек для содержания постоянного сообщения между двумя портами и для того, чтобы капитан Посьет мог извещать меня о приходе туда судов.

Пароход «Паугатан» оставил Симоду 10 февраля; во время пребывания его на рейде капитан и все офицеры оказывали нам самое услужливое внимание. Пароход снабдил нас некоторым количеством морской провизии, которой в Японии доставать нельзя,

матросскою одеждою и обувью, в чём наиболее нуждалась команда. За все эти услуги я лично благодарил командира парохода Mc-Cluneу и комиссара Адамса и тогда же донёс об этом в министерство иностранных дел. Между прочим, командир парохода в официальном письме предлагал мне свои услуги перевезти команду фрегата «Диана» в Шанхай. Не считая благоразумным следовать в порт, где мы были бы более всего во власти наших неприятелей, я отказался от этого предложения, прося, впрочем, капитана донести командующему американскою эскадрою в Восточном океане, что ежели он сочтёт возможным оказать помощь потерпевшим крушение, доставив их в отечество, то в таком случае я прошу его прислать за нами пароход в апреле месяце для отвоза в Петропавловский порт.

Возвратившись в Хеда, я нашёл, что постройка шхуны при радушном содействии японских чиновников быстро подвигалась вперёд, несмотря на то, что большую часть нужного леса вырубали мы сами на соседних горах и должны были своими же средствами добывать смолу, прясть пеньку, спускать тросы и прочее. Японцы учились всему этому с большим прилежанием.

При отправлении моём из Симоды командир парохода «Паугатан» объявил мне, что, несмотря на всё его желание, он не может ручаться, чтобы чрез его команду, состоящую из людей всех наций, не разнёсся слух о нашем положении. Имея это в виду, надо было свезённые на пристань орудия обезопасить от неприятельских покушений, и я предложил японскому правительству передвинуть их более внутрь города и там укрыть в каких-нибудь зданиях, на что они охотно согласились. Восемьдесят человек наших матросов были отправлены для этой цели из Хеда и в три дня перетаскивали орудия в средину города, где над ними построено было несколько небольших сараев. Охраняя, таким образом, интересы наши от всяких покушений со стороны англичан и французов, японцы явно выказали, сколько они заботились о нашем положении, и я смею надеяться, что посланное по воле его императорского величества предложение японскому правительству принять оставшиеся у них орудия фрегата в подарок будет для них самым справедливым и драгоценным вознаграждением.

Пока мы деятельно занимались постройкою шхуны и истребованием от японского правительства джонок, на которых я предполагал перевезти команду в порт Хакодате или в Аниву, 3 марта прибыла в Симоду американская купеческая шхуна «Caroline E. Foote» с Сандвичевых островов. На шхуне прибыло три американских семейства, из которых два располагали поселиться в Японии.

По получении этого известия я немедленно отправился в Симоду и, предполагая нанять означенную шхуну для скорейшего перевоза хотя части команды в Петропавловск, которому, по доставленным известиям, угрожало нападение многочисленной неприятельской эскадры, должен был уговорить губернаторов Симоды дозволить американцам хотя временно перебраться на берег.

Исполнив это предположение, я 14 марта пришёл на нанятой шхуне в Хеда. По заключённому с контрагентами этой шхуны контракту, она должна была перевезти команду в три рейса, и с первым из них доставить в Петропавловск приобретённую от этих же агентов морскую провизию. Приготовления к предполагававшемуся переходу были окончены в несколько дней, но отправление шхуны было отложено до 30 марта, потому что ранее этого времени я не считал возможным её отправить, опасаясь встречи льдов при входе в Петропавловский порт, которые, при ограниченном количестве пресной воды на шхуне, могли, замедлив её ход, привести команду в критическое положение.

До отбытия американской шхуны прибыл в Хеда Кавадзи Сайемон-но-дзио, один из прежних полномочных в сопровождении бывшего губернатора Нагасаки Мизно-чи-когони и других лиц с протестом от японского правительства насчёт съезда американцев на берег, а также для некоторого добавления или пояснения статей трактата. Я уклонился от этих новых объяснений, и после нескольких свиданий со мною означенные лица возвратились в Едо, а 30 марта, на другой день Пасхи, капитан-лейтенант Лесовский с восемью офицерами и 150 человек нижних чинов отправился на нанятой американской шхуне в Камчатку.

Между тем как постройка шхуны приближалась к окончанию, в Симодо пришёл из Шанхая огромных размеров американский клипер «Young America». (A three-masted wooden extreme clipper ship built in 1853. Her first master was Captain David S. Babcock.) Судно это было переведено в Хедо, но по чрезмерным требованиям его капитана я не мог в первый раз зафрахтовать оное для перевоза остававшейся части команды. Через неделю «Young America» воротилась; капитан Babcock объявил мне, что он встретил по выходе из залива Тоутоми французский шлюп «Константин», и снова предлагал свои услуги. После продолжительных споров заключён был с ним контракт, по которому за 3 500 фунтов стерлингов капитан обязывался перевезти всю остававшуюся часть команды и её имущество в Петропавловский порт. К вечеру 11 апреля при помощи почти всех жителей Хеда мы успели нагрузить на это

судно провизию и остававшееся скудное имущество и с рассветом следующего дня предполагали пуститься в море.

Во время этой переборки команда американского судна взбунтовалась против шкипера и не хотела идти с нами, опасаясь быть захваченною нашими неприятелями, а потому часть её бросилась вплавь на берег, причём несколько человек потонули.

Впоследствии шкипер объявил, что по требованию своих помощников и всей команды он должен отказаться от перевоза нас в Камчатку, и нам ничего более не оставалось делать, как съехать на берег и ожидать возвращения ушедшей с первой партией шхуны.

Апреля 13-го «Young America» скрылась из виду, а 14-го строившаяся шхуна, названная мною в память места нашего жительства «Хеда», спущена на воду и к 26 апреля была готова отправиться в путь. Оставляя Японию, я счёл долгом благодарить правительство этого государства за все оказанные нам пособия, и вместе с тем уведомил его, что остающаяся часть команды поступает под начальство лейтенанта Мусина-Пушкина, и выразил надежду, что правительство будет по-прежнему к ним внимательно.

26 апреля при легком *SW* ветре шхуна «Хеда», на которую я взял, кроме состоящих при мне капитана 2-го ранга Посьета, подполковника Лосева и мичмана Пещурова, ещё лейтенанта Колокольцова, прапорщика корпуса флотских штурманов Семёнова, двух юнкеров и 40 человек нижних чинов, вступила под паруса. На первую ночь она встретила свежий ветер и при большом волнении успешно с ним боролась.

На другой день мы прошли мимо Симода и залива Едо, а к 30 апреля вышли в океан, потеряв из виду берега Нипона, и при тихих ветрах и туманах продолжали плавание к северу.

9 мая вечером открылись в тумане высокие берега Авачинской губы, покрытые снегом от вершины до основания. На следующее утро мы были в нескольких милях от входа, но штиль удерживал нас на одном месте. По рассеянии тумана на горизонте показалось четыре судна: одно большое, пробиравшееся к югу, а три другие держались на высоте входа в губу. Все действия последних показывали, что это были военные крейсера и, следовательно, неприятельские. Положение наше было затруднительно. Пользуясь штилем, я приказал взять на шхуне вёсла и стараться под ними скорее достигнуть якорного места. После нескольких часов гребли подул лёгкий попутный ветер, и в шесть часов вечера шхуна бросила якорь при входе во внутреннюю Петропавловскую гавань.

В Петропавловске я застал только одно китоловное судно Российской-Американской компании «Аян» и адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири есаула Мартынова, который сообщил мне высочайшее повеление оставить порт и всем судам следовать в де-Кастри, куда также отправился капитан-лейтенант Лесовский с первой партией команды на приходившем в Петропавловск с грузом пороха американском бриге «Вилиам-Пен».

Кроме нескольких человек из военных команд Петропавловского порта, спешивших по данному с сигнального поста известию о появлении неприятельских судов оставить свои жилища, остальные затем жители Петропавловска были переведены внутрь страны, куда отправлены также и все жизненные припасы.

Пополнив запас воды на шхуне, с рассветом следующего 11 мая мы пустились в путь, и только к вечеру успели уйти из вида всё ещё державшихся на параллели входа в порядочном расстоянии от берега неприятельских судов. Плавание наше от Камчатки до Лаперузова пролива замедлялось свежими и преимущественно противными ветрами, а по выходе из этого пролива, в виду острова Монерон мы встретили ночью три судна, следовавших к югу, из которых одно, миновав нас в расстоянии не более ста пятидесяти сажень, вскоре поворотило и пустилось в погоню.

При наступившем тогда ровном ветре шхуна после двухчасовой погони заметно ушла вперёд, а к рассвету слышны были звуки нескольких выстрелов, и преследующее судно вскоре скрылось в густом тумане. Полученное впоследствии известие о неприятельских судах, посещавших залив де-Кастри, вполне нас убедило, что это был тот самый отряд, который не решился напасть на эскадру контр-адмирала Завойко. Отряд этот состоял из 44-пушечного фрегата «Сибилл», 18-пушечного винтового парохода «Горнет» и брига «Битерн» под начальством командора Еллиота.

Избегнув, промыслом Божиим, преследования сильного неприятеля, мы направились к устью Амура.

5 июня шхуна вошла в Амурский лиман, к мысу Лазарева. Вступив в пределы своего отечества, мы были поражены горестным известием о кончине блаженной памяти государя императора Николая Павловича. У мыса Лазарева я нашёл камчатскую эскадру и узнал о прибытии в Мариинский пост генерал-губернатора Восточной Сибири, почему немедленно отправился в устье Амура и бросил якорь перед Николаевским постом 8 июня.

Так окончилось наше сорокадневное путешествие на шхуне «Хеда», ознаменовавшееся троекратною встречей с неприятелем.

Шхуна «Хеда» была сдана в Николаевском посту, с тем, чтобы по сделанному мною с японским правительством условию при первой возможности она доставлена была в Хакодате или Симодо; в противном же случае должно будет уплатить японскому правительству её стоимость...

Морской сборник, 1856 г., № 10. — С. 22—104

В. А. КАРСТЕНСЕН

МОИ ФРАНЦУЗСКИЕ ТОВАРИЩИ

(перевод Павла Львовича Калмыкова)

От переводчика. Под «товарищами» следует понимать товарищей по службе, коллег и соплавателей. Я перевёл пару глав с самого начала, чтобы узнать, как же датчанина занесло на французский корабль? Затем, не утерпев, перескочил к началу войны с Россией. Пользовался одновременно переводчиками Гугла и Яндексa, а также онлайнным датским толковым словарём, так как написание многих слов изменилось, некоторые вышли из обихода, а некоторые являются специфическими маринизмами.

Вильям (или Вильгельм) Август Карстенсен родился в 1828 г. в Алжире в семье датского генерального консула; по возвращении семьи в Данию выучился на морского офицера и участвовал в датско-прусской, или шлезвигской войне. Война закончилась, и датский флот встал на прикол, а Карстенсен хотел плавать. Ему удалось получить протекцию и попасть на французскую службу на корвет «Эвридика». Тот самый, принимавший участие в нападении на Петропавловск в 1854 г., и Карстенсен там был. После того ему захотелось поближе узнать русских, и в 1856 г. он был принят на русскую службу. С 1857 по 1860 г. на корвете «Воевода» участвовал в кругосветном походе. За проявленную отвагу был награждён орденом Станислава 3-й степени. Потом возвратился в Данию и перевёл с русского на датский «японскую» главу из книги своего соплавателя, доктора Алексея Вышеславцева «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857—1860 гг.» В последствии Карстенсен был директором военно-морского училища, политиком и писателем. Дневники, ведённые им на «Эвридике», хранятся в Копенгагене, опубликованы основные на них мемуары.

Как я поступил на французскую службу. Года за два с половиной до того, как я попал на иностранную службу, случился разговор, вроде бы случайный, которому я тогда не придал значения, а он был прелюдией к новому этапу моей жизни.

Во время войны в 1849 г. я находился в блокированном заливе Свинемюнде, на корвете «Флора» под командой капитана К. ван Докума. Я был младшим унтер-офицером под его началом, а прежде с ним же ходил в первое моё плавание в качестве офицера. Командир обычно обедал с офицерами в общей столовой, а вечером звал их за стол на полуют, где за сигарами и кофе потчевал солёными капитанскими историями из своих многочисленных путешествий. Однажды, когда в компании с ним сидели только второй офицер и я, ван Докум спросил меня: «Скажите мне, чем вы предполагаете заняться, когда война закончится? Учиться?» «Учёба» для военного моряка в то время подразумевала частные курсы, которые давали доступ к технической службе на военно-морской верфи. Я ответил, что чувствую тягу именно к морской офицерской службе, и хотя понимаю, что после войны спрос на офицеров упадёт, но я был бы рад, буде такая возможность, как в прежние времена, пойти на службу к французам. Капитан глянул с улыбкой и немного погодя сказал: «Да, годы, что я провёл на службе у французов, были самыми интересным в моей жизни... Да-да! Кто знает? — Возможно, и вам повезёт».

В конце следующего года ван Докум стал морским министром. Я был его подчинённым в летнем плавании на пароходе «Гейзер»; и тогда, и после возвращения в середине 1851 г. мы несколько раз беседовали и ни словом не коснулись моих мечтаний о заграничной службе. Тем временем мой товарищ, ныне камергер, капитан Ст. А. Билле, ещё весной с помощью отца устроился на службу к французам, а к осени прошёл слух, что военно-морской министр рекомендовал двух моих товарищей, одного постарше, другого помоложе меня, на такую же службу. Притом говорили, что министр ходатайствовал к французскому правительству за трёх офицеров, и это вызвало среди младшего морского офицерства пересуды, кто может быть третий. Близкие советовали мне предложить себя на третью вакансию; но я ответил, что министр выбрал двух моих товарищей и уж наверняка сам знает, кого послать третьим. Если у него хорошая память, то он должен вспомнить обо мне, кто так много с ним плавал и мечтал поучиться у иностранцев.

Однажды в конце года министр прислал мне с адъютантом приглашение прийти завтра к нему домой на обед. «Интересно, не пойдёт ли речь о французской службе?» — подумал я и побежал к младшему из двух моих вышеупомянутых товарищей. Когда я пришёл к нему, он подскочил ко мне в своей живой манере и радостно воскликнул: «Что?! Вы готовы? ...Вы получили приглашение к министру

на завтрашний обед?» Таким образом, всё и решилось: капитан ван Докум вспомнил наш разговор на борту «Флоры».

Когда мы все на следующий день пришли к министру, он встретил нас словами, что очень рад дать нам то дело, о котором мы когда-то говорили. Эти слова мой эмоциональный товарищ воспринял как подтверждение догадки, и мне пришлось отбуксировать его в кресло под ручку. Легко ли не стать жертвой того, что Чернинг так метко назвал «истолкованием многозначительного молчания»?

Обстоятельства моего поступления на французскую службу могут показаться скучноватыми, но я не мог пройти мимо случая, одного из множества тех, что несли меня по жизни.

Кстати сказать, никто из друзей нам особо и не завидовал. Пара десятков лет прошло с той поры, когда всякий датский офицер состоял на иностранной службе. В эти двадцать лет они только мечтать могли о деле большем, чем отдельные командировки или учения по защите торговых судов, редко когда удавалось получить корабль в командование, в то же время торговое мореходство развивалось, и торговое судно почиталось за лучшую школу для молодого офицера.

Вспоминается по этому поводу разговор с одним товарищем, ныне покойным, который по праву считался очень опытным офицером. Он остановил меня на улице вопросом: «Какой вам интерес на этой французской службе?»

«Что-то увижу, что-то узнаю», — ответил я.

«Французы не могут научить вас ничему, — сказал он презрительно. — Мы, датчане, как моряки гораздо лучше них».

«Но в нашем флоте всего несколько крупных кораблей, да в большом количестве и нет смысла, поскольку незачем посылать экспедиции в дальние моря сроком на год. Короче говоря, я хочу изведать разные стороны морской службы и, быть может, даже уйти в плавание на несколько лет...»

«Всего этого хлебнёшь, дойдя до Вандсбека, не имея в команде настоящих моряков! — оборвал он меня. — Иди в торговый флот! Вот лучшая школа для всех молодых офицеров».

«Нет уж, ты поступай, как удобнее тебе, а я при выборе из двух благ удовольствуюсь вторым, поглядеть на людей, которые ведут себя как настоящие моряки», — ответил я со смехом и попрощался.

По пути в Тулон. Почтовым рейсом Копенгаген — Киль мы, наконец, 2 декабря прибыли в Гамбург. На следующий день пришло сообщение о перевороте во Франции: Луи Наполеон «взорвал» Национальную Ассамблею, отобрав её здание и передав военным;

самых опасных своих противников он взял под стражу и готовит референдум, который должен дать был ему десятилетнее президентство. Говорилось, что на улицах Парижа идут ожесточённые сражения и что в целом положение весьма небезопасно. Тем не менее, мы вскоре пришли к согласию, что чем ближе к Франции, тем более достоверную информацию о положении мы сможем получить, и посему решили ехать завтра же, для начала в Брюссель. Там мы узнали от датского посла, что в Париже сопротивление подавлено, и, следовательно, мы могли продолжить наше путешествие. До первого поезда в Париж оставалось ещё несколько часов после нашего прибытия, и мы решили поискать близ станции отель с табльдотом (обеденным столом с общим меню. — П. К.).

Мы не долго засиделись за ужином: все любопытные глаза пялились на нас, вероятно, по причине нашего странного языка, да ещё из-за цвета кудрей нашего младшего товарища, озарявших его лицо смелостью и жизнелюбием. Высокий, худой человек с длинными волосами, зачёсанными за уши, в вышитой ермолке на голове, казался за столом главным. Он перешепнулся с официантом и спросил, куда мы едем дальше. Мы честно ответили, что в Париж, поступать на службу к французам, тогда он начал рассказывать нам в красках ужасы революции, которые знал по собственному опыту, и просил всю компанию поддержать его, чтобы мы никуда не ездили. Мы ответили, что имеем сведения из лучших источников, что во Франции восстановлен порядок и правительство осталось то же, которое приглашало нас во французский флот, и военные власти могут рассматривать это как наш долг прибыть в Париж как можно скорее. Тогда этот человек встал и сказал красивую речь, которая закончилась призывом ко всем за столом пожелать «молодым сынам храброй нации, которая восхищает всю Европу», счастливого пути. В тогдашнем юношеском благодушии, с благими надеждами, с которыми мы отправлялись в путь, нам показалось в этом человеке что-то экзальтированное; но потом я не раз вспоминал его спокойное и ласковое лицо и понимал, что был человек душевный и добросердечный.

Эти страхи, высказанные за обеденным столом, уже широко распространились, что стало очевидно на станции, где народу на поезд было совсем мало. Мы заняли купе и уснули мёртвым сном, который нам прервали только на первой французской станции, где полагался досмотр. Мы вышли подышать и обратили внимание, что немногочисленный люд обеспокоен. Говорили, что на улицах Парижа несколько часов как идут бои. В первый миг это меня

развеселило — показалось забавным увидеть кусочек революции вблизи. Но, размышляя в пути, я взглянул на вопрос иначе. Если там действительно возобновились бои и правящая партия теряет контроль, то что с нашим поступлением на французскую службу? Нам, естественно, придётся разворачиваться и ехать домой, выслушивать «сочувственные» комментарии друзей, товарищей, коллег. Поэтому Париж я встретил не в самом радужном настроении, но когда поезд остановился на станции, там не было ничего необычного глазу, за исключением почти гнетущей пустоты и тишины. Гвардейцы, казавшиеся многочисленными в сравнении с немногими пассажирами, были одеты в синие мундиры и красные шапочки. Они высматривали так называемых блузников, всегда появляющихся в эпицентре любого бунта, но с нами были любезны и услужливы, помогли с багажом и показали нужный омнибус. Пока мы петляли через пригород и город в наш отель на улице Риволи, какие-либо сомнения исчезли: пустые улицы с часовыми почти на каждом углу, частые патрули свидетельствовали ясно, что переворот свершился и город на осадном положении.

Однако, несмотря на то, что правящая партия удержала власть, обычный порядок жизни несколько нарушился и, естественно, понадобилось ещё несколько недель, прежде чем мы могли получить приказ на службу и уехать в Тулон, на Средиземноморский флот.

Только один памятный вечер того пребывания в Париже стоит отметить. Через несколько дней после нашего приезда Луи Наполеон давал свой первый вечерний раут, или, скорее, приём, первый после переворота, и датский министр, граф Мольтке использовал этот повод представить нас президенту. Естественно, там собралось много сподвижников: офицеров всех рангов и полков, должностных лиц и духовенства и даже депутатов оппозиции из разогнанной Национальной Ассамблеи. Луи Наполеон приветствовал своих гостей в небольшой комнате меж двух больших залов. Он был одет в штатское, и ничто в его внешности и манере не показывало, что он только что одержал большую политическую победу и сделал первый решительный шаг к имперскому трону. Приветствовал он всех тихо, почти застенчиво, но когда он обменивался несколькими словами с гостями, на лице его, малоподвижном, появлялась лёгкая, но весьма привлекательная улыбка. Роста он был среднего, плечист, с ладным торсом, однако ноги непропорционально коротки — верхом он бы смотрелся лучше, нежели пешим. Его лицо знакомо всякому по портретам: жёсткие чёрные остроконечные усы, почти скрывающие рот, острая борода, гладкие, коротко

стриженные волосы над узким лбом. Но рисунки не могут передать золотисто-смуглого оттенка его кожи и затуманенного, мечтательного выражения его удлинённых глаз, наполовину прикрытых тяжёлыми веками.

Несколько лет спустя, стоило одному моему французскому товарищу упомянуть его, как мне сразу вспомнился тот отсутствующий, блуждающий взгляд. Этот француз, морской офицер, был на том самом корабле, что доставил Луи Наполеона в Америку после его неудачной попытки в Страсбурге провозгласить себя императором при помощи армии. В долгом плавании Наполеон обитал вместе с офицерами в их кают-компании. Он был тих, вежлив и не очень разговорчив. Когда офицеры сетовали о его неудачной попытке, он всякий раз отвечал с полным спокойствием, что всего лишь ошибся с выбором времени: «Время ещё не пришло, — говорил он, — и когда придёт, я пока не знаю, но это будет день, который сделает меня кесарем французов, в этом я так же уверен, как и в том, что я в настоящее время на пути в Америку». — «Вы действительно настолько уверены в этом?» — переспросили его однажды. — «Ни малейшего сомнения — это написано в звёздах!» — ответил он с тихой серьёзностью. — Тут рассказчик с редким мастерством изобразил мимику Луи Наполеона.

Когда мы были представлены президенту, он спросил нас мягким голосом о том, много ли мы ходили в моря, и получил ответ, что мы все трое почти непрерывно были в кампании во время войны, вступив в неё кадетами, а выйдя с опытом, при том что мы, северяне, выглядели относительно молодо. Он, казалось, удивился и заметил со своей приветливой улыбкой: «Вы стали истинными морскими волками, господа!»

На этом представление наше окончилось.

Тогда мы отправились в боковой зал, где наши датские мундиры привлекли взгляды любопытных французов. Несколько армейских офицеров удовлетворили взаимное любопытство: они представились нам, мы ответили тем же. Их примеру последовали другие, в итоге они пригласили нас в соседнее кафе, чтобы выпить с нами «товарищеский» бокал. Они мне показались говорливыми и шумными, но с изрядным чувством юмора. Молодой гусарский офицер бравого вида очень возмущался революционерами. «Вы подумайте! — обращался он к окружающим, — я в тот вечер проторчал в засаде с моими молодцами-гусарами в тесном дворике с выходом на одну из главных улиц, где ожидалась серьёзная атака. Большие силы пехоты прятались в домах дальше по улице. Пехота

бы встретила боевиков с фронта, я бы провёл сокрушительную фланговую атаку. Мои люди рвались в бой! А что вышло? Эти оборванцы ломанулись по другой улице! Все мои мечты прахом, крест Почётного легиона, считай, из рук уплыл!»

Дело шло к позднему вечеру, когда мы расстались. Ночь была тёмная, лишь очень немногие газовые фонари горели, но дорогу к «*rue Rivoli*» было легко найти. Мы вошли под аркады напротив садов Тюильри, шагали, тихо беседуя, как вдруг услышали звук взводимого затвора и окрик: «Стой! ...Кто идёт?» Мы остановились и ответили: «Датские офицеры!» — «Выйти на открытое место», — велели нам. Мы не поняли этой военной фразы и стали переспрашивать друг друга, но нам повторили с угрозой. Мы тогда повернули вправо и перешли на другую сторону улицы, к решётке сада. Не пройдя и полусотни шагов, мы снова были остановлены штыком и окриком — так мы, наконец, и поняли, что должны идти посередине улицы.

Спустя несколько дней большая часть постов была снята и лишь на нескольких важных пунктах остались часовые, которые уже не столь повелительно предлагали людям идти в обход. Кроме этих часовых и патрулей ничто не напоминало о сражении, которое несколько дней назад закончилось кровопролитием. С одной стороны, чувствовалось, что полиция нешумно, но решительно пресекает всякую тенденцию к сборищам, с другой стороны, Париж явно вернулся к своему обычному жизнерадостному облику. Бульвары заполнились гуляющими, в Булонском лесу красовались конные и пешие в лучших нарядах, в театрах шумела всегдашняя публика, и в Латинском квартале танцы начинались в свой весёлый час. Складывалось впечатление, что переворот воспринимается большинством как явление привычное и, к радости, счастливо пережитое...

Крымская война приближается. За время нашего пребывания у берегов Перу политические волнения в этой стране переросли в гражданскую войну, в результате которой впоследствии Эченике был свергнут и сменён на посту президента генералом Кастилья, однако наши мысли в начале 1854 г. гораздо более занимали новости из Европы, нежели политические беженцы у нас на борту, неудачи Эченике и часто комичные попытки найти Кастилью у нас на корвете.

Ещё годом ранее, когда мы покидали Францию, на Востоке зрела гроза, но большие события, по условиям того времени, развивались медленно, и 1853 г. прошёл без особых тревожных вестей из Старого Света. Но уже в первые месяцы 1854 г. конфликт обозначил-

ся определённо и неизбежно, и с каждой почтой из Европы мы ждали известия, что война между западными державами и Россией объявлена. Французская и английская эскадры востока Южного океана уже имели приказ о готовности, о чём свидетельствовало множество военных кораблей в гавани Кальяо. Здесь встретились французский главнокомандующий, адмирал Феврие де Пуант на флагманском фрегате «Форт», английский адмирал Прайс на фрегате «Президент», рядом стали на якорь корабли меньшего ранга, чтобы через несколько дней снова выйти в море.

И вы можете представить, как заволновались французские и английские офицеры, которые уже видели друг в друге скорых союзников, когда русский фрегат «Аврора» вошёл в гавань и бросил якорь недалеко от своих потенциальных противников — буквально за пару дней до ожидаемой почты с известием о начале войны. Русские обменялись официальными визитами и тут же занялись возобновлением припасов, что было закончено в четыре дня. Почта пришла 17 апреля, но она не содержала манифеста об объявлении войны западными державами (хотя война была объявлена 27 марта).

Ситуация была воистину проблематична для двух адмиралов: они знали, что русские должны доставить подкрепление своим соотечественникам — либо в Ситху, на западное побережье Северной Америки, либо на Камчатку, — и что неприятельский корабль, имеющий базы на обоих берегах тихоокеанского севера, может захватить в качестве призов множество китобойцев, массово промышлявших именно в этих водах. В то время как «Аврора» стояла на рейде, между адмиралами происходили ежедневные консультации, и когда почта манифеста о войне не принесла, то, как говорили, британский адмирал, чьи интересы были более угрожаемы, решительно настаивал, что следом за русским фрегатом, когда тот снимется, нужно послать превосходящую силу и не отставать от него, пока он не приведёт в русский порт, после чего преследователь в условленном месте будет дожидаться подхода других кораблей. В подтверждение того, что в этом слухе имелась доля истины, мы видели, что английский адмиральский фрегат пребывал в состоянии двухминутной готовности к снятию. Кто-то даже утверждал, будто англичанин предлагал французу потребовать, чтобы русские не покидали рейда, в противном случае союзники воспрепятствуют этому силой. На это француз, тоже по слухам, отвечал, что такое поведение противоречило бы взаимной чести цивилизованных наций. Консультации эти ни к какому результату не привели,

и «Аврора» так и ушла из Кальяо беспрепятственно, чтобы приготовить союзникам приём, жёсткий и неожиданный, который они получили в Петропавловске несколько месяцев спустя. Но об этом я расскажу позже.

Несмотря на все волнения, вызванные восточными событиями, французы не забыли и о своих перуанских интересах. Приход французского адмиральского фрегата породил слухи, что Кальяо будет подвергнут уничтожительной бомбардировке, если не удовлетворит иск за причинённый ущерб на сумму 150 000 франков. Французы использовали этот слух, послали грозный ультиматум, и деньги были заплачены.

Пока наши командующие по уши увязли в консультациях, мы, подчинённые, развлекались как в Лиме, так и в Кальяо. Мы, на «Эвридике», знали, что корабль скоро должен покинуть берег, будь то война или мир. Если война, что было более чем вероятно, то путь наш лежит на север, а если бы каким-то чудом сохранился мир, корвет в одиночку отправится к островам Южного океана. Вряд ли мы уже вернёмся в Перу, и, следовательно, пришло время для прощальной вечеринки.

За долгое время стоянки в Кальяо офицеры несколько вечеров провели в доме семейства, одного из наиболее богатых или одного из наименее необразованных, где имелись две очень красивые дочери, будившие в моряках жизнь и ревность друг к другу. Я не принимал участия в гонке за симпатией молодых девиц и лишь пару раз гостил у этого семейства, но в прощальном празднике принял участие. После того и мы должны были у себя на борту устроить ужин и развлечение для множества военных кораблей, стоявших в гавани. Конечно, была приглашена и перуанская семья, ставшая для нас дружеским домом, но как только их посадили в шлюпки, как наши гости стали просить заехать на русский корабль. Военные корабли других наций им уже были знакомы, и только русского они никогда не видели. Объяснения о сложностях отношений с русскими в нынешней политической ситуации не помогли, дамам только ещё больше захотелось сделать этот визит, тогда старший офицер наших двух шлюпок, к их ликованию, приказал швартоваться к «Авроре».

Нас встретили с величайшей любезностью, офицеры с улыбками подошли к трапу, чтобы приветствовать нас, и мы поднялись. Я оставался в шлюпке последним и помог матушке двух красавиц, полненькой бойкой даме, которая выказывала некоторую боязнь подниматься по высокому трапу, под которым покачивалась шлюпка.

«Только не волнуйтесь, мадам, — сказал я. — Морской офицер приучен помогать даме на корабельном трапе». Я велел матросам, остававшимся в шлюпке, отвернуться («смотреть влево»), обернул её юбки плотно вокруг ножек и так придерживал, пока она переступала по ступенькам и пока не оказалась на палубе. Эта забота тронула её, и, едва став на палубу, она обернулась ко мне, схватила за руку и горячо сказала: «Молодой человек! Благодарю вас! Вы спасли мою честь!»

«Вашу честь, мадам?» — переспросил я. — «Да, мой юный друг! На мне нет панталон!»

У русских мы наелись тортами и напились шампанским, танцевали их национальные танцы и слушали их грустные песни, а потом простились красивыми фразами до следующего раза: нам ещё предстояло встретиться, чтобы снести друг другу головы. Я не хотел этого визита, но это «спасли честь» почти заставило меня забыть моё недовольство.

Через несколько дней после праздника мы пришли в Вальпараисо, и там я получил письма, доставившие мне немало переживаний. Мне писали, что великие державы нажимают на Данию, чтобы та примкнула к одной из сторон в войне, что там уже говорят о снаряжении большого числа кораблей, и что, по достоверным сведениям, разосланы отзывы всем скандинавским военным на иностранной службе. Меня особо тревожила, однако, следующая почта, которую ожидали дней через десять-двенадцать, вероятно везущая мой отзыв, и как раз в порту стоял прекрасный клипер, готовый отплыть в Европу через несколько дней после прибытия почты, так что мне представлялась удобная okazия вернуться домой.

Почта пришла и принесла известие о разрыве мира, всего через два месяца после объявления войны, но ожидаемый приказ о моём отзыве отсутствовал, и это меня смущало. Если я нужен дома, то я должен быть там; с другой стороны, частное письмо не могло быть основанием просить отставки из французского флота ввиду предстоящей военной кампании. Я решил обсудить вопрос серьёзно с командиром (корвета «Эвридика», капитаном де Ла Грандьером, его же далее Карстенсен называет «шефом», то есть начальником. — *П. К.*), и он разрешил мои сомнения, сказав, что я прикомандирован к кораблю морским министерством Франции и что он не имеет официального права отпускать меня без приказа министерства, даже если бы я настаивал на увольнении из французского флота. Что касается позиции Дании, он был готов ручаться, что она останется нейтральной и ничего я дома не потеряю. Наконец, на случай

если меня когда-нибудь упрекнут, что я-де не оставил французскую службу на основании частного письма, он предложил мне справку о том, что он отказывается меня отпускать. Так и было сделано, а через несколько дней мы отплыли, задолго до подхода следующей почты, и я уже свыкся с мыслью, что пока моя судьба связана с судьбой «Эвридики».

(«Эвридика» покинула Вальпараисо 31 мая и пришла в бухту Анна-Мария на Нуку-Хиве 27 июня 1854 г. Карстенсен, к сожалению, не обременяет читателя датами. — *П. К.*)

Анкаркрона (швед, друг Карстенсена. — *П. К.*) расспрашивал меня о моих письмах из дома, а также о моём разговоре с командиром, но на встречный вопрос о себе он ответил уклончиво, и я не очень приставал, зная по опыту, что он сам всё расскажет, дай только время. Так и случилось. Как только мы вышли в море, он явился ко мне с довольной улыбкой и сказал: «Ну вот, друг мой, теперь никто меня не ссадит, и я могу поведать тебе, что меня отозвали».

«Ты получил официальный приказ возвращаться?» — переспросил я удивлённо.

«Да, получил! — весело рассмеялся он. — Потому я и просил тебя так подробно пересказать беседу с шефом. Тебя-то он не может списать без приказа морского министерства, но зачем ему проблемы со мной и моей личной афёрой?»

Командир имел секретный приказ в случае войны идти к Нуку-Хиве, туда мы и направлялись теперь.

Нуку-Хива. Вскоре после того как мы покинули американский берег, установился попутный пассат и прекрасная погода, они не покидали нас до самых Маркизских островов, к крупнейшему из которых, Нуку-Хиве, мы и направлялись. С приближением к земле ветер закапризничал и, наконец, совсем скончался у входа в кратерообразную бухту на южном берегу острова, где у французов был военный пост, откуда губернатор осуществлял умеренное управление ближайшей округой. Здесь уже собралась для совместных действий большая часть военных кораблей Южного океана, они выслали к нам по гребному судну, которые вместе и отбуксировали нас на якорное место в середине бухты. Земля вокруг вздымалась крутыми склонами, прорезанными ущельями и долинами. Сквозь покров яркой тропической растительности тут и там мелькали горные потоки.

Уже и тогда некоторые острова Южного океана под сильным влиянием европейцев и американцев утеряли большую часть той

новизны, дикости и неизведанности, что так впечатляли первых визитёров. Но Нуку-Хива, несмотря на частые посещения китобойцами, жил своей собственной жизнью, и население его являло картину несколько поблекшую, но довольно верную, прославленную рассказами первооткрывателей.

Население острова, «канаки», делилось на племена, каждое из которых обитало в своей долине и имело своего вождя. Они благоденствовали как бы под протекторатом навязанного французского губернатора, небольшого гарнизона и охранного судна, но фактически такие же свободные и независимые, как и прежде. Ранее они были известны как каннибалы, нельзя отрицать, что до прихода французов преступников и военных съедали в большие праздники, но ошибкой будет сделать на основании этого вывод, что это народ кровожадный и жестокий. Напротив, кто их знал, уверяют, что они в общении мягки и доброжелательны, однако долг гостеприимства они сочетают с добросовестным возмездием всякому, кто их обидит. Так, немало известно примеров, как беглые матросы подолгу жили среди них и не были выданы капитанам, несмотря на то, что туземцам сулили за то большие награды. Но если такой гость совершал насилие по отношению к тем, кто дал ему убежище, или измену, или предательство, он переставал быть гостем и расплачивался за обманутое гостеприимство.

Подобный случай был свеж в памяти, когда мы стояли у острова. Кадет с чилийского корабля влюбился в канакскую девушку, дочь вождя одной из отдалённых долин. Он сбежал со своего корабля и поселился у туземцев, которые проявили к нему величайшую доброту и почтение, как к зятю вождя. Но несколько лет спустя красавица нашла более привлекательным одного из соплеменников, нежели чужака, и чилиец из ревности убил соперника. Убийство соплеменника, какова бы ни была причина, считается одним из тяжчайших преступлений, и чилиец был приговорён, казнён, изжарен и съеден.

Попытки обращения в христианство, предпринимавшиеся на протяжении лет миссионерами, преимущественно французскими, приносили редкие плоды, а причиной тому были, скорее, именно христиане. Ведь кто посещал острова? По большей части китобойцы, а этот матросский люд не так уж щедро наделён качествами, за которые стоит уважать или доверять религиозному сообществу, которому они принадлежат. Но надо, однако, также признать, что канакская нелюбовь ко всякому серьёзному и, по их мнению, утомительному размышлению делает их крайне маловосприимчивыми

к любым высокодуховным влияниям. Они слушали слова проповедника как новеллу, которая занимала их настолько долго, насколько была нова и увлекательна, они пели гимны с большим пылом, потому что в них продолжалась их врожденная музыкальность. Но, несомненно, они воспринимали религию в большей степени как новое развлечение, как занятную игру, нежели жизненное учение, на которое должно опираться духовное развитие.

Миссионеры пытались внедрить концепцию супружеской верности и приучить женщин носить длинное одеяние в свободную складку, без лифа, с длинными рукавами и застегивающееся на шее. Местные женщины всегда кутались в свои балахоны, когда оказывались вблизи мест обитания европейцев, но первое, что они делали по пути домой, — раздевались, отмывались тщательно в холодном горном ручье и отдыхали голышом под сенью деревьев. Эти постоянные перегревы и ледяные ванны приводили к болезням груди, прежде неизвестным на островах Южного океана; с болезнями молочных желёз пришли и другие недуги, занесённые европейцами и американцами, и население, прежде такое сильное и здоровое, стало чахнуть и уменьшаться катастрофически.

Полинезийцы, и особенно жители Нуку-Хивы, в своё время славились редкостной красотой, и в это легко верится, хотя теперь они были уже не те красавцы, какими слыли. Даже спустя годы после открытия островов Южного океана попасть туда было можно, только проделав долгий и трудный путь. Мужчины, прошедшие долгое время в море, не видя ни одной женщины, вдруг оказывались у благодатных берегов, чьи дружелюбные обитатели так славно вписываются в окружающий ландшафт. Гостей не смущал тот факт, что лица островитян плосковаты, а губы полноваты, всё затмевало восхищение большими, тёмными, мечтательными глазами и ровными, блестящими белыми зубами; они не замечали косолапистых ступней при виде высокой груди, красивых плеч и изящных рук. Они смотрели на туземцев иным взором, не тем, что вы смотрите друг на друга в обычной сухопутной жизни. Признаться, и мы, кто прибыл на острова много проще и быстрее, нежели это удавалось первопроходцам, даже и мы должны были признать, что те дилеммы не были незаслуженными.

Мужчины были рослые, точёно-стройные, с рельефной мускулатурой, и лица их были бы привлекательны, вот только татуировки в стиле барокко и обычай связывать длинные волосы над головой в пучок наподобие плюмажа производили впечатление дикое и обескураживающее. Мужской костюм не претерпел перемен; по-прежнему

он состоял из куска тёмной материи, обёрнутой вокруг чресл. Ранговая внутриплеменная иерархия выражалась, как и у французских матросов, о чём я уже упоминал, в их татуировках. Чем богаче, гуще и тоньше нанесены на кожу рисунки, изящные завитки которых расплзались по телу, переливаясь всеми оттенками от красного до синего, тем выше его или её положение в племени.

Фрегат «Форт» пришёл на остров примерно за неделю до «Эвридики», и сразу все вожди острова были созваны в гавань для переговоров с представителем французского протектората и для выбора верховного вождя, вроде короля, которому вожди всех племён должны будут подчиняться. Ко времени нашего прибытия почти все эти великие мужи уже разошлись, и мне удалось увидеть только одного вождя, но зато из самых воинственных. Любезные офицеры морской станции отвели меня к домику, предоставленному в распоряжение этого высокочтимого господина. Мой провожатый, говоривший на местном языке с достаточной лёгкостью, подошёл к двери и попросил вождя выйти, чтобы познакомиться с «молодым наследником вождя из страны, которая лежит отсюда дальше всех стран, жителей которых он когда-либо видел». (В оригинале красочное слово: «молодой Ундер-хёвдинг». — *П. К.*)

Вождь согласился и вышел за ним на дорогу, где ожидал я. Выглядел он как гордый Карл (*stolt Karl*. — предположительно, средневековый исторический персонаж. — *П. К.*): высокорослый, широкоплечий с прекрасно точёными конечностями. Я приветствовал его местным выражением «Йоранна!», и он ответил еле заметным величественным кивком. Я тогда попросил француза сказать ему, что я вообразить себе не мог такого великолепного телоукрашения, как его татуировки. Услышав эти слова, он спокойно и с достоинством снял с себя набедренную повязку и повернулся ко мне спиной, чтобы я лучше мог разглядеть знаки власти на татуированных ягодицах, я разглядел и воскликнул, чуть не плача: «Я никогда не видел ничего подобного!» Хотя он вряд ли понял мои слова, но понял по интонации, что ему выражена высокая степень восхищения и обернулся с несомненным удовлетворением. Используя немногие знакомые ему французские слова, он сказал: «Моя Балшой Шеф!» («*Moi Grand Chef!*». — *П. К.*), — после чего удалился. Нашим европейским камергерам куда проще получить титул и регалии, в сравнении с долгим и болезненным процессом татуировки достоинства вождя. («Балшого Шефа» упоминает и англичанин Дж. Н. Дик, указывая, что он всегда полупьян и зовётся «Луи». — *П. К.*)

Женские татуировки не столь густы и обширны, как мужские, им татуируется правая рука, плечо, иногда верхняя губа и веки, дочерям вождей также бёдра, но всё светло-голубым цветом.

Все туземные дома были однотипны, отличались только по размеру. Каждый дом построен на фундаменте в рост человека, сложенном из каменных валунов. Задняя стена глухая, от конька до фундамента, спереди низкая стена из бамбука, в ней сделана входная дверь. Длинной дом, или хижина, примерно шести локтей, шириной больше в два-три раза, высотой в половину фундамента. Внутри дом напоминал грузовой трюм, половину пространства занимали два вороха кокосового волокна, в расстоянии шесть футов один от другого, увязанных в маты, служившие и креслом, и диваном, и кроватью. Домашняя утварь состояла из кокосовых скорлуп и глиняной посуды, не считая большой бамбуковой трубы, наполненной водой; вдобавок тут и там несколько копий и дубинок.

В каждой хижине проживало человек шестнадцать — двадцать обоего пола. В отношении детей есть любопытный обычай: матери отдают новорождённых детей друзьям в другую хижину в подарок, на радость другим детишкам, так что родственные связи вряд ли поддаются учёту. Детей знакомят друг с дружкой с возраста трёх месяцев, и вполне обычно возраст брачных отношений для девушек начинается с десяти-двенадцати лет.

Офицеры «Форта», рассказывая о визите на совет вождей, особо вспоминали о том, как те возжелали заполучить головной убор, очень им понравившийся. Объектом их домогательства стал корабельный комиссар, который носил крепкую и ладную соломенную шляпу красивого плетения, вроде всем известной панамы. (Комиссар на корабле — ответственный за материально-хозяйственную часть. — *П. К.*) Ему предлагали в обмен копьё и дубинки, но он расставаться с драгоценной шляпой не желал и потому объявил — в надежде избавиться от приставаний, — что шляпу у него получит только тот, кто отдаст ему свою жену. Это был правильный народ, они помедлили только мгновение, после чего послали за своими прекрасными половинами, чьи особые достоинства каждый старался подчеркнуть на своём непонятном языке. Положение было дурацкое, но комиссар выкрутился: сказал им через переводчика, что жёны их так прекрасны, что он не может из них выбрать. На этом торг кончился, однако с того дня вожди посматривали на него с некоторым презрением.

Французские корабли сменялись на станции каждые пять месяцев и за это время успевали обвыкнуться на острове. Неподальёку

стоял большой, красивый дом губернатора, вполне просторный и удобный, чтобы в нём могли разместиться лейтенанты, когда желали остаться на берегу, но они предпочитали селиться на живописном холме, на краю небольшой расселины, откуда можно было держать в виду весь залив. Здесь они построили несколько домиков на две-три комнаты, окружённых садом. Этот небольшой, почти идиллический посёлок наследовался экипажем от экипажа. При каждом домике состоял слуга, который следил за ним так долго, насколько хватало молодости и сил. Служба моряков была не только корабельно-сторожевая, поэтому несколько офицеров всегда можно было найти на этой их «даче», где они вели жизнь совершенно праздную, облачившись в холстяные штаны, рубахи и парусиновую обувь. Слуга всегда сидел у дверей дома и приносил господину всё, в чём тот нуждался. Если пожалуют гости и пожелают апельсинов или плодов гуавы, тут же слуга по первому намёку мчался в ближайший лес; а если пожелают принять ванну, рядом протекал быстрый, жемчужный ручей, где юные канакские девушки плескались игриво, как русалки, указывая лучшие места, где можно нырнуть.

Язык, на котором туземцы с нами общались, был смешной мешаниной из английских и французских моряцких выражений и словечек, которым их научили китобойцы. С полной невинностью они сыпали грязными ругательствами, желая выразить самые добрые мысли, но даже когда во фразе не было неприличных слов, ясно чувствовалось, что учителями языков были именно моряки. Вспоминаю, как один из «домашних» офицеров остановил красивую девушку, дочь вождя одной из ближних долин, и попросил показать нам, как хорошо она плавает. Она ответила, что не имеет излишка времени, поскольку спешит в горы, и выразила это в следующих словах: «*Moi pas avoir damned moment, moi pull away pour la montagne!*» («Меня отнюдь иметь чёртов момент, меня отчаливай в горы!» — франц., англ. — *П. К.*)

Как и у всех нецивилизованных народов, у канаков была своя религия с послежизнью. Они понимали смерть как переход в иное существование, как путешествие к другому, далёкому острову, ещё более чудесному, чем их собственный, и отправлялись они туда с большим спокойствием. Более того, родственники ускоряли этот момент, когда после прощального ужина запикивали умирающему в рот и в нос растительное волокно, «чтобы душа не сбежала». Умершего подвешивали в смертной пироге — лодочке из долблёного ствола — под навес, и по мере разложения смазывали его

живот пальмовым маслом, в результате тело постепенно усыхало и превращалось в своего рода мумию.

Несколько лет спустя я увидел в дебрях северо-восточного побережья Азии высушенное тело, подвешенное и обработанное почти таким же способом.

По нашем прибытии в Нуку-Хиву наш командир, конечно, отправился доложить французскому адмиралу, и когда вернулся на борт, то вызвал меня и Анкаркрону. Адмирал велел ему сообщить нам, что, как ему известно, Швеция и Дания объявили себя нейтральными, и что он, следовательно, не может позволить нам оставаться на корабле, назначенном к военным операциям, если мы получили какое-либо официальное уведомление или приказ от наших правительств. Адмирал добавил, что такое официальное письмо должно быть, по крайней мере, у одного из нас, поскольку он видел его среди почты, которую пересылал на «Эвридику» из Кальяо. Анкаркроне, волей-неволей, теперь пришлось идти к шефу на исповедь и объяснять своё молчание, ссылаясь на шефовы слова, сказанные мне в Вальпараисо. Шеф выслушал его с доброжелательной улыбкой и сказал, что это не сам он, а адмирал велел, чтобы Анкаркрона завтра предоставил перевод полученного письма. Что до меня, то я, конечно, волен оставить корабль. По мнению адмирала, это было бы даже правильнее, потому что, если я окажусь в плену, то не смогу даже считаться представителем воюющей стороны. Это существенный момент, заметил шеф и предложил мне обдумать всё как следует и принять взвешенное решение. Вечером я пошёл к нему и сказал, что моё решение то же, что было в Вальпараисо; разница только в том, что там я мог немедленно отправиться домой, а здесь мне пришлось бы ждать больше месяца отправки на Таити, где ещё неизвестно когда будет оказия до Южной Америки, а оттуда уже домой. Если он, мой командир, в Вальпараисо счёл возможным оставить меня, сказав только, что отпустит меня, если я буду настаивать, то он и теперь не должен отказать мне, если я попрошу ходатайствовать у адмирала позволения мне остаться на «Эвридике», поскольку я не получал никакого приказа, ни даже личного письма, где бы мне указывалось на различие между кораблями, которые участвуют и которые не участвуют в военных операциях.

Шеф мой настрой поддержал и на следующий день известил меня, что адмирал после некоторого упирательства согласился, чтобы я на свой страх и риск остался на корвете. Когда же я явился на фрегат к адмиралу, чтобы поблагодарить его за позволение, он уже

сожалел, что дал его, и всячески пытался склонить меня к тому, чтобы я им не воспользовался. Он обещал мне самые заманчивые рекомендации к губернатору Таити, куда он был готов отправить меня с первым же кораблём, но, поскольку я стоял на своём, он заявил, что если каким-либо путём из Дании придёт приказ о моём отзыве, он сочтёт своим долгом списать меня с «Эвридики». Но в последующие месяцы никакого приказа не поступило, и я, таким образом, достиг желаемого.

Однако Анкаркрона, которому приказом из дома запрещалось служить на корабле, ведущем военные действия, был переведён на сторожевое судно, которое позже отправилось на Таити. Там он поступил на корвет, назначенный в Новую Каледонию. Тот корвет разбился на рифах в западной части Южного океана, а его экипажу выпали тяжкие страдания и лишения. Лишь через год он смог добраться до Европы.

Вступление в войну. Французы и англичане, как упоминалось выше, не смогли договориться, следует ли что-то предпринять против русского фрегата «Аврора», который пришёл в Кальяо в то время как ожидался манифест о начале войны. Он ушёл в море беспрепятственно, ни один из союзных кораблей не отправился следом, и эта первая ошибка, жестоко обернувшаяся, вряд ли подкрепляет уверенность в находчивости и предприимчивости союзников. Не проявилось их и дальше. Много утекло драгоценного времени, пока сначала корабли собирались в Нуку-Хиве, южнее экватора, затем почти неделю ждали французского парохода, который должен был прийти с Таити, но так и не пришёл по причине поломки машины (пароход назывался «Prony». — *П. К.*). Наконец, в начале июля покинули Нуку-Хиву и пошли на Сандвичевы острова, где стало известно, что «Аврора» и русский вооружённый транспорт на островах показывались, но давно, получили известие о начале войны и снова исчезли. (Карстенсен ошибается: в Гонолулу дважды заходил фрегат «Диана», в ожидании «Авроры», но сама «Аврора» миновала Гавайи, не заходя. — *П. К.*) Здесь мы дожидались английского военного корабля, фрегата «Пик», направленного из Европы в подкрепление, и только через несколько дней после его подхода мы двинулись дальше, осознавая, что потеряли ещё неделю. Куда мы идём, оставалось военной тайной, которую, однако, выдавал компас, поскольку несколько дней эскадра следовала прямо на север, а адмиралы каждый день живо обменивались сигналами тайным кодом.

На пятый день мы встретили голландский трёхмачтовик, шедший из Китая в Сан-Франциско. Командующий эскадрой расспросил капитана, и полученные сведения, по-видимому, привели к следующему решению. Один английский тяжёлый корвет («Амфитрита») и один французский («Артемисия») направятся к русским владениям на западном побережье Северной Америки, в то время как основные силы пойдут на запад, к Петропавловску-на-Камчатке.

Силы, шедшие теперь к восточным берегам Сибири, составляли французские корабли: фрегат «Форт», 60 пушек, тяжёлый корвет «Эвридика» (28) и бриг «Облигадо» (16); английские: фрегаты «Президент» (50), «Пик» (40) и колёсный пароход «Вираго», 8 пушек.

Английский адмирал Прайс, как старший в звании (то есть раньше вышедший в контр-адмиралы. — П. К.), был главнокомандующим. В скором времени ему суждено было потерять командование самым трагическим образом. Впрочем, власть его была ограничена теми действиями, которые он и французский адмирал заранее согласовали, то есть французские корабли были ему формально подчинены, но фактически он не мог ими распоряжаться иным образом или с иными намерениями, чем то было согласовано ранее. Если бы старшим в звании был французский адмирал, несомненно, его власть над английскими кораблями была бы таким же образом ограничена. Результат этого навязанного соглашения был тот, что командующий не мог вмешиваться в действия, за исключением непредвиденного стечения обстоятельств, вызывающего необходимость отклониться от согласованного плана.

Английский адмирал, как кажется, придерживался соглашения очень добросовестно, и всякий раз, когда на пути в Петропавловск нас останавливал штиль, он приходил на флагман французского адмирала, который был прикован к постели, и они подолгу вели конфиденциальные беседы.

По мере удаления от полосы пассатов погода становилась всё более беспокойной, туман и дождь напоминали нам, что мы очень просто можем потерять друг друга из виду, и мы назначили точку недалеко от входа в Петропавловск, чтобы те из нас, кто отстанет от эскадры, там бы всех и искали. Такая точка называется «рандеву», и вскоре надобность в ней стала реальной, когда, ещё задолго до цели, нас на три дня накрыл такой туман, что с одного конца корабля другой конец уже не был виден. Поначалу мы продолжали держаться вместе, обозначая себя звуками, такими как удары в колокол, ружейная и пушечная пальба, но потом туман разорвал и эту связь, и каждый корабль держал свой путь к рандеву, не

теряя надежды найти спутников, зорко высматривая в волнах какие-либо плавучие предметы, начиная от пустых бочек и ящиков и кончая капустными листьями и куриными перьями, чтобы определиться, опережают они или отстают. Когда мы достигли места встречи, видимость была великолепная, но, сколько бы мы ни вглядывались в горизонт, не видели ни паруса, и только два дня спустя подоспели остальные корабли. Ни один из них в своём самостоятельном плавании не видел неприятельского паруса. (На самом деле все корабли шли вместе, отбилась от эскадры только «Эвридика». — П. К.)

Настроение во время нашего плавания от Сандвичевых островов было весьма невесёлым. Все французские офицеры сходились во мнении, что можно бы и не создавать себе трудностей и не пускаться в поход в неблагоприятное, холодное, бурное и сырое время целой эскадрой, когда и так ясно, что русские не могут угрожать в море превосходящим силам, которыми располагали союзники, и когда почти смешной казалась идея собрать вместе столько кораблей, чтобы расстрелять в щепки маленький город на восточном побережье Камчатки. Мы имели описание Петропавловска, сделанное при посещении его французским военным кораблём чуть не два десятка лет назад, и план города, согласно которому укреплён он был очень слабо. (Описание города от А. О. Дюпти-Туара, фрегат «Venus»; план на карте Ф. У. Бичи. — П. К.) Я же придерживался мнения, что нельзя основываться на устаревших данных, тем более что благодаря «Авроре», с её большим опережением, они имели время поправить слабость обороны. Большинство, естественно, набросились на меня, приправляя нападки выражениями в том смысле, что у меня, мол, странные симпатии к «московитским варварам». Я заметил, что, однако, эти московиты пошатнули владычество великого Наполеона, после чего тон разговора, доселе полушутливого, посерьёзnel, и меня спросили, действительно ли я питаю дружеские чувства к русским? На это я ответил, что симпатизирую любому народу, который, подвергшись нападению в собственном доме, доказывает, что способен защитить свой очаг. Русские доказали это Наполеону, а французы в своё время доказали англичанам, что не помешало французам и англичанам ныне быть союзниками; а я, в меру своей квалификации, буду служить их общему делу. Мой ответ был принят положительно, однако увёл разговор к щекотливым вопросам альянса. (Хорошо Карстенсену быть дальновидным много лет спустя. — П. К.)

Во французском флоте не было особой симпатии к англичанам, матросы часто распевали песню: «Нет, нет! Никогда британцы не должны входить во Францию!», — и продолжали распевать, не смотря на альянс, пока не получили прямой запрет. Офицеры были неплохо подкованы в военной истории Франции и болезненно вспоминали поражения от англичан. Их неприязнь в значительной мере подпитывалась книгой, имевшейся почти на каждом корабле, описывавшей страдания французских пленных в английских понтонах (плавучих тюрьмах). «Les pontons Anglais» — это название звучало сигналом, всегда вызывавшим проклятия в адрес англичан, хотя гнусность там, однако, ограничивалась тем, что они обращались с пленными по системе, которую французы называют автономией. Они ставили часовых с заряженными ружьями на вышках, возведённых вокруг понтонов, и таким образом, собственно, позволяли французским пленным самим управлять собой. Каждый день им доставлялась доброкачественная и здоровая пища в количестве, достаточном для всего контингента, получали её люди, выбранные самими пленными, и в каждом понтоне, таким образом, складывалась небольшая республика, вступали в права революционные принципы распределения, не только продовольствия, но и одежды. А результат был тот, что самые грубые, безжалостные и необузданные, самые сильные превращались в монархов, захватывавших львиную долю продуктов и других жизненно необходимых вещей, а другие боролись за то, что останется. Похоже, никто и не пытался внести какой-то порядок в это пленническое сосуществование. Каждый заботился о себе и думал только о себе в этом существовании, недовольство было праздным и выливалось только в нытьё, а устремления сводились к тому, чтобы уберечься от вреда и насилия со стороны своих же собратьев по несчастью. Картины, изображённые в этой Книге Ненависти, не были выдумкой, правда сквозила в каждой строке, и многое действительно было ужасно, — но правильно ли винить англичан? В какой-то степени можно допустить, что в том и состоял «дьявольский замысел» англичан, чтобы протестировать на французских военнопленных теорию республиканской свободы и доказать её беспомощность, ибо такие условия порождают карикатуру на свободу — самую отвратительную тиранию, но трудно поверить, чтобы англичане могли предвидеть, к чему их затея приведёт. Как бы то ни было, но факт тот, что ненависть к союзникам глубоко засела в душах немалого числа французов и упрямо прорывалась наружу всё то время, что я провёл в союзной эскадре.

Атака Петропавловска. Когда эскадра снова была в сборе, мы направились к земле высоких холмов с заснеженными пиками, которые окружают Авачинскую бухту, длинную и широкую, с узким входом — в этой бухте и расположен Петропавловск. Эскадра осталась неподалёку от входа, и адмиралы в сопровождении своих штабов и командиров кораблей отправились на английском пароходе «Вираго» разведать позиции. (Во время плавания «Вираго» шёл на буксире за быстроходным «Президентом», поскольку уголь следовало беречь, а под парусами пароход медлителен.)

Через несколько часов «Вираго» воротился, и когда наш командир вернулся на борт, выражение его лица было сдержанным, даже серьёзнее обычного. Он увидел, что Петропавловск укреплён сильнее худших ожиданий.

Вход в Авачинскую бухту направлен примерно на запад, шириной он около полумили, а протяжённостью около полутора. (Карстенсен имеет в виду ширину судоходного фарватера. — *П. К.*) Пройдя ворота, надо держать к северу. Берег идёт в направлении норд-норд-вест, и от него выдаётся к западу небольшая загогулина — поросший лесом хребет, который вытягивается с севера на юг, имеет голые обрывы и переходит в узкий лесистый полуостров, резко обрывающийся мысом Шахова. (Мыс Сигнальный. — *П. К.*) Этот мыс и противоположащий к востоку материковый берег образуют вход в губу, в северо-восточном углу которой расположен Петропавловск. Низкая песчаная полоска суши простирается от восточного берега в губу к перешейку между двумя лесистыми хребтами и являет собой прекрасный естественный волнорез для не очень большой гавани.

Укрепления как бы делились на две части. Первая, основная, защищала подходы к порту и сам порт. Оборонительные сооружения были построены следующие: трёхпушечная батарея на восточном берегу прямо у входа в губу, одиннадцатипушечная на низкой песчаной косе. Далее, напротив первой — пятипушечная батарея, простреливающая южное и юго-восточное направления, в уступе мыса Шахова, чуть дальше на восточной стороне этого полуострова чуть к наружи от входа в гавань, — батарея из десяти пушек, обращённая на восток. Итого: первые три, а затем одиннадцать пушек на правом берегу, напротив них пять и десять пушек на левом берегу входа в гавань, а, кроме того, фрегат «Аврора» и транспорт «Двина», вооружённым бортом против входа, стояли сразу за песчаной косой, закрывавшей их ватерлинии. Два корабля в общей сложности имели 27 орудий на одном борту, так что

всего 56 орудий защищали подход к гавани. В то же время на восточном берегу гавани располагалась батарея из пяти пушек, которые держали под прицелом её устье. (Громоздкими формулировками и повторами Карстенсен создаёт впечатление множества пушек; кроме того, «батарея из десяти пушек, обращенная на восток», была фантазией союзников, не существовавшей в действительности. — П. К.)

Вторая часть укреплений имела целью предотвратить высадку, если агрессор обойдёт с запада полуостров Шахова и примыкающий к нему севернее хребет, чтобы атаковать город с севера, либо захочет проникнуть через перешеек между двумя лесистыми хребтами. Поэтому на перешейке была размещена батарея на шесть пушек, обращённая к западу, а там, где от западного пляжа в город ведёт дорога, огибая хребты с севера, построена закрытая батарея из пяти орудий, и ещё одна такая же батарея на северном отроге хребта прикрывала указанную дорогу.

Если четыре батареи и два корабля смогут оборонять вход в гавань, действуя одновременно, то атака морской силой, вооружённой в общей сложности сотней пушек, была бы безрассудным риском, поскольку мы знаем, что пушки за земляным бруствером имеют больше шансов на успех, чем корабельные орудия, закрытые лишь деревянным бортом корабля. Но особенности берега давали нападающим то преимущество, что они могли подступаться к батареям поочерёдно. Заняв позицию к юго-западу от батареи мыса Шахова на расстоянии достаточно близком, корабли будут закрыты мысом от огня длинной батареи на песчаной косе, и придётся иметь дело только с пятипушечной батареей мыса и трёхпушечной на материке с востока, для начала. Далее, перейдя чуть восточнее, можно вступить в борьбу с вышеупомянутой батареей на песчаной косе, затем с «Двиной» и, в большей или меньшей мере, с «Авророй», без угрозы от мощной батареи, расположенной на восточной стороне мыса Шахова. Таким образом, поединок с этой десятипушечной батареей был бы отложен до подавления других батарей, если их вообще удастся подавить.

Что касается обороны города с запада, хотя там стояло только две батареи, но размещены они были очень хорошо, и огонь их замечательно перекрещивался, а с севера густо поросший лесом хребет создавал прекрасную защиту для города, и я бы даже не рассматривал возможность десантной атаки против народа, чей опыт в сухопутной войне общеизвестен.

О десанте только с востока речи не было, поскольку местность создавала тому множество препятствий, а также угрожала огнём внутренней батареи мыса Шахова.

К началу войны Петропавловск был слабо укреплён, но русские предвидели, что союзнический флот Южного океана непременно захочет проведать такой опасный внешний порт, вот почему сюда были посланы «Аврора» и «Двина» с большим количеством орудий и припасов и в невероятно короткое время были созданы все укрепления.

Впечатление от разведки позиций было таково, что атака будет почти рискованной, но после обсуждений было решено, однако, предпринять попытку, и на следующий день, 29 августа, эскадра во главе с «Вираго» с попутным ветром вошла в бухту; подошла к городу на расстояние морской мили (Карстенсен использует здесь слово *Kvartmiil* — четверть датской мили, что примерно соответствует морской миле. — *П. К.*) и стала на якорь к юго-западу от него, вне досягаемости обстрела. Несколько бомб, посланных с «Вираго» и ближнего к нему корабля, вызвали ответный «салют» с батареей, выдававший их расположение. В течение ночи мы тревожили неприятеля выстрелами и сигналами, а ранним утром спустили шлюпки для промеров, в то время как «Вираго» вышел из бухты, чтобы проверить, нет ли на подходе неприятельских судов. (Русский мичман Н. А. Фесун подтверждает: «Всю ночь неприятель приготовлялся к какому-то движению, жёл множество огней, фальшфейеров, спускал ракеты, шлюпки ходили от корабля к кораблю, делали промер, так что мы были не совсем спокойны и несколько раз становились по орудиям». А капитан 1-го ранга А. П. Арбузов дополняет, что с кораблей доносился стук, который он расценил как плотницкие работы на фрегате «Президент» и приписал успеху русских пушек. — *П. К.*) Затем на военном совете адмиралов и командиров кораблей было согласовано, что атака должна иметь целью уничтожение или захват находящихся в гавани кораблей и что, следовательно, первой задачей будет привести к молчанию внешние батареи.

План в целом был принят, всё было готово для атаки, и «Вираго», взяв на буксир «Президент», начал движение вперёд, но внезапно получил команду голосом и сигнал остановиться. Между кораблями засновали шлюпки. Сначала было объявлено, что адмирал Прайс, заряжая свои пистолеты, смертельно ранил себя, но вскоре стала известна вся правда, а именно: адмирал, едва отдав приказ сниматься с якоря, зашёл в свою каюту; следом послышался выстрел,

и когда к нему вбежали, нашли его лежащим без сознания, с пулей в сердце. Прежде чем испустить последний выдох, он на некоторое время пришёл в сознание и сказал, что сожалеет о том, что сделал в приступе слабости.

Покойный в молодости отличился в деле в Мексике, и всё ещё был крепок и ясен умом, и всё же он, дрогнув перед возможными последствиями рискованного предприятия, лишил себя жизни. Французский адмирал, принявший теперь формальное главнокомандование, был младше своего предшественника годами, но старше физически, измождённый злой лихорадкой в тропических странах, апатичен по причине болезней, коими страдал и кои вскорости привели к его смерти; он с трудом мог держаться на ногах.

Он был проникнут благой волей и не жалел ни себя, ни своего корабля, но ему не хватило авторитета и сил, чтобы превозмочь холодность, выказанную его союзниками, каковая могла объясняться только тем, что они, влекомые необъяснимым патриотизмом, не желали, чтобы план, в котором отчаялся их собственный адмирал, удался под рукой французского главнокомандующего.

Атака была отложена на следующий день, согласованный план остался в силе, с тем дополнением, что трёхпушечная батарея близ устья губы, которую следовало обезвредить как можно быстрее, будет взята в штыки.

Сражение началось на рассвете 31 августа. Десантная партия из 120 человек английских морских пехотинцев и французских матросов погрузилась на «Вираго», который одним бортом взял на буксир «Президент», другим бортом «Форт», кормой «Пик» и привёл их на позицию против мыса Шахова. Здесь первые два фрегата стали таким образом, чтобы иметь возможность одновременно обстреливать батарею мыса и часть батареи на песчаной косе, в то время как «Пик» был поставлен восточнее, чтобы сражаться против маленькой трёхпушечной батареи в устье губы, прикрывая с фланга «Вираго» во время высадки вышеупомянутого десанта. Десант овладел трёхпушечной батареей без боя и, под обстрелом с «Авроры», сбросил одну пушку в воду и вывел из строя две других. Ввиду того, что к трёхпушечной батарее тут же устремился отряд из города, десантная партия отступила к шлюпкам и без потерь вернулась на «Вираго».

Батарея мыса, расположение которой в уступе склона было очень неудачно, поскольку бомбы взрывали стену вплотную позади пушек, была после короткого сопротивления оставлена защитниками, и на том первая часть атаки завершилась счастливо для нас

рано утром, с очень незначительными повреждениями и людскими потерями. «Эвридика» и «Облигадо», которые должны были войти в бой под парусами, почти не имели ветра, и в итоге, к тому времени как они смогли присоединиться к адмиралу, сражение уже окончилось. (По другим сведениям, «Эвридика» и «Облигадо» и не имели приказа вступать в бой. — П. К.) После обеденной передышки атака продолжилась. «Форт» должен был стать восточнее от своей изначальной позиции, так, чтобы из-за мыса открылась «Двина» и корма «Авроры», при этом он и сам оказывался настолько близко к этим кораблям и батарее на песчаной косе, что становился хорошей мишенью; «Пику» назначалась позиция западнее «Форты», с которой он мог обстреливать только выше-названную батарею, а «Президент» был готов немедленно включиться в бой по приказу, в то время как «Эвридика» должна была атаковать батарею мыса в случае, если та снова заговорит.

«Форт», который мог идти на позицию только под парусом (поскольку «Вилаго» был вынужден ремонтировать пробоину ниже ватерлинии, полученную в первой атаке), занял позицию несколько западнее, чем было согласовано, и это дало возможность «Пику» не двигаться с места, его капитан заявил, что «Форт» занял его место. В противоположность этому, «Президент» после повторных просьб французского адмирала встал рядом с «Фортом», восточнее. Наш главный противник, пресловутая батарея на косе, которая была уже серьёзно повреждена к времени подхода «Президента», перестала стрелять спустя полчаса. Из-за слишком западной позиции обоих фрегатов неприятельские корабли обстрелу были недоступны.

Таким образом, и вторая часть задачи была частично решена, и никто из нас не сомневался, что пора приступать к атаке на корабли, но адмирал, подзвав «Вилаго», потребовал чтобы тот отбуксировал корабли обратно, и дал эскадре приказ стать на якорь вне зоны огня.

Трудно с определённостью сказать, почему французский адмирал отказался продолжать атаку, начало которой было удачно сверх всяких ожиданий, когда 19 орудий было приведено к молчанию с незначительными потерями — один убитый, семеро раненых и несколько несущественных повреждений. Можно, однако, предположить, что его главным мотивом было странное поведение англичан во время последнего боя, когда они оставили «Форт» сражаться в одиночку и к тому же заявили, что не намерены подвергать рангоут своих кораблей жестокому огню наземных

батареи, если не получат на то письменного приказа. Такого приказа, не превышая своих полномочий, он дать не мог. Его раздражало упирательство, проявленное там, где полагалось быть содружеству, поэтому вряд ли можно удивляться, что он, при его болезненном состоянии, не решился принять на себя двойную ответственность, это понять нетрудно. И весь следующий день был посвящён обмену письмами и визитами, которые не привели ни к чему. (Карстенсен первый, кто предлагает внятные причины, почему французский адмирал отказался продолжать атаку. Всё, что сказано о поведении английских фрегатов, подтверждают и английские свидетели: «Президент» нарочито медлил прийти на помощь французскому флагману, а «Пик» и вовсе предпочёл остаться вне досягаемости русских пушек. — П. К.)

На следующий день «Вираго» направился на южную сторону бухты, чтобы похоронить британского адмирала и заодно поискать, может ли эскадра там набрать воды. Это свидетельствовало в пользу предположения, что дальнейшего штурма укреплений не будет (будь город взят, набрать воды проще было там, из ручья Поганки), и досада, этим вызванная, перешла во всеобщую горечь, вплоть до того, что команда одного из английских фрегатов направила депутацию к главнокомандующему с просьбой послать их в бой. Однако милейший командир «Вираго», вернувшись вечером, доставил дезертиров с американского китобойного судна, взятых на берегу, которые не только сообщили подробные сведения о местности вокруг Петропавловска, но и предложили себя в проводники на случай высадки. Это подвигло английского командующего предложить высадку. На другой день на военном совете был согласован план удара по городу с северо-запада, казавшийся элементарно простым, и подготовить его можно было за день. Высадку можно было начать, только приведя к молчанию две батареи, упомянутые ранее, но это не вызвало возражений со стороны англичан, хотя ранее они так упорно отказывались подставлять свой рангоут в перестрелке с батареями.

На рассвете следующего утра десантный корпус, состоящий из 130 британских морских пехотинцев, 220 матросов английских и 326 французских, отправился на борт неутомимого «Вираго». Люди с «Пика» и «Эвридики» восполнили экипажи других кораблей. (Перегасовки людей с корабля на корабль понадобились затем, чтобы лучшие пушкарки остались у пушек, а горячая молодёжь отправилась с ружьями на берег. — П. К.) Затем пароход взял «Форт» правым бортом, «Президент» — кормой, левым бортом —

флотилию гребных судов и потянул всё это к месту атаки, а «Облигадо» при слабом бризе пошёл под парусами. Едва «Вираго» с фрегатами приблизился к батарее перешейка между двух хребтов, та открыла огонь, и вскоре несколько снарядов угодило в «Форт». Тем временем «Президент» отдал буксир и стал на якорь против неё. Затем «Вираго» поставил «Форт» прямо против самой северной, закрытой батареи, и оба фрегата, чья быстрая и красивая стрельба вызвала всеобщее восхищение, привели своих оппонентов к молчанию; тогда «Вираго» высадил на берег десант.

Теперь, в соответствии с планом, отряд английской морской пехоты вместе с десантниками с «Форта» и «Эвридики» должны были пытаться захватить северный хребет, в то время как остальные силы — двумя отрядами штурмовать дорогу, ведущую севернее высоты, и взять в штыки батарею, преграждающую этот путь. Далее предполагалось снять с гребных судов орудия, чтобы использовать их как полевые и атаковать город при поддержке с моря. «Президент» силами абордажной партии, то есть отряда, предназначенного для захвата неприятельских кораблей, должен был произвести диверсию на перешеек, батарею которого он разрушил. (Автор использует французское слово «diversion» — то есть отвлекающее нападение с другой стороны. Фактически на Лаперузов перешеек никакая партия не высаживалась; орудия с гребных судов на берег также не выгружались. Перипетии самой высадки Карстенсен описывает с чужих слов, во многом неверно, поскольку сам в ней не участвовал. — П. К.)

Люди ринулись вперёд с диким рвением, что присуще французам, они отбросили неприятеля от подножия холма и штурмовали крутой склон. Силы, которые должны были атаковать по дороге и таким образом прикрыть головной корпус с левого фланга (в то время как правый фланг прикрывали корабли), вместо того последовали, будь то по ошибке проводников или в восторге момента, за основной силой в гору, где, увы, в высоких зарослях не нашли пути, указанного американцами. Люди разбрелись, и командир не имел возможности руководить ими. Поскольку видимость была не далее нескольких шагов, британских морских пехотинцев путали с русскими артиллеристами, и друзья падали один за другим. Русские, которым медленный подъём союзников дал время собраться, использовали такие преимущества, как знание местности и неспособность противника согласованно действовать: их противостояние было спокойнее и крепче. Недолгое время разрозненные союзники сражались на вершине холма, порой и холодным оружием,

но, окружённые со всех сторон и потеряв из виду командиров, в конце концов вынуждены были уступить более сильному противнику, воодушевлённому атакой, и вскоре окончательно отступили. Несчастье было в том, что люди, стремясь к морю, что виднелось из-за деревьев, взяли несколько другое направление, нежели то, каким взойшли на холм, и поэтому оказались там, где высота резко обрывается к берегу. Французы от зуавов знали, что, лёжа на спине и используя штык в качестве тормоза, можно соскользнуть невредимым вниз по крутому склону, но англичане больше скатывались, чем спускались, при том многие из них покалечились. (Зуавы — элитная французская пехота североафриканского происхождения, в Петропавловске отсутствовала, и каким образом мог быть усвоен её опыт, неясно. — *П. К.*) Русские послали отряд вокруг подножья холма, чтобы отрезать отступление, но командир «Эвридики», возглавлявший группу высадки, взяв в помощь молодого офицера и кадета, собрал людей за остатками батареи, разрушенной огнём «Форта», и остановил натиск русских, хотя взрыв пороховой мины рядом с батареей вызвал некоторые жертвы. (По сообщению французского врача Анри Геро, на батарее взорвался оставленный русскими пакет картузов (кокор?), на который наступил юный гардемарин с «Эвридики». Он получил ожоги, но остался жив. — *П. К.*) «Вираго» и «Облигадо» стояли недалеко от берега и гребня, с которого спускались последние люди, теснимые русскими. Таким образом удалось провести реамбаркацию (посадку на суда возвращающихся с берега десантников. — *П. К.*) в полном порядке, хотя и не без потерь, так как противник всё это время под прикрытием деревьев и кустов продолжал стрелять. Так закончилась эта плачевная попытка высадки, которая повлекла потери в числе почти двухсот погибших, раненых и пропавших без вести, из которых офицеров погибло четверо и ранено десять.

Причины трагедии, как все говорили, искать нужно, прежде всего, в особенностях местности, но и численное преобладание русских тоже нельзя не брать во внимание. Оборону столь удачной позиции держали около восьмисот человек, из которых триста — регулярное войско, немногим более трёхсот — матросы и двести — местное ополчение, среди которых много охотников на медведей, славящихся как отменные стрелки. Поэтому силы защитников были несколько выше, чем атакующих, а треть десанта составляли английские моряки, на чьё знакомство с сухопутными манёврами нечего было и рассчитывать. Сама попытка высадки может быть

приписана особому «настроению и состоянию», возникшему после самоубийства английского адмирала.

С другой стороны, насколько разительно мог бы отличаться результат в случае продолжения атаки гавани, вероятно, возможно судить, глядя на исход боя с двумя батареями. «Форт» и «Президент» имели лёгкие повреждения в корпусе и рангоуте, но все людские потери при подавлении пяти батарей общим числом в двадцать девять пушек свелись к шести убитым и девяти раненым. Следует также взять во внимание, что опыт Петропавловского дела — ещё не основание для общих выводов: не раз и прежде «сухопутники» одерживали верх над много превосходящими силами моряков; кроме того, почти все укрепления были построены в короткое время, и там находились «Аврора» и «Двина».

Русские проявили прозорливость и рвение, но не сумели преодолеть недостаток средств и времени. Пушки были хорошие, но защищены плохо, как нигде, и их действия выдавали недостаток подготовленных артиллеристов; короче говоря, в большинстве «огневые глотки» были в действительности далеко не так опасны, как может показаться на бумаге. Что касается русских, они, вероятно, чувствовали, что в большой степени успех подарен им ошибками атакующих, поэтому, когда союзники на следующий год вернулись с превосходящими силами, то нашли порт нараспашку и заброшенные избы в том месте, где потеряли так много сил и средств. Кают-компания (то есть офицерский состав) «Эвридики» понесла самые большие потери: адъютант командира, опытный Лефевр, упал, крича своим людям: «A la bayonnette!» («В штыки!»); мой способный ученик в английском, добрый Бурассе, застрелен при реамбаркации, и ещё два офицера — врач и кадет — были ранены более или менее серьёзно.

Не лишено интереса, что наш командир ещё в пути к Петропавловску несколько раз заявлял, что опасным моментом в лобной десантной операции, если попытка оказалась неудачной, является обратная посадка на суда, и потому он издал чёткие инструкции для обучения людей на случай, если им доведётся отступать таким образом.

Следующий день ушёл на то, чтобы похоронить погибших — там, где был уже погребён английский адмирал, — и чтобы набрать воды, поскольку в те времена на кораблях ещё не было дистилляторов. На другой день намечалось отплытие, но противные ветры

отплыть не позволили, и вместо того шёл обмен визитами между французскими и английскими кораблями. Общее горе, казалось, смягчило вражду между двумя нациями, но как только мы вышли в море, она пробудилась снова, и наши парижане и провансальцы, противники во всём, сходились в братском единодушии, когда было необходимо взвалить на англичан вину за неудачную экспедицию. О русских уже не говорили презрительно: мы обрели уважение к своему неприятелю. Что до меня лично, я бы хотел узнать русских в более близком знакомстве. (Как мы знаем, Карстенсену это удалось: в последующем он служил на русском корабле и освоил русский язык. — П. К.)

С Петропавловским сражением связано ещё одно воспоминание, которое я приведу. Союзнический рапорт о сражении был отправлен из Сан-Франциско, который в то время не был связан ни с Европой по подводным кабелям, ни железной дорогой с Нью-Йорком. Поэтому, пока наш рапорт добирался в Европу, русский рапорт о том же событии мчался через Сибирь, и оба сообщения достигли Копенгагена почти одновременно. Тогдашний министр иностранных дел, Блюме, в те дни, когда оба сообщения пришли, присутствовал на обеде короля с иностранными послами, а после обеда завязалась живая беседа между представителями воюющих стран о подробностях сражения, притом версии представителей сторон кое в чём расходились. Блюме, как он потом сам мне рассказывал, внимательно слушал, и когда спор стал накаляться, заметил, что несоответствие здесь только кажущееся, каждая версия основана на том, с какой стороны смотреть на сражение, и, таким образом, перевес в оружейной перестрелке был определённо на стороне союзников, тогда как русские, безусловно, одержали победу в сухопутной схватке. Послы были так поражены его словами, что один из них воскликнул: «Можно было бы подумать, что вы там присутствовали!» — «Некоторым образом это так: я ведь нейтрал, — ответил Блюме. — Несколько часов назад я прочёл сообщение одного из наших офицеров, который не успел получить приказ об отзыве и таким образом оказался свидетелем сражения». (Намёк на самого Карстенсена, сообщение от которого было самым объективным. — П. К.)

В море. В переходе в Сан-Франциско достойно упоминания лишь то, что, выйдя из Авачинской бухты, мы захватили два транспортных судна: одно совершенно новое, полноснастное (то есть трёхмачтовое), другое шхуна. (Трёхмачтовик назывался «Ситха»,

его англичане перегнали в Европу и продали; шхуна — «Анадырь», её обобрали и сожгли. — П. К.)

Когда паруса трёхмачтовика появились над горизонтом, союзники возликовали, что это может быть русский фрегат, но оказалось лишь не очень большое судно, в экипаже которого были финны, шведы и три датчанина. Взяли его британцы, которые оставили себе всех пленных моряков, а десяток русских пассажиров, в основном мелких купцов, передали на французский корабль.

Один из финнов, угодивший таким образом в плен, избавился от него довольно забавным образом. Он предложил свои услуги как марсовый и был расписан на мачту одного из фрегатов. Как-то вечером из тумана появился встречный парусник, корабли не успели отвернуть и сцепились снастями. Марсовых послали на мачты распутывать снасти и блоки. Под треск, стук и плеск падающих в воду обломков парусник вырвался и исчез в темноте. Когда затем собрали вахты на перекличку, не досчитались этого марсового. Сочли, что он упал за борт и утонул, и только много позже стало известно, что он перебрался с фрегата на чужое судно, которое шло в китайский порт; оттуда он после странствий и приключений вернулся на родину, где уже получили официальное извещение, что он, по всей вероятности, утонул.

Русские пассажиры, оказавшиеся у нас на «Эвридике», были настоящей находкой для нашего доктора, великого языковеда. (Вероятно, речь идёт о докторе Мишеле Рейно, который слыл полиглотом. — П. К.) Он тут же завёл с ними дружеские отношения и по несколько часов в день проводил в их компании с латинской Библией и с русской Библией в руках. При усердной жестикуляции он выяснял спряжение всех глаголов, какие нашлись в Библии, а также склонения существительных, и к тому времени, как мы достигли порта, он настолько продвинулся, что смог составить элементарную русскую грамматику, и по ней позже выучил одного из наших офицеров настолько, что тот потом много лет делал переводы с русских изданий для французского морского министерства...

От переводчика. Эта глава — не последняя в книге, но последняя, которую я перевёл. Меня интересовала дальнейшая судьба русских пленных, но больше о них Карстенсен не упоминает. И служба его на французском корвете подходила к концу. Так что у меня всё.

Г. Н. ТОКАРЕВ

ОПИСАНИЕ ПЛАВАНИЯ ФРЕГАТА «АВРОРА»

в 1853—1857 гг.

(извлечение)

Записки мичмана Токарева хранятся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота в двух копиях. Первая: ф. 315, оп. 1-1, ед. хр. 639 «Описание плавания фрегата “Аврора” 1853—1857 годов. Рукопись труда мичмана Токарева». Беловой экземпляр за его подписью. Копия выполнена профессиональными писарями; личная подпись «Мичман Токарев» даёт возможность датировать её не позже 1860 г., когда он был произведён в лейтенанты. Вторая: ф. 431, оп. 1, ед. хр. 920 «Рукопись статьи мичмана Токарева “Описание плавания фрегата «Аврора» в 1853—1857 гг.”». Эта копия машинописная — перепечатка с рукописи, сделана в 1914 г. для предполагавшейся публикации в «Морском сборнике». Публикация не состоялась, но текст нестрит корректурными значками: исправлены очевидные ошибки, архаизмы, добавлены сноски. Текст воспроизводится по машинописной копии; корректура «Морского сборника» принята частично. Многие морские термины редактор «Морского сборника», как морской офицер, не счёл нужным пояснить. К настоящей публикации материал подготовлен П. Л. Калмыковым.

Гавриил Николаевич Токарев (биографические сведения составлены П. Л. Калмыковым на основе «Общего морского списка»):

1835 г., июля 31. Родился.

1848 г., июля 17. Поступил в морской корпус пансионерным его высочества великого князя Константина Николаевича кадетом.

1852 г., августа 17. Произведён в гардемарины.

1853—1854 гг. На фрегате “Аврора” перешёл из Кронштадта к Петропавловску и участвовал в августе 1854 г. при отражении англо-французской эскадры от Петропавловского порта, за что был награждён знаком отличия Военного ордена.

1854 г., апреля 28. Произведён в мичмана.

1855 г. На том же фрегате перешёл из Петропавловска в реку Амур с материальным казённым имуществом порта. В мае в заливе Де-Кастри участвовал в отражении английской эскадры. С 24 августа по 18 сентября был в экспедиции у проводки американского барка “Палметто”. Награждён орденом Св. Станислава 3-й степени.

1856—1857 гг. На том же фрегате перешёл от устьев реки Амура в Кронштадт.

1858 г., сентября 23. Прикомандирован к инспекторскому департаменту морского министерства.

1859 г. Переведён в 23-й флотский экипаж.

1860 г., октября 17. Произведён в лейтенанты.

1860—1862 гг. На фрегате “Олег” перешёл из Кронштадта в Средиземное море, где поступил на фрегат “Генерал-Адмирал” и плавал по тамошним портам и в Архипелаге.

1862 г. Награждён орденом Св. Анны 3-й степени.

1863 г. На фрегате “Генерал-Адмирал” плавал в Балтийском море у Ливавы, потом к берегам Англии для сопровождения новопостроенного броненосца “Первенец” в Кронштадт.

1864 г. На броненосной башенной лодке “Броненосец” старшим офицером плавал между Петербургом и Кронштадтом.

1865 г. Награждён орденом Св. Станислава 2-й степени. На той же башенной лодке плавал в финляндских шхерах и в Балтийском море.

1866 г., апреля 7. Прикомандирован к инспекторскому департаменту.

1867 г., октября 21. Назначен в адъютанты того же департамента.

1868 г. Получил датский орден Данеброга.

1870 г., января 1. Произведён в капитан-лейтенанты. Награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с императорскою короною.

1871 г. Состоял членом комиссии по рассмотрению им же составленного проекта положения о довольствии команд морского ведомства по части обмундирования и амуниции.

1873 г. Награждён орденом Св. Анны 2-й степени.

1874 г. Состоял членом комиссии для рассмотрения проекта положения об управлении хозяйственною частью в экипажах.

1878 г., января 1. Произведён в капитаны 2-го ранга.

1880 г. Состоял членом комиссии по рассмотрению правил о формах одежды нижних чинов. За выслугу двадцати пяти лет в офицерских чинах награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

1882 г., августа 30. Произведён в капитаны 1-го ранга. Получил французский орден Почётного Легиона офицерского креста.

1882—1885 гг. Состоял членом комиссий: по пересмотру устава береговой службы для флота, по составлению правил о караулах и т. п.

1886 г., января 1. Назначен старшим адъютантом Главного морского штаба.

1889 г. Награждён орденом Св. Владимира 3-й степени, июня 18. Произведён в контр-адмиралы с увольнением от службы.

1891 г., сентября 13. Скончался.

В журнале «Морской сборник» в 1855 г. напечатана его статья «Подробности о кончине князя Максудова».

...Ещё могу сказать о Калао, что это отличный порт для забора провизии; в продолжение полутора недель, которые мы стояли здесь, мы успели налиться водою, что делается здесь весьма удобно посредством наливного бота, запаслись провизией на шесть месяцев, приняли двух быков, баранов и другую живность, всё за довольно сходные цены. Деньги здесь дешёвы, следовательно, нельзя ожидать большой дешевизны.

Вступив на якорь в субботу вербной недели, первый день и утро следующего дня прошло в приведении фрегата в должный порядок для стоянки. Нам надо было прикраситься, ибо на рейде стояли французский и английский адмиралы со своими судами. (Контр-адмиралы О. Феврие-Депуант на фрегате «La Fort» и Д. Прайс на фрегате «President». — П. К.) Мы ожидали непрерывно гостей, которые не замедлили явиться. Но не до гостей было нам. Страстная неделя началась у нас, и говение, хотя и на корабле, но всё-таки заставляет подумать несколько о самом себе. Не успели мы оглядеться на рейде, как у нас умер матрос, мучимый неизлечимую болезнью. (Василий Игумнов. — П. К.) На другой день его смерти караул и команда во фронте ожидали выноса тела; его отпели, вынесли наверх, караул отдал честь, и в скором времени десятка, отвалив с телом от парадного трапа, показывалась едва видимую точкою по направлению к острову St. Lorenzo.

Фрегат наш был убран по-якорному. Белый тент покрывал всю верхнюю палубу, которая была как снег. Снасти уложены в аккуратные бухты. В батарее наблюдалась наирачительнейшая чистота; английский, французский и перувианский капитаны прислали своих офицеров засвидетельствовать своё почтение нашему капитану. В ночь на вербное воскресенье пришёл американский корвет («St. Mary's», командер Th. Bailey. — П. К.). Красавица в полном смысле, как по корпусу своему, так и по оснастке, и по рангоуту. Американец не замедлил приехать к нам.

Довольно скучно встретил нас Калао. В Рио не успели мы встать на якорь, как целая куча комиссионеров приехала на фрегат, предлагая свои услуги. Здесь все комиссионеры на берегу и не приезжают на суда. Первый вечер провели мы довольно грустно, рассуждая о том, как скучно, по-видимому, будет здесь проводить время. Утром привезли свежую провизию: мясо, зелень, хлеб и фрукты. Надобно испытать сорокадневное плавание почти на одной солонине, чтоб понять, какую приятность доставляет свежая провизия. Время до чистого четверга прошло в приёмах иностранных офицеров и посетителей; приезжало также и множество дам.

Страстная неделя. Какое живое воспоминание о далёкой родине! Что думают родные, привыкшие встречать светлый праздник с нами? Что они думают о нашем местопребывании? В четверг вечером была всенощная со свечами в руках и 12 Евангелиев. Как передать то чувство, которое возвышало меня во время этой службы? Невольные слезы выступали на глазах при воспоминании о родных и родине.

Мы говеем. Какое счастье, что мы в это время находимся на якоре и в состоянии отправлять все службы, необходимые для христианина в эти святые и страшные дни! Сегодня вынесли Плащаницу. Мы, привыкшие видеть этот святой образ в церкви, — какое зрелище представляется нам! Вообразите правую сторону шканец батарейной палубы. В глубине стоит большой образ Спасителя, направо люк в кают-компанию, налево огромные пушки и между люком и орудиями стол, закрытый чистою скатертью, и на ней Плащаница с четырьмя свечами по оконечностям. На Калаоском рейде, вдали от России — это живое воспоминание кратковременной смерти тела нашего Искупителя... Какое утешение для нас! Какое утешение для родных наших, что мы, хотя и в плавании, но по милости Божией празднуем приготовление к Воскресению Христову!

После вечерни началось исповедание команды. На судне долго нельзя говеть, тем более что мы спешили. Вести из Европы были совсем не мирного свойства. Англичане и французы стояли на рейде так, что, избегая неприятности от ядер и беспокойства от них, мы должны были стараться скорей уйти отсюда. Вечером в пятницу была всенощная, в субботу утром заутренней носили Плащаницу по фрегату. Медленно потянулась процессия сперва по батарейной палубе, потом по верхней палубе. Походная церковь наша была поставлена, команда вся переисповедовалась. Все сподобились причащения Святых Таин. Также и немногие больные, находящиеся в лазарете. Церковь наша осталась стоять до заутрени. В исходе двенадцатого часа все уже были одеты в мундирах, множество свечей затеплилось у местных образов, и батюшка начал светлую заутреню. В скором времени процессия образов при свете многих фонарей потянулась по палубам. Придя обратно, образа встали в кружок у алтаря и при свете множества свечей радостное «Христос Воскресе!» огласило фрегат.

Невозможно описать, какое живое воспоминание, какие чувства возбудила в нас эта радостная святая песнь... После заутрени началось христосование. И радостно, и грустно было это утро. Глотая слёзы, улыбались мы и от души целовали друг друга. После заутрени тотчас началась обедня, за которой приобщались три офицера, не успевшие сделать этого прежде. Когда кончилась обедня, батюшка освятил куличи и яйца команды. Потом разговленный стол для пасхи и куличей кают-компания и капитана, у которого после и разговлялись. В ночь на воскресенье во время пропения «Христос Воскресе» умер у нас матрос, причастившись в субботу Святых Таин (матрос 1-й статьи Малафей Курочкин. — П. К.).

Так что до полдня в первый день праздника был у нас покойник. Вполне христианская смерть этого человека не могла произвести на нас худого впечатления. Все почти офицеры наши уехали в Лиму, где я, впрочем, не был; но вечером часу в пятом я поехал в Калао.

Съехав на берег, что делать в Калао? Обошёл почти весь город... Город принимает новый вид, когда он освещён. Все двери в домах открыты. При свете ламп и свечей вы видите целые семейства, гостей, пришедших к хозяевам, одним словом, всю домашнюю жизнь обитателей Калао. Зачастую вы встречаете недурных женщин, качающихся в креслах у порога с сигарою во рту. Хлопушки для весёлости кидаются с балконов молодыми людьми. Весёлая толпа уличных мальчишек, негров, мулатов и перувианцев, полунагих, гуляет и скачет по горящим искрам хлопушек, которые гремят и трещат во всю улицу. Магазины, которых, впрочем, очень мало, запираются рано.

Посетив Тиволи, где за полпиастра вы можете посидеть под навесом, где играет фортепиано и скачут полупьяные каптейны со служанками этого заведения, я отправился в отель De La Marine, где встретил батюшку (иеромонаха нашего), приехавшего на берег для того, чтоб отправиться на другой день в Лиму. Не нашед шлюпки чтоб возвратиться на фрегат, я должен был остаться ночевать в отеле. Мы вошли в одну из общих комнат. Большой стол, накрытый чёрным сукном, служил пьедесталом для огромного перувианского банка. Игра, запрещённая здесь. Золото сыпалось и лежало кучами на столе. Никогда не забуду сочетания этих лиц, выражающих все страсти вместе. Один в две минуты при нас проиграл 500 пиастров (пиастр — 1 рубль 50 копеек серебром).

Возвратившись на фрегат, я весь день оставался дома; во вторник я был послан на остров St. Lorenzo поставить крест над могилою матросика, умершего в Светлый день праздника. (Обе могилы матросов с «Авроры» на острове Сан-Лоренсо сохраняются донныне. — П. К.)

Во вторник, в два часа после полдня, в то время как на фрегате подымали быков, мы вооружили шестёрку, доложили могильный крест в корму и в сопровождении двух матросов, капральства умершего, самого капрала, сидящего на руле, отправился я на остров Лоренцо воздвигнуть скромный памятник над русскою могилою в Калао. Чем ближе подвигались к острову мы, тем всё грустнее и пустыннее представлялся он глазам нашим. Голые высокие скалы, которых подошва занесена белым песком. Огромный чёрный крест на скале обозначает дорогу на кладбище.

Тут же влево находится почти развалившаяся пристань, корчма недалеко от берега, к которой ведёт песок. Корчма эта принадлежит сторожу. Впереди понесли крест, я пошёл позади с капральным; вскоре мы взобрались по сыпучему и довольно глубокому песку на возвышение, где стоял крест. Пустынная долина между горами представилась глазам моим. Тут — кладбище, не осенённое ни одним деревцом, везде камни и песок. Сама природа позаботилась огородить кладбище от моря молою белого наносного песка, на которую с шумом взбегает прибой моря. В глубине кладбища стоят два одиноких креста с русскою надписью. Матросики в последней их койке положены рядом, и кресты, сложенные из камней на самой могиле, обозначают место. Какой-то синьор с ружьём присутствовал при поставлении креста. Сняв фуражки, матросы глубоко врыли крест над головой покойника, положив у подножия его в землю яйцо, ибо он умер в первый день Пасхи.

Воротившись, я посидел на лавочке у корчмы и побеседовал с синьором, который оказался высланным из отечества (Италии) во время смут 1848 г. Он не мог остаться покойным и в Перу; поступил в армию Кастилио, возмущившуюся в последнее время против старого президента республики Эшеника. В одном из сражений он был взят в плен и израненный был посажен на перувианский блокшив. Оттуда он спасся вплавь на чилийский корвет, который стоит теперь у берегов Lorenzo, и потому поступил под защиту флага этой нации.

14 апреля (1854 г. — *П. К.*), в среду Св. Недели, в восемь часов утра вызвали всех наверх сниматься с якоря; совершенный штиль, утро было не пасмурное и не совершенно ясное; множество купеческих судов, тихий рейд, бесчисленные стада птиц и целые вереницы пеликанов с длинными носами, мерно и тяжело подымаясь с воды, тянулись потом по туманному небу. Влево Калао, едва видный между судами; вдали высокие голые Кордильеры, теряющиеся в облаках, и у подножия их едва виднеющаяся Лима. Справа голый и тусклый остров St. Lorenzo. Вот что представилось нашим глазам в последний раз. В скором времени мы снялись с якоря, при буксировании обеих десятков. Наконец мы отдали паруса, и тихий попутный ветерок со скоростью четверти узла стал подвигать нас к выходу с рейда.

Опять собралась в полном составе кают-компания, опять разговоры, воспоминания, шутки ни на минуту не прекращались. В три часа после полдня команда была вызвана наверх и поставлена во фронт по обе стороны шканец. Офицеры на обыкновенном месте

у руля. Капитан вышел наверх, и вот слова его: «Ребята! Помните, я говорил вам, что мы должны быть готовы к войне с англичанами и французами? Война, вероятно по слухам, уже объявлена, но известия придут в Калао не ранее воскресенья, и может быть, суда, стоящие на здешнем рейде, погонятся за нами. Смотрите, чтоб выйти нам из дела с Георгиевскими крестами. Главное дело — не суетиться, не горячиться, а стрелять хладнокровно, как на ученье. Мы идём теперь в Россию, в русские порта. (Обратившись к офицерам) Идём, господа, в Татарский пролив!» Вот слова его, короткие, но сильные. После того наш старший офицер прибавил: «Командоры! Осматривать и держать в готовности орудия и принадлежности». Капитан приказал отточить абордажное оружие и зарядить орудия обеих батарей ядрами. Итак, мы были готовы отразить всякое нападение.

К вечеру, при наступившей темноте, берег скрылся из виду.

С 15 по 18 апреля погода была не совсем ясная, но тёплая. Мы несли все возможные паруса; ветер дул между *SO* и *SW*, так ровно, что мы делали иногда в час по десять миль. Закаты солнца получили опять красоту тропических стран.

Ветер был всё тот же *SO* пассат, при том же курсе на *W*. Пассат дует здесь гораздо сильнее, нежели в Атлантическом океане. Там мы делали по шесть миль, а здесь по три и десять миль в час. Ветер обыкновенно стоял целый день ровный, но к вечеру свежел.

16 мая. Пересекая тропик Рака и находясь в 150° от Гринвича, мы в то же время пересекли меридиан 180° долготы от Петербурга. Следовательно, находились в месте, которого время разнится от Петербургского на двенадцать часов; пассат посвежел в этом месте. Мы уже находились на меридиане Галапагосских островов, в 758 милях расстояния от Калао, и день этот, можно сказать, был первый тропичный день. Лёгкий ровный пассат подвигал наш фрегат по волнам океана, который синел, везде отражая великолепное небо тропиков. Яркое, блестящее и жаркое солнце разливало лучи свои по необозримому пространству моря, сливающегося с прозрачным горизонтом. Что может быть лучше плавания в пассате? Люди спокойно сидят наверху, работая на себя. Какое спокойствие, тишина, однообразие, не прерываемые ничем занятия, лёгкость одежды, тёплый воздух, прекрасное небо; всё располагает душу и сердце к невозмутимому спокойствию.

Странный случай был на вахте с пятого до девятого часа утра: наш кот Васька вскочил на русленя и поймал летучую рыбку. Эта рыбка весьма похожая на рыбку, пойманную в Атлантическом океа-

не, хранящуюся в спиртовой банке, а оригинальный случай записан едва не во всех журналах. Закат солнца был вполне прекрасный.

Во всю неделю (с 18 апреля по 25-е) ничего особенного не было; пассат двигал нас быстро вперёд. В продолжение недели иногда шёл мелкий дождь, несмотря на это, жар был нестерпим. Тенты на рострах предохраняли вахтенную команду от палящих лучей солнца. Люди наши давно уже окачивались каждый день перед обедом, что также делалось и нами. В воскресенье 25 апреля по обыкновению была обедня, и мы переменили курс и пошли более к северу. Мы уже находились тогда от порта Калао в 2 044 милях.

В ночь с 26-го на 27-е, избегая нестерпимой жары в каютах, многие (в том числе и я) перебрались опять наверх. Но так как мы уже почти входили в штилевую полосу, то 27 апреля с первого до пятого часа утра полил проливной дождь. Я проснулся. Сильный стук капель, как дробь барабана, раздавался по тенту, который покрывал весь ют. Это была первая ночь, проведённая в прохладе после утомительной жары предшествующих дней; слыша усиленный стук дождя, я всё-таки питал себя надеждою, что дождик пройдёт. Соседи мои справа и слева проснулись в жестоком и справедливом гневе. Другие, «схватив в охапку кушак и шапку», мелькали в темноте, преследуемые людьми, которые несли их постели. Нечего делать, на меня стало неистово капать, и я также должен был обратиться в бегство. Несмотря на это, мы всё-таки каждую ночь располагались под тентом, несмотря на дождь, который как бы нарочно каждую ночь заставлял перебираться в батарейную палубу. Уже с 28 апреля ветер стал шалить.

28 апреля мы в первый раз увидели на горизонте нашу северную Полярную звезду, переменили курс и пошли на *NW*.

29 апреля *SO* пассат оставил нас в широте $1^{\circ}10' S$. Во время пушечного ученья в четыре часа вечера грот-марсель получил повреждение, почему его тотчас переменили, так же как и другие, кстати. Можно достоверно сказать, что мы получили *SO* пассат, пройдя параллель острова Жуан-Фернандец. Он доставил нам тот постоянный курс, который мы имели от *J.-F.* до штилей, которые получили мы около берегов Перу. Выйдя из Калао, мы получили тот же *SO* пассат, тогда, когда мы потеряли берег из виду, и этот же пассат довёл нас почти до экватора и перешёл наконец в *NO* ветер, которым мы теперь входим в штилевую полосу — *SO* пассат непостоянен. Он дует с разных румбов *SO* четверти компаса с весьма переменяющеюся силою. При этом пассате мы постоянно имели семь, восемь, девять и десять миль в час ходу и никогда менее шести

с половиной, большею же частью семь с половиной и три с половиной. Небо постоянно малооблачно. Прекрасная погода; только при терянии пассата горизонт стал часто покрываться облаками, и частые дожди прогоняли нас из-под приветливого тента над ютом.

Ничего не может быть спокойнее и приятнее плавания в пассате. Постоянно дующий умеренный попутный ветер, команда в продолжение дня сидит наверху, работая на себя; в полдень все купаются (то есть окачиваются), в четыре часа вечера почти каждый день были у нас артиллерийские ученья.

30 апреля. Мы совершенно потеряли пассат; ветер беспрестанно менялся; ходу уже было не более двух с половиной узлов. В три часа после полдня пересекли экватор в $121^{\circ}48' W$ долготы от Гринвича и вступили в северное полушарие после пятнадцатидневного плавания от Калао до экватора, и после четырёхмесячного пребывания в южном полушарии.

До 5 мая мы пробьли в штилевой полосе; ничего необыкновенного не случилось; погода стояла не очень жаркая, ибо горизонт беспрестанно покрывался дождевыми облаками; по временам шёл дождик — то проливной, то мелкий, фрегат качался на огромной зыби, то подвигаемый ею, или сильным течением, которое увлекало нас к северу.

5 мая мы ещё были в штилевой полосе, но ветер, хотя и очень слабый, начинал задуть от *N*, *O*, *ONO*, и мы имели надежду получить в скором времени *NO* пассат. Под всеми парусами мы имели только четыре с четвертью узла ходу. В начале седьмого часа вечера небо покрылось чёрными густыми тучами, угрожавшими переменою ветра от *NO*, отчего тотчас убрали верхние паруса и взяли грот на гитовы.

В половине восьмого часа, при наступившей темноте, пошёл проливной дождь, небо обложилось везде чёрными облаками, и сделалось так темно, что с палубы не было видно ни мачт, ни ближайшего такелажа. В девять часов вечера ветер совсем стих, сделалось темно и проливной дождь; на востоке сверкали яркие зарницы, освещающие на одно мгновение паруса, такелаж и рангоут, совершенно скрытые в темноте. Воздух так был напитан электричеством, что на всех трёх мачтах показался огонь Св. Эльма. Трудно было заметить, где он был, но казалось, что с топ-стенги он перешёл к левому рожку салинга.

6 мая. Дождик шёл целое утро, то есть с первого часу ночи до восьми часов утра; в начале девятого часа увидели на горизонте по компасу облако, которое имело совершенный вид берега и ясно

обозначалось на сером фоне неба; оно раз исчезло, но потом опять показалось. Так как это было на ветре, а ветер был совершенное маловетрие, то мы никаким образом не могли приблизиться; однако бросили лот, но на 128-саженной глубине он и не думал достать до дна. Множество морских птиц, летавших около нас, заставляет думать, что это может быть и берег. Всё ещё дожди и штиль. Когда нет дождя, то после полдня и ранее четырёх часов всё-таки бывали тревоги и пушечное учение.

7 мая. Тот же штиль и дождик. Мы собрали множество дождевой воды.

8 мая. Сперва до девяти часов утра ветер стал задувать с разных румбов, между прочим, между *O* и *N*, но потом опять совершенно стихло. В девять часов налетел сильный шквал с дождём от *NW*; небо обложилось тучами, проливной дождь полил как из ведра, но к десяти часам всё стихло.

В полдень задул довольно свежий *NO*, шквал; это было прощанье со штилевою полоскою, и теперь в $9^{\circ}95' W$ широты мы получили пассат, дующий здесь весьма сильно, и который тотчас дал фрегату семь с половиной узлов ходу из трёх, которые он имел до полдня.

С 8 по 20 мая *NO*, весьма свежий, быстро подвигал нас вперёд; во всё это время мы не имели особенно хороших погод; небо почти всегда облачно и иногда даже совершенно серое. Свежий пассат, при котором фрегат наш имел даже до одиннадцати с половиной узлов ходу. Пассат здесь так свеж, что мы к ночи должны были каждый день брать рифы. Он, так же как и *SO*, дует здесь с разных румбов, но не так изменяется и большею частью дует прямо с северо-востока. Редко проглядывало солнце, однако мы каждый день могли делать астрономические наблюдения.

14 мая видели кольцеобразное затмение солнца и в ночь с 14-го на 15-е прошли параллель Сандвичевых островов.

16 мая мы пересекли тропик Рака в $150^{\circ}30' W$ долготы от Гринвича. С 17 мая ветер стал значительно спадать. 18 и 19 мая мы имели отличные погоды.

20 мая (1854 г. — *Ред.*). Четверг (Вознесение). Сменившись с вахты с часа до четырёх часов утра, я преспокойно спал в батарейной палубе (многие из спавших прежде наверху перебрались в батарейную палубу, ибо в каютах было ещё слишком жарко, а наверху также было уже не совсем приятно), сменившись с вахты, как вдруг в шесть часов утра гардемарин Д. [Давыдов] разбудил меня: «Вставай скорей, сейчас будут бить тревогу: военное судно недалеко от нас». Я посмотрел на него, и только что хотел

повернуться на другой бок, как вдруг тревога мелкою дробью прокатилась сперва по верхней, потом по батарейной палубе.

Вмиг все одеты. Немедленно из батареи всё лишнее спущено в жилую палубу. Орудия раскреплены, люки закрыты; в скором времени в батарее раздалась команда «Смирно!», что обозначало, что всё готово. Верхний дек также не зевал. В кадках налита вода, люди по орудиям. Я был уже давно на шканцах, которые и были местом моим во время боя. В это время на марсы подымали койки, люди шли туда с мушкетонами. Старший офицер получил уже от всех донесение, что фрегат по всем частям своим готов вступить в дело. Однако видимого приготовления к сражению не было: мы не изменяли курса и были под всеми парусами, из которых вероятно убрали бы некоторые, ежели бы готовились явно к сражению. Не одна, а четыре зрительные трубы были направлены на военное судно, которое [в расстоянии] кабельтов в шесть или семь качалось на волнении, освещённое первыми лучами восходящего солнца.

Долго не знали, к какой нации и рангу приписать его, наконец, английский флаг поднялся над кормою этого корвета, мы подняли русский. Англичанин под брамселями далеко прошёл перед носом нашего фрегата и в десять часов скрылся из виду. Не буду распространяться об этом. Очень может быть, что англичанин и знал о том, что есть разрыв между Россией и Англией, но, увидев сильнейшего противника, он рассудил, что ежели есть война, пусть мы пустим первое ядро. По-видимому, он шёл с Сандвичевых островов, и в таком случае он знал, конечно, больше нашего. (Британский корвет назывался «Trincomee», он шёл из Гонолулу в Берингов пролив для снабжения полярной экспедиции, и на его борту также не знали ещё о начавшейся войне. — П. К.)

Но всё обошлось хорошо. Он, как судно меньшего ранга, поднял первый флаг, как вежливый джентльмен, на что мы отвечали поднятием своего и разошлись без дальнейших объяснений, каждый по своей дороге. Но самое плохое то, что мы потеряли *NO* пассат в 28° широты, пройдя меридиан острова Уншу, самого западного из группы Сандвичевских островов. Сегодня была обедница по случаю Вознесения, а вечером всенощная, ибо завтра тезоименитство великого князя Константина Николаевича.

21 мая. Переменные ветры начали дуть со всею их неприятностью. Пока ещё дул нам попутный. Сегодня была обедница и после неё молебен. Весь день весьма хорошая погода, также как и вчера.

22 мая. Всё ещё попутный *SO* довольно свеж, так что утром должны были взять один риф у марселей. Вечером пошёл дождь

при сильном порыве, который налетел от *W*. Дождь продолжался до полночи этого числа.

С 22 мая по 6 июня был самый скверный период этого перехода: постоянные дожди и туманы, сырая погода, то сильные противные ветры, то совершенные маловетрия и штили. Ветер большей частью дул из *SW* четверти компаса и весьма часто от *W*, следовательно, противный нам.

Наконец, 6 июня капитан собрал наверх офицеров и объявил им, что он переменял своё намерение идти в Татарский залив (то есть пролив. — *П. К.*), но что по причине постоянно противного ветра и увеличения числа больных он намерен идти в Петропавловский порт, как в ближайший и более удобный для отдохновения. Итак, мы переменяли курс и направили его на Азиатскую Русь нашу. Неблагоприятные погоды не преставали поражать нас, и наконец... наконец! — 17 июня, в первый прекрасный день, утром мы увидели Поворотную гору в виде белого облака, возвышающуюся между синевою неба и моря. Хотя и Камчатка, но всё-таки сердце бьётся, и радостные слёзы на глазах, и душно от полноты чувства.

Да! Не могу даже пересказать всего того, что я перечувствовал, когда Поворотная гора (Мутновская сопка. — *П. К.*) в виде белого облака появилась в самой дальней точке горизонта. Погода была прекрасная.

Солнце разливало тёплые лучи на едва-едва взволнованную поверхность океана; вдали, по направлению к берегу, многочисленные киты пускали высокие фонтаны, которых брызги, летя вверх, показывали как бы судно на горизонте. Мы медленно подвигались к северо-западу, и наконец берег давно ожидаемый, берег России предстал перед нашими глазами. У Головнина сказано в «Путешествии», что матросы выразились так: «Вероятно, здесь сатана стоял лагерем», — и Головнин замечает, что Мильтон в своей поэме «Потерянный рай» не мог бы найти лучшего места для изображения чёртова лагеря, когда он небесными воинствами был свержен с высоты величия. Так угрюмо-дик живописный берег Камчатки. Вот [какая] картина представилась глазам нашим. Вообразите себе голубое небо и море; солнце во всей красе своей блестит на небе, бесчисленные киты искрят и пускают высокие фонтаны за кормою фрегата, который на всех парусах приближается к берегу; за кормою простирается океан, а перед носом громады чёрных диких скал, набросанных в беспорядке одни на другие. Одни в виде фантастических изображений, в виде шатров высят

свои вершины, покрытые снегом, в голубое небо — это Поворотная гора и Вилючинская сопка. Эти две огромные пирамиды, подобно исполинским шатрам, возвышались над чёрною массою гор, коих расселины белели снегом. Ветер всё спадал, и наконец мы зашти- лели в виду берега. Потом лёгкий ветерок задул с берега, и тече- ние было нам противное, так что мы должны были эту ночь прове- сти ещё в море. Мало-помалу стало темнеть. Солнце стало при- ближаться к горам и наконец закатилось, озолотив в последний раз своими лучами снега на вершинах. Мы легли к северу параллель- но берегу, убавив по возможности парусов; с одной стороны — океан терялся в сумраке, с другой — тёмные горы, слабо освещён- ные двурогим серпом луны, резко отделялись от звёздного неба и легко зыблущейся воды. Наша вахта была в это время на вахте, нас подменили пить чай, как вдруг пришли сказать, что Авачин- ская сопка курится. Мы выскочили наверх, чтоб посмотреть на это зрелище. Чёрные горы сделались ещё темнее и сумрачнее, ибо луны уже в то время не было; лёгкий ветерок с берегу двигал нас со скоростью полутора узлов параллельно ему. И Авачинская сопка действительно курилась: чёрный дым тянулся длинной лентой над горами и клубами выходил он из кратера, переменяя весьма медленно образы своей формы.

18 июня, пятница 1854 г., мы поставили все возможные паруса и при тихом ветре стали приближаться к входу в Авачинскую губу.

Что же вдруг предстало глазам нашим при приближении к бере- гу на две мили (три с половиной версты)? Зелень, растительность на склонах гор, луга в долинах. Живописнейшие виды, какие только можно себе представить.

Здравствуй, русское северное Рио-Жанейро! Здесь нет ни пальмы, ни роскошных астр на берегу, но вид нашей родной берёзы, право, восхитительнее всех пальм в мире. Погода была прекраснейшая. Другой вид представлялся взору нашему за кормою — беспредель- ное море; впереди — с обеих сторон камни, скалы, горы, всё это покрыто свежелою зеленью, прилесками, травой, прямо спускающей- ся к морю, которое тихо омывало песчаный берег. Мы вошли в про- ход и уже проходили Трёх Братьев, как вдруг от Дальнего маяка отвалила шлюпка и стала придерживаться к нам, и в скором вре- мени русский штурманский офицер очутился на палубе нашего фрегата. Одиннадцать месяцев проплавали мы вдали от Родины, и вот Отечество. Как разрослась наша Россия! Штурман осведо- мился, какое судно, и, оставив нам флотского унтер-офицера из камчадалов 46-го флотского экипажа за лоцмана, сам отправился

на берег известить о нашем приходе военного губернатора Камчатки В. С. Завойку. От этого унтер-офицера узнали, что сегодня не пятница, а суббота, и вовсе не 18 июня, а 19-е. Куда же делась пятница и 18-е число? Ведь пятница — флотский праздник, в пятницу — горох. Но что делать с переменою места в долготу, за чем (то есть из-за которой. — П. К.) опаздывало солнце приходиться на наш меридиан? Будем считать по-русски, и да будет сегодня суббота, а не пятница, 19-е число, и завтра воскресенье.

Итак, 19 июня 1854 г., в субботу, в три часа пополудни мы встали на якорь в Авачинской губе, против Сигнального мыса; вечером в тот же день меня послали на берег.

Заехав за Сигнальный мыс, я увидел огни города и, наконец, вступил на русскую землю; я задумался и медленно пошёл по дороге, ведущей мимо казённых провиантских магазинов по порту. Вдруг русский оклик: «Кто идёт?» Я остановился: сперва сделалось странно, а потом какое-то радостное чувство стеснило грудь при родном оклике; я забыл отозваться «солдат» и чуть не сказал ему, как английскому часовому: «No, no!» Возвращаясь, я покурил сигару в караульном доме и отправился на фрегат. На другой день все поехали представляться губернатору и потом обедали у него же, и вечером того же числа мы втянулись в гавань. Великолепная природа окружает нас. Команда стоит лагерем на Сигнальном мысе, все офицеры и мы [гардемарины] живём на квартирах в городе, который, впрочем, весьма походит на огромное и богатое село. Я живу, как в деревне, брожу по горам в азиатской России и думаю о европейской. Я свёл здесь знакомство с некоторыми домами и провожу вечера как нельзя лучше. Чистый воздух, комната, вид из окна на озеро, на море, на зеленеющиеся горы и город; тут же кровать моя и охотничьи снаряды над нею; подле неё столик, на котором разложен несесер. Только тот, кто прожил одиннадцать месяцев на судне, может постичь всю приятность береговой жизни.

25 июня был высокаторжественный день в Петропавловске, все были в церкви в мундирах. Офицеров было много, ибо здесь стоял и корвет «Оливуца». После обеда с корвета и всех крепостей произведён был салют, потом обед у губернатора и, наконец, бал у него же до шести часов утра; плясали без отдыха. Камчатские дамы были очень милы, есть прехорошенькие, жаль только, что не выговаривают буквы «с».

Нападение на Петропавловск англо-французов. Зимовка в Петропавловске. Переход на Амур. Зимовка в Амуре. Известие о мире и отправление в обратный путь. Авачинская губа расположена

почти совершенно на север; она глубоко вдаётся полукружием в берег, и вход, весьма узкий, ограждён высокими утёсами. Странную противоположность составляют левый и правый, или лучше сказать восточный и западный берега губы. Восточный живописен до крайности: высокие горы и холмы, покрытые свежеею зеленью, множество заливов, лесов и перелесков разнообразят его контуры. Западный имеет совершенно другой характер: высокие дикие и голые скалы громоздятся одна над другою, и над ними выше всех гордо воздымается к небу Вилючинская сопка, всегда покрытая снегом. Но вы ещё не видите города за высоким полуостровом Сигнального мыса. Город открывается тогда только, когда вы находитесь уже между Сигнальным мысом и кладбищем. Тут видите вы так называемую Малую губу, которая полукружием омывает зеленеющий берег Сигнального мыса, далеко выдающуюся кошку и высокий берег кладбища. Между оконечностью кошки и берегом хребта Сигнального полуострова находится пролив, соединяющий Малую губу с гаванью, которая есть огромный природный бассейн, всегда спокойный. Нельзя ничего представить себе лучше этой гавани. Право, Рио-Жанейрская, которую все почитают лучшею в свете, ничего не стоит в сравнении с Петропавловским портом. За гаванью раскинут город у подножия горы, которая возвышается против Сигнального полуострова. Одна часть города находится в самой долине, но мало-помалу город подымается в гору. Далее находится озеро, довольно большое. Полуостров Сигнального мыса к земле оканчивается Никольскою горою, которая к морю так крута и обрывиста, что тут спуск совершенно невозможен. За горою берег делается низменный до самой Мишенной горы; горы теряются вдали, Мишенная гора, находящаяся за озером, соединяется перешейком с хребтом, идущим за городом, и из-за этого-то перешейка возвышается Авачинская сопка, всегда покрытая снегом, составляющая резкую противоположность с окружающими её зеленеющими горами. (Мишенная гора в действительности отделена от Петровского хребта, чего Г. Токарев мог из города не видеть. — П. К.) Резко отличаются одна от другой старая и новая часть города. Старенькие, одноэтажные, покрытые соломенными крышами домики тянутся в четыре ряда от кошки до губернаторского дома, находящегося в центре города и пред которым расположен довольно порядочный сад. Далее идёт новый город, выстроенный при В. С. Завойко, тогдашнем военном губернаторе Камчатки. Тут находится у самого порта дом приказчика Американской компании с лавкою. Далее идут дома жителей, церковь, у озера казармы

и госпиталь, штаб и канцелярия и т. д. Почтовая контора находилась в старом городе.

Спокойно прожили мы в Петропавловске до 17 августа; погода была большею частью хорошая. Я проводил время довольно весело: то в прогулках, то на охоте, то при вооружении фрегата.

17 августа. Ещё с самого утра в городе началось волнение, потому что на Дальнем маяке был виден дым, что обозначало, что видно в море судно. При тогдашних политических обстоятельствах мы с минуты на минуту ожидали неприятельской эскадры. Ожидали, смотрели, и наконец в половине первого часа с Дальнего маяка был сделан сигнал: «Вижу в море эскадру без флагов»; потом: «шесть судов». По спуску ответного сигнала из порта пушка грянула с Сигнального мыса, чтоб дать знать окрестным жителям о приближении неприятеля. Погода была прекрасная, при самом тихом ветре, который всё-таки способствовал неизвестной эскадре войти в губу. Мелкою дробью рассыпалась по горам тревога, пробитая у караульного дома. Через какие-нибудь полчаса город опустел совершенно. Замки на всех дверях, и только изредка можно было встретить по Большой улице женщину с ношей, направляющуюся в Култук (селение. — П. К.) за озером. Везде бегали вооружённые солдаты, спеша на береговые батареи. Я, также вооружённый, бежал на батарею Красного Яра, расположенную на горе за городом, почти против Сигнального мыса; забыл было сказать, что успел ещё забежать домой, усердно сотворил краткую молитву перед иконою Чудотворца Николая и написал последнее прощание домой. Мы жили вместе — четыре гардемарина и два юнкера. Я застал всех дома. Вскоре мы вышли; я запер дверь нашего дома и бегом отправился на батарею, мы пришли туда вместе с моим начальником В. И. Поповым, который был мичманом на «Авроре». Немедленно по прибытии нашем ударили тревогу, и люди встали к трём орудиям, составляющим батарею Красного Яра. До двух часов было небольшое ученье, а потом саженьях в пяти от батареи мы разложили бивуачный костёр и расположились кругом его с солдатами. На всех батареях также запылали огни. Фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» стали бортами к выходу. Губернатор основал свою главную квартиру на Сигнальном мысу. В скором времени на кладбище блеснули штыки. Это был стрелковый отряд мичмана Михайлова.

Итак, мы на военной ноге. Скоро около огней раздалась песня на всех батареях. Я, полулежа на солдатской шинели, слушал песню «Николая в трон принять» и тщательно следил, как одно

за другим вспыхивали поленья. В половине пятого часа вечера во входе показался английский трёхмачтовый пароход под американским флагом. Пароход дошёл до Бабушкина камня; но когда от порта отвалила переговорная шлюпка, то, тотчас дав крутой оборот, он возвратился к эскадре, которая находилась ещё у Поворотного мыса. На батареях ударили отбой, и мы опять возвратились к приветливым огонькам. К вечеру к нам присоединилась стрелковая партия Д. В. Михайлова. Огонь ярче запылал в центре довольно большого круга, согревая не один чайник.

Наконец совершенно стемнело, и я приятно заснул на траве под солдатскую шинелью.

18 августа. До пяти часов вечера всё было совершенно спокойно, но в пять часов пополудни эскадра стала входить в губу, подняв французские и английские флаги. (Имена судов: французские: фрегат «La Forte», корвет «Eurydice», бриг «Obligado». Английские: фрегат «President», фрегат «Pique» и колёсный пароход «Virago». — *Прим. редактора М. Сб.*)

Над кормою старого знакомого — парохода — развевался белый флаг с гюйсом в углу. Гордо и плавно подвигалась эскадра по направлению к Сигнальному мысу. Пароход шёл впереди. Подойдя к Сигнальному мысу на пушечный выстрел, перед носом его сверкнул огонь; белое облако взвилось кверху, и первое ядро свистнуло в Сигнальный мыс. Ответные выстрелы зарокотали с мыса, с кошки, с перешейка, и на нашей батарее раздалось «Пли!» Платформа дрогнула; мы были занесены первым пороховым дымом, и ядро, свистя, понеслось на врага. Три бомбы в виде белых облачков лопнули высоко над Сигнальным мысом. Но вдруг раздалось «Ура!» на батарее № 1-й (Сигнальный мыс): бомба попала в кормовую часть парохода. Это радостное «Ура!» раздалось на всех батареях. Пароход тотчас отступил. Вражеская эскадра встала на якорь вне выстрелов по направлению к Тарьинской губе. Так прошёл второй день нашего осадного положения. Ночью, часу в двенадцатом, взвилась ракета на неприятельской эскадре. Мы почти не спали всю ночь, опасаясь ночного десанта.

19 августа. С утра не было заметно никакого движения в неприятельской эскадре. В шесть часов утра от эскадры отделились три шлюпки и направились к месту, находящемуся выше Красно-го Яра. На всех батареях ударили тревогу, но шлюпки были не с десантом, а просто начали делать промер вне наших выстрелов. Пароход в это время развёл пары. Когда шлюпки воротились к эскадре, пароход подошёл к французскому адмиралу, посадил десант

и пошёл по направлению к Раковой губе, но потом пошёл далее по направлению к морю. С Дальнего маяка его воротили пушечными выстрелами. Он в ответ пустил бомбу, которая, пролетев через Дальний маяк, легла в ключи. В десять часов наш плашкоут вышел из Тарьинской губы. На нём было шесть человек рядовых при одном унтер-офицере с женою его и ребёнком; семь шлюпок тотчас отделились от эскадры и отправились в погоню. Хотя казалось, что бот сперва быстро удалялся от них под парусом, но мало-помалу расстояние между ботом и шлюпками делалось всё меньше и меньше, и наконец шлюпки, набитые людьми, окружили бот. Через несколько минут четыре шлюпки уже буксировали бот. Две конвоировали по бокам, и третья шла сзади. Недаром говорит пословица, что на одного русского десятерых мало. Тут на семь человек напало, по крайней мере, двести. В остальное время дня ничего особенного не было.

20 августа. В шесть часов утра пароход начал разводиться пары. Мы приготовились к бою; наконец, в восемь часов пароход, подошед к «Пику», скрепился с ним, потом к другому боку взял английского адмирала, и французского на буксир.

Фрегат малого ранга и бриг остались на месте. В таком положении двигались они по направлению к Красному Яру. На всех батареях ударили тревогу. На батарее Сигнального мыса начался трогательный молебен. Погода была прекрасная, совершенно тихо, так что церковное пение долетало до нас. Мы сняли фуражки и безмолвно молились у орудий, между тем как пароход, ведя три фрегата, шумел колёсами. Батюшка зашёл и к нам на батарею, окропил каждое орудье и каждого. Когда удалился священник, на Сигнальном мысу было пропето «Боже, Царя храни», при восторженных криках «ура» с других батарей. Пароход, подвигая три судна, приближался всё ближе и ближе. Наконец, белое облако взвилось над батареей Сигнального мыса, и ядро, свистя, ударило в кучу судов. Затем открыли огонь кошка и мы. Шипя, красиво вылетал огонь из наших батарей, свистя, летели ядра и редко не попадали в цель.

Наконец, пароход покинул один за другим фрегаты, которые встали в линию на шпринг против батарей. Более девяноста орудий было обращено против них, и началась потеха. Тут уже ничего не было видно. Всё застлано было дымом; помню только, что свист ядер не переставал над нашими головами, бомбы пресекались (то есть разрывались. — *П. К.*) в воздухе, в кустах, в валу батареи. Кланялись сперва ядрам, потом сделалось всё равно. Всеми овладела

неимоверная злоба. Бывши у порохового погреба при подаче картузов, я улыбался урывками — как мой батарейный командир, весело улыбаясь, хладнокровно палил не торопясь, по порядку номеров. Полтора часа держались мы, осыпаемые ядрами и бомбами, наконец пароход спустил десант выше нас. Мы тотчас заклепали орудия и отступили в кусты. Оставленная, изрытая ядрами батарея была приведена нами в совершенную негодность, и тогда только мы отступили. Канонада вторилась в горах.

Отставши с двумя людьми в густых кустах от своего батарейного командира, я решился тотчас же отправиться на батарею № 2, на кошке. В кустах услышал я треск — обрадовался, думая, что догнал своих, — треск продолжался, и куст вылетел из земли. (По-видимому, в кустах разорвалась бомба. — *П. К.*) Тогда понял я, какие это «товарищи». Выйдя на открытое место у кладбища, я увидел, что на Красном Яру уже никого не было. Ядра взрывали весь берег, при мне повалился крест на кладбище. На кладбище ложились ядра, на берегу тоже. На кладбище попадало их менее, но на него надо было взбираться по горе. (Зачем неприятель обстреливал кладбище, находившееся в середине расстояния меж батарей? Возможно, желая остановить наступление отряда мичмана Михайлова? — *П. К.*) Поленившись идти туда, я перекрестился и скорым шагом отправился по самому берегу на батарею № 2-й, где был принят храбрым князем Д. П. Максутовым, братом нашего, и товарищем своим Давыдовым. Ядра и тут десятками летали через наши головы. При мне в две минуты пали двое. Князь со стоическим хладнокровием разгуливал по батарее и попалял редко, да метко. Не встретив и здесь своих, я отправился на фрегат, который ещё не палил, потому что неприятель был ещё вне его выстрелов.

Не успел я тронуться с батареи, как фрегат «Аврора» повёл губительный огонь. Не видать было борта, но видны были только огонь и дым, вылетающий беспрерывно. Транспорт делал то же. По приходе моём на фрегат суда неприятельские стали сниматься с якорей. К полдню огонь прекратился. В три часа неприятельские фрегаты встали вне выстрелов фрегата «Аврора». Батареи Красного Яра и Сигнального мыса были уже сбиты неприятелем.

Забыл было сказать, что десант, придя на батарею Красного Яра, прокричал «ура» и поднял французский флаг. Но счастливо успел фрегат наш бросить бомбу прямо в толпу неприятелей. Это произвело между ними беспорядок, и два удачных ядра с «Авро-ры» же и одно с «Двины» заставили десант поспешно отступить.

С трёх часов пополудни до семи часов три фрегата бомбардировали кошку, стоя вне выстрелов, ибо их артиллерия была сильнее нашей. Мы смотрели с фрегата, как спокойно князь Максутов расхаживал по батарее. Команда его покуривала трубочки, лёжа у бруствера, а мальчики лет одиннадцати и двенадцати спускали кораблики под градом ядер и бомб. Одному из этих кантонистов оторвало правую руку выше локтя, ранило ногу и оторвало мизинец левой руки. При ампутации в госпитале доктор спросил: «Больно?» Мальчик, сквозь слёзы улыбаясь, отвечал: «Ничего, ведь это за царя». Мальчику этому одиннадцать лет, слыхана ли такая храбрость... Что уж и говорить о фрегате. Наш капитан хладнокровно перед сражением подошёл к флагу и напомнил команде последнее прости великого князя. Громкое «Ура!» и слова «Умрём, но не отдадим этого флага!», были ответом на слова капитана, который под ядрами закусывал с офицерами, шутил, смеялся и умел так воодушевить команду фрегата, дать ей такой дух, что люди сделались просто непобедимыми и не имели даже тени страха. В семь часов вечера огонь прекратился.

21-го, 22-го и 23-го мы и неприятель отдыхали, то есть мы успели возобновить избитые батареи, а неприятель чинился, имея множество пробоин. Пароход же в это время ходил в Тарьинскую губу хоронить умершего английского адмирала. Одни говорят, что он застрелился, другие, что по нечаянности убил себя, третьи, что умер от болезни. Бог знает; но мы должны благодарить Его, что неприятель лишился в то время одного из своих начальников.

24 августа. В продолжение предшествующих спокойных дней я сперва ходил со стрелковою партией Д. В. Михайлова с присоединившимся к нему моим начальником В. Н. Поповым; но потом адмирал назначил меня на дозорный пост следить за движениями неприятеля. Нас было там пять человек. 24-го числа в шестом часу утра пароход стал разводиться пары и, взяв на буксир три фрегата, отправился как 20-го числа в путешествие. Он покинул один фрегат против батареи перешейка, остальные два против батареи № 7 капитан-лейтенанта Каралова (Жораллова. — П. К.), а сам встал против Никольской горы. Ураган ядер засвистал над перешейком. Долго держалась батарея на нём, но — дульная часть одной пушки отбита, станок другой подбит. Князь Александр Петрович Максутов геройски выдержал этот вихрь ядер. Много убитых и раненых; сам князь направляет и банит орудия, наконец, ядро отрывает ему руку и бросает в ров за батарею. Он твёрдым голосом кричит: «Носилки!» Ему говорят, что по его же приказанию

они отнесены далее. Его поднимают на руках; оставшийся по нём унтер-офицер спрашивает, что ему делать. Князь твёрдым голосом передаёт приказания главного командира и уже без чувств оставляет батарею. Между тем бриг, при криках «Ура!» с «Пика», под всеми парусами спешит к перешейку. Офицер, присланный на смену князя, видя, что действовать из оставшихся четырёх подбитых пушек батареи нет никакой возможности, ибо посланный тем временем неприятелем десант уже на озере, заклёпывает орудия и уводит остальных людей. (На смену Максотову был направлен мичман Фесун. — П. К.) Батарея замолкла. Бриг становится на якорь у самой батареи, которая часто вспахана ядрами, и начинает беглый огонь через перешеек, стараясь попасть в фрегат и транспорт, которые не могут действовать за мысом. Но благодаря богу ядра летят мимо; из ядер брига одно только попадает в якорь, другое простреливает грот-мачту, третье задевает сетки, но ни одного раненого на фрегате и транспорте. Между тем два фрегата успевают сильно повредить батарею № 7, и капитан-лейтенант Каралов, потопив одну шлюпку с десантом, заклепав орудия, отступает. Десант в числе 676 человек съезжает на берег. Неприятель бегут по дороге к городу мимо озера, Никольской горы, но тут они встречены картечью батареи № 6. Видя невозможность пройти это место, неприятель занимает Никольскую гору и рассыпается по ней до самого перешейка. Но тут конец его подвигам. Партии с фрегата: тридцать человек Е. Г. А. [Анкудиновым]; шестьдесят с Д. В. М. [Михайловым]; шестьдесят с М. Д. Губаревым; тридцать с Н. А. Ф. [Фесуном]; двадцать с К. П. П. [Пилкиным]; двадцать с Д. О. Ж. [Жилкиным]; двадцать один с гардемаринном Давыдовым с батареи № 2-й быстро поднимаются в гору с разных сторон. Раздалось отрядное «Ура!»... и русские пошли в штыки — дело им столь знакомое. Не прошло двух с половиной часов, как неприятель был сбит, опрокинут с горы. Враги до того растерялись, что бросались с Никольской горы по скату к морю, где находили верную смерть. Баркасы их отваливали от берега — одни почти пустые, другие наполненные трупами. Торжество наше полное. Множество неприятельских ружей, семь офицерских сабель, знамя английских морских солдат; планы неприятелей взяты у убитого начальника десанта; сорок неприятельских тел и три пленника были нашими трофеями.

Мало того, что гребные суда отступили в беспорядке, но даже большие суда снялись с якоря с поспешностью, не дожидаясь гребных судов, из которых некоторые гребли бог знает куда. Потеря

наша во весь день всего восемьдесят человек убитыми и ранеными (двадцать человек убитыми). Потерю неприятеля можно смело полагать в триста человек; кроме того, «Пик» получил с перешейка не один продольный выстрел. (Здесь Токарев путает: батарея перешейка стреляла по фрегату «Президент», а не «Пик». — П. К.)

Тотчас по отступлении врага на месте сражения был благодарственный молебен, потом немногочисленное наше войско, бывшее в деле, пропело «Боже, Царя Храни», потом была панихида и погребение наших и вражьих тел.

25 августа. Пароход отвозил в Тарью три полные баркаса тел. Ничего особенного не случилось.

26 августа. День спокойный.

27 августа. В восемь часов пароход стал разводять пары, и в девять часов вся эскадра потянулась к выходу из губы.

Можно представить себе наше торжество! В десять часов маленький собор Петропавловска наполнился матросами, солдатами и офицерами. Духовенство отпело благодарственный молебен. Да! Один бог, и никто более. 20-го числа при этой ужаснейшей бомбардировке на Сигнальном мысе убито только два человека и ранен командир батареи, но так легко, что 24-го числа он уже опять был в деле. Когда сказали князю Д. П. Максутову, что брат его А. П. ранен, что у него оторвана левая рука, но что операция удалась и ему лучше, он прехладнокровно улыбнулся и, покручивая ус, сказал: «О, это мелочь».

Во время бомбардировки на кошке за всё 20-е число убито пятеро и ранено трое — не явная ли это охрана бога? По отступлении неприятеля жители воротились в дома свои; через неделю жизнь в Петропавловске потекла своею обычною чередою. Легко раненные в деле быстро поправлялись, тяжелораненные подавали надежды. Оба раненые наши офицеры — инженер Муровинский [Мровинский] и лейтенант князь Максутов — находились ещё в опасном положении, но раны их принимали, впрочем, довольно удовлетворительный вид. Их из госпиталя перенесли в новопостроенный дом, где впоследствии помещалась наша береговая каюткомпания. Тут ухаживали за ними со всевозможным старанием. Сколько раз посещал я князя и просиживал у постели его по нескольку часов. Помню ещё, как просил он меня прийти к нему читать «Мёртвые души», когда ему будет лучше. Но бог судил иное, и любимый всеми офицер наш тихо и безмятежно покоится теперь под простым деревянным крестом на Петропавловском кладбище. Вскоре после переноса Муровинского и князя Максутова

пошли дожди, и так как дом был совершенно новый, то сырость проникла в него. Раненые наши простудились. Около пяти дней князь мучился горячкой, и, наконец, 10 сентября смерть прекратила его страшные страдания. С оторванной рукой он едва мог шевелиться, лёжа на спине, разбитой при падении в ров, вырытый за батареею, и к этому всему горячка. Это было свыше сил его, и в то время как при мне в аптеке ему готовили мускусовые порошки, прибежали сказать, что князь уже скончался. Выздоровливающего Муровинского перевезли тотчас в дом старшего доктора порта, и к вечеру того же дня мы уже стояли со свечами в руках на первой панихиде за упокой души павшего на брани князя Александра. Грустно было смотреть нам на спокойное бледное улыбающееся лицо покойника. Нет, и не будет его более между нами. Что ожидает каждого из нас впереди? 12-го числа вечером было положение в гроб, и тело перенесено в церковь. 13-го числа началась заукойная обедня и потом отпевание. Церковь не помещала желавших отдать последний долг храброму воину. Все были в глубоком трауре. Во время отпевания наш батюшка иеромонах Иона сказал надгробное слово, которое сам едва договорил. «Смотрите, — говорил он, — на воина, лежащего во гробе пред нами. Не суть ли слова его примером для нас? Во время отнятия левой руки он творит крестное знамение правою, говоря: “Благодарение Богу, у меня осталась ещё правая рука, чтоб молиться Ему”». Офицеры-товарищи подняли гроб, за дверями церкви послышалась команда «На краул!», и дивизион аврорской команды отдал последнюю почесть своему любимому офицеру. День был прекрасный. Гроб нашего сослуживца несли мы до кладбища между зеленью довольно высокого кустарника, кой-где уже пожелтевшего. Осеннее солнце разливало лучи свои на Авачинскую губу, окружённую со всех сторон высокими горами. Процессия поравнялась с фрегатом. Белое облако вырвалось из левого его борта, выстрел раскатился грохотом по горам и смешался с церковным пением. Тремя выстрелами прощался фрегат с одним из своих офицеров. После фрегата выстрел раздался с перешейка из того орудия, у которого ранен был князь, и ещё эхо гор повторило два выстрела с той же батареи. При опускании в могилу раздалось три прощальных залпа, и мы, бросив по горсти земли на гроб усопшего, возвратились в город.

До глубокой осени мы занимались постройкою батарей, ожидая наверного нападения на будущее лето.

«То-то сучали они, — подумают многие, — в Камчатке, в холоду и т. д.». Но ничего не бывало, и я до сих пор с приятностью

вспоминаю зимовку в Петропавловске. Жили мы большою семьею, в которой никогда не было скучно. Весьма часто собирались у тогдашнего военного губернатора В. С. Завойко, которого радушный приём оставлял всегда приятное впечатление. Да как бы вы думали — у нас бывали балы! Да ещё какие балы, на которых танцевали до пяти и шести часов утра, несмотря на то, что в оркестр, состоящий из скрипача, игравшего левой рукой, барабана, треугольника, ещё одной скрипки, входила ещё русская гармоника, на которой артист весьма искусно исполнял кадрили, польки и т. д.

Береговую жизнь вели мы, не разъединяя нашей кают-компании. Собирались утром к чаю, в час пополудни к обеду и вечером к чаю, после коего обыкновенно составлялось несколько партий в ералаш, бостон, преферанс и т. д.

Почти оконченные работы на батареях прекратились. Окружающие горы, сопки, долины, озёра, крыши города и маленький порт наш покрылись белою пеленою ослепительного снега, клоками повисшего на деревьях и кустарниках; явилось несметное количество ворон, которые в своих чёрных фраках преважно разгуливали на заборах, крышах, а всего чаще помещались на спинах собак, привязанных в немалом количестве почти у каждого дома. Открылось новое удовольствие — езда на собаках. Сколько раз устраивались пикники в селение Авачу, отстоящее вёрст на двенадцать от порта, на Култук, на Тайонскую и т. д. Действительно, езда на собаках имеет свою оригинальную приятность. Наденешь, бывало, кухлянку, торбасы, кукуль, оштыль в руки, нарта собак завывает на разные тоны у подъезда, и через несколько минут очутишься бог знает где, один со своими собаками, посреди белеющей равнины, нескончаемого снега, чернеющих кустов и деревьев. Нарта бывает в пять, семь, десять и более собак, которые весьма удобно везут лёгкие санки особого устройства; управляются они командою. Передовая учёная собака слушает и поворачивает по команде направо или налево, останавливается или трогается с места. Оштыль есть большая палка с железным загнутым наконечником, которая служит вроде тормоза при спуске с горы, когда собаки несутся во весь дух и санки угрожают переломать им задние ноги.

Незаметно подошёл и Великий пост. Многие из наших собрались говеть на четвёртой неделе. Возвращаясь однажды от заутрени, до меня дошёл слух, что от генерал-губернатора приехал курьером адъютант его Мартынов. И действительно, проходя мимо дома боцмана Спелихина [Спылихина], увидели мы две нарты собак, по-видимому, приехавшие из дальней дороги. Легко представить

себе нашу радость и ожидания. Многие из наших офицеров пошли тотчас к Мартынову. Первые известия были довольно радостны. Дело наше 24 августа наделало много шума. Награды посыпались на нас щедрою рукою. Капитан наш был в это время на Паратунских горячих ключах, вёрст за тридцать от порта. Некоторые из наших отправились к нему сообщить приятные новости. Разбирая огромную почту, мы с радостью прочитали брошюру о нападении англо-французов на Петропавловск и рассказ иностранных газет. Мне только было грустно: все получили письма, исключая меня. Вдруг приносят ещё пакет; распечатывают — и о радость! — четыре письма ко мне. Грешный человек, я позабыл о вечерне и провёл вечер, умственно беседуя со своими. Вместе с другими новостями пришло важное известие о высочайшем повелении снять Петропавловский порт и перевезти всё на Амур; фрегат и корвету «Оливуца» вооружиться и служить конвоирами при перевозках, перевозивших порт. Сроку на вооружение, переборку и выход в море был дан всего один месяц. Весьма трудно было исполнить это. Начнём с фрегата. Все орудия его правого борта, исключая трёх или четырёх, были сняты и поставлены на береговые батареи, отстоящие довольно далеко от него. Фрегат стоял развооружённый совершенно, и кроме того, грот-мачта его, пробитая 24 августа, лежала ещё в порту разобранная. Порт надо было перевозить на суда на собаках. Бомбические орудия большого калибра находились уже на батареях немалой высоты и были совершенно занесены снегом. Кроме того, для прохода судов из Малой губы в большую надо было пропилить довольно толстый лёд на большом протяжении — всё это зимою, в холод и не при довольно благоприятной погоде. Работ было бездна; все с утра и до позднего вечера были заняты, и благодаря помощи божией 5 апреля, то есть ровно через месяц после приезда Мартынова, мы перешли из Малой губы на большой рейд и 6-го отправились в море, сопровождаемые корветом «Оливуца». Транспорт «Иртыш» и «Байкал» вышли ещё за день до нас. «Двина» вышла днём позже.

В воскресенье четвёртой недели, первое по приезде Мартынова, утром до обедни офицеры наши собрались у капитана, который раздал присланные кресты. После обедни был завтрак у губернатора. В следующее воскресенье происходила раздача Георгиевских крестов. После обедни все пошли на площадь против казарм, 47-й (теперь 27-й) экипаж фрегата был выстроен здесь под ружьём в каре, лицом в средину. Сперва отслужили молебен с водосвятием, освятили кресты, вызвали кавалеров на средину, и началась раздача.

Принесли кормовые флаги с фрегата и корвета и ещё два знамени казачьих полков, бывших некогда в Петропавловске, которые преклонялись над головою каждого, на которого сам губернатор надевал крест при команде «на краул» и музыке. После нас, шести офицеров, украсилось восемнадцать человек нижних чинов. Поздравления сыпались со всех сторон, и было с чем. После этого парада до отправления нашего не происходило ничего особенного, разве только светлый праздник и разговень у губернатора. Работы продолжались с прежнею неутомимостью, на второй день праздника все собрались на могилу убитых при защите порта, где отслужили панихиду и, помянув князя МаксUTOва, разошлись по домам приготовляться к переборке на суда.

3 апреля перебрались мы на фрегат.

5 апреля в восемь часов утра подняли контр-адмиральский флаг и, освободившись от швартовов, перешли в большую Авачинскую губу.

6 апреля в четыре часа утра приехал адмирал, и с рассветом снялись с якоря. Мало-помалу Сигнальный мыс стал закрываться Раковым, явились Три Брата (одинокие камни при входе в Авачинскую губу), и наконец, пройдя Дальний маяк, мы вступили в океан, который встретил нас штилем и слабою зыбью. Я взобрался на кормовой банкет и долго-долго смотрел на камчатский берег. (Банкет — площадка у борта на некоторой высоте над палубой. На неё поднимались, чтобы смотреть или стрелять через борт. — П. К.)

Остроконечные сопки везде возвышались над скалами, набросанными одни на другие и покрытыми снегом. Отвесная скала, на которой построен Дальний маяк, Три Брата, проход в Авачинскую губу, острова Старичков и Топорков (топорок — морская птица с большим красным носом), вдали Коряцкая и Стрелчатая сопки, ясно отпечатывающиеся на голубом фоне неба, и над Авачинскою сопкою серый столб дыму; неизмеримый океан, дикий угрюмый берег и бесчисленные фонтаны китов, искрившиеся по всем направлениям от лучей солнца — вот какая картина представилась глазам нашим при выходе в открытое море...

Приложение

Список господам штаб- и обер-офицерам и другим чинам 44-пушечного фрегата «Аврора» в 1854 г. в кампании с 1 января по 1 сентября

19-го флотского экипажа капитан-лейтенанты:

Иван Изильметьев — командир фрегата.

Михаил Тироль — исполнял обязанности старшего офицера и в продолжение всей осады и бомбардировки в славные 20 и 24 августа был героем.

19-го флотского экипажа лейтенанты:

Михаил Тодоровский — командир нижнего дека. 20-го числа августа действовал мужественно и хладнокровно, меткими выстрелами с батареи по пароходу заставлял его прекращать бомбардирование и скрываться за Сигнальный мыс. Когда на Красном Яре, занятом неприятельским десантом, был поднят французский флаг, он удачными выстрелами выбил оттуда неприятеля.

Константин Пилкин — командир верхнего дека. 20-го числа августа действовал с батареи по неприятельскому пароходу и Красному Яру. 24 августа со второй абордажной партией был послан мною для вытеснения неприятеля с Никольской горы, отважно бросился в гору под сильным ружейным и пушечным огнём во фланг неприятеля, быстро преследовал его и сбил с высоты штыками.

Иосиф Скандраков — исправлял должность ревизора, все снаряды во время боя были выдаваемы быстро и в порядке. 24 августа с третьей абордажной партией подкрепил стрелковые партии, содействовал к отражению неприятельского десанта.

Евграф Анкудинов — 20 августа по приказанию моему был послан с артиллерийским офицером для исправления укреплений и повреждённых орудий, во время боя поручения исполнял под неприятельским огнём с мужеством и деятельностью. 24 августа с первой абордажной партией находился при отражении неприятельского десанта. Когда неприятель занял высоты над городом, он по приказанию военного губернатора «выбить неприятеля» смело бросил под сильным ружейным огнём на неприятеля и с криком «Ура!» сбил его с высоты штыками, заставил в беспорядке ретироваться на шлюпки.

Александр князь Максutow — командир батареи № 3. Во время сражений был на своей батарее и примером самоотвержения показал храбрость героя. 24 августа неприятель сосредоточил выстрелы по батарее № 3, огонь был жестокий. Лейтенант князь Максutow, осыпaeмый ядрами, лично наводил орудия по неприятельским судам, во время неустрашимых своих действий от неприятельского ядра лишился левой руки.

19-го флотского экипажа мичмана:

Василий Попов — 20 августа, командуя батареею, 34 меткими выстрелами наносил вред неприятельским судам, когда его батарея совокупным действием трёх неприятельских фрегатов была сбита, он под сильным пушечным огнём неприятеля в порядке отступил к первой стрелковой партии мичмана Михайлова, соединясь с которым действовал по неприятельскому десанту и заставил его возвратиться на гребные суда. 24 августа, командуя батареей № 1, меткими выстрелами по корвету, остановил его при входе в губу.

Дмитрий Михайлов — 20 августа по распоряжению военного губернатора, командуя первую стрелковую партией, участвовал в изгнании неприятельского десанта с Красного Яра. 24 августа, находясь со своею

стрелковою партией у подошвы Никольской горы, когда неприятельский десант утвердился на высотах между городом и перешейком, он по приказанию военного губернатора, совокупно с партией Анкудинова, смело бросился под неприятельскими выстрелами в гору, меткими выстрелами сбили его с места, и довершили поражение штыками.

Николай Фесун — 20-го числа, исполняя возможные поручения под неприятельским огнём, скоро и хладнокровно, когда с неприятельских судов был свезён десант к Красному Яру, он с первою стрелковою партией был послан для подкрепления стрелков мичмана Михайлова, где и участвовал в изгнании неприятельского десанта. 24 августа, когда командир батареи № 3 был ранен, мичман Фесун, заступив на его место, мужественно исполнял свои обязанности. Когда с неприятельских судов был свезён десант, он с первою стрелковою партией храбро действовал против неприятельского десанта, меткими ружейными выстрелами принудил неприятеля к отступлению и потом штыками опрокинул к гребным судам и, поражая с высоты бегущего неприятеля ружейным огнём, нанёс ему сильное поражение при отражении.

Андрей Поль. В кампании с 1 января по 24 июля.

Корпуса флотских штурманов подпоручик *Василий Дьяков* — находясь во время действия при ведении журнала, исполнял свою обязанность как следует храброму офицеру. 24 августа был послан мною на перешеек для наблюдения за движением неприятеля, где был сосредоточен сильный пушечный огонь с неприятельских судов. Подпоручик Дьяков хладнокровно и точно передавал мне о движении неприятеля и верно исполнял поручения.

Корпуса флотских штурманов прапорщик *Семён Самохвалов* — во время военных действий находился при военном губернаторе, я могу только всепокорнейше просить не оставить вниманием этого отличного офицера, который в продолжение службы на вверенном мне фрегате всегда ревностно исполнял свою обязанность.

Корпуса флотских штурманов прапорщик *Аполлон Шенурин*. В кампании с 1 января по 24 июля. С 19 августа находится на корвете «Оливуца».

Корпуса морской артиллерии прапорщик *Николай Можайский* — во всё продолжение военных действий исполнял свои обязанности с мужеством и знанием отличного офицера, во время сильного неприятельского огня исправлял повреждения на батареях № 1 и 3 и приводил в возможность к действию подбитые неприятельскими выстрелами орудия. В одну ночь исправил батарею № 4, которая была совершенно избита. 24 августа сделал вновь вал к батарее № 3, в короткое время сильно повреждённую батарею привёл в прежний вид.

Корпуса морской артиллерии цейхвахтер 9-го класса *Михайло Злобин* — исправлял свою обязанность ревностно и усердно, во время сражения все снаряды и артиллерийские вещи были выдаваемы им быстро и в порядке. После сражения находился при исправлении укреплений и повреждённых орудий.

Состоящий по адмиралтейству *Дмитрий Жилкин* — во время военных действий исполнял свою обязанность ревностно и с усердием. 24 августа с прислугою от батареи № 3 в числе двадцати семи человек был послан в стрелки, в помощь первой стрелковой партии мичмана Фесуна, соединясь с которой отважно напал на неприятеля, лично участвовал в рукопашном бою при сбитии неприятеля с Никольской горы.

23-го флотского экипажа младший врач, доктор медицины *Виталий Вильчковский* — находясь во время сражения на фрегате «Аврора» при подании помощи раненым, он эту священную обязанность исполнял с ревностно. Все раненые его усердием и распорядительностью получили верную и скорую помощь.

Александро-Невского монастыря иеромонах *Иона* — во всё время сражения вёл себя достойно своего духовного сана, своими молитвами и пастырским словом укреплял сражавшихся в вере во всевышний промысел и в исполнении священного долга престолу и отечеству.

Юнкера:

Николай Орурк — находясь во время сражения при мне, все мои приказания и распоряжения передавал ясно и без торопливости. 24 августа, будучи послан мною для наблюдения за действием неприятельского десанта, под пушечным и ружейным огнём неприятеля исполнил поручение мужественно и передавал наблюдения верно и отчётливо.

Константин Литке — во время боя находился при военном губернаторе, я же долгом поставляю донести вашему высокопревосходительству, что в продолжение времени службы его на фрегате он исправлял свою обязанность с усердием и расторопностью.

Морского кадетского корпуса гардемарины:

Иван Колокольцев — так же находился при военном губернаторе. Я же долгом считаю представить о нём, как усердного и распорядительного гардемарина.

Гаврило Токарев — 20 августа находился на батарее № 4. По свидетельству батарейного командира мичмана Попова, во время бомбардирования этого укрепления, так и во время военных действий вёл себя мужественно, как следует воину.

Дмитрий Кайсаров — 20 августа находился на батарее № 3 для наблюдения за движением неприятеля, что исполнял хладнокровно и передавал наблюдения ясно. 24 августа находился в первой abordажной партии лейтенанта Анкудинова, с которой участвовал в отражении неприятельского десанта, и лично храбростью обратил на себя внимание партионного начальника.

Владимир Давыдов — 20 августа, находясь при командире батареи № 2 господине князе Максутове, во время сильной канонады по этой батарее, продолжавшейся девять часов, гардемарин Давыдов вёл себя с непоколебимым хладнокровием и неустрашимостью. 24 августа с частью прислуги от батареи № 2 участвовал в прогнании неприятельского десанта с высот Никольской горы.

Все произведены в мичмана 28 апреля.

Императорской академии наук натуралист 9-го класса *Леопольд Шренк*. В кампании с 1 января по 24 июня. С 19 августа находится на корвете «Оливуца».

Императорской академии наук рисовальщик коллежский секретарь *Василий Поливанов*. В кампании с 1 января по 24 июня. С 19 августа находится на корвете «Оливуца».

Императорской академии наук препаратор, не имеющий чина, *Михаил Шиль*. В кампании с 1 января по 24 июня. С 19 августа находится на корвете «Оливуца».

Всего 28 человек.

РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 3003. Л. 72—76

ВОЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ (1854—1855 гг.)

Рассказ иностранных газет о нападении англо-французов на Камчатку в августе 1854 г.

Иностранные газеты сообщают разные известия о нападении на Петропавловский порт союзной англо-французской эскадры, причём американские газеты сообщают об этом деле, как о блестящей победе, одержанной русскими над союзниками, а англичане и французы стараются уменьшить свою неудачу или извинить её разными обстоятельствами. Представляем извлечение из рассказа об этом деле иностранцев.

Корреспондент газеты «Times» пишет от 3 (15) октября из Сан-Франциско:

«Полагаю, что до вас дошли слухи о нападении соединённых французской и английской эскадр на Петропавловск, русское поселение на восточном берегу Камчатки. Это известие привезено в Сан-Франциско прибывшею сюда 12 сентября (3 октября) французскою эскадрою, состоящей из фрегатов: *La Forte*, 60 пушек, под флагом адмирала Де-Пуант (*des Pointes*), *L'Eurydice*, 30 пушек, капитан Ла-Грандиер (*La Grandiere*), и брига *Obligado*, 18 пушек, капитан Розанкур (*de Rosencourt*). Они оставили Петропавловск назад тому 25 дней. Английская эскадра пошла к острову Ванкувера, и ожидается в Сан-Франциско со дня на день.

Самый верный рассказ об этом сражении появился во французской газете «L'Echo du Pacifique», издаваемой в Сан-Франциско. Прилагаю с него копию, присовокупляя для ясности дела, что Петропавловск есть место весьма значительной важности и служит резиденцией военного начальника области, имеет многочисленный

гарнизон, получивший большие подкрепления из Сибири, под начальством знаменитого и опытного генерала, ещё за месяц до того времени, как в Тихом океане получены были первые известия о войне. Подкрепление это было доставлено вниз по Амуру на многих пароходах к Сахалину, а оттуда через Охотское море в Петропавловск.

“Город и укрепления Петропавловска расположены в глубине внутренней бухты, вдоль которой тянется, параллельно городу, длинная песчаная коса и от неё отмель, оставляющая узкий проход в эту бухту из другой, наружной. Союзники нашли в Петропавловске два русских военных корабля: 44-пушечный фрегат «Аврора» и 20-пушечный транспорт «Двина». Суда эти были разоружены и обращены в батареи. Они находились под защитой песчаной отмели и косы, и стали видимы только с того времени, когда открыли жаркий огонь”.

Затем поспешу представить вам рассказ о бывшем сражении:

“13(25) июля союзный флот вышел из Гонолулу, причём он состоял из французских судов: *La Forte*, 60 пушек, *L'Eurydice* — 30, *L'Artemise* — 28 и *Obligado* — 20 пушек; из английских: *President*, 50 пушек, *Pique* — 30, *Amphitrite* — 24 и парового шести-пушечного корвета *Virago*.

18 (30) июля *Amphitrite* и *Artemise* отправились в Сан-Франциско.

16 (28) августа этот флот был на высоте Петропавловска. После предварительного осмотра местности бухты пароходом *Virago*, 17 (29) августа, флот с распущенными флагами двинулся в следующем порядке: *President*, *Forte*, *Pique*, *Eurydice*. *Virago* шёл рядом с *President*, *Obligado* — с *Forte*. Едва мы бросили якорь, как четыре русские батареи открыли по нас огонь. Батареи эти были устроены: 1-я на Шаховом мысе (*Shacoff*), по левую сторону входа; 2-я устроена по правую сторону; 3-я, скрытая батарея о двенадцати пушках, на узкой полосе земли, выдающейся из бухты, возле входа, и, наконец, 4-я батарея на полуострове защищала город с западной стороны. Эта последняя батарея была устроена на низменной части берега, из-за которого виднелись мачты четырёх судов, трёх военных и одного купеческого.

Было около половины шестого часа пополудни, когда *Virago* приблизился к берегу и открыл огонь по русским батареям. Батарея, вооружённая мортирами, отвечала ему бомбами, которые, не долетая до судов, разрывались высоко в воздухе. На всех судах наших в течение ночи поддерживали огни, чтобы занять внимание русских, не перестававших стрелять во всю ночь. К утру были сделаны все приготовления к самому жестокому бою.

Батарея на мысе Шаховом была вооружена пятью орудиями большого калибра; скрытая батарея имела двенадцать 36-фунтовых пушек; батарея по правую сторону была менее опасна и защищалась слабыми укреплениями. Английский адмирал приказал старшему артиллеристу (*master-gunner*) с фрегата *Pique* сбить одно из неприятельских орудий этой батареи. Ловко пущенное ядро скоро подбило одно из русских орудий. Скрытая батарея, очевидно, самая опасная для нас, была защищена фашинами двенадцати футов в диаметре. За пароходом *Virago* следовал *President*, по правую сторону парохода — *Pique*, а по левую — *Forte*, за песчаной косой виднелись три порта фрегата «Аврора» и транспорт. *Virago* приблизился на пушечный выстрел к маяку, с которого было тотчас же пущено ядро, упавшее близ парохода. *Virago* отвечал бомбой, попавшей в маяк. В час с четвертью пополудни капитан фрегата *Pique* отправился на шлюпке к фрегату *La Forte*, французский адмирал со своим адъютантом прибыл на *President*. В это время адмирал Прайс (*Price*) был смертельно ранен: пистолет, который он держал в руке, внезапно выстрелил, и пуля попала ему в сердце. Барабаны пробили отбой, и приготовления к сражению были отложены. Спустя час времени после сего заметили русскую шлюпку, вооружённую ботом, шедшую по направлению к Аваче. Две шлюпки с фрегата *President* погнались за нею и взяли её с находившимися на ней девятью матросами.

Утром 19 (31) августа открыт огонь с батареи Шахова, на который *Pique*, *Forte* и *President* отвечали сильною пальбой. *Virago* высадил отряд по правую сторону батареи. Огонь с батареи Шахова стал утихать; высаженный десант приближался к ней быстро, но был на некоторое время задержан сильным огнём с фрегата «Аврора». Скоро, однако ж, войска с криком «Ура!» заняли батарею, заклепали орудия и разломали пороховые ящики. С фрегата «Аврора» отправлено было двести человек, чтобы отнять у нас батарею. *Pique* и *Forte* открыли огонь для защиты своих людей, которые и возвратились на суда в совершенном порядке. С фрегата *Pique* стреляли картечью, на которую батарея отвечала сильным огнём. Четыре ядра попали в подводную часть фрегата и столько же в надводную. Около половины второго часа большая половина русских пушек умолкла, и в это время *President* подошёл на помощь к *La Forte*. В два часа все батареи умолкли, и русские возвратились на свои суда «Аврора» и «Двина». Канонада утихла, и ночь прошла в исправлении повреждений, полученных судами в течение дня.

20 августа (1 сентября) *Virago* вошёл в Тарьинскую губу, на берегу которой похоронили тело адмирала Прайса.

Во время пребывания нашего здесь захвачены три американских матроса, бежавшие с китоловного корабля. Они сообщили весьма важные подробности касательно местности Петропавловска.

22 августа (3 сентября) на фрегате *La Forte* был собран военный совет, на котором решено на следующий день приступить к вторичной атаке. Положено сделать высадку из семисот человек обеих наций, в том числе сто семьдесят морских солдат. Каждому дано было по шестидесяти патронов и, кроме того, на шлюпках находилось значительное число запасных. Начальником французского отряда был капитан де-ла-Грандиер, англичанами командовал капитан Барридж (*Burridge*); ему же вверено было командование всем десантом. День совещания был проведён в приготовлениях. В понедельник 23 августа (4 сентября) в три часа утра барабанный бой вызвал всех наверх, и десантный отряд собрался на *Virago*, откуда был перевезён на низменную часть полуострова. Батарея открыла огонь по рангоуту *Virago*. *La Forte* отвечал выстрелами, сбившими одну из пушек этой батареи. Несмотря на то, огонь её удвоился против фрегата, и с таким искусством, что ядра осыпали фрегат, летали над ним со свистом, и одно попало в готмачту, в 15 футах от палубы, другое — в самую середину фокмачты. Отряд вышел на берег в восемь часов, и обе батареи замолкли. Командир фрегата *La Forte* именно указал десанту на складочный магазин жиру; отряд придвинул к нему орудие и с первых выстрелов успел зажечь его; магазин горел около шести часов. Отряд двинулся далее, имея впереди английских матросов; по прибытии на батарею они заклепали пушки и, поднявшись на гору, вступили в густой кустарник.

Здесь союзники были встречены сильным ружейным огнём, на который отвечали они из-за кустов. Пароход *Virago*, высадив отряд, пошёл к северному мысу, с которого не прекращался постоянно жаркий огонь. Здесь, близ города, на ручье, он открыл батарею, вооружённую пятью орудиями, и вскоре заставил её умолкнуть. Между тем сражение в кустарниках продолжалось весьма жарко. Солдаты дрались с остервенением, но были поражаемы огнём русских. Уже капитан С. А. Parker, находившийся впереди английских матросов, пал; М. Bourasset был убит, лейтенант Lefebre с корвета *Eurydice* также убит; тогда отряд, не будучи в состоянии выносить неравный бой, получил приказание отступить и возвратиться на суда.

Первая цель высадки была достигнута: батареи были брошены русскими, прислуга перебита, а самые пушки заклёпаны. Идти далее значило подвергаться большим потерям. Чтоб выгнать русских из лесу, которого величины не знали, нужно было бы вести правильную осаду. Войска медленно удалились. Сто человек застряли между развалинами батарей и удерживали нападения русских, между тем как раненых переносили к берегу. На фрегате *La Forte* плотники исправляли повреждения, сделанные в его корпусе; на следующий день, 24 августа (5 сентября) убитые были похоронены в Тарьинской губе. 25 августа (5 сентября) эскадра изготовилась к отплытию и 26 августа (7 сентября) отправилась в обратный путь. В продолжение этого дня увидели два судна: одно из них было трёхмачтовое, другое шхуна. *Virago* взял эту шхуну, а *President* взял другое судно, оказавшееся транспортом «Ситха» в 800 тонн, шедшим из Аяна в Петропавловск с провизией и оружием. Груз этого корабля оценён в 200 000 фунтов стерлингов. 8 сентября шхуну сожгли в открытом море».

«Такова была Петропавловская битва, — продолжает корреспондент «Times», — одна из кровопролитнейших встреч, когда-либо происходивших в столь отдалённых местах между англо-французами и русскими. Хотя союзная эскадра и не имела совершенного успеха, но всё же достигла важных результатов. Русские потеряли много людей, которых весьма затруднительно перевезти в такой отдалённый пункт; потеряли большое число пушек, заклёпанными и приведёнными в негодность к дальнейшей службе. Кроме того, они потеряли провизию, в которой, вероятно, нуждались и которую везли к ним на «Ситхе». Вдали от всякого подкрепления, без надежды получить провизию, гарнизон Петропавловска отделён теперь от остального мира арктической зимой. Уединённая крепость среди льдов не составляет завоевания. Цель союзников состояла в нападении на русские суда, но не на укрепления, и если русские фрегаты не были взяты, то, по крайней мере, значительно повреждены: у «Авроры» перебиты мачты, повреждены палубы и подбиты многие орудия. Повреждения эти осуждают фрегат на бездействие в продолжение зимы, если бы даже морозы и лёд позволили ему выйти из Петропавловска.

Потери, понесённые союзной эскадрою, не ослабили ни наших сил, ни нашего энтузиазма. Имея численное превосходство перед неприятелем, эскадра была только остановлена препятствиями, которых превозмочь у ней достало бы храбрости, но преодоление их не представляло вознаграждения победителям. Кроме того,

эскадра имела недостаток в провизии; предполагали, что Петропавловск сдастся при первых выстрелах, и не рассчитывали, что он мог противиться.

В продолжение всего плавания экспедиции, самые дружественные чувства существовали между французами и англичанами: на берегу и в море, в гавани Гонолулу и под огнём Петропавловска офицеры и матросы обеих наций при бесконечных сношениях научились уважать друг друга. Обе нации, некогда соперницы и теперь друзья, повинуются одной мысли и смешивают свою кровь на полях битв. В полярных странах Азии и на берегах Бомарзунда они одушевлены тою же симпатиею и тем же соревнованием. Храбрый Паркер, ободряя солдат идти вперед, умирает в первых рядах; подле него падают наши солдаты и офицеры, поражаемые невидимым неприятелем: дружество, основанное на взаимном уважении и скреплённое подобным братством, заверяет в постоянстве союза двух величайших в свете наций».

Газета *Herald*, рассказывая то же событие, говорит:

«Возобновление нападения в нынешнем году невозможно, потому что беспрестанные туманы, господствующие в этих странах, делают Петропавловск недоступным. Даже когда флот находился в этой бухте, туман был столь густ, что невозможно было рассматривать сигналов на расстоянии двойной длины корабля. Неудачная попытка разрушить Петропавловск, давшая пищу разным толкам даже в этом отдалённом крае, будет, вероятно, критикуема в Англии и Франции и, может быть, с некоторою строгостью. Посему необходимо упомянуть, что не имелось в виду взять город. Обстоятельство было такого рода: союзный флот вышел на поиски за русскими военными судами, и в то время, когда, по недостатку воды, подошёл к Петропавловску, внешние батареи открыли по флоту сильный огонь, прежде чем с наших кораблей сделан был хоть один выстрел. Соединённый флот принужден был бороться с многочисленными трудностями, с сильным течением и туманами, не позволявшими кораблям нашим приблизиться на расстояние трёх миль к песчаной банке, разделяющей бухту. К этому надобно прибавить, что у нас был только один пароход. От пленных, взятых на “Ситхе”, узнали, что русская эскадра находится в Охотском море близ устья Амура, где имеет свой сборный пункт.

Amphitrite и *Trincomale* вместе с французским корветом *L'Artemise*, оставившие Сан-Франциско 23 сентября, до сих пор ещё не возвращались. Предполагают, что *Amphitrite* отправилась

на Сандвичевы острова. Командир этого фрегата, капитан Фридрикс, примет начальство над английской эскадрой, по случаю смерти адмирала Прайса».

В американских газетах говорят:

«Газеты Сан-Франциско сообщают нам подробности о первых морских действиях союзников против русских владений в северной части Восточного Океана. Первый пункт, избранный ими для нападения, был Петропавловск, расположенный на восточном берегу Камчатского полуострова. Это место весьма важно. Там всегда содержится сильный гарнизон, и ожидание прихода союзного флота весьма много способствовало к принятию мер самых энергических к возможному усилению его защиты.

13 (25) июля соединённая англо-французская эскадра в числе шести военных судов силою в 296 орудий вышла с Сандвичевых островов по назначению в Камчатку и достигла Петропавловска 17 (29) августа. Здесь встретили их гораздо решительнее, нежели они ожидали, потому что едва заметили приближение судов, как береговые батареи открыли по ним сильный огонь. Прежде, нежели началось бомбардирование, произошёл случай, распространивший страх и горечь на английских судах. В то время, когда адмирал Прайс заряжал свои pistols, один из них случайно выстрелил, и пуля попала прямо в сердце адмирала. Из почтения к его памяти нападение было отложено до следующего дня. 19 (31) августа союзная эскадра открыла огонь.

Заметить надобно, что город расположен во внутренней бухте, где русский военный 44-пушечный фрегат “Аврора” и транспорт “Двина” стояли под защитой песчаной отмели, разделяющей бухты. Наружная бухта защищена тремя фортами; один из них расположен на оконечности узкого полуострова, образующего бухту, другие два форта — на противоположном берегу. Возвышение, на котором построен Петропавловск, также защищено батареями; и дело было одно из самых отчаянных. Русские, по всем слухам, показали в нём величайшее хладнокровие и храбрость.

В продолжение четырёхдневного бомбардирования батареи и суда русские действовали отлично; судя же по описанию состояния французских судов, пришедших чиниться в Сан-Франциско, надобно полагать, что они значительно пострадали.

Союзники, заставив умолкнуть русские батареи, послали на берег десант, состоявший из шестисот человек морских солдат, чтобы заклепать пушки и разрушить оставленные гарнизоном батареи.

Но по обману или измене со стороны своего проводника попали в засаду между кустарником, который замедлял их движение, тут они подверглись сильному ружейному огню русских стрелков. После отчаянной схватки союзники успели разрушить один из фортов и захватить в плен 43 человек. Но так как было видно, что город не может быть взят без огромных потерь, то и отдано приказание: возвратиться на суда, и флот отправился в обратный путь. При выходе из Петропавловска союзники успели захватить корабль «Ситху», принадлежащий Российско-Американской компании».

В другой американской газете говорят:

«Союзники встретили отпор в своих первых морских действиях против России в нынешнюю войну. Хотя единственные сведения по этому предмету почерпнуты из французских и английских источников, но всеобщее впечатление таково, что при бомбардировании Петропавловска русские имели решительный перевес.

Главная часть сражавшейся французской эскадры находится 4 (16) октября в гавани Сан-Франциско, где соединится с частью английской, и будет зимовать в Монтерее. Очевидно, что союзники были разбиты, и потому мы не будем изумлены, если русский губернатор в своём донесении императору скажет, что он одержал победу над шестью союзными военными кораблями и заставил их уйти в самом печальном виде. Французы и англичане дрались хорошо, но решимость русских видна была в силе, с какой они защищали незначительный камчатский городок против сильного и хорошо вооружённого неприятеля. Русские действовали так хорошо своей артиллерией, что нанесли значительный вред союзникам, и мы предполагаем, что последние проучены порядочно. Некоторые причины заставляют полагать, что английский фрегат *President* сильно избит, да и *La Forte* порядочно отделан.

До нас дошли слухи, что потеря, понесённая союзниками, вчетверо более того, как они говорили сначала. Сражение на берегу между союзным отрядом морских солдат и русскими было, без всякого сомнения, очень несчастливо для первых. Здесь русские, хорошо скрытые местностью, встретили нападающих смертоносным огнём, принудили их оставить своё намерение идти в город и заставили отступить, как мы слышали, в большом беспорядке к своим судам и вступить под паруса, ничего не сделавши. Петропавловск не тронут; «Аврора» и «Двина» стоят там благополучно, первая почти разоружённая.

Единственный трофей союзников был несчастный купеческий корабль с тремя или четырьмя пушками, принадлежащий Российско-Американской компании, которому посчастливилось набежать на союзников прежде, нежели он их рассмотрел и, разумеется, должен был сдать без выстрела».

Ещё некоторые подробности из другого источника:

«Состояние французских судов в гавани носит сильное свидетельство искусства русских в артиллерийском деле, и потребуются большие суммы денег на исправление всех повреждений. Английский фрегат *President* находится в весьма печальном положении, и достиг острова Ванкувера с большой опасностью. Одно ядро, пущенное с русской батареи, разом положило у него тринадцать человек, и фрегат пробит насквозь во многих местах.

По всем рассказам о подробностях бомбардирования Петропавловска ясно видно, что союзники ни мало не ожидали такого приёма, которого удостоились».

О некоторых из описанных здесь событиях редакция «Морского сборника» может сообщить ещё несколько слов из письма одного русского, бывшего на корабле Российско-Американской компании «Ситха» и попавшегося в плен к англо-французам.

Чиновник особых поручений камчатского военного губернатора титулярный советник Хитрово отправлялся к месту служения своего из Аяна на транспорте «Ситха». Он пишет из Сан-Франциско:

«Во время плаванья моего от Петропавловска к Сан-Франциско на французском 60-пушечном фрегате *La Forte*, куда я был пересажён в числе других пассажиров с корабля Российско-Американской компании “Ситха”, взятого англичанами близ Авачинской губы 27 августа, я получил от французских офицеров сведение о славном для русского оружия бое при Петропавловском порте. Вот что они рассказывали:

“Соединённая эскадра отправилась с Сандвичевых островов в Петропавловский порт, надеясь найти там эскадру вице-адмирала Путятина; 27 августа она увидела берег и легла в дрейф для совещания о приготовляемом нападении. От найденных на берегу американских матросов она узнала о присутствии в порте фрегата «Аврора» и транспорта «Двина», и об укреплениях, защищающих город. По совещанию между адмиралами Прайсом и Феврие-де-Пуантом решено было сделать 30-го числа нападение на Петропавловский порт, стараясь при том, по возможности, щадить город и причинить вред «Авроре», чтобы отнять у неё возможность выйти

в море. Августа 29-го, в то время, когда с обеих сторон готовились к бою, известие о смерти адмирала Прайса повергло всю эскадру в смятение. Смерть эту объясняют неосторожностью при зарядании пистолета, но, по всем вероятностям, он погиб жертвою самоубийства. Причины же, могущие побудить к этому поступку человека шестидесяти лет, заслуженного и богатого, в то время, когда представлялся случай пасть со славою в битве с врагом, решительно неизвестны, а те, которые стараются придумать, основаны на странности его характера. Погребение адмирала на берегу, куда тело было отвезено ночью, заняло всё 30-е число и отсрочило предполагавшееся нападение, которое было произведено не прежде 31-го числа.

По составленному плану решено было идти французскому фрегату *La Forte* и английским *President* и *Pique* и, заставив замолчать наружные батареи, войти в самый порт и уничтожить «Аврору». К двенадцати часам суда двинулись, но вследствие непонятых приказаний под огонь батарей подошёл один *La Forte*, и после боя, продолжавшегося сорок пять минут, видя, что подкреплений нет, отошёл, заставив молчать две батареи, которым держаться было чрезвычайно трудно, потому что они были совершенно открыты, так что сами французские офицеры удивляются храбрости наших артиллеристов и отдают полную справедливость меткости их выстрелов. Эта первая неудача восстановила союзников друг против друга. Французы громко обвиняли англичан в измене.

Негодование это выражено было адмиралом де Пуантом, по-видимому, в довольно резких словах капитану Никольсону, принявшему команду над английской эскадрой после смерти адмирала Прайса. Вообще, кажется, что в соединённой эскадре существует сильное разногласие, как, например, разграбление и сожжение шхуны «Анадырь» было совершено англичанами вопреки строжайшему приказанию контр-адмирала де Пуанта ничего не трогать. Он всегда нам говорил про англичан: «Взгляды наши на вещи так различны, что мы никак не можем понять друг друга». Разногласие это началось уже в Каллао, где соединённая эскадра стояла на якоре вместе с русским фрегатом «Аврора», когда адмирал де Пуант не согласился на предложение Прайса не выпускать «Аврору» с рейда”.

Но возвратимся к рассказу:

“Хотя неприятельские суда не потерпели значительных повреждений, но пушки наши довольно напугали англо-французов, чтобы новое нападение было отсрочено на несколько дней, так что было предположено произвести оное на 23 августа (4 сентября) двояко:

высадкой десантной партии из шестисот человек и совокупным нападением судов на укрепления порта, а покуда ограничились рекогносцировкой, при которой суда подходили довольно близко к укреплениям, но не причиняли им вреда. Итак, 4 сентября пароход *Virago* прибуksировал суда под выстрелы укреплений, причём адмирал де Пуант прикрепил свои суда концами к английским фрегатам, чтобы быть уверенным в их содействии. Сделав это, пароход высадил на берег шестьсот человек десанту — триста англичан и столько же французов. Увлечённые первым порывом, матросы бросились в гору, не надеясь встретить сильного сопротивления, но были встречены меткими выстрелами наших стрелков, которые, будучи прикрыты камнями и кустами, не подвергаясь самой большой опасности, осыпали врагов градом пуль.

Сами французы признаются, что отступление их было ещё быстрее нападения. В страшном беспорядке, толкая друг друга, обрываясь с крутизны, они кое-как добрались до лодок и поспешили возвратиться к судам, которые со своей стороны, отошли, заставив опять молчать несколько батарей, но не успел сделать ничего важного. При этом последнем бое «Аврора», как говорят, получила несколько ядер в мачты и корпус, но не была повреждена значительно; английский же пароход имел такое сильное повреждение, что должен был оставить бой для починки. Из прочих судов более всех пострадал *La Forte*, но благодаря крепкой постройке, ядра не сделали ему большого вреда. Потеря их простирается до четырёхсот человек убитыми и ранеными, в том числе два французских офицера и один английский убиты и несколько ранены. С нашей стороны потеря неизвестна, но предполагают, что убиты два офицера. Вот, по возможности, подробное и точное описание боя, славного для русских, доказывающего, что как ни страшны силы, составившие против России, но при храбрости и преданности престолу её защитников бояться ей нечего; если горсть солдат с малыми средствами к защите могла с выгодой противостоять шести судам с двумястами орудиями огромного калибра и тремя тысячами человек экипажа, что же будет там, где приняты все меры и сосредоточены все силы? Итак, чем более врагов, тем лучше, тем славнее победа.

Доказательством того, как этот бой славен для русских, могут служить слова адмирала де Пуанта: «Генерал Завойко защищался храбро и со знанием дела; сожалею, что не мог пожать ему руки; я не ожидал встретить такого сильного сопротивления в ничтожном местечке».

За день до боя взято было в плен семь человек русских матросов, которые провозили куда-то кирпичи, видно, враги наши только и умеют побеждать беззащитных...»»

(Далее следует «Извлечение из письма мичмана Фесуна, служащего на фрегате “Аврора”», адресованного начальнику Морского кадетского корпуса Б. А. Глазенапу. Оно опубликовано в сборнике «Защитники отечества», Петропавловск-Камчатский, 1989. — С. 28—38).

Морской сборник, 1854 г., № 12 (декабрь). С. 448—464

Известия из Восточного, или Тихого океана

Извлечение из газеты «United Service Magazine» на счёт действий английской и французской эскадр в Тихом океане

Что намерены сделать в Петропавловске? Хотят ли остаться спокойны при позоре бывшего поражения? Ибо, по нашему мнению, мы там, действительно, потерпели поражение. Теперь (в начале лета 1855 г.) берега Камчатки освобождены от льдов, и хотя мы имеем значительный отряд судов в Тихом океане, однако же официально ничего не знаем о предположении другой экспедицией изгладить несчастье прошлогодней неудачи. Борт одного только русского фрегата и несколько батарей оказались непобедимыми пред соединённою морскою силою Англии и Франции, и две величайшие державы земного шара были осмеяны и разбиты ничтожным русским местечком!

Морской сборник, 1855 г., № 6

Донесения английского адмирала Брюса о неудачной его экспедиции к Петропавловскому порту в мае 1855 г.

Английское адмиралтейство получило от командующего станциею в Тихом океане контр-адмирала Брюса (Bruce) две депеши, адресованные на имя секретаря адмиралтейства:

«*Фрегат President, в Петропавловске; 15 июня (нового стиля) 1855 г.* Сэр, имею честь вас уведомить, для сообщения лордам адмиралтейства, что по прибыли моём в Петропавловск 30 мая я нашёл его совершенно покинутым: там не осталось ни одного человека, ни одного судна, ни одной пушки; виднелись только пустые амбразуры батарей и оставленные дома.

На утро следующего дня я на паровом шлюпе *Barracouta* в сопровождении капитана Пенанро (Penanros), командира французского фрегата *Alceste*, вступил во внутреннюю бухту. Мы нашли там трёх американцев, единственных оставшихся там людей; от них мы узнали, что русские суда: 44-пушечная *Аврора*, 20-пушечная *Двина*, 20-пушечная *Оливуца*, транспорты *Байкал* и *Иртыш*, 5 (17) апреля ушли отсюда вместе со льдом, забрав всех служащих и солдат (всего 800 человек), а равно пушки и военные снаряды; но мы не могли узнать назначения этих судов.

Я прибыл с моим фрегатом на назначенное рандеву — в широте $50^{\circ} N$, долготе $160^{\circ} O$ от Гртгвича, 14 мая; *Dido* и *Pique* пришли в тот же день. *Encounter* и *Barracouta* находились уже там с 14 апреля. Большой похвалы заслуживают капитаны О'Каллаган (O'Callaghan) и Стирлинг за то усердие, какое они выказали в этом случае, и их превосходительства могут видеть, с какою готовностью контр-адмирал сэр Дж. Стирлинг поспешил прислать вышеозначенные суда.

Французский фрегат *Alceste* и *Brisk* были в одно и тоже время недалеко от назначенного рандеву, но мне густой туман и дурная погода помешали увидеть губу d'Асоотска до 20 мая. К сему же числу я, имея в соединении шесть судов и ожидая скорого появления седьмого, подошёл к порту на буксире у *Barracouta*; за мной следовал *Alceste* на буксире у *Brisk*; *Dido*, *Pique* и *Encounter* прибыли в тот же вечер. Комендер Стирлинг на шлюпе *Barracouta* был отделён вперёд от эскадры; он, пользуясь временным прочищением тумана, осмотрел порт и донёс, что там нет уже ни одного судна.

Amphitrite из Гонолулу соединился со мною 11 июня в то время, когда я последовал за русскими судами к Охотску, доставленные им сведения показали мне, что там были уже англо-французы. 13-го я отослал на подкрепление эскадры сэра Дж. Стирлинга к устьям Амура, сперва *Pique* и *Barracouta*, а 14-го и *Amphitrite*. *Encounter* послан 12-го навстречу к адмиралу Стирлингу в Хакодаде (Hakodada), в пролив Матсмай, и если бы адмирал был ещё там, то уведомить его о движении прочих судов. *Amphitrite* соединится со мною в Ситхе, если капитан Фридрик найдёт бесполезным оставаться далее в Охотском море.

Но возвратимся к Петропавловску. Надо полагать, что по уходе отсюда союзной эскадры в прошлом году, русские страшно работали; мы нашли здесь девять батарей на 54 пушки, построенных с большим искусством и трудами из крепко переплетённых фашин толстотою футов 25 и в промежутках наполненных землёй; батареи эти большею частью были окопаны ямами, соединены крытыми

путями и защищены сзади кустарником. Всевозможные приготовления были сделаны к нашему приёму, прежде, нежели сюда достигло приказание очистить место.

Я приказал разрушить батареи, но, не встретив никакого сопротивления при входе в Петропавловск, считал долгом чести пощадить город.

Я нашёл скрывавшегося в Раковой бухте русского китолова в 400 тонн, имя его *Aian*, судно строено в Або в 1853 г. Оно должно было ещё за три недели перед сим плыть в Аян с семейством губернатора и с небольшой машиной для предполагавшегося там парохода. Но своевременное прибытие судов нашей эскадры воспрепятствовало его отплытию. Судно покинуто, без якорей, парусов и шлюпок. Оно будет уничтожено.

Я был очень огорчён, не могши открыть сношений с жителями, которые все бежали из города; мне хотелось выручить из плена двух англичан, оставленных здесь в прошлом году, и которые теперь находились между ними. Но американцы нас уведомили, что с пленными обходятся очень хорошо.

В заключение я должен прибавить, что, не смотря на огорчение, прибыв из-за две тысячи миль узнать, что неприятель успел уйти от нас, вероятно, лорды адмиралтейства примут во внимание то усердие и желание экипажей эскадры, с которыми они стремились принять участие в ожидаемых действиях против Петропавловска.

Ненарушимое согласие существовало между командиром французского *Alceste*, капитаном Пенанро, и мною. Я не могу достаточно выразить ту готовность, деятельность и усердие, которые он выказывал, чтобы согласно моим желаниям явиться на назначенном randevu. То же самое я должен сказать и о контр-адмирале Фуришоне.

Примите и пр., *H. W. Bruce*, контр-адмирал, начальствующий эскадрой».

«*В виду Ситхи, 17 июля.* Сэр, прошу вас уведомить лордов адмиралтейства, что пред уходом моим из Петропавловска я успел по поводу освобождения из плена двух человек, взятых в прошлом году, войти в сношения с капитаном *Martinkoff* (Мартыновым), временным губернатором места, переведённого отсюда во внутрь страны. Чрез посредство одного американца я послал этому офицеру охранное письмо, и он выслал мне пленников, находившихся тогда за сто пятьдесят вёрст, и 25 июня передал их капитану Горестону (*Horeston*), командиру фрегата *Trincomalee*. В обмен ему отдали трёх русских, которые с прошлого года находились в плену

на французском бриге *Obligado*. В доставленных нам пленниках мы узнали матросов William Garland с нашего фрегата *Pique* и Pierre Landois с французского фрегата *La Forte*. Последний будет передан на его судно по прибытии моём в Сан-Франциско, а первый, по просьбе его, помещён пока на *Brisk*, ибо его судно отправилось на станцию в Китай. По-видимому, с пленниками во всё время пребывания их у русских обходились весьма хорошо.

Примите и пр., *H. W. Bruce*».

Морской сборник, 1855 г., № 9

Статьи английских газет об уходе русской эскадры
из Петропавловского порта в апреле 1855 г.

Первое известие о русских судах, вышедших безнаказанно со всем гарнизоном из Петропавловской гавани, возбудило столь большое удивление, что оно нисколько не уменьшилось и после пояснительного рапорта контр-адмирала Брюса.

Оказалось, что русские военные суда: *Аврора*, *Двина*, *Оливуца* и транспорты *Байкал* и *Иртыш* отплыли из Петропавловска 5 (17) апреля, пропилившись через лёд. Они забрали с собой все пушки и военные припасы и взяли с собой все войска и чиновников гражданского управления, всего до 800 человек.

Английские пароходы *Encounter* и *Barracouta* находились 2 (14) апреля, за три дня до ухода русских судов, поблизости порта, а именно в широте $50^{\circ} N$ и долготе $160^{\circ} O$. Это благовременное достижение пароходами назначенного им рандеву дало повод контр-адмиралу Брюсу донести адмиралтейству: «Большую похвалу заслуживают капитан О'Каллаган и комендер Стирлинг за усердное исполнение данного им поручения, и лорды адмиралтейства заметят быстроту, с которою они были отправлены контр-адмиралом сэром Джемсом Стирлингом».

Так как изъяснения адмирала о густых туманах оказались удовлетворительными, то и не должно удивляться выходу русских судов спустя три дня после прихода чуть не на вид порта двух первых английских судов. Русские суда, вероятно, придерживаясь вплоть к камчатскому берегу, пустились от мыса Лопатки по прямому и безопасному курсу к реке Амур.

Между офицерами английской эскадры преобладало убеждение, что льды, заграждавшие выход из гавани, позволят русским судам оставить её несравненно позже, и что достаточно будет стеречь выход из гавани с половины апреля.

Но русские с их обыкновенною проницательностью предупредили прибытие англо-французской эскадры и вывели свои суда из льдов, чтоб спастись посредством густоты господствующих туманов.

Должно заметить, однако, что и контр-адмирал Стирлинг предвидел возможность отправления русских судов до вскрытия льда, и что для своего спасения они приложат всё старание преодолеть это препятствие. Почему он заблаговременно отправил *Encounter* и *Barracouta* в Камчатку, назначив им вышешоказанное рандеву; мера, на которую контр-адмирал Брюс обращает внимание адмиралтейства. Прибытие двух английских пароходов за три дня до ухода русских было им выставлено как «усердное исполнение», хотя оно оказалось безуспешным, ибо нельзя было подойти к Петропавловской гавани и даже взглянуть на неё.

Подобное удивление происходило в прошлом году, когда часть русских кораблей успела совершить переход из Свеаборга в Кронштадт в то время, когда английские блокирующие суда были принуждены удалиться по причине крепких ветров, снега и плавающего льда. (Naut Stand.).

Морской сборник, 1855 г., № 10

Предстоящее открытие парламента даёт нам право ожидать решения некоторых сомнительных вопросов, обративших на себя общее внимание. В числе их встречается вопрос: «что случилось с *почтенным* (honourable) командором Эллиотом и русской эскадрой?» Мы не говорим о сэре Джемсе Стирлинге, для которого это дело не показалось важным. Этот достойный адмирал преспокойно возвратился в Гон-Конг, будучи столь обрадован ребяческим Японским договором, что ему не до того было, чтоб вспомнить об *Авроре* и о своих русских товарищах по ремеслу. После некоторых прогулок, во время которых командор Эллиот кидался то в ту, то в другую сторону, и разных полумер, дело было брошено, и русская эскадра по выходе из залива де-Кастри могла преспокойно обдумать лучшие для себя планы для будущности. Быть может, сэр Джемс Стирлинг получил некоторые частные намёки от своих сиятельных и светлейших друзей, что война непродолжительна, и что неприлично при предстоящем мире совершать столь неприятное и пустое преследование.

Между тем, негодование моряков достигло высшей степени.

Каждый офицер, пристрастный к службе и принимающий её близко к сердцу, чувствовал, что британский флаг был позорно унижен (*miserably degraded*), обесчещен. По всему явствует, что

русская эскадра, оказавшаяся несравненно слабее эскадры, бывшей под начальством командора Эллиота (русская эскадра в заливе де-Кастри состояла из 44-пушечного фрегата «Аврора», 20-пушечного корвета «Оливуца» и 20-пушечного транспорта «Двина». Транспорты «Иртыш», «Байкал» и бот № 5 не имели пушек, и все суда эскадры заняты были пассажирами обоюго пола с их имуществом. Эскадра командора Эллиота, заставшая русскую эскадру в де-Кастри, состояла из 40-пушечного фрегата *Sibille*, 61-пушечного винтового парохода *Hornet* и 12-пушечного брига *Bittern*), была с умыслом выпущена нашими из залива де-Кастри.

Мы употребляем слово «с умыслом», ибо каким другим словом можно его заменить при факте, что суда командора Эллиота ушли на четыре дня из бухты, оставив в ней неприятеля на якоре? Адмирал Бинг (Bjng) был расстрелян за ошибочное своё мнение. Капитаны эскадры Бенбоуа (Benbow) были повешены за прекращение бесполезного преследования большей силы. Многие офицеры были отставлены от службы или получали строгие выговоры за то, что не употребили всех возможных стараний принудить неприятеля к бою. Но нельзя припомнить более совершеннейшей гнусности в морском деле, как выпущение русской эскадры из залива де-Кастри! Подобной вещи ещё не бывало в истории!

Потому ли это случилось, что командор есть *почтенный* капитан, или адмиралтейство полагает, что подобное происшествие не запятнает чести Англии? Прочь с такими нелепыми опасениями! Есть же *почтенные* капитаны (не по одному титулу), весьма достойные, доказывающие, что аристократия нашего отечества не лишена качеств, необходимых для героя. Преступления и ошибки случались и в те времена, когда мы были в войне со всем светом, но тогда все одинаково получали заслуженные наказания или замечания. Храбрый ветеран сэр Роберт Кальдер лишился начальства и был отозван за то, что не свершил невозможного и что, вступив с неприятелем в сражение, отнял у него только два корабля. Наша морская слава не нуждается в столь строгих мерах. Если капитаны или офицеры окажутся слишком осторожными, то пусть о них скажут, что они, выражаясь учтиво, ошиблись в своём деле, но за то пусть и оставят они службу, которая не допускает нерешимости и застенчивости в офицерах. Флот требует отважных (*bold*), дерзких (*brazen-faced*) ребят, которые, подобно хорошо откормленной собаке, не бросаясь на каждую дрянь, никогда не пропускали бы случая, если к тому будут вызваны, задержать противника и повалить его на собственной его палубе. Не таковы, как кажется, свойства

кротких и любезных джентльменов, которые командуют отрядами в китайских водах. Сэр Джемс Стирлинг благороден и хитёр наполовину. Он отстранил капитана Калагана (Callaghan) и вверил эскадру командору Эллиоту для отыскания русской эскадры, — начальнику менее бдительному и более угодливому. Между тем, неприятельская эскадра цела и может в любое время выйти из Амура и броситься на наши богато нагруженные суда!

Мы надеемся, что эти слова не ускользнут от внимания независимых и самостоятельных членов парламента старых времён, и что сэр Джемс Стирлинг и командор Эллиот будут отозваны и подвергнуты военному суду.

Морской сборник, 1856 г., № 2

Первые краткие сведения о посещении англичанами порта Аян в июне и июле 1855 г. (выписка из частного письма в Иркутск)

Селение Аян основано Российско-Американской компанией в 1843 г. как начальный пункт нового тракта, связывавшего Якутск с охотским побережьем. Находилось на берегу Охотского моря в широте $56^{\circ}27' N$ и долготе $156^{\circ}6' O$. С 1845 г. здесь располагалась Охотская фактория РАК, статус порта получен в 1846 г. С 23 октября 1846 г. по 15 февраля 1850 г. командиром Аянского порта был В. С. Завойко, вначале капитан 2-го, затем 1-го ранга. С 1850 по 1856 г. командиром порта служил капитан-лейтенант А. Ф. Кашеваров.

До 2 июня мы жили спокойно, потому что залив был покрыт сплошным льдом, который только 2-го числа разломало и, не смотря на то, что лёд ещё не унесло в море, четыре судна пробирались в залив и к ночи того же числа стали на якорь. Суда эти были американские китобои, и они сообщили нам, что в Охотском море крейсирует англо-французская эскадра, состоящая из 14 судов, которая будто бы уже была в Камчатке, но, к удивлению, не нашла там ни одной души, и все здания были пусты. Куда все ушли, неизвестно. Тогда эскадра, как рассказывают, сожгла здания и стоявшее на рейде русское китобойное судно «Аян» и потом направилась к Сахалину.

Со 2 по 27 июня ежедневно приходили и уходили китобойные американские суда, а из Аяна все семейства выехали, а равно вывезено и всё имущество, остались в порте только мы одни — военные.

27 июня в два часа пополудни на дальнейшем пикете раздался ружейный выстрел, означавший, что показалось судно, вслед за тем раздалось ещё два выстрела, значит, подходили к порту военные суда. Тогда в порту всё зашевелилось, все взялись за трубы и рас-

сыпались по возвышениям. В три часа увидели, что подходившее к порту судно был трёхмачтовый пароход, вдали же на горизонте виднелись ещё два фрегата. Пароход, поравнявшись с первым американским китобойным судном, поднял английский флаг, вошёл на рейд и, ставши на якорь, спустил шлюпку, которая, осмотрев суда и промерив залив, по данному с парохода сигналу возвратилась к нему. Пароход, подняв шлюпку, снялся с якоря и ушёл по направлению к фрегатам. Ночь заставила нас прекратить наблюдение, а рассвет открыл нам пришедших в Аян гостей — два 60-пушечные фрегата и пароход-фрегат стояли уже на якорю, мы оставались в порту, но лишь только пароход стал спускать свои десантные боты на воду, мы на основании распоряжения высшего начальства вышли из Аяна и расположились на заранее выбранных местах, откуда весьма хорошо наблюдали за всем, что делал неприятель, который, пробыв здесь до 5 июля, ушёл в море.

О пребывании неприятеля в Аянском порте скажу вам только то, что он то высаживал десант, то наливался водою, то возил дрова, а мы следили каждый его шаг, и некоторые из казаков подползали, даже весьма близко, к неприятельским караулам и слышали очень хорошо весь разговор, которого, к сожалению, не понимали, и однажды в глазах англичан унесли казачью шинель, забытую при выходе из порта. 3-го числа, когда большая часть судов ушла в море, наши были в Аяне, где встретили двух американских купцов, которые привозили продовольствие для Камчатки (по переписке, имеющейся в Генеральном штабе, известно, что в минувшем 1854 г., действительно, контр-адмирал Завойка заусловил американских купцов привезти некоторые предметы продовольствия в Камчатку в апреле или мае месяцах текущего, 1855-го, года), но, узнав, что там нет никого, пришли в Аян, где и сложили свой товар, а суда отправили в море на промыслы китов. Эти американцы передали нам прокламацию.

Морской сборник, 1855 г., № 10

Официальные донесения о действиях английской эскадры в порте Аяне в июне и июле 1855 г.

Рапорт командира Аянского порта капитан-лейтенанта Кашеварова
генерал-майору Венцелю от 5 июля 1855 г.

Имею честь донести вашему превосходительству, что 27-го числа июня пришла в Аянский залив английская эскадра под начальством командора Фредерика, состоящая из двух парусных фрегатов

и одного парохода-фрегата. Из этой эскадры пароход и один фрегат 3 июля ушли в море, а другой фрегат сего числа снялся с якоря и стал лавировать в виду берегов. Об убытках, причинённых неприятелем порту, я почтительнейше донесу вашему превосходительству по приведению комиссией этого в известность. Причём имею честь присовокупить, что как воинские чины, так и жители порта, согласно с инструкцией его высокопревосходительства господина генерал-губернатора, вышли из Аяна. И вместе с тем имею честь приложить копию с прокламации командира английской эскадры к жителям порта и подробности о действиях неприятельской эскадры.

Подробности о действиях неприятеля в Аяне. Ещё до открытия навигации на всех выдавшихся в море и возвышенных местах были поставлены пикеты для наблюдения за всеми идущими с моря в порт судами. Со 2 июня, то есть со дня прихода первого китоловного и до 27 июня ежедневно приходили и уходили из порта американские китоловные суда. Командиры этих судов сообщили, что английская и французская эскадра уже в Охотском море.

27 июня около трёх часов пополудни у внешнего мыса показался трёхмачтовый пароход-фрегат, идущий прямо в Аянский порт. Подойдя к первому китобойному судну, он поднял английский флаг и спустил вооружённую шлюпку. Удостоверясь, что это пароход неприятельский, я приказал всем жителям порта перейти гору и расположиться на речке Аянке. В это же самое время лейтенант Сгибнев, расположившись с воинскими чинами на горе, чрез которую проведена дорога из Аяна, следил за действиями неприятеля. Пароход, пройдя под кормою у трёх первых с моря китобойных судов, вероятно для допросов, стал у Ларги на якорь. Шлюпка же, сделав промер вдоль всего залива, отправилась на четвёртое китобойное судно. В шесть часов вечера, по возвращении шлюпки на пароход, он снялся с якоря и ушёл в море по направлению к открывшимся на горизонте двум фрегатам, фрегаты при попутном ветре быстро приближались к пароходу. Темнота ночи заставила прекратить наблюдения за неприятелем.

Пользуясь темнотою, я с 26 человеками компанейских служителей и с 30 лошадьми отправился в порт, желая ещё что-либо оттуда вывезти, в чём несколько и успел. В двенадцать часов ночи я приказал аянскому полицмейстеру со всею компанейскою командою отправиться ко второму сборному пункту, а в час ночи и воинским чинам в числе 45 человек, расположенным на горе, приказал также отправиться к сборному пункту.

28 июня пришли два неприятельских фрегата и стали на якорь у Внешнего мыса. Пикеты наши, согласно с данными им инструкциями, присоединились к отряду. В разных пунктах свезён неприятельский десант. Неприятель наливается на Алеутском озере водою и рубит дрова. К вечеру жители и воинские чины отступили к месту хранения казённого и компанейского имущества, где хранится и всё продовольствие.

29 и 30 июня неприятель запасается на Алеутском озере дровами и водою. В самом порте и окрестностях высажен десант, партиями не менее ста человек в каждой; делают рекогносцировку, съёмку, астрономические наблюдения и промер залива. Из порта свозят на фрегаты доски и строевой лес, гини и прочие материалы, принадлежащие Российско-Американской компании, которых не успели скрыть. В разных пунктах слышали выстрелы из ружей, а с парохода был сделан один пушечный выстрел.

На кошке собирался из частей новый железный пароход. Чтобы скрыть его от неприятеля, он был спущен в нарочно вырытую для этого яму и нагружен разным железом и кровельной бумагой; но прибытие неприятеля не позволило окончательно зарыть пароход. К вечеру 30-го числа в этом пароходе неприятель жёг палубу и бумагу. В продолжение этих двух суток на рейде стояло шесть судов, из коих три неприятельские, одно китобойное американское судно, а на остальных двух нельзя рассмотреть флагов.

1 июля те же суда на рейде. На берегу никого не видно. Слышен был один пушечный и несколько ружейных выстрелов. Зажжённый пароход и бумага тлеют. Вновь строящаяся шхуна и здания порта в целости. Поставлен пикет на речке Уе (Улье? — *Ред.*), состоящий из урядника и четырёх казаков, для наблюдения за неприятелем, чтобы, сделавши высадку, он не мог явиться неожиданно и тем отрезать отступление нашему отряду.

2 июля в порт свезён десант. Два ружейных часовых стоят на пристани.

3 июля около двух часов пополудни пароход и один фрегат ушли в море на *S*. Вслед за тем ушли остальные суда, исключая одного фрегата. Десанта в порт нет. Урядник с казаком из ближайшего к порту пикета ходили в порт, где встреченные ими два американца передали прокламацию начальника английской эскадры к жителям порта. Прокламация была тотчас же мне доставлена.

Два компанейских баркаса и одна однолючная байдарка уведены неприятелем на фрегат.

4 июля на рейде стоял один только неприятельский фрегат. Служащий в конторе компании рижский гражданин Гальшерт, знающий английский язык, был с казачьим урядником в Аяне, как для личного объяснения с американцами, так и для осмотра порта. К вечеру он донёс, что во всех зданиях, даже и в церкви, замки сломаны. Американцы передали ему, что для взрыва парохода было употреблено 100 фунтов пороху. Носовая часть у парохода повреждена, впрочем, как вновь строящаяся шхуна, так и здания порта целы.

5 июля в полдень и последний фрегат снялся с якоря и стал лавировать около берегов. По отходе неприятеля, тот же час назначена мною комиссия для приведения в известность потери компанейского имущества, нанесённой неприятелем.

Прокламация. Жители Аяна, не опасайтесь возвратиться к вашим жилищам: никакого вреда не будет сделано ни вам, ни им; с тем, однако ж, чтобы такого не сделано было партиям, занимающимся запасением дров и воды для кораблей. Всё частное имущество, за исключением кораблей и судов, будет строго уважаемо.

Чарльз Фредерик, командующий
английской эскадрой

Аян, 9 июля 1855 г.

Морской сборник, 1855 г., № 9

Официальное известие о вторичном посещении порта Аян английской эскадрой в июле и августе 1855 г.

После ухода из Аянского порта неприятельской эскадры 6-го числа июля отправлена была туда начальником порта, капитан-лейтенантом Кашеваровым комиссия, состоявшая из аянского портового врача, лекаря Шишкевича, помощника правителя аянской портовой конторы господина Фрейберга, содержателя аянских компанейских магазинов господина Чагина, служащего в Российско-Американской компании рижского гражданина Гальшерта и аянского полицмейстера Попова, для обозрения церкви и всех компанейских зданий, и для приведения в известность убытков компании, произошедших от расхищения оставшегося в порте имущества.

По возвращении комиссии отправились в порт в силу прокламации командующего английской эскадрой капитана Фредерика на жительство: прибывший из Якутска преосвященный архиепис-

коп Иннокентий со свитою, помощник правителя аянской портовой конторы господин Фрейберг, содержатель аянских компанейских магазинов господин Чагин и 16 компанейских служителей. Вслед за ними отправился и капитан-лейтенант Кашеваров со служащим в компании господином Гальшертом, где и прожил с 11 по 21 июля, то есть до дня вторичного появления неприятеля в Аяне. По прибытию же неприятеля остались в Аяне по собственному желанию преосвященный архиепископ Иннокентий со свитою, и как агент Российско-Американской компании господин Фрейберг с содержателем компанейских магазинов господином Чагиным и тремя компанейскими служителями, а капитан-лейтенант Кашеваров отправился на третью версту от порта, где был сборный пункт при первом появлении неприятеля. Вечером того же дня приехал туда из порта господин Фрейберг после личных переговоров с командующим вновь прибывшей неприятельской эскадры, коммодором Эллиотом.

К вечеру 22 июля, когда неприятель начал посещать окрестности порта, капитан-лейтенант Кашеваров отправился к складочному магазину, где ежедневно получал известия из Аяна от господина Фрейберга, находившегося там для личных сношений с неприятелем и возможного сохранения остатков компанейского имущества и самых зданий.

По донесению капитан-лейтенанта Кашеварова от 28 июля, обращение неприятельских старших офицеров с преосвященным Иннокентием до сего числа было почтительно. Получив его разрешение посещать нашу церковь, неприятели ведут себя в ней благочестиво. Относя это влиянию преосвященного, капитан-лейтенант Кашеваров просил его высокопреосвященство продлить, сколь возможно, своё пребывание в Аянском порте. Отношения же неприятельских властей к господину Фрейбергу, как агенту Российско-Американской компании, продолжают по-прежнему вежливые.

Все нижние воинские чины порта отошли под командой лейтенанта Сгибнева от Аяна на 16-ю версту и находятся от места пребывания капитан-лейтенанта Кашеварова в трёх с половиной верстах по дороге в Якутск.

Из сведений, доставляемых господином Фрейбергом, капитан-лейтенант Кашеваров составил журнал, при сем прилагаемый.

21 июля прибыли на Аянский рейд два английских фрегата, один в полдень, а другой — около пяти часов вечера и бросили якорь на внешнем рейде; в тот же день съезжал на берег командующий эскадрой. Все лица, бывшие по делам компании в Аяне, до

прихода судов ушли, а, основываясь на прокламации капитана Фредерика, остались в Аяне: преосвященный архиепископ Иннокентий со свитою, помощник правителя аянской портовой конторы Российско-Американской компании господин Фрейберг, содержатель компанейского пакгауза П. Чагин и трое компанейских служителей. Командующий эскадрой съехал на берег, и встреченный господином Фрейбергом, как агентом Российско-Американской компании, объявил, что прокламация капитана Фредерика будет до тех пор уважаема, пока в Аяне не будет военных людей.

22 июля утром неприятельские офицеры объявили господину Фрейбергу, что им положительно известно, где именно зарыты пушки и даже частное имущество, а потому просили его указать, где спрятано имущество, чтобы оно при отрывании не пострадало. Господин Фрейберг отвечал, что он об этом не знает, потому что последнее время был в отсутствии из порта. В этот день было высажено на берег до четырёхсот человек десанту, и начали рыть огороды на Аянке для отыскания пушек, и к вечеру кончили работу, не дойдя до них. Во всё время работы и до вечера неприятелем были везде расставлены пикеты.

В четыре часа после полудня пришёл английский пароход-фрегат *Barracouta*, командир Стирлинг, имея на буксире бриг под бременским флагом. Вечером получено от лейтенанта Мусина-Пушкина письмо (см. ниже) на имя агента Российско-Американской компании в Аяне, из которого видно о взятии в плен неприятельским пароходом *Barracouta* семи офицеров, трёх чиновников, священника и 265 человек нижних чинов из числа экипажа фрегата «Диана», погибшего у японского берега. Помянутые офицеры и нижние чины шли на бременском бриге «Грето» в Аян.

По словам английских офицеров, генерал-адъютант Путятин с некоторыми офицерами и частью команды достиг Николаевского поста и отправился вверх по Амуру. В тот же день узнано от неприятеля об участии компанейского брига «Охотск», отправленного из Аяна 22 июня. По рассказам видно, что бриг «Охотск» нагнан был неприятельским пароходом, подходя к Николаевскому посту, откуда на встречу брига выслан был с берега баркас под командою офицера Ворончанова (вероятно, штурманского поручика Воронина). Баркас, увидя гнавшийся за бригом пароход, воротился назад, а команда «Охотска», сев на свои шлюпки, отвалила от брига, на котором вскоре последовал взрыв. Из команды брига «Охотск» на одной из шлюпок взяты в плен 14 человек без коман-

дира брига шкипера А. Юзелиуса; остальная команда достигла берега и тем избежала плена.

Неприятельские офицеры повторили уверения, что все находящиеся в Аяне компанейские лица и имущество компании совершенно безопасны, покуда здесь не будет ни одного военного человека. К восьми часам вечера все отправились на свои суда.

23 июля. Пушек сегодня не отыскивали; на пароход *Barracouta* взята часть казённых дров, лежавших на берегу. С пароходом передали нам на берег из числа взятых в плен с фрегата «Диана» 21 матроса (больные), доктора Кролевецкого и священника Махова; больных провожал на берег лейтенант Мусин-Пушкин, который довольно долго пробыл один у преосвященного. На пристани дожидались его неприятельские офицеры, с которыми он и отправился обратно на пароход. Неприятельские суда наливались водою, запасались дровами и мыли бельё. За уважение французами прокламации капитана Фредерика англичане ручаются неутвердительно.

24-го. Пароход *Barracouta* в ночь с 23-го на 24-е ушёл в Гон-Конг, взяв с собою лейтенантов Мусина-Пушкина и Шиллинга, надворного советника Гошкевича и 95 человек пленной команды, имея на буксире бременский бриг «Грето», шкипер Таулов. Сегодня узнано, что стоящие на аянском рейде фрегаты называются *Sibille*, коммодор Эллиот, и *Spartan*, капитан Гост. Для больных свезли на берег рису, куриц, тюфяки, халаты, аптеку и прочее; больные помещены в аянской портовой больнице. Коммодор лично передал господину Фрейбергу коробочку с дагеротипным женским портретом и разными принадлежностями женского туалета, извиняясь, что она нечаянно захвачена вместе с воинскими вещами в заливе де-Кастри, и прося передать её по принадлежности.

Команда брига «Охотск», взятая в плен, не будет выдана. Вечером ловили в заливе рыбу, предупредив об этом господина Фрейберга. Пушек сегодня не отыскивали.

25 июля. Сегодня коммодор осматривал места, где отыскивали пушки, что там делали, не видно было из порта. Коммодор очень скоро возвратился назад и больше туда не ездил. Он осматривал также больных в госпитале и нашёл их удобно помещёнными. Старший лейтенант фрегата *Sybille*, съехав на берег, объявил господину Фрейбергу, что по приказанию коммодора он должен осмотреть, что находится в компанейских магазинах, и что от этого будет зависеть их сохранность. Он осматривал магазины один с доктором, который записывал, что в них нашли, оттуда изъято ими три банки

сажи голландской. Тот же лейтенант объявил господину Фрейбергу, что он должен сжечь строящуюся в Аяне компанейскую шхуну. Господин Фрейберг предложил ему дать подписку именем Российско-Американской компании, что шхуна не будет достроена до окончания настоящей войны. Лейтенант согласился взять подписку для представления её на разрешение коммодора и, приехав после обеда, сказал, что коммодор согласился на предложение господина Фрейберга. Величина компанейских магазинов показалась им подозрительной, но, как кажется, господину Фрейбергу удалось убедить, что эти магазины не только не велики, но ещё слишком малы для потребностей компании, в доказательство чего указал на вновь строящийся магазин и устроенный навес между магазинами. Удостоверения эти приняты неприятелями в уважение. Объявили, что возьмут все компанейские якоря, но по просьбе господина Фрейберга согласились оставить два для потребностей порта. Взято неприятелем немного железа, досок, кузнечный мех, наковальня и другие кузнечные инструменты, а также тонкая цепь; что же сделано с пароходом, прежде уж «взорванным», в котором с полудня до вечера стучали, ещё неизвестно. Много офицеров съезжало на берег, и от них получено известие, что 26-го числа вечером фрегат *Spartan* отправится в море для привода в Аян двух фрегатов: английского и французского. Сегодня же получено открытое отношение, в копии при сем представляемое (см. ниже) от коммодора Эллиота господину якутскому губернатору о передаче в Аяне медика, священника и 21 человек матросов.

26 июля утром пикет с речки Уи дал знать, что рано утром слышны были с моря выстрелы, но судов, по причине тумана, не было видно. Из Аяна получено известие, что сегодня начали вторично отыскивать пушки, но ещё их не открыли. Прибыл из Аяна выпущенный из плена священник Махов. Около семи часов вечера пришёл на аянский рейд винтовой фрегат, неизвестно какой нации. Сегодня с неприятельских фрегатов свезено в порт много людей, вооружённых лопатами и ломачами. Офицер, бывший с ними, спросил господина Фрейберга, где зарыта посуда и вместе с нею что-то неизвестное? И просил указать место. На отрицательный ответ господина Фрейберга сказал, что он и сам знает, и отправился в город, прямо на гряды, под которыми была зарыта стеклянная посуда и ящики со стёклами, во избежание ломки при перевозке, а главное — по неимению сил и времени. Из открытой посуды взято ими неизвестно сколько, но сказали, что взяли по две тарелки на офицера, дав совет, чтобы посуду убрать в пакгауз, не ручаясь, чтобы она не пострадала от

ночных обходов. Господин Фрейберг имеет надежду получить прокламацию, обязательную и для французов.

27 июля. Вчера пришёл на рейд английский пароход-фрегат *Hornet*, капитан Форсит, тот самый, который был в заливе де-Кастри и доставил коммодору переданную уже коробочку. Французский фрегат тоже вблизи Аяна и должен быть к утру. От китоловов, бывших на вельботах в устье реки Уды, неприятель узнал, что прибыл туда на байдарке русский офицер. По предложению коммодора Эллиота отпущено для русских пленных десять дюжин тарелок и пятьдесят кружек. Неприятелем взят один якорь, немного досок и котельного железа; на Аянке были, но пушек не отыскивали. Небольшое расхищение посуды, дозволенное матросам, объясняется офицерами в виде вознаграждения за труды при отрытии. Английские офицеры объявили, что после прибытия французов только нальются водою, запасутся дровами и уйдут. Куда? Неизвестно.

Из приходивших на берег шлюпок матросы бежали всегда прямо к месту, где была зарыта посуда, но она в продолжение остальной части дня и ночью на 27-е число была вся перенесена в пакгауз, чему немало содействовала свита его высокопреосвященства.

Письмо лейтенанта Мусина-Пушкина на имя агента Российско-Американской компании

«Милостивый государь! Оставленный в Японии с частью команды погибшего фрегата «Диана», я зафрахтовал бременский бриг «Грето» для перевозки меня с офицерами и командой, мне вверенной, в порт Аян; но, по несчастию, захваченный 20 июля в Охотском море, в широте 52° военным английским пароходом *Barracouta* и приведённый им вчерашнего 22-го числа июля на здешний рейд. Я с прочими офицерами и командою объявлен военнопленным. Бриг же, нас перевозивший, признан призом. Вся команда размещена на английские суда и отправлена будет в Гон-Конг. Не получив разрешения самому лично донести начальству о моём плене, и пользуясь только позволением известить об этом вас, я прошу вас довести о постигшем нас бедствии как генерал-губернатору Восточной Сибири, так и генерал-адъютанту Путягину и командиру бывшего фрегата «Диана» капитан-лейтенанту Лесовскому. Если есть письма на имя офицеров, список которым прилагаю, то будьте так добры, потрудитесь эти письма чрез вручителя сего письма.

Старший офицер погибшего фрегата
«Диана» *А. Мусин-Пушкин*

Р. С. По просьбе моей, из числа пленных получили свободу и уволены на берег: священник, доктор и больные матросы, числом 21 человек. Я же немедленно отправляюсь на пароходе *Barracouta* с лейтенантом Шиллингом, надворным советником Гошкевичем и 95 человеками нижних чинов.

Если есть какие газеты, то пришлите.

24 июля 1855 г.

Список взятых в плен офицеров:

36-го флотского экипажа лейтенант Мусин-Пушкин.

Гвардейского экипажа лейтенант Шиллинг.

20-го флотского экипажа мичман Зеленой (произведён в лейтенанты 3 ноября 1854 г.).

1-го флотского экипажа мичман Ковалевский.

18-го флотского экипажа мичман князь Урусов.

24-го флотского экипажа мичман Михайлов.

Корпуса штурманов подпоручик Ёлкин.

Служащий в Азиатском департаменте надворный советник Гошкевич.

Переводчик японского языка Прибылов.

Взято в плен нижних чинов 246 человек. Из них: на фрегатах *Sybillе* — 89 и *Spartan* — 62, на пароходе *Barracouta* — 95 человек.

Освобождены из плена: доктор Крелевецкий, священник Махов и 21 матрос.

Здоровье команды хорошее.

Её великобританского величества
корабль *Amphitrite*.
Аян, 9 июля 1855 г.

Милостивый государь! Имею честь препроводить при сем копию с прокламации, обнародованной мною по прибытии сюда, вчерашнего числа. Не имея других средств для доставления к вам сего документа, я вручил оный найденному мной здесь американскому гражданину, господину Наккэрду, который обещал озаботиться пересылкою оною к вам. Пока я остаюсь здесь, не будет нанесено вреда никакой собственности, кроме кораблей или судов «ships or vessels». Но я имею в виду воспользоваться нужным для эскадры небольшим количеством из запасов, найденных на железном пароходе. Если бы сверх этого оказалось, что часть имущества истреблена или разграблена, то это будет значить, что таковое истребление или похищение произведено после моего отбытия. По сим

соображениям, мне было бы весьма желательно, чтобы на месте находилось какое-нибудь уполномоченное вами лицо для наблюдения за тем, чтобы подобного ничего не случилось.

Препровождаю при сем же пакет с письмами, порученный мне для доставления к офицерам фрегата «Аврора».

Его превосходительству господину
губернатору Якутской области.

Имею честь быть, и проч. Карл Фредерик,
начальствующий великобританскою эскадрою
её великобританского величества,
корабль *Sybillе*.

Аян, 4 августа 1855 г.

Милостивый государь! Имею честь уведомить ваше превосходительство, что бывшего Его императорского величества фрегата «Диана» старший офицер и лекарь, взятые в плен вместе со многими другими офицерами и командою того же фрегата, одним из бывших в здешних морях кораблей её великобританского величества, просили моего разрешения на то, чтобы их больные были высажены на берег в Аяне.

Согласно просьбе этих офицеров, высадив на берег 21 человек из числа матросов «Дианы» в сопровождении собственного их лекаря и священника, я принял меры для удобнейшего их помещения в аянском госпитале.

Надеюсь, что ваше превосходительство изволите обеспечить выполнение единственного требования, которым я обусловил этот поступок, а именно, чтобы высаженным мною людям не было дозволено служить против союзников, впредь до правильного размена.

Его превосходительству господину губернатору Якутской области.

Имею честь быть, и проч.,
К. В. Эллиот, коммодор

Морской сборник, 1855 г., № 11

28 июля. На рейде три неприятельские фрегата. Ожидаемый французский фрегат ещё не пришёл. Неприателем увезено два баркаса дров. Особенного ничего нет.

29-го. С устья реки Уи (видимо, Ули. — *Ред.*) получено известие, что неприятельский баркас с десятью человеками пришёл к речке делать промер, взял из бывших тут компанейских неводов один и ушёл обратно на судно. Получено господином Фрейбергом

письмо на французском языке от командира английской эскадры командиру французской эскадры следующего содержания:

«Агент Российско-Американской компании господин Фрейберг, податель сего письма, дал мне расписку, что строящаяся в сем порте шхуна не будет достроена до окончания войны, и потому надеюсь, что вы, милостивый государь, как судно, так и всё прочее в сем порте оставите в том виде, в каком нашли».

Взяли из порта на пароход один якорь и несколько досок. Английский командир объявил господину Фрейбергу, что предатель, указавший место зарытия пушек, посуды и прочего Карл Люнд, матрос брига «Охотск», который объявил им, что он шведский подданный, и сам вызвался указать место зарытия пушек, но, вероятно, не знал его хорошо, потому что неприятель не нашёл. Получено известие, что три фельдшера 47-го флотского экипажа, отправленные на Амур на бриге «Охотск», в плену, что французская эскадра из шести судов отправлена в Ситху, и что французы не уважают нейтральности наших колоний.

30-го утром показался французский фрегат «Константина». В четыре часа стал на якорь. С пришедшего фрегата никого на берегу не было.

31-го неприятель занимался заготовлением дров и ловил рыбу. В полдень архиепископ выехал из Аяна к месту хранения компанейского и казённого имущества. Свезён на берег ещё один тяжело больной русский матрос. С французского судна все офицеры были на берегу. Пришло американское китоловное судно.

Августа 1-го. В семь часов утра английский пароход, взяв на буксир фрегат, ушёл в море. На рейде остались один неприятельский фрегат и американское китоловное судно.

2-го. На берегу французские офицеры; команда с фрегата ловила рыбу. Пушек не искали. Командир французской эскадры дал господину Фрейбергу на французском языке письмо командирам французских судов следующего содержания:

Фрегат «Константина»,
на аянском рейде,
13 августа 1855 г.

Господин командир! Предполагая, что в продолжение настоящей кампании вы можете зайти в Аян, считаю себя обязанным известить вас, что место сие найдено было беззащитным и оставлено своими жителями при входе английской эскадры под командой командира Фредерика, который, как лицо командующее, оставил прокламацию к жителям Аяна, приглашал их возвра-

тяться в свои жилища, обещая им, что лица их и собственность будут уважаемы. Эта прокламация не удовлетворила жителей против нашего появления, ибо с приходом англо-французской эскадры они вновь оставили свои жилища. Правила человеколюбия, изложенные в прокламации командира Фредерика, служили указанием командиру Эллиоту и мне. Я не сомневаюсь, что этими правилами будете и вы руководствоваться при тех же обстоятельствах. Примите, господин командир, уверение в моём почтительном уважении.

Подписал капитан корабля, командующий
Индо-Китайской эскадрой *Жарди-Де-Мотровель*

3 августа командиры и офицеры были на берегу, снимали виды окрестностей. Мичман князь Урусов был с ними. Французский фрегат расцвел флагами и салютовал два раза по двадцати одному выстрелу. По словам французов, англичане искали кроме пушек, миллион рублей казённых денег. Французы говорили, что им, хотя не трудно знать, где хранятся в земле пушки, но искать их считают унижительным действием. Взять их с батареи вооружённой рукой было бы другое дело. К вечеру фрегат ушёл в море. На рейде не оставалось ни одного неприятельского судна.

Выписка из частного письма Г. Н. Григорьева
к К. К. Венцелю от 27 августа

«...Спешу сообщить вам: утром сегодня приехал наш архиерей. На Аяне он получил известие от 14 июля, что Николай Николаевич прибыл на устье Амура 30 мая, а 7 мая пришёл туда же Завойка со всею командою из Петропавловска. Адмирал Путятин, возвращаясь из Японии после гибели “Дианы”, успел проскользнуть от англичан и пошёл вверх по Амуру. Может быть, когда получите это письмо, он уже у вас в Иркутске. В Аяне англичане искали пушек и добирались до пакгаузов компанейских, но, к счастью, ничего не нашли и в конце июля совсем ушли, сказавши архиерею, что пойдут в Охотск, где также нет ни души, потому что я с весны ещё велел исправнику всё казённое имущество вывезти за тридцать вёрст. Преосвященный говорит, что, по словам англичан, в тех морях пятьдесят семь судов, и что они шли отомстить за прошлогоднюю чёску, которую задал им Завойка».

Морской сборник, 1855 г., № 12